

STUDII – ИССЛЕДОВАНИЯ – RESEARCHES

Сергей Коваленко, Теодор Обадэ, Летисия Демэй

Некоторые итоги исследования «жилых структур» на верхнепалеолитической стоянке Климэуць II в Среднем Поднестровье

Keywords: Moldova, Middle Dniester area, Upper Palaeolithic, Climausy II site, dwellings, bones of mammoths, lithic industry.

Cuvinte cheie: Moldova, Nistrul Mijlociu, paleoliticul superior, stațiunea Climăuți II, locuințe, oase de mamut, inventar litic.

Ключевые слова: Молдова, Среднее Приднестровье, верхний палеолит, стоянка Климэуць II, жилища, кости мамонтов, каменный инвентарь.

Serghei Covalenco, Teodor Obada, Laëtitia Demay

Results of the study of “residential structures” on the Upper Palaeolithic site of Climăuți II in the Middle Dniester region

Successful field work at the site Climăuți II in 1989 and 2017 allowed to identify the remains of a residential ground construction (complex 1), investigated in its entirety, and a small section of the ring conglomeration of bones, skull and mammoth tusk (complex 2), comparable to the „residential structure”. For the second complex, studied in 2017, data were obtained indicating two levels of occurrence of the finds, which form the proposed socle and socle cover. In addition, the stratigraphy characteristic of the central part of the site is traced, and a collection of stone artifacts from two cultural layers is collected.

Serghei Covalenco, Teodor Obada, Laëtitia Demay

Rezultatele studiului „structurilor de locuire” din situl atribuit paleoliticului superior Climăuți II de pe Nistrul Mijlociu

Pe parcursul săpăturilor efectuate la stațiunea Climăuți II în anii 1989 și 2017, au fost cercetate integral resturile unei construcții terestre (complexul 1) și un mic sector unde se afla o aglomerație circulară de oase de mamut, inclusiv de la craniu și fildeși (complexul 2), determinat drept o „structură de locuire”. În ceea ce privește al doilea complex, depistat în anul 2017, au fost obținute date care mărturisesc despre două niveluri de poziționare a pieselor, care formează soclul și căptușeala de consolidare a soclului. Suplimentar a fost descrisă stratigrafia caracteristică pentru partea centrală a stațiunii, a fost colectată o colecție de artefacte litice din nivelul cultural superior.

Сергей Коваленко, Теодор Обадэ, Летисия Демэй

Некоторые итоги исследования «жилых структур» на верхнепалеолитической стоянке Климэуць II в Среднем Поднестровье

При проведении раскопок на стоянке Климэуць II в 1989 и 2017 гг. были исследованы остатки жилого наземного сооружения, изученного целиком (комплекс 1), и небольшого участка кольцеобразного скопления из костей, черепа и бивня мамонта (комплекс 2), определяемого в качестве «жилой структуры». Для второго комплекса, выявленного в 2017 г., были получены данные, свидетельствующие о двух уровнях залегания находок, образующих цоколь и цокольную обкладку. Дополнительно была описана стратиграфия, характерная для центральной части стоянки, и собрана коллекция каменных артефактов из верхнего культурного слоя.

Первые сведения о находках крупных костей животных в центре с. Климэуць де Жос (Climăuți de Jos) района Шолдэнешть Республики Молдова поступили в конце февраля 1989 г. Прибывшие на место находок палеозоологи Т.Ф. Обадэ и О.В. Редкозубов установили, что при проведении

строительных работ, было нарушено скопление из нескольких черепов и трубчатых костей мамонта. В ходе их расчистки Т.Ф. Обадэ были выявлены отдельные кремневые предметы с признаками преднамеренной обработки. Несколько позже факт присутствия палеолитических находок среди скопления костей подтвердил известный молдавский археолог И.А. Борзияк [Borziak 1990], который ор-

ганизовал спасательные археологические раскопки на открытой стоянке, обеспечил проведение геологических, палинологических, археозоологических исследований и радиоуглеродного датирования [Borziac et al. 1992a; Obadă, David, Borziac 1994; Borziac, Chirica, David 2007].

Особое внимание было уделено изучению планиграфии верхнего культурного слоя этого памятника и, прежде всего, остаткам «жилого сооружения», расположенного на месте кольцеобразного скопления специально отобранных и уложенных костей, черепов и бивней мамонтов. По мнению И.А. Борзияка, такого рода округло-овальное образование диаметром в 9,5-10 м, окруженное по периметру крупными костями мамонта (рис. 1,1) [Obadă, Borziac 1996, 56-60], представляло собой разновидность наземного жилища [Borziac et al. 1992b, 77; Borziac, Obada 1999, 298-299, 294], в общих чертах сходного с жилищами, обнаруженным на стоянках верхнего палеолита в среднем течении Днепра, Десны и Дона [Pidoplichko 1969; Shovkoplias 1965; Rogachev, Anikovitch 1984, 189-195]. Вместе с тем И.А. Борзияк полагал, что по своим конструктивным особенностям оно тяготеет к более примитивным прототипам хозяйственно-бытовых сооружений среднего палеолита [Borziac et al. 1992a, 35], в частности, открытым в

слое 4 стоянки Молодова 1 [Chernysh 1982, 20-27] и на стоянке Кетросы [Anisiutkin 2013, 135-138].

По нашему мнению, такой вывод можно воспринимать лишь условно, так как структура климэуцкого жилища включает в себя целый ряд конструктивных элементов свидетельствующих, об его оригинальности, индивидуальности и дифференцированности. Так, в составе этого объекта наблюдаются три основных блока «жилой структуры»: две внутренние камеры, ориентированные по линии северо-восток – юго-запад, и вход в виде тамбура (рис. 1,2), перед которым в период обитания на стоянке велась интенсивная хозяйственно-производственная деятельность. Не исключено, что каждая из камер перекрывалась по отдельности разными полами, а сами камеры разделялись перегородкой, фиксированной крупными известняковыми камнями. Диаметр дальней от входа камеры имел не менее 4 м, а смежной с тамбуром – 4,5-6 м. Количество находок внутри них было на порядок меньше, выявленных на привходовой площадке. По периметру этой «жилой структуры» отмечено ограждение, включающее продольно уложенные кости, иногда расположенные группами параллельно друг другу, которые в сочетании с известняковыми и песчаниковыми камнями до 20-45 см в поперечнике, исполняли роль цоколя и обкладки цоколя. Количество костей, залегающих поперечно краю отмечено несравненно меньше. Признаков их вертикального размещения практически нет. Единственная вертикально вкопанная бедренная кость мамонта зафиксирована лишь на границе обеих камер, по И.А. Борзияку, являвшаяся основой для центральной опоры [Borziac et al. 1992a, 35]. Допустимо предположение о частичном углублении северного участка жилища с целью выравнивания поверхности. Именно на этом участке наблюдается стыковка и наложение культурных остатков непосредственно на материковую скалу. Особое оформление цоколя отмечено на его южной окраине, граничащей с входом. Оно состояло из семи черепов мамонта, расположенных полукругом через каждые полметра, вкопанных носовыми трубками наружу, в отдельных случаях с сохранившимися обломками бивней внутри альвеол [данные отчета – Borziac 1990, 9]. Вход в жилище шириной до 2 м выделен тремя парами бивней, вероятно, вставленных в специально подготовленные ямки, фиксируемых берцовыми костями мамонта, с отверстиями совпадающими по размерам с альвеольной частью этих бивней. Полноценного очага обнаружено не было, хотя в центральной части скопления наблюдалось небольшое углистое пятно.

В том же 1989 г. при прокладке коммуникаций в 12-15 м к северо-востоку от границ изученного

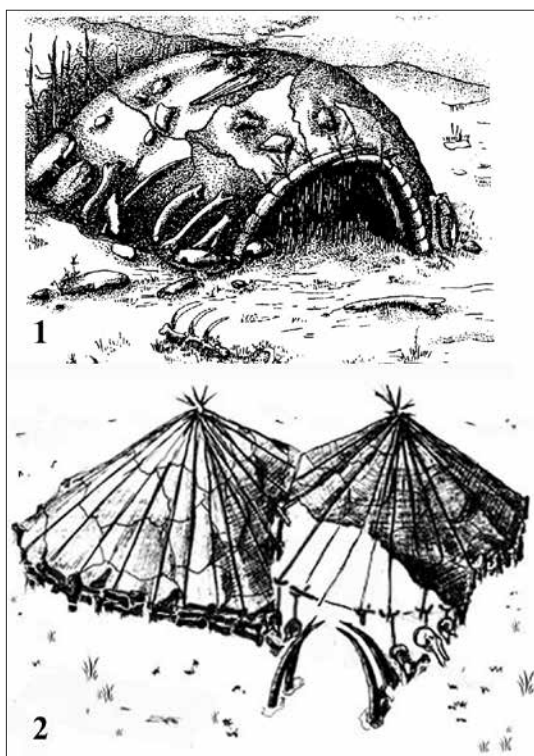

Рис. 1. Реконструкция жилища со стоянки Климэуць II по И.А. Борзияку (1) и С.И. Коваленко (2).

Fig. 1. Reconstruction of the dwelling from the settlement of Climăuți II for I.A. Borziac (1) and S.I. Covalenco (2).

жилища было прослежено второе крупное скопление костей мамонта. В 2017 г. был предпринят поиск остатков этого местонахождения, инициированный палеозоологами Т.Ф. Обадэ и Летисией Демэй. С этой целью к востоку от здания второго блока детсада был заложен шурф размером 2x1 м и глубиной более 1,5 метра, позволивший выявить следующую стратиграфию (рис. 2):

I. Чернозем с известняковым щебнем, насыщенным при выравнивании современной дневной поверхности, мощностью 20-25 см;

II. Суглинок серого цвета с бурым оттенком, сформированный на основе переработанных позд-

неледниковых отложений и представленный плотным осветленным комковатым грунтом, с признаками иловатости, с включениями известнякового щебня, с четко выраженными границами, мощностью 10-15 см;

III. Суглинок желто-коричневый лёссовидный, пронизанный многочисленными корнеходами, червеходами и кротовинами, без выраженной слоистости, плотный, в северной части нарушенный поздним перекопом, с остатками культурного слоя I занимающих верхнюю треть этих отложений, чья общая мощность составляет около одного метра;

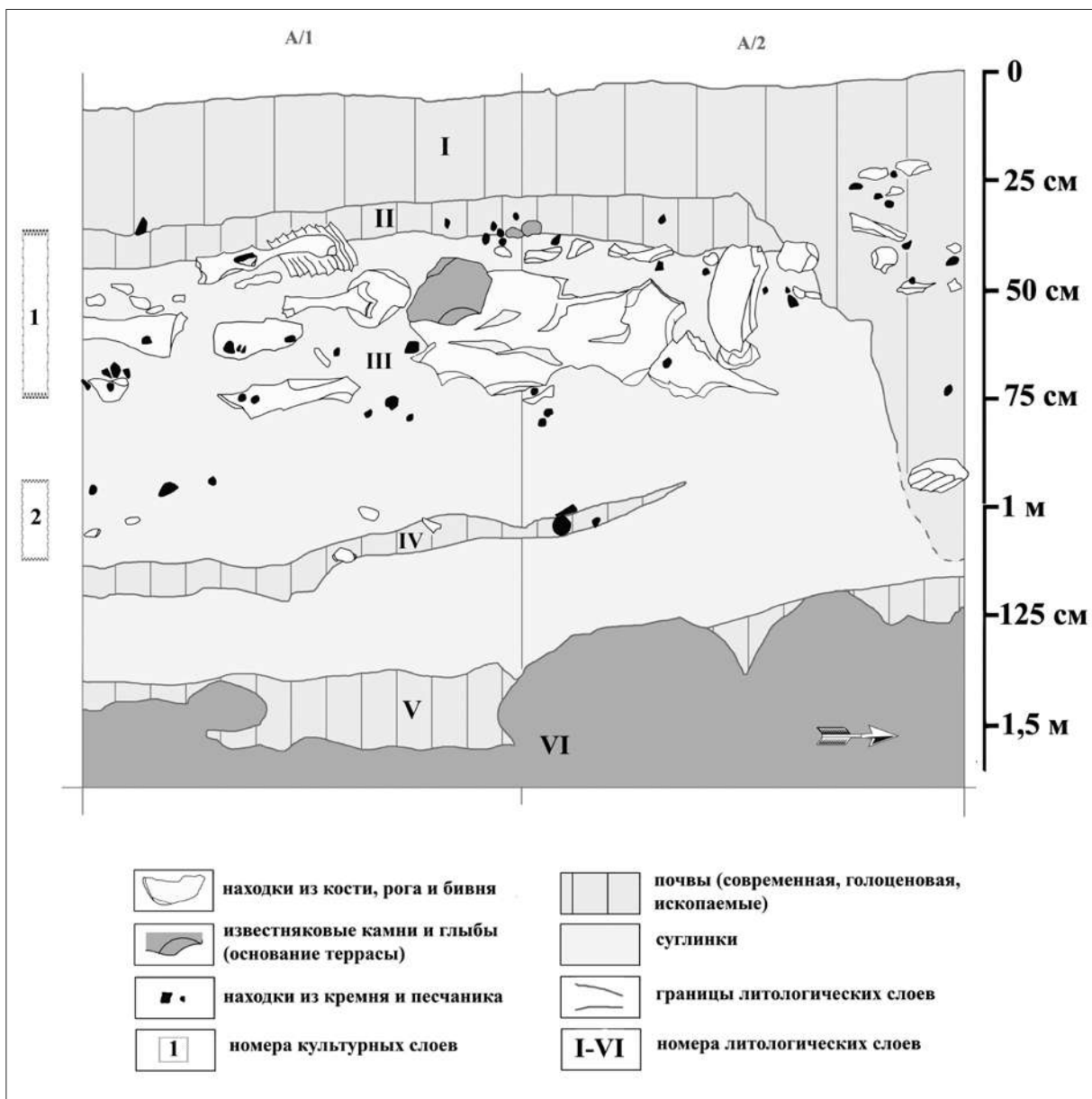

Рис. 2. Стратиграфия на месте второго скопления костей мамонта по шурфу 2017 г. с вертикальной проекцией основной части находок.

Fig. 2. Stratigraphy on the site of the second accumulation of mammoth bones in excavation in 2017 with a vertical projection of the main part of the finds.

IV. Ископаемая почва на стадии формирования, выклинивающаяся к северу, выделяемая по светло-серой окрашенности, меньшей плотности, с включениями окислов марганца, окрашивающими в темный цвет находки костей из второго культурного слоя, без четких границ, мощность которого, как правило, не превышает 10 см;

V. Суглинок коричнево-рыжеватой тональности, более рыхлый, чем перекрывающие его желто-коричневые отложения, заполняющий неровности поверхности в каменном ложе террасы, на отдельных участках мощностью 20-25 см;

VI. Предполагаемое основание третьей надпойменной террасы в виде крупных блоков ракушечника, образующих крайне неровную поверхность.

В описании разреза нашли отражение характер и последовательность напластований в центральной части стоянки. Нетрудно заметить их существенное отличие от стратиграфии, прослеженной вблизи ее восточной границы [Borziac 1998, 14-15; Pashenchiuk 2016, 224-225]. Это нашло отражение в меньшей мощности литологических отложений и слабо выраженной ископаемой почве. При этом разброс находок верхнего культурного слоя по вертикали составил 45 см, а его образование могло быть определено подготовкой некоей хозяйственной постройки или жилого сооружения. К сожалению, слишком малая площадь вскрытого культурного слоя в шурфе 2017 г. не дает оснований для однозначного суждения о типе некогда существовавшей здесь конструкции, хотя сложный порядок распре-

деления находок свидетельствует о присутствии некоей «жилой структуры». В этой связи желательно дать более подробную характеристику наиболее крупных находок из этого скопления (их номера по списку соответствуют номерам находок на планах раскопанного участка верхнего и нижнего уровней залегания – рис. 4,5):

1. Локтевая кость (*ulna*) мамонта найденная в западной части кв. А/1, на глубине 42-47 см, в горизонтальной проекции, с нарушенной и смещенной к северу верхней частью, ориентированная по линии восток-запад с небольшим уклоном к ЮВВ-СЗЗ, длиной около 66 см;

2. Плечевая кость (*humerus*) мамонта обнаруженная у границы кв. А-А¹/1, на глубине 43-47 см, расположенная горизонтально, ориентированная длинной осью строго по линии восток-запад, хорошей сохранности, эпифиз которой (отмеченный под №9) выявлен к юго-востоку на удалении 10 см, длиной более 45 см;

3. Лучевая кость предплечья (*radius*) сохранившаяся целиком, найденная в центральной части кв. А/1, на глубине 46-59 см, залегавшая горизонтально, ориентированная по линии ЮЗ-СВ, длиной до 45 см;

4. Трубчатая кость мамонта, вероятно, сохранившаяся целиком, расчищенная у южной части кв. А/1, на глубине 54-68 см, в горизонтальной проекции, ориентированная с ЮЮЗ на ССВ, длина расчищенной части которой составляет 25 см;

5. Крупный известняковый камень, залегавший в северо-западной части кв. А/1 на глубине

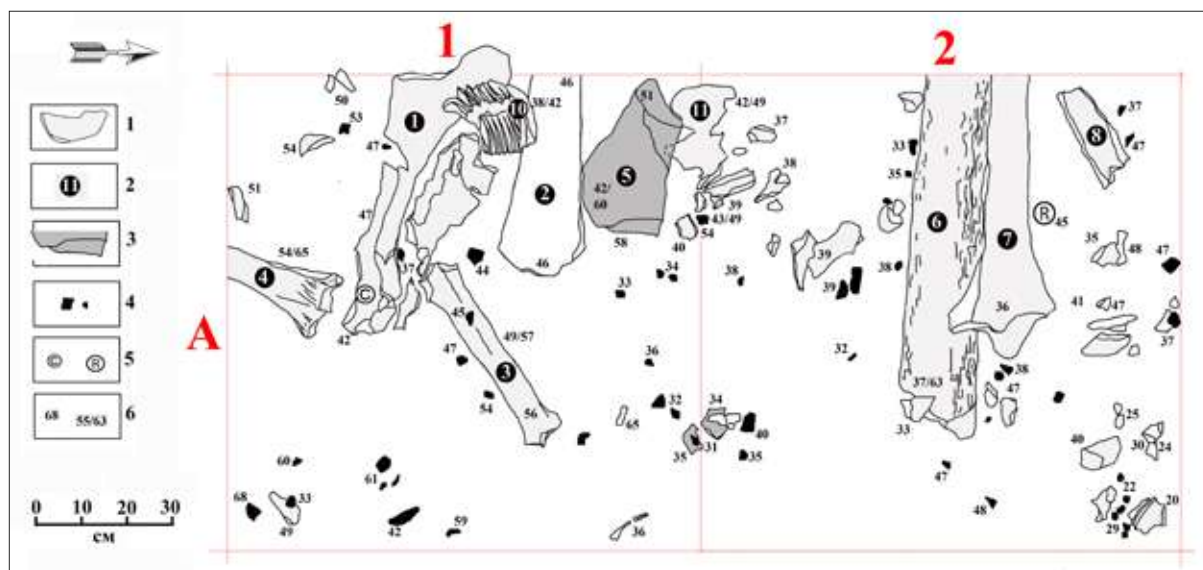

Рис. 3. План распределения находок в шурфе 2017 г. на верхнем уровне залегания первого культурного слоя. 1 - кости животных; 2 - номера находок; 3 - известняковые камни; 4 - кремневые предметы; 5 - угли и раковины моллюсков; 6 - отметки глубин.

Fig. 3. The plan for distribution of finds in excavation in 2017 at the upper level of occurrence of the first cultural layer. 1 - animal bones; 2 - numbers of finds; 3 - calcareous stones; 4 - flint finds; 5 - coals and shells of mollusks; 6 - depth marks.

42-68 см, выполненный из достаточно плотного ракушечника, с естественно сглаженной поверхностью, без каких-либо признаков утилизации, размером 35x26x15 см, найденный между плечевой костью (№2) и черепом (№11), с поворотом не менее чем на 10-15° от горизонтальной позиции;

6. Бивень (I 2) мамонта, занимающий центральную и западную части кв. А/2, верхний конец которого уходит на кв. А¹/2, с глубиной залегания от 37 до 63 см, плохой сохранности, представленный в виде мелких фрагментов сгруппированных и сохраняющих общую форму, ориентированного строго по линии восток-запад, дугообразно выгнутого кверху, с диаметром кососрезанного основания до 15 см;

7. Крупная локтевая кость (*ulna*) мамонта удовлетворительной сохранности, прослеженная в западной части кв. А/2 с продолжением на кв. А¹/2, выявленная на глубине 36 см (поверху) и 47-55 см (понизу), ориентированная строго по линии восток-запад, обнаруженная в соприкосновении с бивнем мамонта (с северной стороны), расчищенная часть которой имеет длину 60 см;

8. Фрагмент седалищной (*ischium*) кости, найденной в северо-западном секторе кв. А/2 в виде частично сохранившегося диафиза, расположенного горизонтально на глубине 47 см (понизу), ориентированный длинной осью по линии СВ-ЮЗ, размером – 23x9x3 см;

9. Эпифиз от плечевой (*humerus*) кости мамонта (№2) обнаруженный в центральной части кв. А/1 на глубине 55 см (верх) – 63 (низ), размером 20x10 см;

10. Крупный моляр (*M3 sin.*) от взрослой особи мамонта с остатками нижней челюсти, вы-

явленный в западной части кв. А/1 на глубине 38-47 см, по мнению Т.Ф. Обадэ, выломанного еще в древности, размером 20x15 см;

11. Остатки раздавленного черепа (*crâne*) взрослой особи мамонта, расположенного в юго-западном секторе кв. А/2 и северо-западном секторе кв. А/1, на глубине 42-73 см), плохой сохранности, растянутого по древней поверхности на участке размером 83x55 см;

12. Фрагмент лопатки (*scapula*) взрослой особи мамонта, найденный в северной части кв. А/1, на глубине до 75 см; со сбитым гребнем и частично надломленными краями, ориентированный длинной осью по линии ЮВ-СЗ, расположенный в горизонтальной проекции, примыкая с южной стороны к обломкам черепа, размером 75x15 см;

13. Плечевая кость (*humerus*) в виде фрагмента, хорошей сохранности, хотя и с утраченным диафизом, найденная в восточной части кв. А/2, на глубине 57-73 см, расположенная горизонтально с ориентацией длинной стороной по линии СВ-ЮЗ, размером 46x22x15 см;

14. Бедренная кость (*femur*) мамонта выявлена (в западной части кв. А/2, на глубине 55-65 см), основная часть которого уходит на кв. А¹/2, хорошей сохранности, вероятно, ориентированная по линии восток-запад, длина видимой части которой 12 см;

15. Фрагмент ребра (*costae*) мамонта, расчищенного на границе кв. А/1 и А/2, на глубине 59-72 см, расположенного под наклоном, от которого сохранилась проксимальная часть, длиной более 15 см.

Предположение об использовании крупных трубчатых костей, бивня, черепа и единичного известнякового валуна в качестве элементов кон-

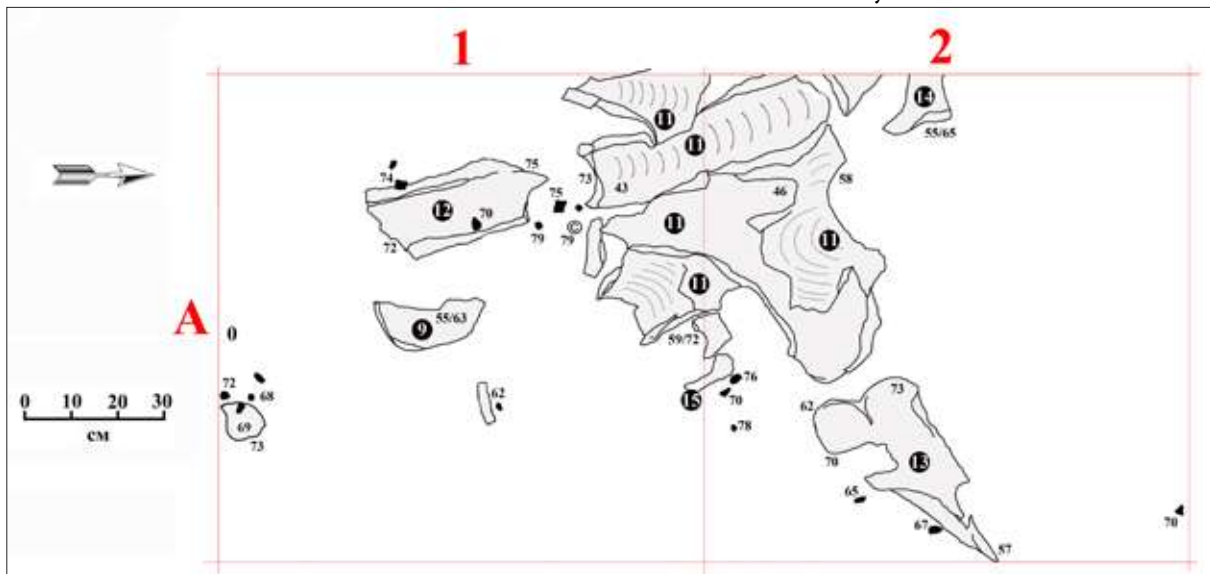

Рис. 4. План распределения находок в шурфе 2017 г. на нижнем уровне залегания первого культурного слоя.

Fig. 4. The plan for the distribution of finds in excavation in 2017 at the lowest level of occurrence of the first cultural layer.

струкции хозяйственно-бытового назначения особых возражений не вызывает. Прежде всего, это относится к находкам костей поперечно ориентированных по линии восток-запад, образующих участок кольцеобразной выкладки из примыкающих друг к другу артефактов, создающих впечатление последовательно оформленной выкладки, отмеченных под номерами 1, 10, 2, 5, 11, 6, 14, 7 (рис. 3). Отдельного рассмотрения заслуживают находки остальных костей: 3 и 4 – более мелкие по размерам, ориентированные длинной осью по линии юго-запад – северо-восток и, главное, расположенные несколько ниже от примкнувшим к ним находкам из выкладки, что допускает их сопоставление с предшествующим основному комплексу более раннему по времени уровню обитания (рис. 4); 12 – это лопатка мамонта с частично обломанными краями и сбитым гребнем; 13 – плечевая кость, сохранившаяся частично, расположенная за пределами основного скопления, выявленная на нижнем уровне обитания; 9 – фрагмент чашечки плечевой кости.

Анализ расположения находок, как в горизонтальной, так и в вертикальной проекции, свидетельствует о возможности выделения таких конструктивных элементов «жилой структуры» как цоколь и обкладка цоколя. Так, череп (11) мамонта, занимающий наиболее низкую диспозицию, допускает его рассмотрение, с одной стороны, как преднамеренно углубленный объект, с другой – в качестве цоколя. Возможно, определенную роль при этом играл и фрагмент плечевой кости (13). Необычно залегание на нижнем уровне лопатки (12) со сбитым гребнем, обычно предназначенным для крепления покрытия. Большая часть находок верхнего уровня залегания может быть связана, прежде всего, с обкладкой цоколя. Показательна их ориентация по линии север-юг, то есть поперек кольцевого ограждения, в отличие от продольной ориентации большинства костей известных в первом ранее изученном жилищно-бытовом комплексе, связанных с компоновкой цоколя. Надо отметить, что поперечное расположение и преднамеренная укладка костей мамонта в составе кольцеобразного нагромождения костей является распространенным явлением для остатков верхнепалеолитических сооружений на многих восточноевропейских стоянках [Shovkoplias 1965, 66, ris. 31; Pidoplichko 1969, ris.43; 1976, ris.19].

Помимо планиграфических наблюдений над характером залегания крупных находок в первом культурном слое, образующих так называемое кольцевое нагромождение, интерпретируемое в ка-

честве «жилой структуры», в ходе полевых исследований 2017 г. была собрана небольшая коллекция каменных артефактов. Она включает 88 кремневых предметов, обнаруженных при расчистке скопления, 37 чешуек и мелких осколков, выявленных при промывке грунта, а также фрагмент плитчатого бутового камня из двух частей. В числе этих находок представлено 5 нуклеусов, 4 нуклеидных и 15 мелких обломков, 48 отщепов, 13 пластинчатых сколов, 2 краевых скола и 1 галька. Для изготовления использовался меловой кремнь местного происхождения, желваки которого встречаются на склонах днестровской долины. Он имеет серый цвет различной тональности и относится к разновидности волынского кремня. Галечный кремнь встречается намного реже. В отличие от желвачной породы, пронизанной многочисленными кавернами, галечный кремнь имеет однородную структуру, на изломе – коричневатого цвета. Почти все кремневые предметы покрыты белой или голубоватой патиной, как сплошной, так и пятнистой. Без патины отмечены лишь обожженные находки, чья доля среди кремней близка к 10%.

Единственная в коллекции речная галька имеет размеры – 5,3х3,6х2,6 см. Практически все нуклеусы сильно истощены и составляют в поперечнике около 3-4 см. Для них характерно отсутствие упорядоченности в огранке, что являлось следствием хаотичного снятия отщепов (рис. 5,7,9-10,14). Предположительно они были односторонними двуплощадочными со встречным скалыванием. Исключением является крупный нуклеус размером 6,6х8,2х6,2 см. Он правильно огранен, предназначался для производства пластин (рис. 5,12), относится к типу монофронтальных двуплощадочных со встречным скалыванием, обе ударные площадки которого необычайно широкие, в одном случае с признаками оживления. Для создания выпуклого рельефа рабочей поверхности расщепления специально подготавливались и снимались крупные реберчатые отдельности (рис. 5,13), длина которых достигала почти 10 см. Среди сколов доминируют отщепы крупных размеров (7 экз.), средних (9) и мелких (32). Малое число первичных и полупервичных отщепов, по всей видимости, определялось приносом на стоянку уже готовых к употреблению нуклеусов. Наиболее привлекательными для оформления орудий являются отщепы средних размеров, а большинство мелких сколов этой группы не могут рассматриваться как заготовки-полуфабрикаты. Среди пластинчатых сколов (рис. 5,1-5) выделяются 3 пластинки, 9 пластин средних размеров и 1 крупная пластина.

Целые экземпляры (6) имеют длину от 2,5 до 4 см. Чаще всего встречаются проксимальные концы пластин, дистальных несколько меньше.

Изделий с вторичной обработкой в коллекции верхнего слоя – 4 экземпляра. Это два резца, скребок-резец и концевой скребок. Первый из резцов прост по оформлению, подготовлен на углу преднамеренно сломанной крупной пластины (рис. 5,8), второй является плоским резцом на крупном реберчатом сколе (рис. 5,13). Еще одна находка представлена скребком с выступающим арочным лезвием на дистальном конце небольшой пластины (рис. 5,6). Показательно последнее из орудий, это атипичный двугранный резец на массивном отщепе, у которого отвесной ретушью дополнительно подготовлено зауженное лезвие скребка (рис. 5,11). По своему сравнительно высокому рабочему краю, этот скребок близок к изделиям позднеориньякского типа [Borziac, Obadă 2001].

Отдельного рассмотрения заслуживают результаты промывки грунта, изъятых при расчистке первого культурного слоя, проведенной Т.Ф. Обадэ. Они достаточно информативны. Среди 36 кремневых микролитов выделяются 16 миниатюрных чешуек (до 5 мм в поперечнике), полученные в ходе ретуширования изделий, пять более крупных чешуек (до 1 см в поперечнике), три миниатюрных ребристых скола, три обломка микропластин (шириной около 4 мм) без вторичной обработки, четыре мелких и пять мельчайших осколков кремня. Многие из них получились при оформлении лезвий орудий, другие – при редуцировании отбивной площадки нуклеусов. Еще один мелкий обломок выполнен из кварца. При промывке были также найдены восемь мелких обломков кости, один из которых оказался пережженным, четыре обломка и две целых раковины моллюсков из сарматских известняков, а также несколько разновидностей раковин наземных моллюсков. Неординарной находкой признана раковина *Cerithiumvulgatum* Bruguière, с поврежденным устьем, где обычно оформлялось отверстие, что не позволяет ее однозначно относить к бусинам-подвескам. Вместе с тем, по аналогии с уже ранее выявленными находками такого рода в первой «жилой структуре» [Borziac et al. 1992b, 86-87], она

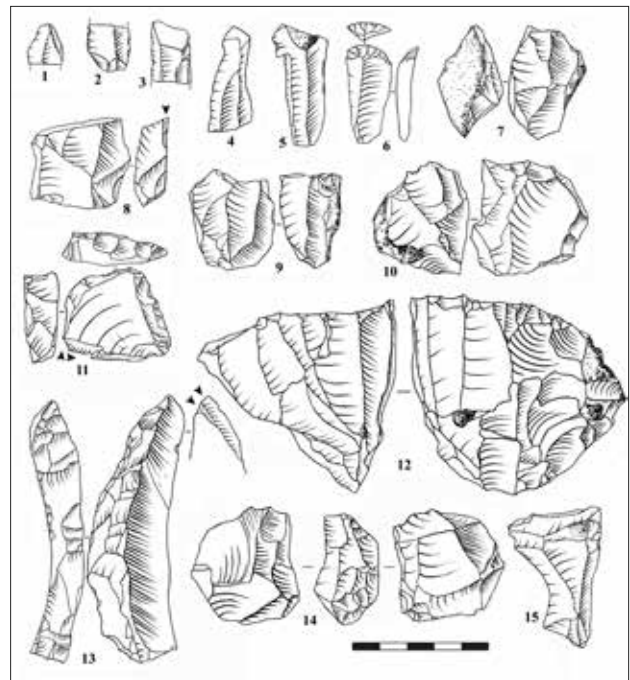

Рис. 5. Кремневые изделия со второго комплекса верхнего культурного слоя.

Fig. 5. Flint finds from the second complex of the upper cultural layer.

может иметь особый статус, так как на ее поверхности сохранились остатки охры.

В результате проведенных исследований было подтверждено присутствие на стоянке Климэуць II остатков жилой наземной конструкции (раскопки 1989 г.), а также собраны свидетельства об использовании обитателями стоянки еще одной «жилой структуры» (по данным шурфовки 2017 г.). В последнем случае речь идет о мощном кольцеобразном нагромождении крупных костей и бивня мамонта, известнякового камня, вероятно, являющихся обкладкой цоколя, роль которого выполнял череп мамонта. Прослеженная в шурфе стратиграфия, характерная для центральной части стоянки, указывает на утрату позднеледниковых отложений и присутствие крайне слабо развитой ископаемой почвы брянского/паудорфского интерстадиала. Собранная в ходе шурфовки небольшая коллекция кремневых артефактов свидетельствует об интенсивной хозяйственно-производственной деятельности обитателей стоянки и ее принадлежности позднеориньякскому типу индустрии.

Библиография

- Anisiutkin 2013:** N.K. Anisiutkin, Must'erskaia stoianka Ketrosy v kontekste srednego paleolita Vostochnoi Evropy (Sankt-Petersburg 2013) // Н.К. Анисюткин, Мустьерская стоянка Кетросы в контексте среднего палеолита Восточной Европы (Санкт-Петербург 2013).
- Borziak 1990:** I.A. Borziak, Otchet o provedenii spasatel'nykh nauchno-issledovatel'skikh rabot na verkhnepaleoliticheskoj stoianke Klimautsy II v 1989 godu. Arkhiv Natsional'nogo muzeia istorii Moldovy, nr. 299, Kichinev, 1990 // И.А. Борзияк, Отчет о проведении спасательных научно-исследовательских работ на верхнепалеолитической стоянке Климауцы II в 1989 году. Архив Национального музея истории Молдовы, № 299 (Кишинев 1990).
- Borziac 1999:** I. Borziac, Raportul despre investigațiile arheologice la stațiunile paleolitice Podgori I și Climăuți II, campania 1998. Arhiva Muzeului Național de Istorie a Moldovei, nr. 368 (Chișinău 1999).
- Borziak et al. 1992a:** I.A. Borziac, A.V. Gol'bert, S.I. Medianik, V.E. Motok, Arkheologija i paleogeografia stoiarki Klimauts' II. In: (red. V.I. Grosu) Materialy i issledovaniia po arkheologii i etnografii Moldovy (Kishinev 1992), 31-48 // И.А. Борзияк, А.В. Гольберт, С.И. Медяник, В.Е. Моток, Археология и палеогеография стоянки Климэуць II. In: (red. V.I. Grosu) Материалы и исследования по археологии и этнографии Молдовы (Кишинев 1992), 31-48.
- Borziak et al. 1992b:** I.A. Borziac, A.I. David, T.F. Obada, Klimeuts' II – verkhnepaleoliticheskaia stoiarka s mamontovoi faunoi v Podnestrov'e. Anuarul Muzeul Național de Istorie a Moldovei, I, 1992, 75-94 // И.А. Борзияк, А.И. Давид, Т.Ф. Обадэ, Климэуць II – верхнепалеолитическая стоянка с мамонтовой фауной в Поднестровье. Anuarul Muzeul Național de Istorie a Moldovei, I, 1992, 75-94.
- Borziac, Chirica, David 2007:** I. Borziac, V. Chirica, A. David, L'Aurignacien moyen et tardif de l'espace Carpatique – Dniestreen. Le gisement Climăuți II (Iași 2007).
- Borziak, Obadă 1999:** I.A. Borziac, T.F. Obadă, Mamont v paleolite Karpato-Dnestrovskogo regiona. Stratum plus 1999 (1), 287-311 // И.А. Борзияк, Т.Ф. Обадэ. Мамонт в палеолите Карпато-Днестровского региона. Stratum plus 1999 (1), 287-311.
- Borziac, Obadă 2001:** I. Borziac, Th. Obadă, Aurignacianul târziu din stațiunea arheologică Climăuți II, jud. Orhei. MA, XXII, 2001, 7-49.
- Chernysh 1982:** A.P. Chernysh, Mnogosloinaia paleoliticheskaia stoiarka Molodova I. In: (red. G.I. Goretskii, I.K. Ivanova) Molodova I. Unikal'noe must'erskoe poselenie na Srednem Dnestre (Moskva 1982), 6-102 // А.П. Черныш, Многослойная палеолитическая стоянка Молодова I. В: (ред. Г.И. Горецкий, И.К. Иванова) Молодова I. Уникальное мустьерское поселение на Среднем Днестре (Москва 1982), 6-102.
- Obadă, Borziac 1996:** Th. Obadă, I. Borziac, Așezarea paleolitică Climăuți II din Republica Moldova: date paleontologice și arheologice. In: Lucrările Simpozionului de Arheologie (Târgoviște 1996), 56-60.
- Obadă, David, Borziac 1994:** Th. Obadă, A. David, I. Borziac, Fauna de mamut din stațiunea paleolitică Climăuți II din Basarabia. SCIVA 45 (3), 1994, 251-255.
- Pashenchuk 2016:** N. Pashenchuk, Issledovaniia verkhnepaleoliticheskoj stoiarki Klimeuts' II v 1998 g. RA, s.n., XII (1-2), 2016, 223-226 // Н. Пашенчук, Исследования верхнепалеолитической стоянки Климэуць II в 1998 г. RA, XII (1-2), 2016, 223-226.
- Pidoplichko 1969:** I.G. Pidoplichko, Pozdnepaleoliticheskie zhilishcha iz kostei mamonta na Ukraine (Kiev 1969) // И.Г. Пидопличко, Позднепалеолитические жилища из костей мамонта на Украине (Киев 1969).
- Pidoplichko 1976:** I.G. Pidoplichko, Mezhirichskie zhilishcha iz kostei mamonta (Kiev 1976) // И.Г. Пидопличко, Межиричские жилища из костей мамонта (Киев 1976).
- Rogachev, Anikovich 1984:** A.N. Rogachev, M.V. Anikovich, Pozdnii paleolit Russkoi ravniny i Kryma. In: Paleolit SSSR (Moskva 1984), 162-271 // А.Н. Рогачев, М.В. Аникович, Поздний палеолит Русской равнины и Крыма. In: Палеолит СССР (Москва 1984), 162-271.
- Shovkopliias 1965:** I.G. Shovkopliias, Mezinskaia stoiarka (Kiev 1965) // И.Г. Шовкопляс, Мезинская стоянка (Киев 1965).

Сергей Коваленко, доктор истории, Центр археологии, Институт культурного наследия, бул. Штефан чел Маре 1, MD-2001, Кишинэу, Республика Молдова, e-mail: covalenco@bk.ru

Теодор Обадэ, лаборатория териологии, герпетологии и палеозоологии, Институт зоологии АН РМ, ул. Академическая, 1, Кишинев, MD-2028, e-mail: theodorobada@gmail.com

Laëtitia Demay, Institut de Paléontologie Humaine - 1, rue René Panhard - 75013 Paris, France, e-mail: sekhmet56@hotmail.fr

Валентин Дергачев

Топоры типа Баниабик-Майкоп-Новосвободная. Историографический обзор

Keywords: Caucasus, Early Bronze Age, Majkop Culture, Majkop-Novosvobodnaia-Baniabik axes.

Cuvinte cheie: Caucaz, epoca bronzului timpuriu, cultura Maikop, topoare de tip Maikop-Novosvobodnaya-Baniabik.

Ключевые слова: Кавказ, эпоха ранней бронзы, культура Майкоп, топоры типа Майкоп-Новосвободная-Баниабик.

Valentin Dergacev

The Baniabik-Majkop-Novosvobodnaya type axes. The historiographical sketch

The article at hand present the history of the study of the Majkop-Novosvobodnaya-Baniabik type axes, which are one of the most numerous and informative category of products, associated with the Majkop-Novosvobodnaya cultural community. There are four main periods of study: from the first findings to the realization of the Majkop phenomenon (end of 19th – 30s of 20th century); from understanding of the phenomenon to the first concepts (30s-60s of 20th century); from the first concept to the concept of the “Circumpontic metallurgical province” and the borders of the Early Bronze Age (70s-80s of 20th century); from the development of previous periods to the current level of knowledge (90s of 20th century – present days).

Valentin Dergacev

Topoare de tip Baniabic-Maikop-Novosvobodnaia. Schiță istoriografică

Lucrarea poartă un caracter istoriografic. Este consacrată istoriei cercetării topoarelor de tip Baniabic-Maikop-Novosvobodnaia, de origine caucasiană cu extindere din Caucaș și Volga, până la Dunărea de Mijloc. Au fost delimitate patru perioade istoriografice distincte: de la primele descoperiri până la conștientizarea fenomenului Maikop (sf. sec. XIX – anii 30 ai sec. XX); de la conștientizarea fenomenului Maikop, până la elaborarea primelor concepții (anii 30-60 ai sec. XX); de la primele concepții, până la concepția Provinciilor metalurgice circumpontice și a hotarelor epocii bronzului timpuriu (anii 70-80 ai sec. XX); de la concepțiile din perioadele precedente la cele curente (anii 90 ai sec. XX până în prezent).

Валентин Дергачев

Топоры типа Баниабик-Майкоп-Новосвободная. Историографический обзор

Статья посвящена истории изучения топоров типа Майкоп-Новосвободная-Баниабик как одной из наиболее массовых и информативных категорий изделий, связанных с Майкопско-Новосвободной культурной общностью. Выделяются четыре основных периода их изучения: от первых находок до осознания Майкопского феномена (конец XIX – 30-е гг. XX в.); от осознания феномена до первых концепций (30-е – 60-е гг. XX в.); от первой концепции к концепции «Циркумпонтийской металлургической провинции» и границ эпохи ранней бронзы (70-е – 80-е гг. XX в.); от разработок предшествующих периодов к современному уровню знаний (90-е гг. XX в. – по настоящее время).

Втульчатые топоры, известные в литературе под названием типа Баниабик и/или Майкопско-Новосвободнинского типа, представляют одну из наиболее массовых и информативных разновидностей металлических изделий. В пространственном отношении они известны от Кавказа и Заболжья до Балкан и Среднего Подунавья. Их же особая информативность проистекает из того, что эти топоры (вместе с литейными формами) вбирают в себя информацию как о новых методах, так и о новых технологиях связанных с появлением мышьяковых бронз, знаменующих собой начало эпохи бронзы и получивших широкое распространение

по всему обозначенному пространству, а в хронологическом плане – развивающиеся вплоть до начала финального периода этой эпохи.

Именно эти обстоятельства и предопределили чрезвычайный, непрерывно возрастающий интерес к этим изделиям и со стороны советских/российских, и со стороны зарубежных специалистов, породив тем самым трудно охватываемое по количеству число статей и разработок с разными, порой взаимно исключаящимися гипотезами.

Следуя сказанному, задача работы – попытка осмысления истории разработки проблемы втульчатых топоров с точки зрения трех ее основных составляющих: накопления базы данных, их анализа – классификации/систематизации и интер-

претации выявленных тенденций и закономерностей.

Сформулированная задача рассматривается через призму общей истории изучения Майкопского феномена, предопределившего общие вехи его развития – т.е. периодизацию истории изучения топоров, но без особой расшифровки сути истории изучения самого феномена в целом.

Руководствуясь этими принципами, история изучения интересующих нас топоров может быть разложена на четыре основных периода. Каждый из этих периодов характеризуется постепенным наращиванием базы данных, усовершенствованием методов их классификации, разностороннего анализа и осмысления. Каждый из периодов завершается выработкой тех или иных новых концептуальных представлений, отраженных в работах одного или нескольких ведущих специалистов.

Период 1. От первых находок до осознания Майкопского феномена (конец XIX – 30-е гг. XX в.)

Первые, наиболее ранние находки интересующих нас здесь втульчатых топоров, как в границах бывшей Российской Империи, так и за ее пределами, были зафиксированы начиная с последней четверти XIX в. (Балаклава – в Крыму, Стайки – и ряд других находок – на Киевщине, Нижнем Дону, Рудна Мала – в Польше и др. (рис. 1; рис. 2,30-31, 33,40-43,56). Разбросанные по разным, преимущественно частным коллекциям, эти находки, на тот момент, не могли привлечь осознанного внимания редких специалистов.

Профессиональный интерес к этим изделиям возник лишь после исследований Н.И. Веселовского серии курганов у г. Майкоп, станиц Новосвободной, Костромской и др. на Северном Кавказе в самом конце XIX в. (рис. 3; 2,1-2,8,10), в погребениях которых, наряду с исключительно богатым и разнообразным инвентарем, было найдено и несколько своеобразных втульчатых топоров [ОАК 1896; ОАК 1897; ОАК 1899]. Эти впечатляющие открытия вызвали незамедлительную реакцию ведущих на то время отечественных и зарубежных специалистов, интерес которых был сфокусирован на общей оценке нового материала, выявлении куль-

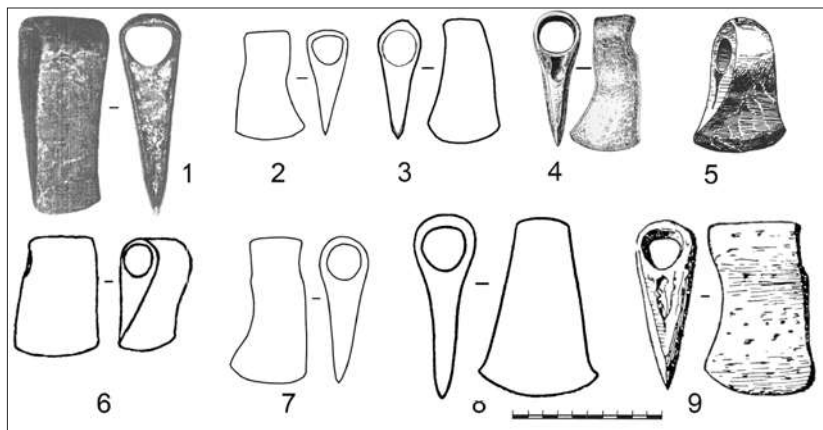

Рис. 1. Топоры из случайных сборов XIX в.

1 - Курмашево (кол. Зausайлова); 2 - Малый Букрин; 3 - Стайки; 4 - Киевщина (кол. Бранденбурга); 5 - Алешкинские Хутора; 6 - Звенигородка; 7 - Киевщина (кол. Алексеева); 8 - Балаклава; 9 - Рудна Мала (Польша) (1 - по А.М. Tallgren; 2, 3, 5-7 - по В.С. Бочкарёву; 4 - по Н.К. Качаловой; 8 - по С.Н. Кореневскому; 9 - по J. Kostrzewski).

Fig. 1. Axes from random collection of the 19th c.

1 - Kurmashevo (Zausailov col.); 2 - Small Bukrin; 3 - Stayki; 4 - Kiev suburb (Brandenburg col.); 5 - Aleshkinskie hutora; 6 - Zvenigorodka; 7 - Kiev suburb (Alexeev col.); 8 - Balaklava; 9 - Rudna Mala (Poland). (according to: 1 - A.M. Tallgren; 2-3, 5-7 - V.S. Bochkarev; 4 - N.K. Kachealova; 8 - S.N. Korenevsky; 9 - J. Kostrzewski).

турного феномена, определении его возможных истоков, датировке и, в не меньшей степени, на самой проблеме появления металлургии меди на Кавказе [Gorodtsov 1910; 1927; Farmakovskii 1914; Rostovtsev 1918; Iessen 1939; Wilke 1904; Tallgren 1911; Tallgren 1916; Tallgren 1926; Tallgren 1929; Schmidt 1929; Childe 1927; Childe 1930; Childe 1936; Hančar 1937 и др.]¹.

Дискуссии, развернутые в связи с интересующей нас здесь проблемой металлургии меди, полнее всего были подытожены в известной работе А.А. Иессена, согласно которому они сводились к трем совершенно различным выводам:

- 1 – кавказская «металлургия возникла в Закавказье и Армении»,
- 2 – она импортирована с юга, из Месопотамии и Персии, и
- 3 – она привнесена из Центральной Европы, с Нижнего Дуная.

Следуя же мнению самого А.А. Иессена – «толчком и ускорителем для развития собственной металлообработки на Кавказе служили сношения с югом, а не с севером или западными странами».

¹ Примечательно, что уже в это время при ГАИМК была организована специальная комиссия по изучению металлов, в которую входили и ведущие археологи [Iessen 1935b].

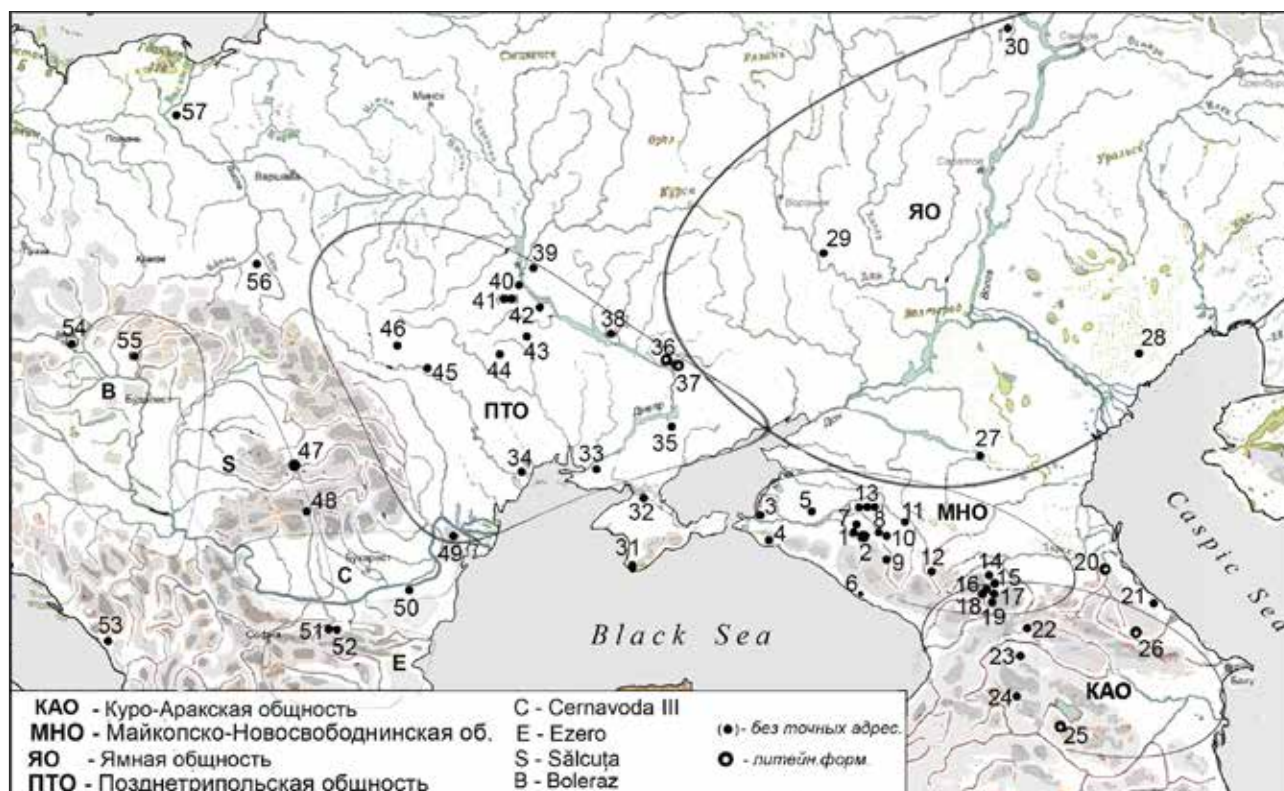

Рис. 2. Местонахождения топоров, упомянутых в тексте и иллюстрациях. 1 – Майкоп, 2 – Новосвободная, 3 – Темрюк, 4 – Новороссийск, 5 – Анастасьевская, 6 – Сочи, 7 – Лакшукай, 8 – Костромская, 9 – Псебайская, 10 – Андриюковская, 11 – Успенское, 12 – Усть-Джегутинская, 13 – Прикуба-нье, 14 – Пятигорск, 15 – Герменчик, 16 – Лечинкай, 17 – Нальчик, 18 – Безенег, 19 – Заманкуль. 20 – Галгала-ти, 21 – Новомака, 22 – Кульбакеби, 23 – Браздори, 24 – Ленинанкан, 25 – Гарни, 26 – Сюгут, 27 – Тачин-Цариг, 28 – Карабаум, 29 – Павловское, 30 – Курмашево, 31 – Балаклава, 32 – Красноперекопск, 33 – Алешкинские хут., 34 – Александровка, 35 – Балки, 36 – Остров Самарский, 37 – Верхняя Маевка, 38 – “Сред. Днепр”, 39 – Гнидин, 40 – Стайки, 41 – “Киевщина”, 42 – Малый Букрин, 43 – Звенигородка, 44 – Иваньки, 45 – Ивановка, 46 – Малиевцы, 47 – Баниабик/Вылчеле, 48 – Олэнешть, 49 – Махмудия, 50 – Извоареле, 51 – Кръевник, 52 – Севлиево, 53 – Отток, 54 – “Австрия”, 55 – “Словакия”, 56 – Рудна Мала, 57 – Калдус.

Fig. 2. The locations of the axes mentioned in the text and illustrations.

1 - Maikop; 2 - Novosvobodnaja; 3 - Temryuk; 4 - Novorossiysk; 5 - Anastasievskaya; 6 - Sochi; 7 - Lakshukai; 8 - Kostromskaya; 9 - Psebayskaya; 10 - Andryukovskaya; 11 - Uspenskoe; 12 - Ust-Dzhegutinskaya; 13 - Kuban region; 14 - Pyatigorsk; 15 - Germenchik; 16 - Lechinkai; 17 - Nalchik; 18 - Bezenegi; 19 - Zamankul; 20 - Galgalati; 21 - Novomaka; 22 - Kulbakebi; 23 - Bradzori; 24 - Leninakan; 25 - Garni; 26 - Sugut; 27 - Tachin-Tsarig; 28 - Karabaum; 29 - Pavlovskoye; 30 - Kurmashovo; 31 - Balaklava; 32 - Krasnoperekopsk; 33 - Aleshkinskie Hut.; 34 - Alexandrovka; 35 - Balki; 36 - Samarskiy Island; 37 - Upper Mayvka; 38 - “Middle Dnieper”; 39 - Gnidin; 40 - Staiki; 41 - “Kyivshchyna”; 42 - Small Bukrin; 43 - Zvenigorodka; 44 - Ivanki; 45 - Ivanovka; 46 - Malyivtsi; 47 - Banyabik / Vâlcele; 48 - Olănești; 49 - Mahmudia; 50 - Izvoarele; 51 - Krevnik; 52 - Sevlievo; 53 - Ottok; 54 - “Austria”; 55 - “Slovakia”; 56 - Rudna Mala; 57 - Kaldus.

При этом, отмечает автор, следует полагать, «что началу собственной обработки меди на Кавказе предшествовало в течение известного периода времени проникновение готовых изделий из более передовых стран» [Iessen 1935a, 80]. Более того, именно А.А. Иессен, одним из первых, аргументировал и сформулировал положение о заметных влияниях кавказской металлообработки, как начальных, так и более поздних этапов ее развития, на более северные – степные районы Поволжья, на запад – Крым, Подонье и далее до Поднепровья [Iessen 1935a, 100-101; Iessen 1947, 22].

Между тем, в 1928 году, в Центральной Транс-

ильвании, у с. Баниабик (современное название – Вылчеле/Vâlcele), был открыт клад, содержащий не менее 43 втульчатых топоров, сходных кавказским (рис. 4; рис. 2,47).

Условия и культурный контекст обнаруженного крестьянами клада так и остались не выясненными. Важно, однако, то, что клад безотлагательно был предан научной огласке двумя различными авторами, выкупившие части изделий комплекса: М. Рошкой [Roska 1932] и Е. Орош [Orosz 1930]. Полная публикация 32-х сохранившихся из 43-х найденных изделий последовала несколько позже [Roska 1959].

В своей первой работе М. Рошка, перечисляя ряд аналогичных изделий известных на тот момент предметов из Трансильвании и соседних областей (Моравии, Болгарии, Сербии и пр.) и отмечая их общее сходство, как с критскими, так и с южнорусскими (вплоть до Урала и Алтая) топорами, высказался в пользу их местного производства. Их функциональная принадлежность виделась ему как орудия рудокопов [Roska 1932, 354-355]. В последующей второй, более полной публикации клада, исследователь конкретизирует свое видение происхождения этих топоров: «*Ces haches sont d'origine mésopotamienne. Elles sont fondues en Transylvanie, mais l'idée est venue de l'Orient*». И далее, в самой же Трансильвании эти топоры появились через территории, на которых были распространены восточноевропейские культуры – «... *la route, suivi par l'importation de l'Est avec le traces de la culture nommée Fatianovo. – ... la route le long de la rivière Maros, qui va vers l'Ouest*» [Roska 1959, 35].

После публикации клада, одним из первых, кто отреагировал на это открытие был Д. Берчиу. Оценив значение клада, он выделил топоры в особый тип – «тип Баниабик», разделив его на три различных варианта (рис. 5): *a* и *b* – с удлинненным в разные стороны (за счет расковки) лезвием и вариант *c* – с ровными, параллельными сторонами, прямоугольной конфигурации, когда длина лезвия равна ширине тулова [Berciu 1942, 5-7, fig.1]².

Демонстрируя прекрасное знание материалов, происходящих с территории Румынии и сопредельных стран, а также литературы по рассматриваемой проблеме, Д. Берчиу приходит к выводу о существовании трех относительно самостоятельных очагов производства подобных топоров: «Критского», «Трансильванского» и «Южнорусского» [Berciu 1942, 8-11]. Рассуждая над вопросом о соотношении топоров этих очагов, их возможном происхождении, автор однозначно приходит к

² К остальным двум вариантам *e* и *d* отнесены топоры из других комплексов.

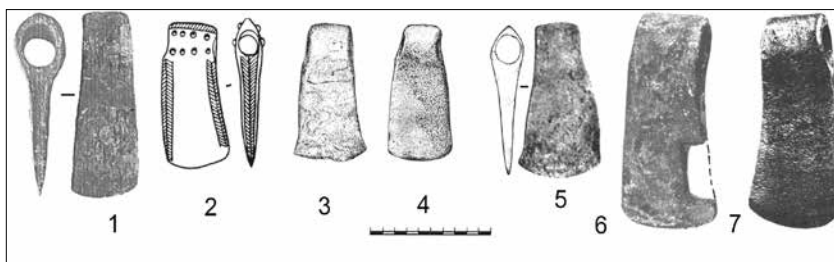

Рис. 3. Топоры из раскопок Н.И. Веселовского. 1 - Майкоп; 2-4 - Новосвободная; 5 - Костромская; 6, 7 - Андриюковская (1 - по С.Н. Корневскому; 2-7 - по Т.Б. Поповой).

Fig. 3. Axes from the excavations of N.I. Veselovsky. 1 - Maikop; 2-4 - Novosvobodnaja; 5 - Kostromskaya; 6-7 - Andryukovskaia. (according to: 1 - S.N. Korenevsky; 2-7 - T.B. Popova).

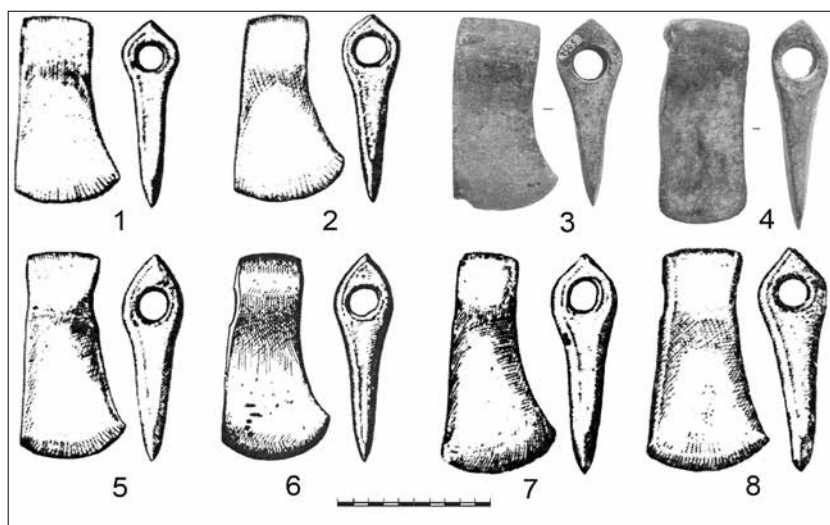

Рис. 4. Топоры из клада Баниабик/Вылчеле (выборочно). (1,2,5-8 - по М. Роска; 3,4 - по Т. Сороцеану).

Fig. 4. Axes from the Baniabik / Vâlcele hoard (selectively). (according to: 1-2,5-8 - M. Roska; 3-4 - T. Soroceanu).

заключению, что они сформировались в Трансильвании (где имеются прототипы в каменных топорах предшествующих периодов), откуда они путем торговли передались в Южную Россию, которые, в свою очередь, послужили «моделью» для их последующего воспроизводства «в местных прикубанских очагах» [Berciu 1942, 16-18].

С выходом отмеченных работ и из-за редкости новых находок, проблема топоров типа Баниабик в Карпато-Подунавье, специально, практически больше не обсуждалась вплоть до начала 70-х гг.

С научной и историографической же точек зрения, главное здесь – другое.

Открытие и публикация клада из Баниабик, в тысячах километрах от Кавказа, привело к тому, что проблема ранних втульчатых топоров неизбежно распалась на две, как бы самостоятельные региональные темы: одна – применительно к

Юго-Восточной Европе с топорами типа Баниабик; вторая – применительно к Кавказу и сопредельным областям с топорами Майкопско-Новосвободненского типа. И это обстоятельство, при известной для советского времени взаимной изоляции специалистов, малодоступности коллекций и многих из издаваемых работ, а так же языковых барьеров, в совокупности не могло не отразиться на последующей целостности восприятия этой проблемы.

Период 2. От осознания феномена до первых концепций (30-е – 60-е гг. XX в.)

Иначе развивались события в советском пространстве, где предвоенные и первые послевоенные десятилетия отмечаются явно возросшим интересом к кавказским древностям. Полевые археологические исследования постепенно распространяются на все кавказские республики, с охватом как нео-энеолитических, так и памятников эпохи бронзы. Продолжается изучение курганных и грунтовых комплексов, дольменов. Начинаются систематические исследования поселений (Долинское, Луговое, Мешоко).

Интенсивно публикуются новые раскопанные, а также старые – ранее накопленные коллекции и случайные находки. Активно обсуждаются вопросы об вновь выявленных разнотерриториальных культурных группах, их номенклатурный статус, особенности их происхождения, датировка и их взаимодействия, как между собой, так и с «внешним» миром. Все эти исследования отражены в многочисленных обстоятельных статьях и десятках монографий и сборников, хорошо известных большинству специалистов. Привожу лишь наиболее значимые из них: Деген-Ковалевский (1939), Крупнов, Подгаецкий (1941), Артамонов (1948), Иессен (1950, 1963), Крупнов (1957, 1960), Марковин (1960), Мунчаев (1961), Мартиросян (1964), Столяр (1964), Формозов (1961, 1965) и мн. др.

Весь этот период характеризуется самым пристальным вниманием к проблеме металлообработки. Введена в научный оборот большая коллекция металлических изделий из раскопок Н.И. Веселов-

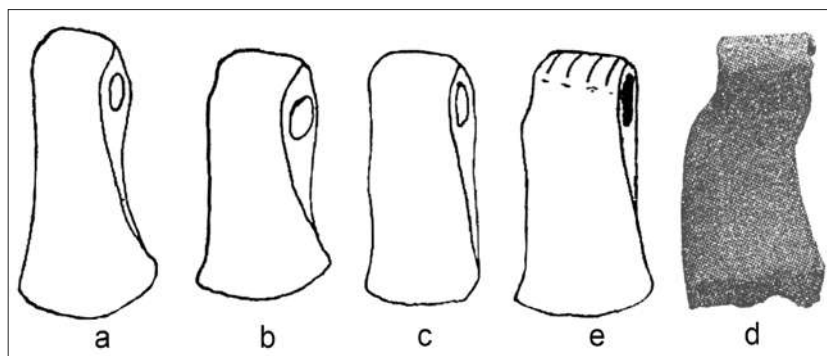

Рис. 5. Классификация топоров типа Баниабик по Д. Берчу (Berciu 1942). Варианты: a, b – с ровной передней частью и раскованным в разной степени лезвием; c – прямоугольной конфигурации (ширина тулова равна ширине лезвийной части); e, d – S-образная конфигурация тулова.

Fig. 5. Classification of Baniabik type axes according to D. Berciu (1942). Variants: a-b – with a smooth front part and a bladed blade of different degree, c - rectangular configuration (the width of the body is equal to the width of the blade part), e-d – with an S-shaped configuration of the body.

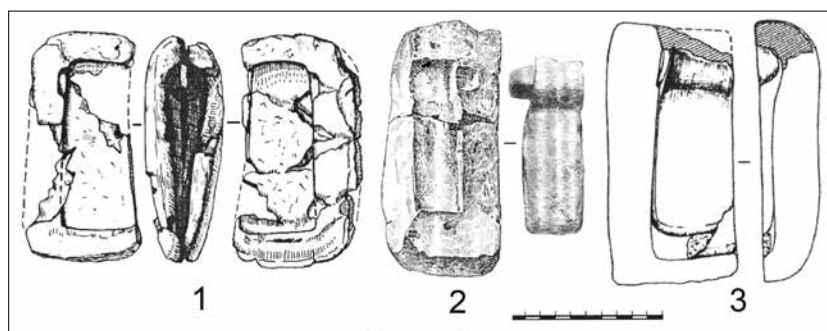

Рис. 6. Литейные формы для отливки топоров. 1 - Галгалати; 2 - Гарни; 3 - Сюгут (1 - по М.Г. Гаджиеву; 2 - по Э.В. Ханзадян; 3 - по С.Н. Корневскому).

Fig. 6. Casting molds for casting axes. 1 - Gilgalati; 2 - Garni; 3 - Sugut. (according to: 1 - M.G. Gadzhiev; 2 - E.V. Khanzadyan; 3 - S.N. Korenevsky).

ского [Ророва 1963]. Существенно преумножилось число разнообразных металлических изделий, в том числе и интересующих нас втульчатых топоров. С началом раскопок поселений все чаще стали обнаруживаться обломки или целые литейные формы для отливки топоров (рис. 6; рис. 2, 20, 25-26). Информация и осмысление всех этих материалов в большей или меньшей степени находят отражение практически во всех уже цитированных и/или еще не упомянутых работах того времени.

Особо следует здесь отметить очередную важную работу А.А. Иессена, который, наряду с многими новыми принципиальными прикладными разработками, впервые обосновал и ввел в научный оборот термин «очаг металлообработки», вошедший в арсенал базовых понятий в изучении древней металлообработки [Iessen 1951].

Знаковым для этого времени является начало систематического анализа химического состава металла энеолита-бронзы.

Первые исследования в этом направлении, применительно к кавказским материалам, были выполнены Ф. Тавадзе, Т. Сакварелидзе (Tavadze, Sakvarelidze 1959) и И.Р. Селимхановым [Selimkhanov 1960]. Несравнимо более результативными оказались исследования Е.Н. Черных. Широкомасштабный анализ металлических изделий, связанных с разнообразными культурами энеолита-бронзы Кавказа, культурами степной, лесостепной и отчасти лесной зон Восточной Европы, позволили автору впервые аргументировано сформулировать основные положения касательно ранних этапов истории металлопроизводства всего выше оговоренного пространства. Были определены общие тенденции его развития, как в пространственном, так и в хронологическом отношении. Раскрыты региональные особенности металлообработки каждой из культурных зон и их конкретных составляющих (Майкопской и Северокавказской культур, культур Триполье и Среднепестовской, Ямной, Катакомбной и т.д.) и многие другие аспекты. Сформулированы ряд положений сугубо теоретического и методико-методологического свойства, предопределившие стратегию последующих изысканий в области палеометалловедения [Chernykh 1966].

Выделим несколько моментов, имеющих прямое отношение к раскрытию интересующих нас вопросов. Исследования Е.Н. Черных окончательно подтвердили следующее:

1. Носители кавказских культур (благодаря южным влияниям) одними из первых освоили изготовление бронзовых изделий – «...кавказские металлурги знали искусственные медно-мышьяковые сплавы и широко пользовались ими» [Chernykh 1966, 50];

2. Зона господства этого центра охватывала большую часть Юга Восточной Европы. «Кавказский металл быстро завоевывает огромные области от правобережья Днепра на западе до Заволжья на востоке» [Chernykh 1966, 87].

3. В трипольской культуре на поздних этапах ее существования «...зафиксирована небольшая группа предметов (8), которую можно рассматривать, очевидно, как импортную с Кавказа». «Кавказские формы металлических предметов становятся традиционными для жителей степей» [Chernykh 1966, 71-72].

4. «...влияние Кавказа как металлургического центра достигло своего апогея в первой половине II тыс. до н.э. И только начиная с се-

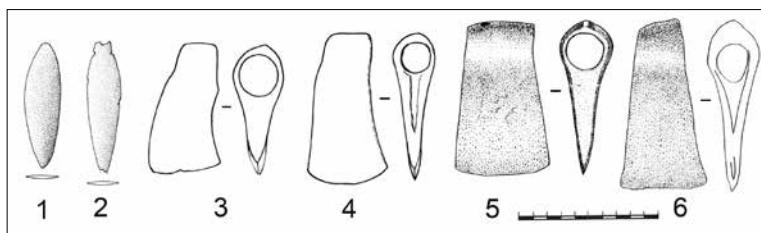

Рис. 7. Из находок, известным к 1960-м гг. и неохваченным спектральным анализом. 1 - Тараща, уезд; 2, 5 - «Средний Днепр»; 3 - «Киевщина»; 4 - Гнидин; 6 - Балки (1-5 - по В.С. Бочкарёву; 6 - по А.Л. Нечитайло).

Fig. 7. From the finds of the axes known to the 1960s, unreached spectral analysis. 1 - Tarashcha-county; 2, 5 - Middle Dnieper; 3 - Kiev suburb; 4 - Gnidin; 6 - Beams. (according to: 1-5 V.S. Bochkarёv; 6 - A.L. Nechitalilo).

редины II тыс. до н.э., в связи с мощными передвижениями степного населения и появлением в степях Восточной Европы племен с иной культурной ориентацией, резко сокращается зона господства кавказского металла. Кавказский период в истории металлургии Восточной Европы на этом заканчивается» [Chernykh 1966, 72]. И последний из моментов в заключениях исследователя, на той же странице –

5. «Мы предлагаем назвать этот период в истории металлургии Восточной Европы **кавказским**» (выделено В.Д.).

К великому сожалению, в рассматриваемой работе, Е.Н. Черных ограничился анализом лишь немногих из известных тогда металлических предметов, связанных с поздним Трипольем. Неохваченным остался целый ряд случайных находок хранящихся в фондах НМИУ и других региональных собраниях (рис. 7; рис. 2; 35, 38-39, 41). Их учет, возможно, привел бы автора к существенно более обстоятельным выводам касательно влияний Кавказа на эту культуру, в частности на ее периферийные, восточные группы: Усатовский, Софиевский и др. локальные варианты.

Период 3. От первой концепции к концепции «Циркумпонтийской металлургической провинции» и границ эпохи ранней бронзы (70-е – 80-е гг. XX в.)

Однако же, к началу 70-х заметные сдвиги произошли в понимании топоров типа Баниабик из Румынии и сопредельных стран. Они связаны с именем А. Вулпе. В связи с подготовкой двух томов по металлическим изделиям энеолита-бронзы Румынии для серии PBF [Vulpe 1970; 1973; 1975], исследователь собрал все имеющиеся данные по медным и, в частности – втульчатым топорам из Румынии и окружающих стран. В результате, автором впервые была предложена полная аргументи-

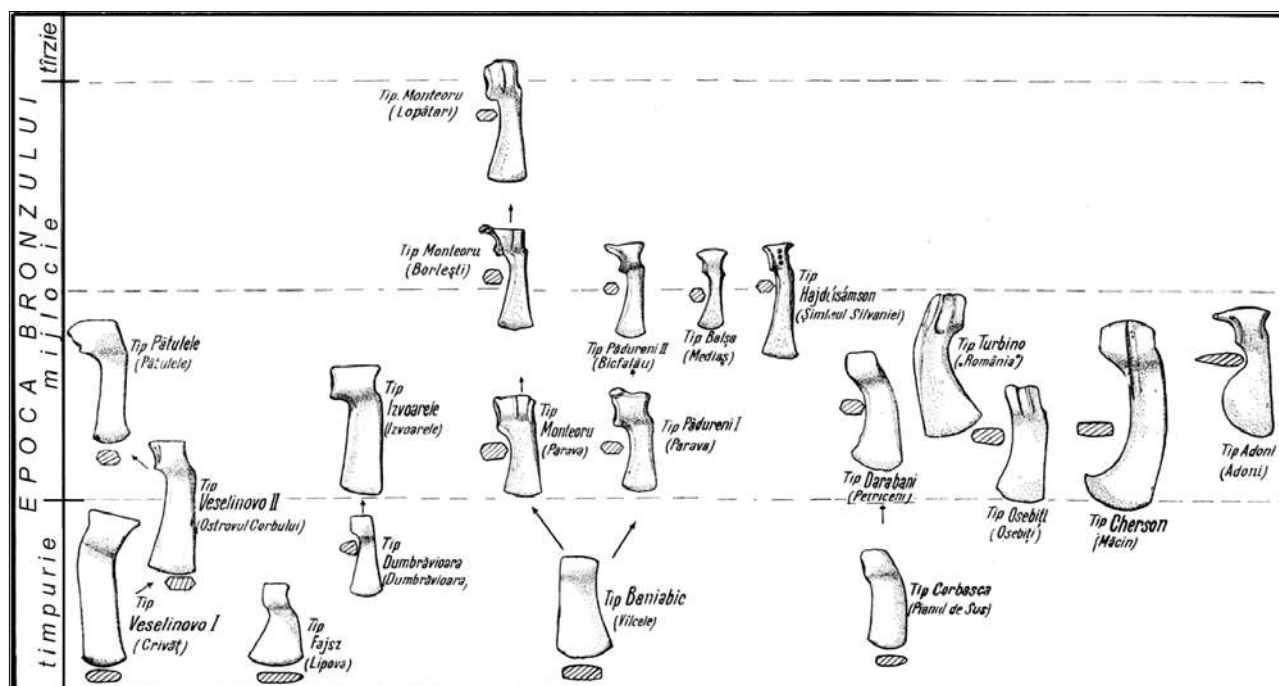

Рис. 8. Классификация (генетическое и хронологическое соотношение) втульчатых топоров Румынии по А. Вулпе (no Vulpe 1970).

Fig. 8. Classification (genetic and chronological ratio) of the axes found in Romania, according to A. Vulpe (1970).

рованная классификация этой категории изделий на протяжении их бытования от ранней до поздней бронзы.

Согласно автору, топоры типа Баниабик (наряду с изделиями типа Фаиш, Корбаска и Веселиново) образуют исходное, начальное звено всей цепи втульчатых топоров рассматриваемой зоны. Они датируются начальными фазами (?) эпохи бронзы и в дальнейшем ложатся в основу образования всех последующих разнотипных втульчатых топоров, возникших в ареалах различных культур и эволюционирующих, в отдельных случаях, вплоть до конца эпохи бронзы (рис. 8). Они представляют собой продукт местного металлопроизводства, а их бытование, предположительно, связывается с культурами Глина, Шнекенберг, Караново VII. Основное предназначение топоров – как оружие [Vulpe 1970, 10, 26; Vulpe, Tudor 1970, fig.1]. Спустя два с лишним десятилетия, тип Баниабик был признан автором как наиболее ранний и отнесен, опять таки – предположительно, к носителям культуры Коцофень [Vulpe 1997, 44].

Рассматривая разные мнения по вопросу о происхождении втульчатых топоров, А. Вулпе однозначно признает их изначальное появление на Ближнем Востоке, а также роль последних в возникновении как Майкопско-Новосвободненских, так и трансильванских – типа Баниабик. Но при этом, влияния ближневосточных на трансильван-

ские рассматриваются как опосредованные и как следствие этого – нераспознаваемые, не поддающиеся определению. Имеющиеся же сходства между Майкопско-Новосвободненскими и Баниабикскими топорами декларируются как сугубо формальные, отвечающие духу времени и не более. Соответственно этому, автор полностью отрицает какую-либо связь между ними. Главным же аргументом здесь он считает отсутствие подобных топоров на промежуточной территории, т.е. в Северном Причерноморье – Молдавии, Украине и так далее. И надо признать, что в этом утверждении А. Вулпе отчасти был прав. Но, только лишь потому, что целый ряд втульчатых топоров, известных на тот момент для территории Украины, попросту еще не были введены в научный оборот, оставаясь неизвестными не только для зарубежных, но и для многих советских кавказоведов.

На востоке, рассматриваемый период характеризуется резким увеличением источниковедческой базы (благодаря широкомасштабным раскопкам в зонах новостроек) по всему Кавказу и примыкающим к нему с севера областям; интенсивно публикуются многие коллекции, как из прежних сборов, так и из новых полевых работ; активно разрабатываются самые различные проблемы по их осмыслению и интерпретации [Munchaev 1975; Kushnareva, Chubinishvili 1970; Andreeva 1977; 1979; Nikolaeva, Safronov 1974; Nechitailo 1988].

Это время массовых исследований памятников Нижнего и Среднего течения Дона [Siniuk 1983] и Днепра, в частности – Животиловской группы, занимающей промежуточную территорию между ареалом поздне-трипольской культуры и зоной активных влияний кавказских культур, в погребениях которой обнаружены в том числе и новые литейные формы (рис. 9; рис. 2,29, 36-37) [Kovaleva 1979; Kovaleva et al. 1977].

Период ознаменовался разносторонним, комплексным изучением древних металлов с широким привлечением спектрально-химических и металлографических [Ryndina 1971] методов анализа; началом обращения самого пристального внимания к разным категориям металлических изделий майкопских типов и их последующим дериватам для разных областей и периодов эпохи бронзы [Korenevskii 1973; 1974; 1976; 1978]. И все это на фоне постепенного наращивания числа радиоуглеродных определений и корректировки принятых традиционных абсолютных датировок.

Однако, как и прежде, наиболее существенные синтезирующие разработки в понимании роли металлургии Кавказа последовали от Е.Н. Черных. Объясняется это многолетними исследованиями автора в Болгарии; исследованиями, ориентированными на изучение меднорудных источников и богатейших коллекций изделий от нео-энеолита до поздней бронзы. Накопленные ранее знания по металлу Кавказа и югу Восточной Европы, в купе с новыми познаниями по Балканам, позволили автору выработать общую концепцию возникновения и эволюции раннего металлопроизводства во всех ее составляющих, что называется – от Дуная до Алтая. Эти разработки хорошо известны всем специалистам благодаря множеству публикаций исследователя [Chernykh 1971; 1974; 1976; 1978a; 1978b].

В данном случае мы обратимся только к одной из работ Е.Н. Черных, сконцентрированной на проблеме втульчатых топоров [Chernykh 1977]. В этой работе, отталкиваясь от предложенной им в те годы концепции «Циркумпонтийская металлургическая провинция» (далее ЦМП) – ее европейского сегмента, автор обращается к проблеме втульчатых топоров (как наиболее массовой и информативной категории), рассматриваемых на всем протяжении их хронологического (от ранней

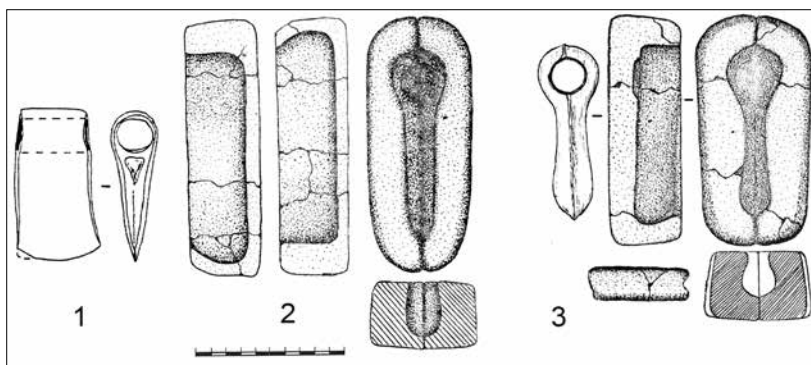

Рис. 9. Находки из комплексов Среднего Подонья и Поднепровья. 1 - топор из погребения ямной культуры у с. Павловское; 2, 3 - литейные формы из погребений животиловской группы на Острове Самарский и у с. Верхняя Маевка (1 - по В.В. Килейникову; 2, 3 - по И.Ф. Ковалевой).

Fig. 9. Finds from the complexes of the Middle Don and Dnieper. 1 - axe from the burial of the pit culture in the village of Pavlovskoe; 2-3 - molds from the burials of the Zhivotilov group on the Island of Samara and near the village of Upper Mayvka. (according to: 1 - V.V. Kileynikov; 2-3 - I.F. Kovaleva).

до поздней бронзы) и территориального (от Кавказа и Волги до Балкан и Среднего Подунавья) развития. Основными критериями анализа топоров выступают три взаимосвязанных, но относительно независимых базовых показателя: технический, конструктивный – т.е. по способу отливки (литейные формы), технологический – характеристики металла и сугубо культурологический – типологическая вариабельность. Располагая исключительно богатой и хорошо документированной базой данных по всем этим показателям (порядка 800, включительно около 30 литейных форм, топоров, распадающихся на 62 типа, большинство из которых были подвергнуты спектральному анализу), проанализировав их пространственно-хронологические и культурные распределения, а так же их соотношения между собой, Е.Н. Черных сформулировал целый ряд выводов, главными из которых для нас следующие:

1. Втульчатые топоры – «*Это категория орудий и оружия являлась всеобщей и производилась во всех очагах ЦМП*» [Chernykh 1977, 31]. При этом, как подчеркивает автор на предшествующей странице, «... в большинстве металлургических очагов зоны изготавливались» и «*долота и шилья с характерным утолщением упора для крепления к рукоятки ... и черенковые двулезвийные ножи*» [Chernykh 1977, 30].

2. «*Производство топоров и сопровождающих их видов ... инвентаря на всем длительном хронологическом промежутке от середины III до третьей четверти II тыс. до н.э. сосредоточивалось преимущественно в трех горно-металлургических областях Европы: Кавказской, Балкано-Карпатской*

и Уральской», распадающиеся, в свою очередь, на свои собственные горно-металлургические центры: «Кавказская – на Северный и Южный Кавказ ...; Балкано-Карпатская – на Балканский и Карпатский центры; Уральская – Приуральский центр и собственно Урал» [Chernykh 1977, 32].

3. В техническом и конструктивном отношении выделяются четыре основных вида двусторонних форм для отливки топоров (рис. 10): «I – ... форма, полностью открытая для заливки металла с "брюшка" ... или ... резе со спинки ...»; II – ... частично открытая форма с заливкой металла через широкую щель на "брюшке"; III – полностью закрытая форма с заливкой металла через литник на "спинке" клинка топора; IV – полностью закрытая форма с заливкой металла через литник, совмещенный с задней стенкой втулки ("пяткой") топора» [Chernykh 1977, 33].

4. «Отличия между I и II видами форм и двумя последними носят ... существенный характер. Переход к полностью закрытым формам III и IV видов означал качественно новую ступень технологии производства. Последние виды ... позволяли сильно усложнить конструкцию топоров». Учитывая определяющее культурно-технологическое значение этих признаков, автор считает возможным «I и II виды относить к раннему бронзовому веку, III и IV виды – к среднему бронзовому веку». [Chernykh 1977, 33].

5. Топоры, отлитые в формах I вида характерны «... для большинства очагов раннего бронзового века ЦМП». Их «Основное количество ... сосредоточено в Балкано-Карпатье». Но при этом, топоры «... типа 7 (Баниабик) сосредоточены в основном в Трансильвании», а «... тип 8 (Эзеро-Веселиново) характерен, в основном, для восточных Балкан и Нижнего Подунавья ...» [Chernykh 1977, 34-35].

6. На Кавказе топоров отлитых в формах I вида «... меньше, ... концентрируются они, преимущественно, в Прикубанье, где был центр Майкопской культуры. Но сами типы топоров более разнообразны (типы 1-5)». Прочие находки подобных топоров в степных областях Восточной Европы (не считая типа Утевка) «... могут быть связаны по типу либо с кавказскими, либо с кар-

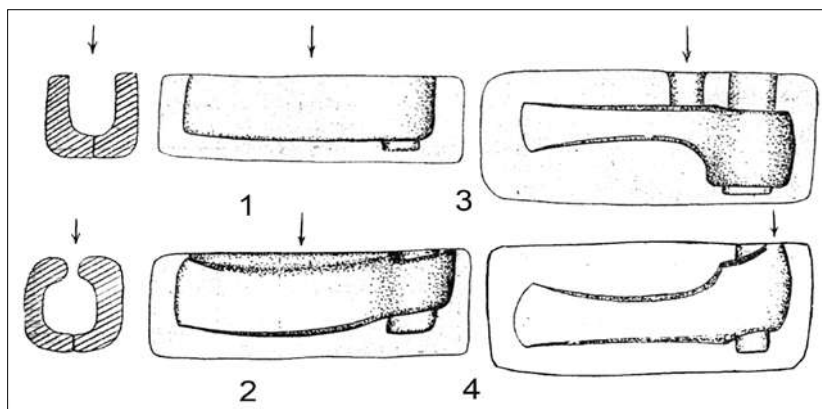

Рис. 10. Основные виды конструкции литейных форм топоров Циркумпонтийской металлургической провинции: 1 - двусторонняя форма, полностью открытая для заливки металла с «брюшка»; 2 - двусторонняя, частично открытая форма с заливкой металла через широкую щель на «брюшке»; 3 - двусторонняя, полностью закрытая форма с заливкой металла через литник на спинке топора; 4 - двусторонняя, полностью закрытая форма с заливкой металла через литник, совмещенный с задней стенкой втулки (по Черных 1977).

Fig. 10. The main types of construction of the molds of the CMP axes, according to E.N. Chernykh (1977). 1 - double-sided form, fully open for pouring metal from the "abdomen"; 2 - two-sided partially open form to pouring metal through a wide gap on the "abdomen"; 3 - two-sided fully closed form to filling metal through the gate on the back of the axe; 4 - two-sided fully closed form to pouring metal through the gate, combined with the rear wall of the bushing.

патскими (Баниабик)» [Chernykh 1977, 36].

7. «I вид топоров является в ЦМП, безусловно, древнейшим. Это доказывается нахождением орудий и их литейных форм в поселениях куро-аракской культуры, в погребениях майкопского типа, а также в многослойных теллях культуры Эзеро на Балканах». Но, отмечает автор, если для Кавказа эти топоры «можно относить ... к наиболее ранним», то «Хронологическое соотношение между обоими балканскими типами ... топоров – Эзеро-Веселиново и Баниабик ... остается неясным [Chernykh 1977, 36-37]. Точно также, добавим, как и соотношение последних с собственно кавказскими.

8. Технология отливки топоров II вида, по видимому, «вошла в употребление позднее I вида. Практиковалась она преимущественно в очагах Балкано-Карпатия ..., а также в фатьяновско-бала-новском очаге Верхней и Нижней Волги ..., базировавшегося на приуральских медистых песчаниках. Второй вид литейных форм в целом не характерен для степных и кавказских очагов» [Chernykh 1977, 37].

9. «Среди балкано-дунайских топоров II вида наиболее крупные серии образуют типы Фаис – Брно-Лисен и Островул-Корбулуй». «Орудия первого типа распространены преимущественно в Среднем Подунавье и Северных Карпатах» и «отливались преимущественно из металлургически чистой

меди». «Тип Островул-Корбулуй ... характерен для более юго-восточных областей (Трансильвания и Нижнее Подунавье)». На изготовление топоров Северных Балкан «шла преимущественно мышьяковая бронза, тогда как северные серии орудий отливались преимущественно из металлургически чистой меди» [Chernykh 1977, 38].

10. «Изучение ранних, I и II видов топоров приводит к двум важным заключениям. Во-первых, наиболее мощное производство топоров раннего бронзового века концентрировалось в очагах Балкано-Карпатской горно-металлургической области. Во-вторых, ... обнаруживается стойкая закономерность: южная зона (Восточные и особенно Кавказ) заполнены изделиями из медно-мышьяковых сплавов, северная зона – орудиями, отлитыми из чистой меди» [Chernykh 1977, 38].

11. Изучение металлургии энеолита-ранней бронзы двух основных горно-металлургических областей – Балкано-Подунавья и Кавказа подтвердили, с одной стороны, применительно к Балкано-Подунавью – отсутствие связей между традициями металлопроизводства энеолита и раннего бронзового века. – «Формы основных категорий инвентаря предшествующей энеолитической металлургии оказались совершенно несвязанными с типами раннебронзового века. Вероятно, различной была и технология ...», а с другой стороны – местные истоки кавказских типов мышьяковых бронз «восходящие к ближневосточным образцам», связаны «с южными и, в частности, анатолийскими воздействиями» [Chernykh 1977, 39-40].

12. «... процесс диффузии приемов металлургии и металлообработки раннего бронзового века в степных областях заключался преимущественно не в форме импортов (как ранее виделось автору – В.Д.), но в распространении профессиональных групп металлургов и кузнецов. Они то и отливали или отковывали из некавказского или даже кавказского металла изделия, распространявшиеся затем в среде степных племен» [Chernykh 1977, 41].

13. «... сложен вопрос о соотношении кавказской и балкано-карпатской металлургии раннебронзового века. Остается ... неясным, дошел ли импульс с Кавказа через степные области до Балкан и Карпат? А если достиг, то он ли является причи-

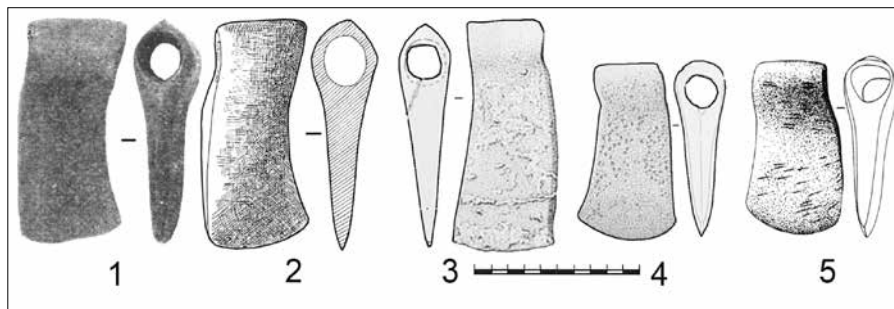

Рис. 11. Находки в западной периферии распространения топоров. 1 - Крѣвник; 2 - Севлиево (Болгария); 3 - Отток (Далмация); 4 - «Австрия»; 5 - «Словакия» (1 - по А.Т. Милчев; 2 - по В. Миков; 3 - по Z. Žeravica; 4 - по E.F. Mayer; 5 - по М. Novotna).

Fig. 11. Finds from the western periphery of the range of distribution of axes. 1 - Krevnik; 2 - Sevlievo (Bulgaria); 3 - Ottok (Dalmatia); 4 - "Austria"; 5 - "Slovakia". (according to: 1 - A.T. Milchev; 2 - V. Mikov; 3 - Z. Žeravica; 4 - E.F. Mayer; 5 - M. Novotna).

ной создания там металлургии раннего бронзового века? ... Указать ... на прямые кавказские импорты в Балкано-Карпатье, которые бы послужили основанием для подтверждения такого импульса, мы сейчас не в состоянии». И далее «Мнение об относительно более ранней дате металлообработки на Северном Кавказе и в степях Восточной Европы не подкрепляется многочисленными радиоуглеродными определениями. Сопоставление этих дат рисует даже обратную картину!» [Chernykh 1977, 41-42].

14. «Металлургия среднего бронзового века в пределах ЦМП характеризуется переходом к полностью закрытым литейным формам III и IV видов. Перемены технологические совпали с этнокультурными». И ниже «... возрастают различия в продукции различных металлургических и металлообрабатывающих очагов и технологии их производства». «В восточных областях – топоры ранней фазы среднебронзового века были связаны с очагами, обслуживающими население катакомбной, полтавкинской культур, культуры многоваликовой керамики; на Кавказе – одноименной северокавказской культуры ...» «К наиболее значительным событиям (этого времени – В.Д.) следует относить возникновение весьма мощного производства топоров в степной зоне Восточной Европы с центром в Среднем и Нижнем Поднепрорье ... Одновременно с этим заметно утрачивается интерес к производству этого вида орудий на Северном Кавказе» [Chernykh 1977, 44-45].

15. «Если о ранней фазе можно было говорить как о времени усиливающихся различий в основных очагах ЦМП, то на поздней фазе происходит ее фактический распад» [Chernykh 1977, 48]. «Одним из важнейших событий явилось создание мощных

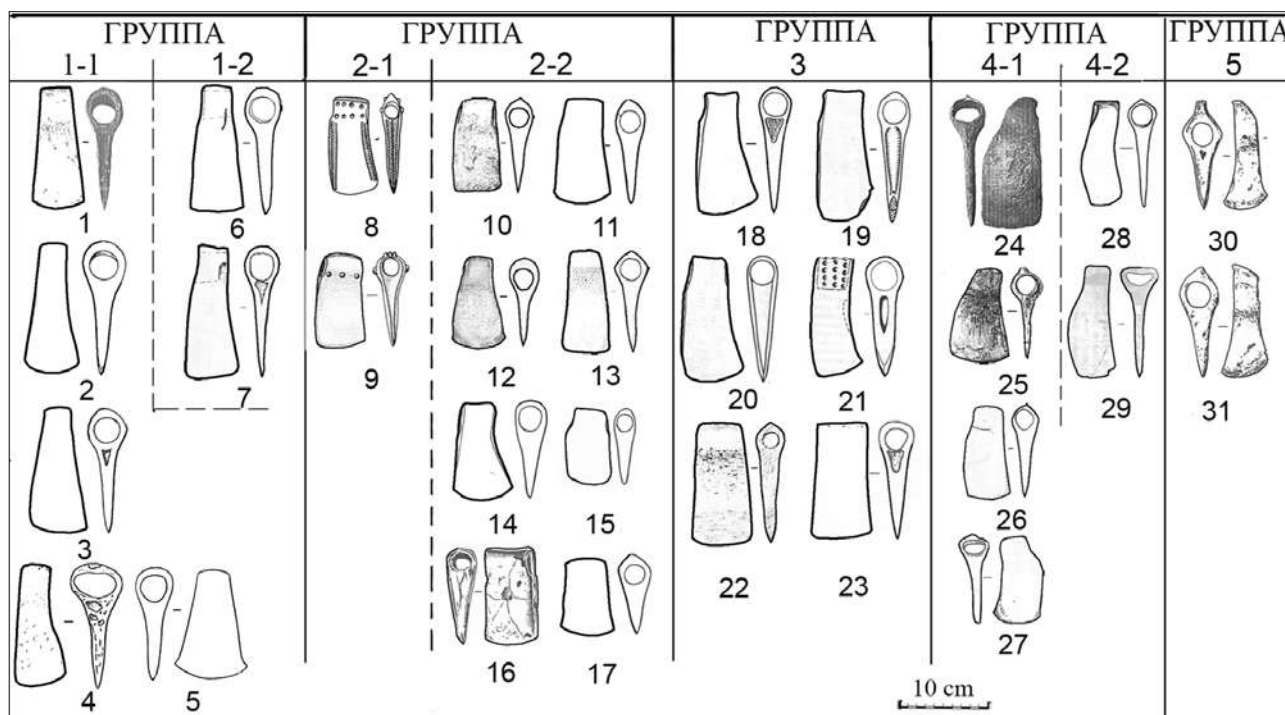

Рис. 12. Классификация топоров майкопско-новосвободненской общности согласно С.Н.Кореньевскому. Группы: 1 - Майкоп; 2 - Усть-Дзегутинская; 3 - Герменчик; 4 - Новомаковка; 5 - Балаклава; 6 - Безенег; 7 - Заманкуль; 8-10, 12, 15, 26 - Новосвободная; 11, 14, 17 - Прикубанье; 15 - Сочи; 16 - Тачин-Цариг; 18 - Новороссийск; 19 - Анастасьевская; 20 - Лакшук; 21 - Успенское; 22 - Нальчик; 23 - Карабаум; 24 - Псебайская; 25 - Темрюк; 27 - Кульбакеби; 28 - Брэдзори; 29 - Леникан, 30 - Лечинская, 31 - Пятигорск (таблица составлена на основании данных – см. Кореньевский 2011, 61 сл.).

Fig. 12. Classification of MNO axes, according to S.N. Korenevsky. (The table was compiled on the basis of the data presented in the work of 2011, p. 61 et seq.).

1 - Maikop; 2 - Ust-Dzhegutinskaya; 3 - Germenchik; 4 - Novomakovka; 5 - Balaklava; 6 - Bezenegi; 7 - Zamankul; 8-10, 12, 15, 26 - Novosvobodnaia; 11, 14, 17 - Kuban region; 15 - Sochi; 16 - Tachin-Tsarig; 18 - Novorossiisk; 19 - Anastasievskaya; 20 - Lakshukai; 21 - Uspenskoe; 22 - Nalchik; 23 - Karabaum; 24 - Psebayskaya; 25 - Temryuk; 27 - Kulbakebi; 28 - Bradzori; 29 - Leninakan, 30 - Lechinkai, 31 - Pyatigorsk.

новых очагов в пределах воздействий Уральской горно-металлургической области ...»; возникновение «мощных восточно-европейских культурно-исторических общностей: абашевско-баланбашской, срубной и андроновской – расселение их племен к западу и вытеснение оттуда аборигенного населения повело к разрушению традиционных контактов между Кавказом, степью и Балкано-Карпатьем». «На поздней фазе среднебронзового периода на Карпатах начинают резко преобладать оловянные бронзы ...». «... История ЦМП заканчивается ее полным распадом на поздней фазе эпохи средней бронзы». «С началом позднего бронзового века возникают иные металлургические провинции ...» [Chernykh 1977, 49-51], – добавим – с совершенно другими характеристиками: с повсеместным использованием оловянных бронз, с качественно иным набором изделий, в котором втульчатые топоры сменяются топорами с закрытыми втулками – кельтами.

Комментируя выделенные выше моменты, нельзя не обратить внимание на пункт 13, касаю-

щийся неясностей и противоречий, оговоренных Е.Н. Черных.

Причина сложностей решения вопроса «о соотношении кавказской и балкано-карпатской металлургии» обусловлена двумя обстоятельствами. Во-первых, тем, что в своих типологических построениях автор трактует наиболее ранние топоры Карпато-Подунавья и Кавказа как совершенно различные типы: типа Баниабик (по автору № 7) и Майкопско-Новосвободненских типов (типы №№ 1-5) [Chernykh 1977, табл.1, рис.2]. Вторая причина – недостаточное знание находок подобных топоров, как применительно к территории Украины (тех самых, неохваченных им в исследованиях начала 60-х годов, о чем сказано ранее – см. рис. 7), так и с территории Болгарии – находок неучтенных им при исследовании металла этой страны (рис. 11; рис. 2,51-55; рис. 11,1-2). Что же касается противоречий, обнаруженных автором в хронологическом соотношении разных культур и очагов металлообработки по радиоуглеродным определениям, то, судя

по их абсолютным значениям [Chernykh 1977, 43, рис. 6], они были использованы без надлежащей калибровки. Откуда и появились противоречья.

Оценивая значение этой работы Е.Н. Черных, я бы выделил следующие основные положения:

Вопреки ранее бытовавшим представлениям, выраженным в широком использовании расплывчатого понятия „*период перехода от энеолита к эпохи бронзы*“, Е.Н. Черных, на основании изучения втульчатых топоров, впервые обстоятельно обосновал специфику и особенности ранней поры эпохи бронзы Южной и Юго-Восточной Европы: ее хронологические границы, истоки, содержание и конкретное – порегиональное, пространственное проявление.

Основное содержание этого периода (в отличие от поры энеолита) выражается в появлении и широком распространении искусственных – мышьяковых бронз, новых приемов отливки и обработки металла, качественно новый набор изделий.

Истоки всех этих нововведений, вне сомнения, связаны с Кавказом – носителями Майкопско-Новосвободненской общности и, соответственно, весь этот длительный период можно назвать – «*кавказским*», как это и было предложено самим автором еще в работе 1966 г. (см. ранее приведенную цитату).

В пространственном отношении передача и восприятие выработанных на Кавказе традиций сопровождалась широким распространением нового искусственного металла при одновременном (в зависимости от ситуации с местной сырьевой базой) широком производстве изделий из «чистой» меди (в особенности в периферийных – отдаленных от Кавказа регионах), а так же при непрерывном модифицировании и усовершенствовании изначально заданных методов отливки и самих форм производимых изделий.

Следуя этим проявлениям, нижние границы выделенного периода должны определяться временем развития Майкопско-Новосвободненской и синхронных ей культур, а верхняя граница – временем окончательного изживания изначальных кавказских традиции, что по данным Е.Н. Черных (по традиционной периодизации) приходится на

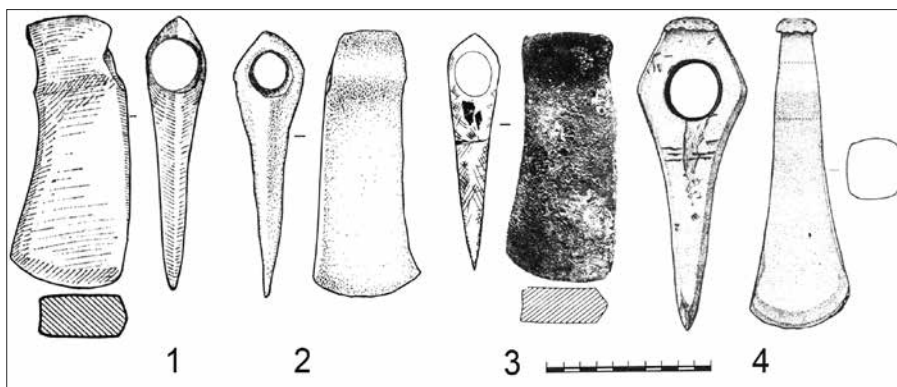

Рис. 13. Некоторые находки топоров, сделанные в четвертом периоде их изучения. 1 - Олэнешть; 2 - Махмудия; 3 - Извоареле (Румыния); 4 - Калдус (Польша) (1 - по Gh.I. Petre-Govora; 2 - по I. Vasiliu; 3 - по M. Irimia; 4 - по K. Adamczak).

Fig. 13. From the findings of the fourth period. 1 - Olănești; 2 - Mahmudia; 3 - Izvoarele (România); 4 - Kaldus (Poland). (according to: 1 - Gh.I. Petre-Govora; 2 - I. Vasiliu; 3 - M. Irimia; 4 - K. Adamczak).

конец среднего периода бронзы, когда мышьяковые бронзы сменяются оловянными.

Более того, добавим от себя, что весь этот продолжительный промежуток времени, выделенный Е.Н. Черных как общая протяженность бытования мышьяковых бронз (которая по подсчетам составляет не менее тысячи лет), вполне можно возвести в ранг эпохи, обозначив его как эпоху ранней или мышьяковой бронзы, в отличие от эпохи оловянистых бронз. Но, подробнее об этом – в другой работе.

Детальный анализ втульчатых топоров и выведенные из них новые принципиальные положения общего характера, впоследствии, в большей или меньшей степени, отражены в его монографии по металлу Болгарии [Chernykh 1978a] и в обобщающей работе, изданной в Англии [Černych 1992]. Удивляет, однако, вот что. Именно рассмотренная выше работа (1977 г.) оказалась менее всего востребованной, как зарубежными, так и советскими/российскими кавказоведами. Как ни старался, я так и не нашел ни одной сноски на эту работу. Проверьте, а жаль.

Совершенно с другого ракурса подошла в 70-х гг. XX в. к кавказским древностям М. Гимбутас, включившая их в контекст своей концепции о трех волнах миграции индоевропейцев. Как хорошо известно, Майкопский, и в целом – кавказский фактор связывался ею со второй волной миграции курганных культур Восточной Европы, приведшей к кардинальным изменениям по всей Юго-Восточной и Западной Европе.

Подобно Е.Н. Черных, М. Гимбутас признает главенствующую роль Кавказа в становлении раннего бронзового века Европы, выразившегося в широком распространении искусственных мы-

шьяковых бронз, новых технологий, новых наборов орудий труда и в особенности оружия. Опираясь на откалиброванные радиоуглеродные данные, она существенно удревяет начало ранней бронзы Европы, относя его приблизительно к 3400 В.С., и, тем самым, синхронизирует его со временем Трои I [Gimbutas 1973, 171; 1979, 120].

Общий процесс миграции и роли кавказского фактора видится автору в следующей последовательности:

Проникновение носителей первой курганной волны из степного севера на юг вплоть до Закавказья, где к этому времени, под южными влияниями складывается собственная металлургия бронзы; оформление у носителей северокавказской – Майкопской культуры (воспринявшей курганную традицию) собственной металлургии бронзы со своим оригинальным набором изделий и их последующее распространение на запад – в Северное Причерноморье [Gimbutas 1973, 171; 1979, 120].

В Северном Причерноморье носители майкопских традиций, взаимодействуя с носителями культуры Михаиловка-I в их, надо полагать, совместном движении на запад и юг завершают процесс, спровоцированный еще первой миграционной волной, переоформления цивилизаций Старой Европы, обуславливая тем самым формирование множества дробных культур собственно бронзового века (Усатово, Чернавода-I, Коцофень, Езеро, Баден и т.д.), которые, в свою очередь, были полностью перекрыты последней третьей курганной волной – носителями ямной культуры [Gimbutas 1973, 171; 1979, 120].

Отстраняясь от ряда явных нестыковок в хронологическом соотношении перечисляемых автором культур, внимания здесь требует вот что. Если продвижение носителей ямной культуры (третьей волны) во внутренние районы Юго-Восточной и Центральной Европы и тогда – в 70-х гг., и тем более сейчас – надежно документировано сотнями, если не тысячами курганных комплексов, то прямое физическое участие носителей Майкопской культуры (не считая ее достижений в металлургии) в процессе миграции на запад оставался практически недоказуемым.

Рассматриваемый период завершается серией международных симпозиумов, посвященных самым актуальным проблемам кавказоведения, с широким участием зарубежных специалистов; симпозиумы, которые в определенном смысле как бы подвели общую черту под весь советский период кавказоведения. Это последний из трех симпозиумов, организованных под эгидой Международной Унии доисторических и протоисторических

наук в Армении, с запоздалой публикацией материалов [Kavkaz v sisteme... 2003]. Другой, задуманный и организованный Ленинградским отделением Института археологии АН СССР, имел место чуть позже – в 1991 г. в Новороссийске [Maikopskii fenomen... 1991].

Период 4. От разработок предшествующих периодов к современному уровню знаний (90-е гг. XX в. – по настоящее время)

Период особый; период, связанный с развалом СССР, новым государственным обустройством; период постепенного размежевания и взаимоотчуждения: государственного, политического, интеллектуального; период, когда в исторических науках все силы были ориентированы на достижение «истинной правды» (словно «правда» это не есть «истина»), на выискивание своих собственных допотопных корней, подобно случаю с генезисом украинского народа [Videiko 2004, 525-536]. И таких примеров можно привести по каждому из вновь образовавшихся государств.

При всем этом, период отмечается выходом множества монографических работ, аналитических разработок, освещающих самый широкий спектр проблем, связанных с особенностями становления, эволюцией и взаимодействием кавказских культур с окружающим миром [Kushnareva 1993; Korenevskii 1993; Epokha bronzy... 1994; 2004; Markovin 1997; Drevnie obshchestva... 1997; Rezerkin 2012; Gadzhiev 1991; Nekhaev 1992; Gei 2000 и др.].

Особое внимание на всем протяжении периода уделено проблеме кавказской металлургии: ее происхождению, особенностям и ее последующего влияния на культуры Юго-Восточной Европы [Ryndina et al. 2008; Ryndina, Ravich 2012; Ryndina, Ravich 2014; Korenevskii 2011; 2017; Rysin 2007; 2012].

Период отмечается возросшим интересом к культурам Кавказа со стороны украинских специалистов, в частности – к проблеме взаимодействия культур Кавказа с культурами энеолита-бронзы Украины. Они отражены главным образом в работах А.Л. Нечитайло [Nechitailo 1991; 2000]. На всем протяжении этого периода наблюдается постепенное возрастание числа западноевропейских специалистов, вовлеченных в обсуждение и разработку кавказской проблематики во всех ее аспектах [Häusler 1994; Lyonnet 2000; Hansen 2009; 2011; Govedarica 2002]. Как и прежде, неизменной популярностью на всем протяжении периода пользовалась пользовалась проблема интересующих нас здесь втульчатых топоров, рассматриваемых однако по уже оговоренному принципу: в Юго-Восточной Европе – свои, типа Баниабик, а на Вос-

токе – свои, типа Майкоп-Новосвободная.

Существенный вклад в изучение последней из названных групп внес С.Н. Корневский, разработавший их классификацию (рис. 12), хронологию; определивший очаги их производства и их культурную функцию (преимущественно как оружие) [Korenevskii 2011, 61; 2017, 77]. Проблема их распространения на север, в ареал

степных культур, рассматривалась в работах М.Б. Рысина, П.Ф. Кузнецова, А.А. Калмыкова, С.П. Грушина и др. [Rysin 2007; 2012; Kuznetsov, Kuz'minykh 2006; Kuznetsov 2009; Kalmykov, Korenevskii 2001; Grushin et al. 2006; 2009].

Применительно к Юго-Восточной Европе проблема топоров типа Баниабик, в связи с новыми находками (рис. 13; рис. 2,48-55,57), активно обсуждалась в работах и румынских [Irimia 1998], и словенских [Bátora 2003], и венгерских [Szeverenyi 2013] археологов. Как и в прежние годы, все эти и другие авторы неизменно подчеркивают сходство этих топоров с топорами Кавказа и/или Фатьяновской культуры. Но, как и прежде, предпочитают видеть в них некий особый тип, ссылаясь при этом на главный аргумент сформулированный еще А. Вулпе – отсутствие подобных топоров на промежуточной территории, связывающей Кавказ с Карпато-Подунавьем, т.е. в Северном Причерноморье или конкретнее – на территории Украины и Молдовы.

Между тем, на протяжении рассматриваемого периода ситуация на Украине уже существенно изменилась и число втульчатых топоров типа Баниабик и/или типа Майкоп-Новосвободная в количественном отношении, пожалуй, более не уступает ни первым, ни последним. И, как это не парадоксально, эти изменения были вызваны, главным образом, деятельностью нелегальных старателей, вооруженных металлоискателями, действующие днем и ночью, круглый год, с ежедневным выставлением своих открытий на онлайн экспертизы и аукционы. И благо, что, по крайней мере, некоторые из этих находок попадали в руки местных коллекционеров, придающих их всеобщей огласке (рис. 14,1-4; рис. 2,32, 44-46) [Klochko 2006; Klochko, Koz'menko 2011; 2017]. Особо следует отметить здесь находку втульчатого топо-

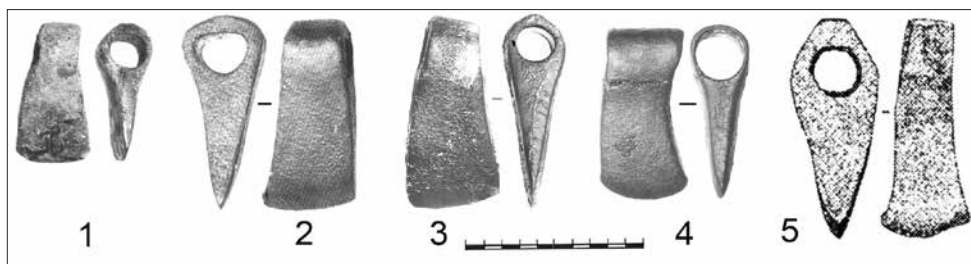

Рис. 14. Находки на территории современной Украины, сделанные в четвертом периоде изучения топоров. 1 - Краснопресненск (разрушенное погребение); 2 - Иваньки (клад); 3 - Ивановка (клад); 4 - Малиевцы (случайная находка); 5 - Александровка (погребение усатовской культурной группы) (1-4 - по В.И. Клочко; 5 - по В.Г. Петренко).

Fig. 14. From the findings of the fourth period in Ukraine.

1 - Krasnopresnensk (distracted burial); 2 - Ivanki (hoard); 3 - Ivanovka (hoard); 4 - Malyevtsi; 5 - Alexandrovka (burial of Usatovo type).

(according to: 1-4 - V.I. Klochko; 5 - V.G. Petrenko).

ра в курганном погребении усатовской группы у с. Александровка, подтвердившая прямую связь этих изделий с носителями этой культурной группы (рис. 14,5; рис. 2,34).

Таковы основные вехи изучения Майкопской культуры и связанных с ней втульчатых топоров.

По логике изложения, здесь напрашивается некое резюме, некая общая оценка пройденного более чем за сто лет периода изучения Майкопско-Новосвободненской общности.

Не будучи кавказоведом, я не могу и не беру на себя такую ответственность. Тем более, что первая подобная «критическая попытка» уже была предпринята в недавно опубликованной статье, надо понимать – молодого специалиста и посему, на мой взгляд, не самая удачная [Tydo 2017]. Чувствуется слабое знание материалов, литературы и неадекватное восприятие, неумение вычлнить наиболее значимые аспекты рассматриваемой проблематики. В результате, из краткого резюме в конце статьи следует, что главное достижение более чем столетнего периода изучения майкопской культуры сводится к тому, что была «создана солидная база для дальнейших исследований». Ни слова о колоссальных знаниях, накопленных как по самой Майкопской культуре, так и ее роли в понимании эпохи бронзы Европы в целом. И далее пишет автор – хорошо, что представители русской/российской школы следовали собственным традициям «Однако приверженность только определенным взглядам на протяжении многих лет зачастую не позволяет исследователям предложить новые подходы в решении существующих проблем» [Tydo 2017, 67]. Выход из подразумеваемой деликатной ситуации, в которой как будто бы оказались российские кавказоведы – напрашивается сам собой... Пригласим, подскажут, научат...

Что же касается проблемы изучения втульчатых топоров, напомним – как одной из самых многочисленных и информативных категорий проявления Майкопской культуры, здесь я буду кратким.

В 2007 г. Е.Н. Черных издал последний – финальный том по Каргалинскому комплексу, в котором (Каргалы V, Часть I) были подведены общие итоги по разрабатываемой им на протяжении нескольких десятилетий концепции Металлургических провинций Европы и Азии [Chernykh 2007, 14-133].

Чуть позже – в 2013, в Санкт-Петербурге, на двух языках, был издан внушительных объемов том/каталог под всеохватывающем символическим названием “Бронзовый век. Европа без границ/Bronzezeit. Europa ohne Grenzen” [Bronzezeit... 2013]. Авторами этого тома выступают лучшие из лучших специалистов всей Европы: и Восточной, и Западной.

Ныне, именно эти тома и следует воспринимать как наиболее полно отражающие современные

знания об эпохе бронзы Европы во всех ее проявлениях. Но, обращаясь к этим изданиям, следует отчетливо осознавать, что наряду со многими другими, одним из краеугольных камней в выработке этих знаний, были втульчатые топоры, вбирающие в себе информацию и о новых методах технологии отливки бронз, и о последующем их распространении, по крайней мере, по всей Восточной и Юго-Восточной Европе.

Слабым же звеном в дальнейшей разработке проблемы втульчатых топоров представляются два основных обстоятельства. Во-первых, недостаточное знание большинством специалистов имеющихся сейчас в наличии изделий этой категории (более 240 экз.). И, во-вторых, неоправданное, автономное рассмотрение топоров типа Баниабик и Майкопско-Новосвободнинского типа, т.е. попросту – речь идет об их неадекватной классификации и систематизации.

Рассмотрению этих обстоятельств будут посвящены последующие части этого исследования.

Библиография

- Andreeva 1977:** M.V. Andreeva, K voprosu o iuzhykh svyaziakh maikopskoi kul'tury. SA 1, 1977, 35-96 // М.В. Андреева, К вопросу о южных связях майкопской культуры. СА 1, 1977, 39-56.
- Andreeva 1979:** M.V. Andreeva, Ob izobrazheniiakh na serebrianykh maikopskikh sosudakh. SA 1, 1979, 22-34 // М.В. Андреева, Об изображениях на серебряных майкопских сосудах. СА 1, 1979, 22-34.
- Artamonov 1948:** M.I. Artamonov, Tretii Razmennyy kurgan u st. Kostromskoi. SA 10, 1948, 161-182 // М.И. Артамонов, Третий Разменный курган у ст. Костромской. СА 10, 1948, 161-182.
- Bátora 2003:** J. Bátora, Kupferne Schaftlochäxte in Mittel-, Ost- und Südosteuropa. Slovenska Archeologia, B. LI:1, 2003, 1-36.
- Berciu 1942:** D. Berciu, Unelte de cupru și bronz de origine transilvană: securi de tip Baniabic. Apulum I, 1942, 1-23.
- Bronzezeit...2013:** Bronzezeit. Europa ohne Grenzen. 4-1. Jahrtausend v. Chr. Ausstellungskatalog (Sankt-Petersburg 2013) // Бронзовый век. Европа без границ. Четвертое – первое тысячелетия до н.э. Каталог выставки (Санкт-Петербург 2013).
- Chernykh 1966:** E.N. Chernykh, Istorii drevneishei metallurgii Vostochnoi Evropy. MIA 132, 1966 // Е.Н. Черных, История древнейшей металлургии Восточной Европы. МИА 132, 1966.
- Chernykh 1971:** E.N. Chernykh, O drevneichikh ochagakh metalloobrabotki Iugo-Zapada SSSR. KSIA 123, 1971, 23-31 // Е.Н. Черных, О древнейших очагах металлообработки Юго-Запада СССР. КСИА 123, 1971, 23-31.
- Chernykh 1974:** E.N. Chernykh, Ob osnovnykh etapakh drevneishei metallurgii medi na territorii Bolgarii (IV – nachalo I tys. do n.e.). Thracia III (Sofia 1974), 379-395 // Е.Н. Черных, Об основных этапах древнейшей металлургии меди на территории Болгарии (IV – начало I тыс. до н.э.). Thracia III (София 1974), 379-395.
- Chernykh 1976:** E.N. Chernykh, Drevniaia metalloobrabotka na Iugo-Zapade SSSR (Moskva 1976) // Е.Н. Черных, Древняя металлообработка на Юго-Западе СССР (Москва 1976).
- Chernykh 1977:** E.N. Chernykh, Ob evropeiskoi zone Tsirkumpontiiskoi provintsii (TsMP). AAC XVII, 1977, 29-51 // Е.Н. Черных, Об европейской зоне Циркумпонтийской провинции (ЦМП). AAC XVII, 1977, 29-51.
- Chernykh 1978a:** E.N. Chernykh, Gornoe delo i metallurgii v drevneishei Bolgarii (Sofia 1978) // Е.Н. Черных, Горное дело и металлургия в древнейшей Болгарии (София 1978).
- Chernykh 1978b:** E.N. Chernykh, O Iugo-Vostochnoi zone Balkano-Karpatskoi metallurgicheskoi provintsii epokhieneolita. Studia Praehistorica 1 (Sofia 1978), 170-181 // Е.Н. Черных, О Юго-Восточной зоне Балкано-Карпатской металлургической провинции эпохи энеолита. Studia Praehistorica 1 (София 1978), 170-181.
- Chernykh 2007:** E.N. Chernykh, Kargaly V. Kargaly: fenomen i paradoksy razvitiia (Moskva 2007) // Е.Н. Черных, Каргалы V. Каргалы: феномен и парадоксы развития (Москва 2007).

- Černych 1992:** E.N. Černych, *Ancient metallurgy in the USSR* (New York 1992).
- Childe 1927:** V.G. Childe, *The Dawn of European Civilisation* (London 1927).
- Childe 1930:** V.G. Childe, *The Bronze Age* (Cambridge 1930).
- Childe 1936:** V.G. Childe, *The Axes from Maikop and Caucasian Metallurgy*. *Annals of Archaeology and Anthropology*, vol. XXIII (Liverpool 1936), 113-119.
- Degen-Kovalevskii 1939:** В.Е. Деген-Ковалевский, *Problema datirovki „bol'shikh kubanskikh kurganov“*. КСИИМК 2, 1939, 14-17 // Б.Е. Деген-Ковалевский, *Проблема датировки «больших кубанских курганов»*. КСИИМК 2, 1939, 14-17.
- Drevnie obshchestva 1997:** *Drevnie obshchestva Kavkaza v epokhu paleometalla (rannie kompleksnye obshchestva i voprosy kul'turnoi transformatsii)*. In: (red. V.M. Masson) *Arkheologicheskie izyskaniia* 46, 1997 // *Древние общества Кавказа в эпоху палеометалла (ранние комплексные общества и вопросы культурной трансформации)*. In: (ред. В.М. Массон и др.) *Археологические изыскания* 46, 1997.
- Epokha bronzy... 1994:** *Epokha bronzy Kavkaza i Srednei Azii. Rannaya i srednyaya bronza Kavkaza* (Moskva 1994) // *Эпоха бронзы Кавказа и Средней Азии. Ранняя и средняя бронза Кавказа*. (М.: Наука. 1994).
- Farmakovskii 1914:** В.В. Фармаковский, *Arkhaicheskii period v Rossii*. *Materialy po arkheologii Rossii*, вып. 34, 1914, 15-78 // Б.В. Фармаковский, *Архаический период в России*. *Материалы по археологии России*, вып. 34, 1914, 15-78.
- Formozov 1961:** А.А. Формозов, *Arkheologicheskie issledovaniia peshcher v verkhov'iax reki Beloi v Krasnodarskom krae*. *Sbornik materialov po arkheologii Adygei*, tom II (Maikop 1961), 39-72 // А.А. Формозов, *Археологические исследования пещер в верховьях реки Белой в Краснодарском крае*. *Сборник материалов по археологии Адыгеи*, том II (Майкоп 1961), 39-72.
- Formozov 1965:** А.А. Формозов, *Kamennyi vek i eneolit Prikuban'ia* (Moskva 1965) // А.А. Формозов, *Каменный век и энеолит Прикубанья* (Москва 1965).
- Gadzhiev 1991:** М.Г. Гаджиев, *Rannezemledel'cheskaia kul'tura Severo-Vostochnogo Kavkaza: Epokha eneolita i rannei bronzy*. *Otv. red. R.M. Munchaev* (Moskva 1991) // М.Г. Гаджиев, *Раннеземледельческая культура Северо-Восточного Кавказа: Эпоха энеолита и ранней бронзы*. *Отв. ред. Мунчаев* (Москва 1991).
- Gei 2000:** А.Н. Гей, *Novotitarovskaia kul'tura* (Moskva 2000) // А.Н. Гей, *Новотитаровская культура* (Москва 2000).
- Gimbutas 1973:** M. Gimbutas, *The Beginning of the Bronze Age of Europe and the Indo-Europeans: 3500-2500 B.C.* *JIES*, T. 1:1-4, 1973, 163-214.
- Gimbutas 1979:** M. Gimbutas, *The Three Waves of the Kurgan People into Old Europe, 4500-2500 B.C.* *Archives suisses d'antropologie générale*, T. 42:2 (Genève 1979), 113-137.
- Gorodtsov 1910:** V.A. Gorodtsov, *Bytovaia arkheologiia. Kurs lektsii* (Moskva 1910) // В.А. Городцов, *Бытовая археология. Курс лекций* (Москва 1910).
- Gorodtsov 1927:** V.A. Gorodtsov, *Bronzovyi vek na territorii SSSR. I-oe izdanie*. *BSE*, 7, 1927, 604-626 // В.А. Городцов, *Бронзовый век на территории СССР. I-ое издание*. *БСЭ*, 7, 1927, 604-626.
- Govedarica 2002:** B. Govedarica, *Die Majkop-Kultur zwischen Europa und Asien. Zur Entstehung einer Hochkultur im Nordkaukasus während des 4. Jts. v. Chr.* In: (Hrsg. R. Aslan u. a.) *Festschrift für Manfred Korfmann*, B. 2 (Remshalden-Grumbach 2002), 781-797.
- Grushin et al. 2006:** S.P. Grushin, E.A. Tiurina, S.V. Khavrin, *Drevneishii metall Iuzhnoi Sibiri*. In: *Altai v sisteme metallurgicheskikh provintsii bronzovogo veka* (Barnaul 2006), 18-32 // С.П. Грушин, Е.А. Тюрина, С.В. Хаврин, *Древнейший металл Южной Сибири*. In: *Алтай в системе металлургических провинций бронзового века* (Барнаул 2006), 18-32.
- Grushin et al. 2009:** S.P. Grushin, D.V. Panin, O.A. Pozdniakova, E.A. Tiurina, A.S. Fedoruk, S.V. Kharvin, *Altai v sisteme metallurgicheskikh provintsii eneolita i bronzovogo veka* (Barnaul 2006) // С.П. Грушин, Д.В. Папин, О.А. Позднякова, Е.А. Тюрина, А.С. Федорук, С.В. Хаврин, *Алтай в системе металлургических провинций энеолита и бронзового века* (Барнаул 2009).
- Hančar 1937:** Fr. Hančar, *Urgeschichte Kaukasiens von den Anfängen seiner Besiedlung bis in die Zeit seiner frühen Metallurgie* (Wien 1937).
- Hansen 2009:** S. Hansen, *Kupfer, Gold und Silber im Schwarzmeerraum während des 5. und 4. Jahrtausends v. Chr.* In: (Eds. J. Apakidze, B. Govedarica, B. Hänsel) *Der Schwarzmeerraum vom Äneolithikum bis in die Früheisenzeit (5000-500 v. Chr.). Kommunikationsebenen zwischen Kaukasus und Karpaten. Internationale Fachtagung von Humboldtianern für Humboldtianer im Humboldt-Kolleg in Tiflis/Georgien*, 17. - 20. Mai 2007 (Rahden/Westf. 2009), 11-50.
- Hansen 2011:** S. Hansen, *Technische und soziale Innovationen in der zweiten Hälfte des 4. Jahrtausends v. Chr.* In: (Hrsg. S. Hansen, J. Müller) *Sozialarchäologische Perspektiven: Gesellschaftlicher Wandel 5000-1500 v. Chr. zwischen Atlantik und Kaukasus*. *Archäologie in Eurasien* (Main 2011), 153-191.
- Häusler 1994:** A. Häusler, *Die Majkop-Kultur und Mitteleuropa*. *Zeitschrift für Archäologie*, T. 28 (Berlin 1994), 191-246.
- Iessen 1935a:** А.А. Иессен, *К вопросу о древнейшей металлургии меди на Кавказе*. ИГАИМК, вып. 120, 1935, 7-237 // А.А. Иессен, *К вопросу о древнейшей металлургии меди на Кавказе*. ИГАИМК, вып. 120, 1935, 7-237.
- Iessen 1935b:** А.А. Иессен, *Raboty Komissii metallov. Obshchii otchet*. ИГАИМК, вып. 110, 1935, 158-162 // А.А. Иессен, *Работы Комиссии металлов. Общий отчет*. ИГАИМК, вып. 110, 1935, 158-162.

- Iessen 1939:** A.A. Iessen, Drevneishaia metallurgiiia Kavkaza I ee rol' v Perednei Azii. In: Doklady III Mezhdunarodnogo kongressa po iranskomu iskusstvu i arkheologii, 1939, 91-103 // A.A. Иессен, Древнейшая металлургия Кавказа и ее роль в Передней Азии. In: Доклады III Международного конгресса по иранскому искусству и археологии, 1939, 91-103.
- Iessen 1947:** A.A. Iessen, Grecheskaia kolonizatsiia Severnogo Prichernomor'ia: ee predposylki i osobennosti (Leningrad 1947) // A.A. Иессен, Греческая колонизация Северного Причерноморья: ее предпосылки и особенности (Ленинград 1947).
- Iessen 1950:** A.A. Iessen, K khronologii „bol'shikh kubanskikh kurganov“. SA XII, 1950, 157-200 // A.A. Иессен, К хронологии «больших кубанских курганов». СА XII, 1950, 157-200.
- Iessen 1951:** A.A. Iessen, Prikubanskii ochag metallurgii i metalloobrabotki v kontse medno-bronzovogo veka. MI, 23, 1951, 75-124 // A.A. Иессен, Прикубанский очаг металлургии и металлообработки в конце медно-бронзового века. МИА 23, 1951, 75-124.
- Iessen 1963:** A.A. Iessen, Kavkaz I Drevnii Vostok v IV i III tysiacheletiiakh do nashei ery. KSIA 93, 1963, 3-14 // A.A. Иессен, Кавказ и Древний Восток в IV и III тысячелетиях до нашей эры. КСИА 93, 1963, 3-14.
- Irimia 1998:** M. Irimia, Unele consideratii privind topoarele de tipul Baniabic în lumina descoperirii de la Izvoarele (jud. Constanța). Pontica XXXI, 1998, 37-47.
- Kalmykov, Korenevskii 2001:** A.A. Kalmykov, S.N. Korenevskii, Novoe pogrebenie s bronzovym toporom epokhi srednei bronzy iz stepnogo Predkavkaz'ia. In: (red. A.B. Belinskii i dr.) Materialy po izucheniiu istoriko-kul'turnogo naslediiia Severnogo Kavkaza. Вып. II. Arkheologiiia, antropologiiia, palioklimatologiiia (Moskva 2001), 52-63 // A.A. Калмыков, С.Н. Корневский, Новое погребение с бронзовым топором эпохи средней бронзы из степного Предкавказья. In: (Ред. А.Б. Белинский и др.) Материалы по изучению историко-культурного наследия Северного Кавказа. Вып. II. Археология, антропология, палиоклиматология (Москва 2001), 52-63.
- Kavkaz v sisteme... 2003:** Kavkaz v sisteme rannemetallicheskih kul'tur Evrazii. In: Mezhdunarodnyi simpozium: Kavkaz i Iugo-Vostochnaia Evropa v epokhu rannego metalla. Sagaredjo 1989 (Tbilisi 2003) // Кавказ в системе раннеметаллических культур Евразии. In: Международный симпозиум: Кавказ и Юго-Восточная Европа в эпоху раннего металла. Сагареджо 1989 (Тбилиси, 2003).
- Klochko 2006:** V.I. Klochko, Ozbroyennia ta viis'kova sprava davn'ogo naselennia Ukraini (Kiiv 2006) // В.И. Клочко, Озброєння та військова справа давнього населення України (Київ 2006).
- Klochko, Koz'menko 2011:** V.I. Klochko, A.V. Koz'menko, Nash nedavnii bronzovyi vek (Kiev 2011) // В.И. Клочко, А.В. Козьменко, Наш недавний бронзовый век (Киев 2011).
- Klochko, Koz'menko 2017:** V.I. Klochko, A.V. Koz'menko, Drevnii metall Ukrainy (Kiev 2017) // В.И. Клочко, А.В. Козьменко, Древний металл Украины (Киев 2017).
- Korenevskii 1973:** S.N. Korenevskii, Metallicheskie vtul'chatye topory ural'skoi gorno-metallurgicheskoi oblasti. SA 1, 1973, 39-53 // С.Н. Корневский, Металлические втульчатые топоры уральской горно-металлургической области. СА 1, 1973, 39-53.
- Korenevskii 1974:** S.N. Korenevskii, O metallicheskih toporakh Maikopskoi kul'tury. SA 3, 1974, 14-32 // С.Н. Корневский, О металлических топорах Майкопской культуры. СА 3, 1974, 14-32.
- Korenevskii 1976:** S.N. Korenevskii, O metallicheskih toporakh Severnogo Prichenomor'ia, Srednego i Nizhnego Povolzh'ia epokhi srednei bronzy. SA 4, 1976, 16-32 // С.Н. Корневский, О металлических топорах Северного Причерноморья, Среднего и Нижнего Поволжья эпохи средней бронзы. СА 4, 1976, 16-32.
- Korenevskii 1978:** S.N. Korenevskii, O metalle epokhi bronzy Dagestana. In: (Sost. V.M. Kotovich) Pamiatniki epokhi bronzy I rannego zheleza v Dagestane (Makhachkala 1978), 39-45 // С.Н. Корневский, О металле эпохи ранней бронзы Дагестана. In: (Сост. В.М. Котович) Памятники эпохи бронзы и раннего железа в Дагестане (Махачкала 1978), 39-45.
- Korenevskii 1993:** S.N. Korenevskii, Drevneishee osedloe naselenie na Srednem Tereke (Moskva 1993) // С.Н. Корневский, Древнейшее оседлое население на Среднем Тереке (Москва 1993)
- Korenevskii 2004:** S.N. Korenevskii, Drevneishie zemledel'tsy i skotovody Predkavkaz'ia (Moskva 2004) // С.Н. Корневский, Древнейшие земледельцы и скотоводы Предкавказья (Москва 2004).
- Korenevskii 2011:** S.N. Korenevskii, Drevneishii metall Predkavkaz'ia. Tipologiiia. Istoriko-kul'turnyi aspekt (Moskva 2011) // С.Н. Корневский, Древнейший металл Предкавказья. Типология. Историко-культурный аспект (Москва 2011).
- Korenevskii 2011:** S.N. Korenevskii, Oruzhie v kompleksakh kul'tur nachala medno-bronzovogo veka (V-IV tysiacheletiiia do n.e.): ocherki voenizatsii drevnikh obshchstv po dannym arkheologii. In: (Nauchnyi red. Akad. V.I. Molodin) Podunav'e, iug Vostochnoi Evropy, Kavkaz, Blizhnii Vostok (Moskva 2017). // С.Н. Корневский, Оружие в комплексах культур начала медно-бронзового века (V-IV тысячелетия до н.э.): очерки военизации древних обществ по данным археологии. In: (Научный ред. акад. В.И. Молодин) Подунавье, юг Восточной Европы, Кавказ, Ближний Восток (Москва 2017).
- Kovaleva 1979:** I.F. Kovaleva, Vytianutye pogrebeniia Dneprovskogo areala Volgo-Dneprovskoi kul'turno-istoricheskoi obshchnosti epokhi eneolita. In: Kurganye drevnosti Stepnogo Podneprov'ia (III-I tys. do n.e.) (Dnepropetrovsk 1979), 61-79 // И.Ф. Ковалева, Вытянутые погребения Днепроовского ареала Волго-Днепровской культурно-исторической

общности эпохи энеолита. In: Курганные древности Степного Поднепровья (III-I тыс. до н.э.) (Днепропетровск 1979), 61-79.

Kovaleva et al. 1977: I.F. Kovaleva, S.S. Volkoboi, Z.P. Marina, V.A. Likhachev, V.A. Poptsov, Issledovaniia kurganykh mogil'nikov u s. Verkhniaia Maevka v stepnom mezhdurech'e rek Oreli i Samary. In: Kurgannye drevnosti Stepnogo Podneprov'ia (III-I tys. do n.e.) (Dnepropetrovsk 1979), 8-113 // И.Ф. Ковалева, С.С. Волкобой, З.П. Марина, В.А. Лихачев, В.А. Попцов, Исследования курганных могильников у с. Верхняя Маевка в степном междуречье рек Орели и Самары. In: Курганные древности Степного Поднепровья (III-I тыс. до н.э.) (Днепропетровск 1977), 8-113.

Krupnov 1957: E.I. Krupnov, Drevniaia istoriia i kul'tura Kabardy (Otv. red. A.P. Smirnov) (Moskva 1957) // Е.И. Крупнов, Древняя история и культура Кабарды (Отв. ред. А.П. Смирнов) (Москва 1957).

Krupnov 1960: E.I. Krupnov, Drevniaia istoriia Severnogo Kavkaza (Moskva 1960) // Е.И. Крупнов, Древняя история Северного Кавказа (Москва 1960).

Krupnov, Podgaetskii 1941: E.I. Krupnov, G.V. Podgaetskii, Dolinskoe poselenie u g. Nal'chika. MIA 3, 1941, 147-212 // Е.И. Крупнов, Г.В. Подгаецкий, Долинское поселение у г. Нальчика. МИА 3, 1941, 147-212.

Kushnareva 1970: K.Kh. Kushnareva, Iuzhnyi Kavkaz v IX-II tys. do n.e. Etapy kul'turnogo i sotsial'no-ekonomicheskogo razvitiia (Sankt-Peterburg 1993) // К.Х. Кушнарева, Южный Кавказ в IX-II тыс. до н.э. Этапы культурного и социально-экономического развития (Санкт-Петербург 1993).

Kushnareva, Chubinishvili 1970: K.Kh. Kushnareva, T.N. Chubinishvili, Drevnie kul'tury Iuzhnogo Kavkaza (Leningrad 1970) // К.Х. Кушнарева, Т.Н. Чубинишвили, Древние культуры Южного Кавказа (Ленинград 1970).

Kuznetsov 2009: P.F. Kuznetsov, Kurgannye kul'tury i veroiatnosti migratsionnykh modelei. In: Problemy izucheniia kul'tur rannego bronzovogo veka stepnoi zony Vostochnoi Evropy (Orenburg 2009), 98-104 // П.Ф. Кузнецов, Курганные культуры и вероятность миграционных моделей. In: Проблемы изучения культур раннего бронзового века степной зоны Восточной Европы (Оренбург 2009), 98-104.

Kuzentsov, Kuz'minykh 2006: P.F. Kuzentsov, S.V. Kuz'minykh, Topor iz Bol'shogo Utevskego kurgana: istoriograficheskii etiud. In: (Red. I.N. Vasil'eva i. dr.) Voprosy arkheologii Povolzh'ia. Вып. 4 (Samara 2006), 225-235 // П.Ф. Кузнецов, С.В. Кузьминых, Топор из Большого Утевского кургана: историографический этюд. In: (Ред. И.Н. Васильева и др.) Вопросы археологии Поволжья. Вып. 4 (Самара 2006). 225-235.

Lyonnet 2000: B. Lyonnet, La Mésopotamie et le Caucase du Nord au IV et au début du III millieners av. n.e.: Leurs rapports et les problèmes chronologiques de la culture de Majkop. État de la question et nouvelles propositions. In: (Eds. C. Marro, H. Hauptmann) Chronologies des pays du Caucase et de L'Euphrate aux IV-III millenaires (Paris 2000), 299-300.

Maikopskii fenomen... 1991: Maikopskii fenomen v drevnei istorii Kavkaza i Vostochnoi Evropy. In: Tezisy dokladov. Mezhdunarodnyi simpozium, Novorossiisk, 18-24 marta 1991 g. (Leningrad 1991) // Майкопский феномен в древней истории Кавказа и Восточной Европы / Тезисы докладов. Международный симпозиум, Новороссийск, 18 – 24 марта 1991 г. (Ленинград 1991).

Markovin 1960: V.I. Markovin, Kul'tura plemen Severnogo Kavkaza v epokhu bronzy (II tys. do n.e.). MIA. 93, 1960 // В.И. Марковин, Культура племен Северного Кавказа в эпоху бронзы (II тыс. до н.э.). МИА, 93, 1960.

Markovin 1997: V.I. Markovin, Dol'mennye pamiatniki Prikuban'ia i Prichernomor'ia (Moskva 1997) // В.И. Марковин, Дольменные памятники Прикубанья и Причерноморья (Москва 1997).

Martirosian 1964: A.A. Martirosian, Armeniia v epokhu bronzy i rannego zheleza (Erevan 1964) // А.А. Мартиросян, Армения в эпоху бронзы и раннего железа (Ереван 1964).

Munchaev 1961: R.M. Munchaev, Drevneishaia kul'tura Severo-Vostochnogo Kavkaza. MIA, 100, 1961 // Р.М. Мунчаев, Древнейшая культура Северо-Восточного Кавказа. МИА, 100, 1961.

Munchaev 1975: R.M. Munchaev, Kavkaz na zare bronzovogo veka (Moskva 1975) // Р.М. Мунчаев, Кавказ на заре бронзового века (Москва 1975).

Nechitailo 1988: A.L. Nechitailo, Osobennosti stepnykh vliianii na naselenie maikopskoi kul'tury. In: (Red. P.U. Autlev) Voprosy arkheologii Adygei. Maikop: Adygeiskii. NII ekonomika, iazyka, literatury i istorii, 1988, 140-154 // А.Л. Нечитайло, Особенности степных влияний на население майкопской культуры. In: (Ред. П.У. Аутлев) Вопросы археологии Адыгеи. Майкоп: Адыгейский. НИИ экономики, языка, литературы и истории, 1988, 140-154.

Nechitailo 1991: A.L. Nechitailo, Sviasi naseleniia Stepnoi Ukrainy i Severnogo Kavkaza v epokhu bronzy (Kiev 1991) // А.Л. Нечитайло, Связи населения Степной Украины и Северного Кавказа в эпоху бронзы (Киев 1991).

Nechitailo 2000: A.L. Nechitailo, Transregional'nye sviazi v kul'turegeneze vostochnoevropiskikh stepei v epokhu paleometalla. In: (Otv. red. V.M. Masson) Drevnie obshchestva iuga Vostochnoi Evropy v epokhu paleometalla (Sankt-Peterburg 2000), 56-64 // А.Л. Нечитайло, Трансрегиональные связи в культурегенезе восточноевропейских степей в эпоху палеометалла. In: (Отв. ред. В.М. Масон) Древние общества юга Восточной Европы в эпоху палеометалла (Санкт-Петербург 2000), 56-64.

Nekhaev 1992: A.A. Nekhaev, Domaikopskaia kul'tura Severnogo Kavkaza. Arkheologicheskie Vesti, 1, 1992, 76-96 // А.А. Нехаев, Домайкопская культура Северного Кавказа. Археологические Вести, 1, 1992, 76-96.

Nikolaeva, Safronov 1974: N.A. Nikolaeva, V.A. Safronov, Proiskhozhdenie dol'mennoi kul'tury Severo-Zapadnogo Kavkaza. In: Soobshcheniia Nauchno-metodicheskogo soveta po okhrane pamiatnikov kul'tury Ministerstva kul'tury SSSR,

- Вур. VII (Moskva 1974), 174-199 // Н.А. Николаева, В.А. Сафронов, Происхождение дольменной культуры Северо-Западного Кавказа. In: Сообщения Научно-методического совета по охране памятников культуры Министерства культуры СССР, Вып. VII (Москва 1974), 174-199.
- Orosz 1930:** E. Orosz, Bányabükki rézlelet (Der grösste Kupferfund in Siebenbürgen). Arch. Ért. 44 (Budapest 1930), 228-229.
- Popova 1963:** Т.В. Popova, Dol'meny stanitsy Novosvobodnoi. Trudy GIM, vup. XXXIV, 1963 // Т.В. Попова, Дольмены станицы Новосвободной. Труды ГИМ, вып. XXXIV, 1963.
- Rezepkin 2012:** A.D. Rezepkin, Novosvobodnenskaia kul'tura (na osnove materialov mogil'nika „Klady”). Trudy ИМК РАН, Т. XXXVII, 2012 // А.Д. Резепкин, Новосвободненская культура (на основе материалов могильника «Клады»). Труды ИИМК РАН, Т. XXXVII, 2012.
- Roska 1932:** M. Roska, Le dépôt de haches en cuivre de Baniabic, dep. Turda-Aries. Dacia, vol. III-IV (1926-1932), 1932, 352-355.
- Roska 1959:** M. Roska, A bányabükke rézlelet. Folia Archaeologica, T. 11 (Budapest 1959), 25-35.
- Rostovtsev 1918:** M.I. Rostovtsev, Ellinstvo i iranstvo na iuge Rossii (Petrograd 1918) // М.И. Ростовцев, Эллинство и иранство на юге России (Петроград 1918).
- Ryndina 1971:** N.V. Ryndina, Drevneishee metalloobrabatyvaiushchee proizvodctvo Vostochnoi Evropy (Moskva 1971) // Н.В. Рындина, Древнейшее металлообрабатывающее производство Восточной Европы (Москва 1971).
- Ryndina et al. 2008:** N.V. Ryndina, I.G. Ravich, S.V. Bystrov, O proiskhozhdenii i svoistvakh mysh'iakovo-nikelevykh bronz maikopskoi kul'tury Severnogo Kavkaza (rannii bronzovyi vek). In: (Red.-sost. N.Ia. Merpert, S.N. Korenevskii) Arkheologiya Kavkaza i Blizhnego Vostoka: sbornik k 80-letiiu R.M. Munchaeva (Moskva 2008), 196-221 // Н.В. Рындина, И.Г. Равич, С.В. Быстров, О происхождении и свойствах мышьяково-никелевых бронз майкопской культуры Северного Кавказа (ранний бронзовый век). In: (Ред.-сост. Н.Я. Мерперт, С.Н. Корневский) Археология Кавказа и Ближнего Востока: сборник к 80-летию Р. М. Мунчаева (Москва 2008), 196-221.
- Ryndina, Ravich 2012:** N.V. Ryndina, I.G. Ravich, O metalloproizvodstve maikopskikh plemen Severnogo Kavkaza (po dannym khimiko-tekhnologicheskikh issledovani). Vestnik arkheologii, antropologii i etnografii, 2 (17), 2012, 4-20 // Н.В. Рындина, И.Г. Равич, О металлопроизводстве майкопских племен Северного Кавказа (по данным химико-технологических исследований). Вестник археологии, антропологии и этнографии, 2 (17), 2012, 4-20.
- Ryndina, Ravich 2014:** N.V. Ryndina, I.G. Ravich, Obshee i osobennoe v technologii metalloproizvodstva maikopskikh plemen Severnogo Kavkaza. (Red. R.M. Munchaev). Drevnie kul'tury Yugo-Vostochnoi Evropy i Zapadnoi Azii: sbornik k 90-letiiu so dnia rozhdeniia N.Ia. Merperta (Moskva 2014) // Н.В. Рындина, И.Г. Равич. Общее и особенное в технологии металлопроизводства майкопских племен Северного Кавказа. (Ред.-сост. Р.М. Мунчаев). Древние культуры Юго-Восточной Европы и Западной Азии: сборник к 90-летию со дня рождения Н.Я. Мерперта. ИАРАН, 2014. 135-154.
- Rysin 2007:** M.B. Rysin, Sviazi Kavkaza s Volgo-Ural'skim regionom v epokhu bronzy (problemy khronologii i periodizatsii). Arkheologicheskie Vesti 14, 2007, 184-220 // М.Б. Рысин, Связи Кавказа с Волго-Уральским регионом в эпоху бронзы (проблемы хронологии и периодизации). Археологические Вести 14, 2007, 184-220.
- Rysin 2012:** M.B. Rysin, Kul'tury stepnoi Evrazii i ikh vzaimodeistvie s drevnimi tsvivilizatsiiami. In: Materialy mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii, posviashchennoi 110-letiiu so dnea rozhdeniia vydaiushchegosia rossiiskogo arkheologa M.P. Griaznova. Kn. 2 (Sankt-Peterburg 2012), 107-112 // М.Б. Рысин, Культуры степной Евразии и их взаимодействие с древними цивилизациями. In: Материалы международной научной конференции, посвященной 110-летию со дня рождения выдающегося российского археолога. М.П. Грязнова. Кн. 2 (Санкт-Петербург 2012), 107-112.
- Schmidt 1929:** A.V. Schmidt, Die Kurgane der Stanica Konstantinovskaja. Beiträge zur Erforschung der paläometallischen Kulturen des Kubangebietes. ESA, T. 4, 1929, 9-21.
- Selimkhanov 1960:** I.R. Selimkhanov, Istoriko-khimicheskie i analiticheskie issledovaniia drevnikh predmetov iz mednykh splavov (Baku 1960) // И.Р. Селимханов, Историко-химические и аналитические исследования древних предметов из медных сплавов (Баку 1960).
- Siniuk 1983:** A.T. Siniuk, Kugany epokhi bronzy Srednego Dona (Voronezh 1983) // А.Т. Синюк, Курганы эпохи бронзы Среднего Дона (Воронеж 1983).
- Stoliar 1964:** A.D. Stoliar, Poselenie Meshko i problema dvukh kul'tur kubanskogo eneolita. In: Tezisy dokladov nauch. sessii, posviashchennye itogam raboty Gos. Ermitazha za 1963 g. (Leningrad 1964), 43-46 // А.Д. Столяр, Поселение Мешоко и проблема двух культур кубанского энеолита. In: Тезисы докладов науч. сессии, посвященные итогам работы Гос. Эрмитажа за 1963 г. (Ленинград 1964), 43-46.
- Szeverenyi 2013:** V. Szeverenyi, The Earliest Copper Shaft-Hole Axes in the Carpathian Basin: Interaction, Chronology and Transformations of Meaning. In: (Eds. A. Anders, G. Kulcsár) Moments in Time (Budapest 2013), 661-670.
- Tallgren 1911:** A.M. Tallgren, Die Kupfer- und Bronzezeit in Nord- und Ostrussland. I. Die Kupfer- und Bronzezeit in Nordwestrussland. Die ältere Metallzeit in Ostrussland. Suomen Muinaismuistoyhdistyksen Aikakauskirja XXV:1 (Helsinki 1911).
- Tallgren 1916:** A.M. Tallgren, Collection Zaoussailov. Au musée historique de Finlande a Helsingfors. B. I. Helsingfors: Edité par la commission des collections Antell, 1916.

- Tallgren 1926:** A.M. Tallgren, La Pontide préscythique après l'introduction des métaux. ESA, B. II, 1926.
- Tallgren 1929:** A.M. Tallgren, Etudes sur le Caucase du Nord. ESA, T. IV, 1929, 22-40.
- Tavadze, Sakvarelidze 1959:** F. Tavadze, T. Sakvarelidze. Btonzy drevnei Gruzii (Tbilisi 1959) // Ф.Тавадзе, Т. Сакварелидзе. Бронзы древней Грузии (Тбилиси 1959).
- Tydo 2017:** M. Tydo, Maikopskaia kul'tura Severnogo Kavkaza: popytka kriticheskogo obzora ee izucheniia. Zapiski IIMK RAN, 15, 2017, 60-67 // М. Тыдо, Майкопская культура Северного Кавказа: попытка критического обзора ее изучения. Записки ИИМК РАН, 15, 2017, 60-67.
- Videiko 2004:** M.Iu. Videiko, Tripil's'ka kul'tura v suchastnomu mifotvorenni. In: (Otv. red. M.Iu. Videiko) Entsiklopediia Tripil's'koi tsivilizatsii (Kiiv 2004), 525-536 // М.Ю. Videiko, Трипильська культура в сучасному міфотворенні. In: (Otv. red. M. Ю. Videiko) Энциклопедія Трипільської цивілізації (Київ 2004), 525-536.
- Vulpe 1970:** A. Vulpe, Die Äxte und Beile in Rumänien I. PBF, B. IX:2, 1970.
- Vulpe 1973:** A. Vulpe, Începuturile metalurgiei aramei în spațiul Carpato-Dunărean. SCIV 24, 2, 1973, 217-237.
- Vulpe 1975:** A. Vulpe, Die Äxte und Beile in Rumänien II. PBF, B. IX:5, 1975.
- Vulpe 1997:** A. Vulpe, Considerații privind începutul și definirea perioadei timpurii a epocii bronzului în România. In: (Red. S. Marinescu-Bîlcu) Timpul istoriei I. Memorie și patrimoniu, In onorem emeritae L. Bârzu (București 1997), 37-49.
- Vulpe, Tudor 1970:** A. Vulpe, E. Tudor, Cu privire la topoarele de metal cu gaură de înmănușare transversală. SCIV 21, 3, 1970, 417-427.
- Wilke 1904:** G. Wilke, Archäologische Parallelen aus Kaukasus und den unteren Donauländern. Zeitschrift für Ethnologie, B. XXXVI (Berlin 1904), 39-104.

Валентин Дергачев, доктор ист. наук., главный науч. сотр. Центр Археологии, Институт культурного наследия, бул. Штефан чел Маре 1, MD 2001, Кишинэу, Республика Молдова, e-mail: dergacev@mail.ru

Vasile Haheu

Structurile de habitat ale tracilor septentrionali – potențial și realități de atribuire cultural-cronologică

Keywords: North Thracians, habitat structures, traditions, innovations, cultural-chronological attribution.

Cuvinte cheie: tracii septentrionali, structuri de habitat, tradiții, inovații, apartenență cultural-cronologică.

Ключевые слова: северные фракийцы, жизнедеятельные структуры, традиции, инновации, культурно-хронологическая принадлежность.

Vasile Haheu

Habitat Structures of septentrional Thracians – cultural and chronological potential and realities

Habitat structures have a special place in the attribution of cultural-chronological archaeological objectives – especially for septentrional Thracians. In the case of identifying objects, it is important to determine elements that are to do with previous cultural traditions, as well as evidencing the appearance of new elements in the context of material culture.

The cultures of Early and Middle Hallstatt are not relevant in this aspect, as they have no contribution to the creation of the Thracian Dacian. The only thing remaining is the evidence of a possible tradition of the Basarabi-Șoldănești culture. When it comes to the placement of sites, they are different: in the previous era the lower places were more dominant, within the bays of rivers; we also notice the appearance of new structures – forts which are practically missing in the previous cultures. Although most of the structures can be found in previous cultures, new structures that are different begin to appear – stone buildings, and within those – porches. Within settlements the delimitations between households are now clear, there is also pavement of some streets. The Greek structure of the latter is assumed. In the lack of certain indicators, the totality of characteristics for structures (type, plan, facing) cannot be used to determine the cultural and chronological differences of the era.

Vasile Haheu

Structurile de habitat ale tracilor septentrionali – potențial și realități de atribuire cultural-cronologică

În cadrul atribuirii cultural-cronologice a obiectivelor arheologice, inclusiv ale tracilor septentrionali, un rol aparte revine specificului structurilor de habitat. În realizarea obiectivelor procedurii este deosebit de important determinarea elementelor ce țin de tradițiile culturilor locale precedente, dar și evidențierea apariției de elemente noi în contextul culturii materiale. Culturile Hallstattului timpurii sub acest aspect nu sunt relevante, acestea neavând nici o contribuție la constituirea celei traco-getice. Rămâne doar evidențierea unor posibile tradiții ale culturii Basarabi-Șoldănești. Referitor la plasamentul siturilor, acesta diferă. În etapa precedentă dominau locurile joase din luncile favorabile ale râurilor și râulețelor, de regulă terasele joase. Apare un nou tip de structură – fortificația, care în culturile precedente practic lipsește. Deși majoritatea tipurilor de locuințe se întâlnesc și în culturile precedente, apar structuri mai deosebite – locuințele din piatră, este atestat pridvorul. În cadrul așezărilor sunt fixate îngrădirile dintre gospodăriile și pavajul anumitor străzi. Se presupune originea grecească a ultimelor.

Василе Хахеу

Жизнедеятельные структуры северных фракийцев – потенциал и реальность культурно-хронологических атрибуций

Для уточнения культурно-хронологической атрибуции археологических памятников, в том числе северных фракийцев, важную роль играет специфика жилых структур. В процессе реализации процедуры особенно важно выделить элементы традиций местных предыдущих культур, равно как и появление новых, инновационных категорий материальной культуры. Культуры раннего и среднего галльштатта нерелевантны в этом отношении, ибо они никак не участвовали в создании фрако-гетской культуры. Остается только выявление возможных традиций культуры Басарабь-Шолдэнешть, которая считается родственной и предшествует фрако-гетской. Относительно расположения объектов они разнятся. Для Басарабь-Шолдэнешть это низины, склоны долин рек и речушек, низкие террасы, тогда как фрако-геты воздвигали свои поселки на высоких, труднодоступных местах. Появляется новый вид структур – городища, которые практически несвойственны для предыдущих эпох. Несмотря на то что основные типы жилищ представлены одинаково, для фрако-гетов отмечен ряд новшеств – каменные жилища, для наземных жилищ зафиксированы конструкции наподобие «сени», у входа отмечены каменные платформы. На отдельных поселениях обнаружены ограды между хозяйствами, а также отмечены площадь посередине поселения и каменные платформы улиц. Предположительно, многие эти новоявления греческого происхождения.

Obiectivul de bază al investigațiilor oricărui tip de sit arheologic este atribuirea corectă a acestuia în limite cultural-cronologice cât de cât precise. De cele mai dese ori, acest deziderat nu este prea ușor de realizat, mai ales cu referire la structurile de habitat. În primul rând, săpăturile de amploare, obligatorii în aceste determinări, necesită timp mai îndelungat, dar și eforturi fizice și financiare mai sensibile. Pe de altă parte, în cadrul acestora, mai ales în situațiile când ele erau părăsite și locuitorii luau cu ei lucrurile funcționale și în stare bună, arheologilor le rămân doar puține rămășițe/artefacte fragmentare și reduse cu potențial de diagnostică cultural-cronologică. Afirmția este cu atât mai valabilă pentru cultura traco-getică, în cadrul căreia piesele reprezentative în acest aspect sunt, în general, într-un număr foarte redus. Analiza întregului complex a structurilor de trai – așezări, locuințe, cele mai diverse construcții gospodărești și de producție, de cult etc. - doar în linii mari permite precizări de diagnosticare - de cronologie și periodizare. Schemele cronologice existente și, într-un fel acceptate de către majoritatea cercetătorilor, sunt confirmate doar foarte convențional de suporturi cu caracter de indicatori siguri. Ne-am expus, cu altă ocazie, că de cele mai dese ori acestea nu sunt de origine getică, fiind asigurate de ceramica de proveniență grecească și piesele metalice din est (scitice) și vest (iliro-celtice etc.) [Haheu 2003, 220-230]. Cel mai de masă și reprezentativ material descoperit – ceramica locală (pentru care este unanim acceptat statutul de indicator cultural/etnocultural) - are un caracter mai amorf, unele dintre tipuri având o perioadă mai îndelungată de răspândire, uneori pentru aproximativ întreg mileniul I î.Hr.

Analiza dinamicii dezvoltării istorice a așezărilor, reieșind din sursele disponibile, se face ținându-se cont de asemenea componente ca dimensiunile, forma de plan și structura internă, prezența construcțiilor/locurilor publice ale complexurilor de producție și ale sistemelor de fortificație. Prezența unor „cuiburi” de situri de același tip și sincronice permite a le interpreta în calitate de structuri sociale care erau formate din mai multe comunități [Masson 1974, 7]. Variabilitatea dimensiunilor, structura internă, corelarea diferită a elementelor componente permite a evidenția tipologia și clasificarea acestora. Într-un sistem de structuri, unele dintre acestea cu construcții monumentale de cult, constituiau un centru în cadrul unor situri mai mici. Structura socială complexă găsește reflectare în tipurile de construcții, inclusiv a celor de fortificații [Masson 1974, 7]. Aserțiunea este valabilă și pentru obiectivele de alte niveluri taxonomice – locuințe etc.

În prezent, pentru spațiul carpato-nistrean sunt cunoscute în jur de 700 de situri de habitat și aproximativ 200 de structuri de trai (locuințe etc.). Com-

pararea hărților de distribuire a siturilor fortificație realizate de către A. Zanoci [Zanoci 1998, harta 1] și V. Haheu [Haheu 2008, fig.1] indică aproximativ identic forma cvasi-circulară de dislocare a acestora, „în-rămând”, într-un fel „marginile” arealului culturii traco-getice pentru spațiul est-carpatic, deși sunt atestate și în interiorul acestuia. Dimpotrivă, cartografierea structurilor de habitat realizată de către Al. Levinski pentru spațiul pruto-nistrean indica, în general, amplasarea acestora în aglomerații. Majoritatea siturilor se concentrează în partea centrală a interfluviului – în zona Codrilor de Sud și de Nord, precum și în arealul sudic al Nistrului Mijlociu. O altă grupare de obiective se află la extrema estică a Platoului Moldovenesc [Levinski 2010, 25]. Pentru zona de Codru autorul evidențiază două arealuri de habitat. Primul (10 fortificații, 55 așezări deschise) este reprezentat de părțile superioare ale văilor râurilor Cogîlnic, Ișnovăț, Botna și Bîc, caracterizate printr-un relief deluros, obiectivele fiind plasate pe creastă, pantele de luncă, promontorii sau pe cumpene de ape. O altă zonă (13 fortificații, 32 așezări deschise) este concentrată în partea inferioară a râului Răut cu afluenții săi și partea superioară a Ichelului, de asemenea reprezentată de văi înguste [Levinski 2010, 27], mai mult sau mai puțin accidentate. Grupul de pe Nistrul Mijlociu este plasat pe locuri înalte, abrupte ale râului, precum și pe canioanele afluenților acestuia. Mai multe suturi de aici se află în valea r. Ciorna. La ultimul grup de obiective pot fi atribuite și cele din stânga Nistrului: Ofatinți, Căterinovca, Rașcov, Stroești [Niculiță, Zanoci, Băț 2014, 21-47]. O densitate apreciabilă a populației, preferabil în anumite zone ale Moldovei a fost evidențiată și de către alți autori [Dumitrescu, Vulpe 1988, 106].

Geografic, spațiul desemnat se încadrează între lunca Nistrului la est și versanții Carpaților Răsăriteni la vest, iar de la Câmpia Dunării la sud până la Podișul Sucevei la nord. Prezența geților/culturii getice este semnalată și pentru limite spațiale mai largi, mai ales în direcțiile de nord și de est [Arnăut 2003, 183-287; Niculiță 2010, 414-440]. Menționăm de la bun început faptul că dislocarea acestora în spațiul desemnat este diferită, dar oricum neuniformă, evidențiindu-se anumite concentrații zonale ale siturilor, unele dintre care au fost evidențiate ceva mai sus. Cronologic, aceste obiective sunt încadrate de către specialiști în perioade oarecum diferite, deși credem că segmentul cronologic cuprins între a doua jumătate a sec. VII – începutul sec. VI î.Hr. și sfârșitul sec. III î.Hr., conturează cel mai deplin perioada de apariție, evoluție și respectiv de dispariție a culturii traco-getice. Limita cronologică inferioară este documentată de încetarea culturii Basarabi-Șoldănești, aspectele Bârsești, Ferigile, Tigveni etc. fiind primele manifestări materiali-

zate ale traco-geților [Vulpe 1970, 192; Teodor 1999, 15]. Cea superioară este, în linii mari, consemnată, în opinia majorității cercetătorilor, de apariția la est de Carpați a bastarnilor, începută cu ultimul sfert al sec. III î.Hr., nefiind exclus ca ultima să fie doar o supoziție comodă. În opinia unor cercetători, fixarea unei limite între fazele Hallstattului mijlociu și celui târziu este necesară, deoarece această din urmă perioadă poate fi considerată ca un prim capitol de istorie propriu-zisă a geto-dacilor [Dumitrescu, Vulpe 1988, 91].

Invocarea structurilor de habitat din perioadele hallstattiene timpurii (Chișinău-Corlăteni, Saharna-Solonceni etc.) în procedura de analiză comparativă cu cele traco-getice nu este relevantă, fiind demonstrat faptul că acestea nu au participat în nici un fel la formarea/constituirea culturii acestora [Levițki 1994; Levițki 1994a, 167, 183]. Posibilele tradiții în arhitectura structurilor de habitat ale ultimei pot fi căutate în masivul cultural Basarabi-Șoldănești, a cărei succesor este și cu care este înrudită [Arnăut 2003, 13].

Unul dintre componentele de bază ale caracteristicilor siturilor de habitat îl prezintă amplasamentul acestora după criteriile topografice și morfologice. Dacă pentru etapa Basarabi-Șoldănești acestea sunt de regulă locuri joase, line – pantele dulci ale luncilor râurilor și pâraielor, terasele joase [Levițki 1994a; Levițki 2010, 376], calificate ca tip „răsfirat” pe terasele râurilor (Teleac, Popești, Poiana, Orlovca/Cartal) [Dumitrescu, Vulpe 1988, 88], pentru cele traco-getice sunt caracteristice locurile înalte, greu accesibile, cu largi posibilități naturale de apărare – promontorii, maluri de râu, platforme etc. [Nikulitse 1977, 26; Nikulitse 1987, 40; Arnăut 2003, 13-33]. Abordând problema topografiei amplasamentului siturilor de habitat, V. Lapushnian susține că pentru întreaga perioadă desemnată ca *hallstattiană tracică* se constată o „continuitate neîntreruptă... inclusiv la topografia așezărilor și arhitectura locuințelor” [Lapushnian 1979, 31]. Dar similitudinea respectivă este doar în aspect formalizat, fără conținut etnocultural, demonstrând doar caracterul stabil al comunităților respective. Faptul că aceste locuințe cu structură din carcasă lemnoasă unsă cu lut au existat din perioadele hallstattului timpuriu și au stăruit fără schimbări esențiale pe parcursul unui mileniu [Lapushnian 1979, 34] în nici un caz nu confirmă o continuitate în trăsăturile culturii materiale în diferite etape.

Analizând locuințele din așezarea Șoldănești, A. Meliukova invocă trei dintre acestea cercetate prin săpătură. Toate sunt de suprafață, puternic deteriorate, inclusiv de arătură, fapt ce făcea dificilă reconstrucția de plan, precum și dimensiunile lor. Pereții acestora prezentau o carcasă lemnoasă din pari verticali cu diametrul de 3-4 cm, care erau împlețiți cu nuiele. Construcția era lipită cu un strat gros de lut cu paie, pleavă,

alte tipuri de vegetație. După aceasta pereții se ardeau (!), foarte posibil, cu ajutorul unor ruguri, care se făceau lângă aceștia. Judecând după resturile de lipitură, locuințele aveau o formă cvasidreptunghiulară și erau de dimensiuni relativ mari [Meliukova 1958, 55]. În opinia unor cercetători, locuințele din această perioadă erau construite cu precădere din material lemnos, fapt confirmat de „depunerile cenușoase ale așezărilor mai îndelung locuite” [Dumitrescu, Vulpe 1988, 89], afirmația fiind făcută în baza materialelor de la vest de Prut, dar, oricum, credem că și în această zonă structurile lemnoase – carcasa era lipită cu lut având adăosuri vegetale, fapt atestat de bucățile de lipitură arsă din majoritatea structurilor cercetate prin săpătură.

De curând a apărut un studiu deosebit de amplu și profund referitor la locuințele hallstattiene din spațiul de la est de Carpați (sec. XII-VIII î.Hr.), în care, prin prisma analizei comparative, este realizată clasificarea tipologică amănunțită a tuturor artefactelor, precum și se încearcă evidențierea posibilelor tradiții și deosebiri culturale în cadrul acestora [Kașuba, Zanoci 2010, 49-102]. Compartimentul metodologic al studiului este redat destul de amplu și argumentat (se pare că pentru prima dată cu referire la spațiu și epocă – *n.n.*) [Kașuba, Zanoci 2010, 50-53], dar de la bun început trebuie de avut în vedere că procedura a fost făcută în baza unui număr mic de descoperiri – vestigiile propriu-zise sunt doar în număr de 102/56 de puncte (cu trei tipuri fiecare, dar absolut diferite/aparte) pentru cinci culturi distincte, cu spații și timpuri oarecum diferite (nivelul de studiu – *n.n.*). Realizarea coloanelor tipologice este mai convingătoare în cadrul unei baze de date mai impunătoare – cantitatea atestării caracteristicilor asigură credibilitatea șirurilor/seriilor. Un artefact singular, chiar dacă formează un tip aparte, nu legitimează o tipologie veridică. Poate și din cauza aceasta, dar și prisma formalizată de abordare a analizei comparative duce la formarea unor coloane tipologice convenționale, în opinia noastră – fără timp, spațiu și... cultură. În cadrul fiecărui segment cultural-cronologic aparte, schemele realizate sunt îndreptățite și veridice, dar nu credem că aceasta presupune obligatoriu succesiuni culturale – tradiții etc.

Este dificil de a crede că atât tipul structurii de trai (locuință de suprafață, adâncită sau bordei), în primul rând, dar și anumite particularități arhitectonice ale acestora, elemente complementare etc., precum și caracteristicile dimensionale ale obiectelor ar avea o pondere diagnosticară etnoculturală specifică. În opinia noastră, acestea ar avea mai mult un colorit social etc. Supoziția unor cercetători precum că atestarea în cadrul unei anumite așezări a locuințelor de suprafață și a semi-/bordeielor ar însemna că ultimele sunt mai timpurii (Simion 1997, 231-252), este făcută mai mult

din logica cercetătorului contemporan, aceste tipuri de structuri de cele mai dese ori coexistă, având o semnificație socială. Revenind la studiul redactat de către M. Kașuba și A. Zanoci, după ce autorii generalizează caracteristicile tuturor tipurilor de structuri și anume în baza acesteia încearcă să evidențieze „unele tradiții ce persistă în domeniul construcției de locuințe la comunitățile hallstattiene din spațiul est-carpatic în sec. XII-VIII a.Chr.” [Kașuba, Zanoci 2010, 79], constatăm că toate cele opt caracteristici de „tradiții”, sau mai drept spus realități arheologice referitor la diferitele structuri de habitat pot fi valabile nu doar pentru segmentul cultural-cronologic propus, dar și pentru cele mai diferite „oriunde, oricând și orișicine”. Ceva mai jos, autorii evidențiază și „unele tendințe specifice”, care caracterizează/deosebesc aceste culturi între ele. Cu unele excepții – tencuiala și vopsirea pereților la unele locuințe ale culturii Cozia-Saharna [Kașuba, Zanoci 2010, 79], celelalte particularități sunt mai generale.

Locuințe. În cadrul structurilor de trai am inclus trei tipuri de asemenea vestigii: locuințe de suprafață, cu baza adâncită și bordeie. Pentru toate acestea pot fi evidențiate mai multe variante. De regulă, toate acestea aveau intrarea dinspre sud, uneori cu variații spre est și vest. Acoperișul era în două ape/scursuri, deși, mai ales în cazurile celora din incintele fortificate, care erau adosate părții interioare a zidului de apărare, acesta era dintr-o parte înclinat. Pentru cele adâncite mai puteau fi doar înclinate pe o parte sau orizontale. Podeaua era foarte diferită – simplă bătătorită sau unsă cu lut. Pereții unși cu lut și paie sau alte compoziții vegetale erau uneori văruiți. Un element obligatoriu al locuințelor era sursa de căldură asigurată de un cuptor, vetre de diverse tipuri, vetre portative sau ruguri deschise. În mai multe cazuri, în cadrul locuințelor se aflau gropi cu cele mai diferite destinații. La unele obiecte a fost fixată intrarea în formă de întrerupere în perete, care era asigurată de o ușă prevăzută cu un prag. Uneori suprafața din fața acesteia era pavată cu plăci de piatră sau aici era prevăzută cu un pridvor – Hansca [Nikulitse 1987, 113, ris. 32/1]. Un ultim moment, care este caracteristic și structurii interne a siturilor de habitat – amplasarea complexurilor de trai și celor auxiliare în contextul atestării unor vestigii ce demonstrează prezența gardurilor/îngrădirilor din elemente vegetale – Alcedar [Haheu 1998, 113] sau piatră - Nadlimanskoe [Dzis-Raiko, Okhotnikov, Redina 2012, 36-41, ris. 14], care înrămau curtea interioară a unei gospodării individuale.

Abordând problema locuințelor de epocă Latène cu referire specială la cele dintre Prut și Carpați, S. Teodor enunță supoziția precum că „...geto-dacii au folosit până la sfârșit modul tradițional de construcție a locuințelor, nefiind ispitiți a folosi zidul de piatră, cărămizi arse sau alte elemente” [Teodor 2004, 366].

Locuințe de suprafață

Forma de plan a acestor construcții este, de regulă, rectangulară. Acoperișul era într-o pantă sau două. Podeaua era din pământ bătătorit, uneori special amenajată și unsă cu lut. Erau dintr-o cameră, mai rar – două. Procedeele tehnico-tehnologice fiind diferite (structura pereților și a bazei obiectelor), este posibil de evidențiat mai multe variante ale acestei categorii de vestigii.

Locuințe cu structură lemnoasă. Prezintă cel mai numeros tip de obiecte. Baza o constituie șirurile de pari verticali (evidențiați prin gropițe, iar în cazurile neatestării acestora – după amprente longitudinale de pe lipitura arsă), împlețiți cu nuiele. Ulterior, aceasta este unsă din ambele părți cu lut, având în compoziție paie, iarbă și alte structuri vegetale. La obiectul 2 de la Butuceni se prezenta sub forma a 46 de gropi ovale în plan (diametrul 20x12, adâncimea 25-82 cm) săpate în roca nativă, dispuse sub forma unui patruleter cu lungimea de 6,1 m și lățimea de 4,2 m, orientat longitudinal NV-SE. Acestea erau pentru fixarea parilor verticali. În partea de N gropile erau în două rânduri, pereții fiind mai groși [Niculiță, Teodor, Zanoci 2002, 38-39]. O mică remarcă pentru acest complex, care este în legătură cu desenul acestuia [Niculiță, Teodor, Zanoci 2002, fig.56/1]. Este vorba despre linia gropițelor de pari dintre numerele 35,40,44 pe axa V-E și 41-44 în direcția SV-NE. În felul cum acestea sunt redată pe planul obiectului, ele ar contura o eventuală diviziune aparte în construcția generală – cameră aparte? Locuința 4 din același sit avea în interior două gropi ce o întretăiau de-a curmezișul, formând două încăperi cu dimensiunile de 4,2x3,2 m și respectiv 3,8x3,2 m [Niculiță, Teodor, Zanoci 2002, 39]. Structuri asemănătoare s-au cercetat la Saharna Mică, construcția 4, la care sub stratul de lipitură din pereți s-a păstrat o alta cu suprafața fățuită, acoperită cu un slip subțire gălbui-deschis ce provenea de la podea. Tot aici, în sectorul de NNV a fost descoperit un cuptor [Niculiță, Zanoci, Arnăut 2008, 28-29; Fig. 12]. Acestea îi sunt similare construcțiile 1, 2 de la Saharna Mare. La ultima, în partea centrală s-au descoperit două bârne înfipite în pământ, iar în colțul de S – o vatră [Niculiță, Zanoci, Arnăut 2008, 102-104]. La Nadlimanskoe, construcția orientată longitudinal pe axa NE-SV avea o podea din lut bătătorit cu grosimea de 15 cm, gropi pentru pari pentru suportul lemnos și două gropi, dintre care una placată cu piatră și pereții lipiți cu lut și resturi vegetale (păstrarea grăunțoaselor) și o groapă menajeră [Dzis-Raiko et al. 2012, 44]. Locuințe similare sunt cunoscute la Hansca „Limbari” [Nikulitse 1977, 47], Stănțești [Florescu, Rață 1969, 13], Poiana-Tecuci [Vulpe et al. 1951, 194-195], Albești [Berciu, Moscalu 1972, 634-638], Beidaud [Simion, Lăzurcă 1980, 46-47] etc.

La Cotu – *Copălău* au fost cercetate 15 locuințe de epocă, condițiile de păstrare a acestora fiind destul de precare, dar și publicarea acestora [Șovan, Ignat 2005, 19-24] este destul de incompletă – lipsesc planurile structurilor, adâncimea se indică de la nivelul actual de călcare etc. 14 locuințe sunt de suprafață, de forme rectangulare, fiind semnalate bucăți de lipitură arsă cu amprente de nuiete, deși nici într-un caz nu au fost fixate gropile de pari ale posibilelor carcace lemnoase (cu excepția fragmentului de lemn carbonizat din Loc. 5). Pentru toate se indică că sunt cu baza ușor adâncită (Loc. 15 – 0,7 m față de nivelul antic de călcare). În cazurile fixării surselor de încălzire, acestea se aflau în sectorul nordic (cu variații) al construcțiilor. Dimensiunile sunt foarte probabile și în general variază puțin între 4-5x6 m. Un interes aparte îl prezintă Loc. 9, care este unica de formă circulară (5,1x5,16 m) semiîngropată. Podeaua nu are amenajări speciale, fiind la 0,45 m adâncime față de nivelul antic de călcare, de unde continua sub un unghi de 45° [Șovan, Ignat 2005, 22, Fig. 5; Pl. 22]. Autorii publicației presupun că locuințele nu au avut pari de fixare a carcacei din nuiete, ci aveau „bârne de lemn orizontale, dispuse orizontal direct pe vechiul nivel de călcare... care formau tălpile de lemn ale locuințelor” [Șovan, Ignat 2005, 23], care nu s-au păstrat, deși pentru fiecare locuință este invocat că erau cu podeaua adâncită până la lutul galben. Situație similară a fost atestată la Huși-Corni [Teodor 1981, 171-174], Alcedar la Cordon [Haheu 1998, 111-112; Fig. 2/1] și Stânțești: pentru nivelul doi de locuire nu sunt menționate gropile de pari ale bazei lemnoase a locuințelor I-VIII [Florescu, Florescu 2005, 36-42]. Deși este semnalată structura lemnoasă a construcțiilor de locuit din microzona Saharna în baza lipiturii cu amprente de nuiete, la nici unul dintre obiecte nu au fost fixate gropițele pentru parii care formau baza pereților [Niculită, Zanoci, Arnăut 2008, 28-35, 102-104]. În unele cazuri (Stânțești etc.), pe suprafața lipiturii pereților s-a semnalat un strat subțire cu carbonat de calciu, fapt ce presupune văruirea acestora [Florescu, Rață 1969, 13].

La Bunești, în campaniile de săpătură 1978-1981 s-a săpat o suprafață de 800 m² cu un singur nivel de locuire, în total cercetându-se 30 de locuințe de tip semibordei [Bazarciuc 1983, 249]: în publicația din anul următor este prezentă cifra de 46, fără nici un fel de precizări [Bazarciuc 1983-1984, 169], și 10 gropi menajere. Locuințele erau dispuse în cel puțin două șiruri paralele la distanța de 4-6 m între ele [Bazarciuc 1983, 249]. În descrierea autorului săpăturii, locuințele au în general o formă rectangulară cu colțurile ușor rotunjite, suprafața ocupată de

chirpicul de la pereți fiind de 40-60 m². Acoperișul era susținut de bârne de lemn, în Loc. 21 descoperindu-se una carbonizată dintre acestea. Pereții erau din nuiete, amprente de acestora fiind surprinse pe lipitura arsă. Sursa de încălzire o constituia o vatră simplă, aflată în colțurile de NE sau NV [Bazarciuc 1983, 249]. Și aici, dar și în toate publicațiile asupra rezultatelor săpăturilor din incinta de la Bunești, informațiile se reduc cam la aceasta, nefiind prezentate descrierea pe complexuri a structurilor de habitat, datele metrice, orientarea, precum și lipsa schițelor de plan grafice ale acestora. Într-unul dintre ultimele studii se pomenește că numărul locuințelor cercetate a atins cifra de 69 [Teodoru 1998, 31]. În baza materialului descoperit (care este numeros, expresiv, cu mult material de import grecesc, dar care, din păcate, doar este enumerat, nefiind caracterizat și analizat, din nou pierzându-și din potențialul de diagnosticare cultural cronologic – *n.n.*), autorul investigației încadrează situl în perioada de la sfârșitul sec. IV – începutul sec. II î.Hr. [Bazarciuc 1983-1984, 170]. Din ceea ce vedem prezentat în planșele foto și ilustrațiile grafice disponibile putem fi de acord cu autorul, precizând că limita inferioară ar putea fi presupusă undeva în secolul V î.Hr., iar cea superioară – în secolul III î.Hr. I. Nuculiță, invocând locuințele din acest sit [Nikulitse 1987 106], scrie că „multe dintre construcții erau împărțite în două camere”, ceea ce nu se regăsește la autorul indicat [Bazarciuc 1983, 249].

Analizând acest tip de construcții în contextul zonei de litoral a Mării Negre (Histria, Tomis, Histria-sat, Tariverde, Nadlimanskoe III, Beliaevka I), I. Nicolău enunță supoziția că acestea ar fi o preluare de către greci de la tracii locali, care cunoșteau această tradiție din epocile precedente [Nikulitse 1987, 35]. Dacă prezența bordeielor [Dzis-Raiko et al. 2012, 49-53, ris. 19] (despre acestea mai jos – *V.H.*) mai poate fi acceptată ca tip de locuință temporară la primii coloniști [Kashuba, Levitskii 2011, 522-533], apoi preluările tipurilor de locuințe de suprafață de la aborigeni de către grecii care veneau dintr-o lume cu cea mai înaltă civilizație la moment pare puțin verosimilă.

Prin săpăturile întreprinse la așezarea Hansca „La Matcă” s-a descoperit o locuință de suprafață de formă dreptunghiulară însumând 28,8 m² (8,0x3,6 m) și orientată longitudinal pe axa ENE-VSV. Face parte din categoria celor pe carcasa lemnoasă împletită cu nuiete și unsă din ambele părți cu lut în amestec de paie, pleavă, frunze. Podeaua era simplă din lut bătătorit [Nikulitse 1987, 42; ris. 1/1]. O concentrare mai mare de lipitură pe linia mediană ar sugera că obiectivul era format din două încă-

peri. În cea dinspre VNV aproximativ pe centru era o vatră din lut direct pe podea. În colțul de ENE al încăperii auxiliare s-a descoperit o groapă.

O situație mai deosebită a fost surprinsă în cadrul săpăturilor (1964-1966) pe promontoriul Mlada al plătoului Laiu de la Băiceni. Aici, autorul investigațiilor a cercetat două tipuri de structuri de trai – bordeie, despre care susține că aparțin exclusiv nivelului inferior, și locuințe de suprafață, ultimele apărând doar în nivelul superior [László 1969, 67]. Astfel bordeiul 1 are formă ovală, dimensiunile de 5,0x4,8 m, adâncimea – 0,4 m. Este orientat aproximativ pe axa E-V. Marginea de sud coboară în două trepte marcând, probabil, intrarea. Partea de est a acestuia este practic suprapusă de o locuință de suprafață, chiar pe marginea bordeiului fiind o vatră circulară a acesteia, de la care s-au păstrat doar pietrele marginale, care formau o gardină. Resturile locuinței de suprafață stau peste un strat de pământ negru măzăros care suprapune stratul de la care fusese făcut bordeiul [László 1969, 67, fig. 2]. Situația este aproximativ aceeași referitor la celelalte două bordeie, cu excepția celui de-al treilea, în partea de SV a căruia a fost surprinsă intrarea special amenajată în forma unei anticamere [László 1969, 67-70, fig. 3-4]. Vestigiile locuințelor de suprafață – fragmente de chirpici ars, ceramică, pietre etc. - au fost fixate sporadic pe întreaga suprafață cercetată. Nu s-a putut identifica numărul, forma și dimensiunile locuințelor de acest tip. S-au cercetat câteva vetre pe platforme de piatră, deasupra cărora s-a depus un strat de pământ, peste care s-a aplicat o lipitură subțire. Mai menționăm descoperirea la 0,2 m de vatră 1 a unei platforme de pietre plate cu dimensiunile de 4x0,6 m, care reprezenta, probabil, o laviță [László 1969, 71]. Mai merită de amintit faptul că pe unele dintre bucățile de lipitură de aici (grosimea de 6,0 cm, fapt ce presupune grosimea pereților de aproximativ 15 cm) s-au păstrat amprente de pari (diametrul – 2,5 cm), dar și de nuiete, toate fiind longitudinale, ceea ce denotă că împletitura era verticală [László 1969, 73]. Analizând inventarul arheologic al așezării autorul, insistă că aceasta este „destul de omogenă în ambele niveluri”, datarea sitului fiind încadrată în sec. IV-III î.Hr., încheindu-se cu apariția bastarnilor, ceramica de această factură fiind atestată sporadic în nivelul superior [László 1969, 73, 82-88, fig. 12-14]. În condiții aproximativ similare – existența locuințelor de suprafață și adâncite, abordând problema tipologiei obiectivelor de trai de la Celic-Dere, G. Simion le atribuie un criteriu cronologic pentru a urmări evoluția în timp a acestora (și implicit a sitului – *n.n.*). În așa fel, autorul atribuie la etapa I locuințele de tipul semibordei (diametrul – cca 6,0 m; adâncimea – 0,7 m), la etapa II atribuind locuințele de suprafață [Simion 1997, 231-252]. Pentru a sfârși expunerea unor asemenea situații, mai invo-

căm cazul de la situl Stâncești-Botoșana. Pentru acest complex, autorii presupun o situație și mai sofisticată – pentru etapa I de locuire se atribuie semibordeiele, la a doua – locuințele de suprafață și la etapa III din nou se presupune utilizarea structurilor adâncite [Florescu, Florescu 2005, 30-47]. În opinia noastră, nivelul restrâns al săpăturilor prin secțiuni înguste și lungi, dar și analiza artefactelor ce provin din acest sit nu credem că reflectă veridic starea de lucruri reală. Ar mai rămâne aspectul motivației – de ce, care a fost cauza acestor zigzaguri de preferințe. Pentru situl de la Băiceni este la mijloc situația stratigrafică și implicit suprapunerile. Pentru situația de la Celic-Dere argumentul ține mai mult de înțelegerea logică a evoluției. Tot așa stau lucrurile și privind cazul de la Stâncești.

Locuințe cu fundament de piatră. Deosebirea de varianta precedentă constă în însăși prezența la baza pereților a unui fundament de piatră pe întreg perimetrul structurii. De fapt, și în acest caz inițial se ridică o structură din pari de lemn, în mai multe cazuri fiind fixate gropițele sau șanțulețele pentru aceștia. Dacă nu ar fi acest ultim element, apoi pereții urmau a fi ridicați în continuare din boțuri, vălătuci sau lămpace nearse din lut cu diverse adaosuri vegetale. Este reprezentat cel mai deplin de obiectul 5 de la Butuceni. Se prezintă printr-un strat gros (15-25 cm) de pietre de calcar (30x15x10-50x30x20 cm) și bucăți de lipitură arsă cu amprente de pari și nuiete pe o suprafață de 10x5 m. După degajarea acestuia s-au descoperit 13 gropi (20-30 cm) pentru parii structurii lemnoase, care formau în plan un patrulater (8,0x4,4 m). Distanța dintre gropi – 0, 6-1,0 m. Baza construcției a fost întărită cu pietre ce prezentau fundamentul locuinței. Pe centru, în direcție longitudinală s-au mai descoperit 5 gropi pentru stâlpii acoperișului. Locuința 6 se deosebește prin săparea la bază a unui șanț (lățimea 20-40 cm, adâncimea 35-40 cm) ce înrămează un perimetru rectangular (6,0x3,8 m). În șanț a fost clădit un zid de piatră de calcar ce se înalță cu 10-20 cm față de roca nativă. La fundul șanțului erau patru gropi de pari de la structura lemnoasă a pereților. La mijlocul construcției erau parii pentru susținerea acoperișului [Niculiță, Teodor, Zanoci 2002, 40].

Un exemplu complex de prezență a tuturor tipurilor de locuințe a fost semnalat drept rezultat al investigațiilor din incinta cetății de la Nadlimanskoe [Dzis-Raiko 1966, 163-175] pe Nistrul Inferior – construcții de tip bordei și semibordei, clădiri de suprafață din chirpici (pereții) și piatră (fundament), chirpici și carcasă lemnoasă. Materia primă utilizată (lut, piatră) era de proveniență locală [Dzis-Raiko, Okhotnikov, Redina 2012, 33]. Un interes aparte îl prezintă secțiunea V din partea de N a fortificației, în care a fost dezvelit un complex de suprafață de proporții, cu destinație de trai

și gospodăresc, având în plan o formă dreptunghiulară înconjurată cu pereți masivi din chirpici și piatră. Locul acestuia preventiv fusese nivelat. Orientarea complexului corespunde sistemului general al planului de sistematizare a construcțiilor de pe teritoriul sitului: de la NE la SV. Dimensiunile obiectivului sunt de 13,4x10,4 m (139 m²) (conturul extern al pereților), lățimea pereților – 0,65-0,7 m, înălțimea păstrată – 0,9 m. Intrarea era din partea de NV, unde a fost fixată o întrerupere în perete. Tot la intrare, în afară a fost evidențiată o platformă din pietre calcaroase neprelucrate – pavaj (?). Podeaua era din lut galben bătătorit, gros de 10 cm, de unde începea baza construcției. Partea superioară a pereților era probabil din lut. S-au păstrat gropițe cu diametrul 0,35 m de la stâlpii de sprijin a acoperișului. Acoperișul era probabil din trestie lipită cu lut (?). S-au mai descoperit 8 gropi, dintre care se evidențiază obiectul 41 placat cu piatră, în care s-au descoperit rămășițe de mălai [Dzis-Raiko, Okhotnikov, Redina 2012, 36-40]. Prezența unui astfel de complex în regiunea de litoral pune mai multe probleme de ordin etno-social. Practic nemaîntâlnindu-se în arealul tracilor septentrionali, nu este exclusă originea grecească a acestuia sau, cel puțin, având puternice influențe elene. În cadrul aceluiași sit (Secțiunea G) s-au mai descoperit locuințe de suprafață, dar cu fundamentul de piatră (calcar rupt) neadâncit în lut și fără urme de liant. Mai multe locuințe de acest tip au fost atestate la fortificația de la Pivdennoe [Sal'nikov 1965, 176-255].

La acest tip de construcții, T. Arnăut, în baza datelor de arhivă ale lui Gh. Smirnov, atribuie și pe cele la care era „o temelie de piatră peste care se sprijineau pereții ridicați din cărămizi și chirpici” [Arnăut 2003, 35-36]. O altă variantă a acestui tip o constituiau cele mixte – *locuințele cu temelie din piatră și pereții pe structură lemnoasă*. În acest caz, parii se sprijineau pe baza de piatră sau erau prinși în aceasta (uneori adânciți în sol), peste ei fiind aplicată o lipitură de lut cu paie.

Locuințe din piatră. Două dintre acestea s-au cercetat la Butuceni de către Gh.D. Smirnov în cadrul săpăturilor din 1946-1949. Conform documentației vremii, s-au păstrat fundamentele și partea de jos a pereților din piatră. Partea inferioară a fundamentului constă din plăci masive din piatră îngrijit prelucrată, dimensiunile cărora ajung la 135x50x35 cm. În continuare, pereții sunt clădiți din plăci de piatră neprelucrată, cu liant din lut. Are o suprafață de 50 m². Pereții groși de 20-30 cm erau din pietre prelucrate prinse cu liant din lut și nisip, înălțimea în jur de doi metri, acoperișul în două pante. Podeaua lipită cu lut. Locuința era despărțită în două camere printr-un perete transversal cu întrerupere pentru ușă. La ieșire era un tambur din pietre de formă dreptunghiulară. În prima cameră s-a descoperit un cuptor, în a doua – o vatră [Arnăut 2003, 34-

35]. Reieșind din documentația disponibilă și schițele de teren [Smirnov 1946, 6-8], nivelul tehnic de realizare a construcției era destul de înalt, fiind în linii mari similar celor din orașele grecești nord-pontice [Okhotnikov, Ostroverkhov 2013, 443-49]. Pentru una dintre acestea se menționează un beci săpat în stânca nativă [Nikulitse 1987, 101], deși se pare că este vorba despre o groapă de provizii. Este simptomatică descoperirea în aceste structuri a ceramicii lucrate la roată, amforelor grecești întregi și fragmentare, precum și a recipientelor cu lac negru [Smirnov 1946, 10-12], artefacte ce pledează în favoarea statutului social al posesorilor edificiilor, dacă nu ar fi chiar o apartenență etnică deosebită. Dintre locuințele din piatră, cel mai bine și deplin s-au păstrat fundamentul și partea de jos a pereților a două locuințe cercetate de către Gh. Smirnov în incinta sitului de la Butuceni. Partea de jos a fundamentului este ridicată din plăci mari de piatră cu dimensiunile de până la 135x50x35 cm. Mai sus, pereții erau depuși din bucăți de piatră ruptă neprelucrată, având în calitate de liant lut [după: Nikulitse 1987, 101-102; ris. 18/2. 20/ 1-3]. Nivelul tehnologic de construcție era destul de înalt, fiind asemănător celui din polisurile grecești din nordul Mării Negre. În cadrul degajării dărâmăturilor uneia dintre locuințe s-a găsit o monedă de bronz a orașului *Tyras* din perioada autonomă, datată cu sfârșitul sec. IV î.Hr. [Nudel'man 1976, 47].

La Nadlimanskoe locuințele de suprafață aveau o formă dreptunghiulară și erau orientate la 45° în raport cu punctele cardinale. Cercetările au evidențiat prezența a două tipuri de structuri: 1). Cu pereții din lut pe bază de piatră și 2). Cu pereții din piatră [Dzis-Raiko 1966, 172]. O locuință asemănătoare a fost dezvelită prin săpăturile de la Pivdennoe, dimensiunile pe axa EV de 5,75 m și NS de 4,15 m. Grosimea pereților – 0,6 m, înălțimea păstrată – 1,3-1,4 m. Pe perețele din E s-au păstrat urme de lipitură. Podeaua a fost unsă cu lut de mai multe ori. În partea de V a încăperii, în colțul de N era un cuptor de lut de formă ovală (1,4x1, 1,0 m). Baza era din plăci de piatră, după care urma cupola din lut. Urmele hornului nu au fost surprinse. Dedesubtul cuptorului s-au descoperit urmele unui rug bătătorit la bază și care, probabil, era sursa de căldură inițială. Încăperea se unește cu alta, între acestea fiind o întrerupere pentru ușă. Lângă perețele de E era un cuptor cu horn. Spre V de acesta era o groapă piriformă cu pereții unși cu lut, cu destinație menajeră. Alături de construcție, afară era o curte mică placată cu piatră ruptă. În complexul arheologic „B” s-au mai investigat 7-9 case cu o stradă pe axa E-V. Unele sunt din material mixt: piatră-vălătuci din lut. În total aici s-au cercetat în jur de 15 complexuri de locuit [Sal'nikov 1966, 179-192].

Dimensiunile (suprafața) locuințelor de suprafață sunt foarte diferite, depinzând de necesitățile indivi-

duale și, credem, de statutul social al indivizilor, fiind mai puțin relevante. Invocăm câteva cazuri concrete. Pentru obiectele din siturile fortificate din spațiul extracarpatic, suprafețele variază între 8 și 60 m² [Zanoci 1998, 66]. La Bunești (69 locuințe de suprafață) – între 40-50 m² [Bazarciuc 1983, 249], Stâncești (8 locuințe de suprafață) – 25-60 m² [Florescu, Florescu 2005, 36-42]. Unica locuință de acest tip cercetată la Alcedar - La Cordon avea în jur de 55 m² [Haheu 1998, 111].

Locuințe cu baza adâncită

Pentru acest tip de obiective sunt necesare anumite precizări. În literatura de specialitate nu există vreo opinie unanimă referitor la denumirea acestora, din cauza lipsei unor criterii clare de desemnare a acestora - adâncimea. Se utilizează termenii de „locuință cu baza adâncită”, „semibordei” și „bordei” (*vezi discuția*: Haheu 2016, 182). A. Zanoci atribuie la tipul semibordei construcțiile la care „circa jumătate din înălțimea pereților era adâncită în sol, iar restul era ridicată la suprafață”, iar cele adâncite în sol până la 0,8-1,2 m le atribuie la bordeie [Zanoci 1998, 70-71]. Nu prea este clar cum se calculează în primul caz „jumătatea exterioară a pereților”.

Pentru evitarea confuziilor terminologice propunem a desemna aceste vestigii cu genericul *locuințe adâncite*. Pentru acest tip de obiecte este caracteristică forma de plan ovoidală, rectangulară, rotundă, trapezoidală. Dimensiunile variază de la 3x2 la 7,5x4,5 m, adâncimea ajunge până la 2,2 m. În unele cazuri, intrarea este în trepte – Alcedar, obiectul I, 4 trepte [Haheu 1998, 112], Stâncești, obiectul 13 – o treaptă 0,5x0,5 m [Florescu, Florescu 2005, 35]. La mai multe obiecte de la Stâncești s-au descoperit vetre fixe, uneori pe o platformă din fragmente ceramice și prundiș. La obiectul 5 s-a cercetat un cuptor de tipul „țest” – de lut în formă de clopot, iar la semibordeiul 10 de formă rotundă (diametrul 4,5 m) s-a descoperit un cuptor-pietrar [Florescu, Florescu 2005, 34].

Printre obiectivele de acest tip este expresiv bordeiul 1 de la Nadlimanskoe, format dintr-o singură cameră și orientat aproximativ N-S. Are în plan formă cvasi-dreptunghiulară. Dimensiunile 4,4x4,1 m, adâncimea de la nivelul actual de călcare – 1,8 m; în lutul viu – 1,35 m. Pereții sunt verticali, podeaua îngrijit nivelată a păstrat trei rânduri de lipitură cu lut. În colțuri și de-a lungul pereților s-au păstrat gropițe (diametrul 0,18-0,32 m, adâncimea 0,15-0,5 m). În partea de sud, unde era intrarea, acoperișul trecea în streășină. Acoperișul era în două pante, fapt la care indică șirul de gropițe de pari pe centrul longitudinal al construcției și prezenta o bază lemnoasă suprapusă cu trestie. În partea de SE era intrarea în formă de 5 trepte căptușite cu plăci de piatră, care duceau spre ușă. Ușa se fixa pe doi stâlpi de bază. În colțul stâng al peretelui de N s-a amena-

at un cuptor – „peșteră” săpată în forma unei nișe în peretele din lut, la înălțimea de 0,5 m de la podea. În secțiune are o formă semisferică cu vatra plată, ușor înclinată spre exterior. Adâncimea – 0,95, înălțimea în partea centrală – 0,35 m [Dzis-Raiko, Okhotnikov, Redina 2012, 45-49, ris. 17,18]. Asemenea construcții s-au mai descoperit în regiune la Nikolaevka [Meliukova 1975, 10-11, ris. 3] și Kutsurub [Marchenko; Domanskii 1986, 55-57]. Construcția suprapunea o serie de gropi gospodărești datate cu anii '60-'70 ai sec. IV î.Chr. Precizarea cronologiei este importantă, deoarece demonstrează coexistența acestui tip de obiectiv practic pentru întreaga perioadă de atestare a culturii respective, de rând cu celelalte tipuri de construcții de trai. Un alt obiectiv de acest tip a fost semnalat în rezultatul cercetărilor la fortificația Alcedar - La Cordon. Avea în plan o formă trapezoidală, colțurile rotunjite, podeaua orizontală bătătorită. Dimensiunile 4,7x4,0 m, adâncimea de la nivelul fixării – 1,2 m. Orientată pe axa N-S. În colțul de NE al construcției au fost fixate patru trepte cu lungimea de 0,8 m, lățimea de 0,3 m, înălțimea de 0,3 m. Pe centru, la 1,2 m de peretele de S a fost depistată o groapă rotundă în plan și fundul albiit (diametrul 0,7 m) umplută cu cenușă, iar la 0,25 m SE de groapă – o concentrație de cenușă cu intense incluziuni de cărbuni (diametrul 0,5 m, grosimea 3-4 cm) [Haheu 1998, 111-135,112, fig. 2/19].

Locuințele adâncite, în primul rând cele de formă rotundă în plan, de dimensiuni nu prea mari (diametrul – 4-5 m; adâncimea 0,3-0,65 m la semibordeie și 1,1-1,3 m la bordeie), pereții verticali sau oblici în afară, podeaua orizontală bătătorită, sunt cunoscute în nordul Mării Negre perioadei scitice timpurii atât în mediul barbar, cât și grecesc; de regulă au construcții complementare: groapă centrală sau gropițe pe perimetru pentru parii de suport, intrarea în formă de șanț oblic sau trepte, surse de căldură (cuptoare cu boltă sau vetre fixe sau portative) [Kashuba, Levitskii 2011, 522]. Pentru lumea barbară a regiunii se datează cu sec. VII – a doua jumătate a sec. VII – răscrucea sec. VI-V î.Chr. Pentru monumentele grecești (Olbia etc.) prezintă cele mai timpurii construcții de trai, la acestea adăugându-se cele rectangulare în plan, toate având cruțate paturi și mese. Originea acestui tip de vestigii pentru nordul Mării Negre autorii o susțin a fi în mediul culturii Basarabi, de unde aceasta se răspândește spre NE și E, invocându-se argumentele de rigoare [Kashuba, Levitskii 2011, 524-533]. La Nadlimanskoe au fost cercetate 7 construcții rotunde desemnate ca „iurte”, care se atribuie ultimei perioade a vieții sitului. Sunt adâncite de la nivelul actual de călcare cu 0,75-1,1 m. Au în centru groapă pentru stâlpul central. O vatră deschisă din pietre și lipitură arsă, iar în două cazuri pereții interiori erau fățuiți cu pietre [Dzis-Raiko, Okhotnikov, Redina

2012, 49-52]. În calitate de construcții de trai, autorii evidențiază aici și bordeiele. Sunt de forme cvasidreptunghiulare, pereții verticali, podeaua îndreptată, unsă cu lut. În colțuri s-au evidențiat gropile pentru stâlpii de sprijin. Acoperișul în două scurgeri (gropi de sprijin pe centru) continuă printr-o streșină care proteja intrarea. Intrarea era prin trepte cu pietre. În colțul de N era un cuptor-„peșteră” excavat în perete la 0,5 m de la podea, iar pe centru – o vatră deschisă [Dzis-Raiko, Okhotnikov, Redina 2012, 45-48]. Asemenea construcții s-au mai descoperit la Nikolaevka [Meliukova 1975, 10-11], datate cel târziu în sec. IV î.Chr.

O situație deosebită a fost surprinsă în cadrul săpăturilor de la Holercani în anul 1954. Aici, în partea de nord a șantierului I, pe marginea abruptă a malului a fost fixată o construcție din piatră, lungă de 5,8 m, lățimea de 1-1,3 m și înălțimea de 0,5 m. Pietrele de dimensiuni mari, uneori plăci (0,3x0,4 m) înrămau partea centrală compusă din pietre mai mici. Autorul săpăturii presupune că acesta consolida malul pentru împiedicarea surpării. Nu credem posibilă o așa destinație; din punct de vedere tehnologic nu ar avea nici un efect contra eroziunilor. Pe de altă parte, dedesubtul pietrelor au fost fixate fragmente de lipitură puternic arsă [Passek 1954, 19-37; Kashuba 2006, 337]. În partea de sud-vest a șantierului I a fost cercetată o construcție din pietre mici calcaroase, dispuse foarte îngrijit și compact, care era perpendiculară cu malul în direcția est-vest, sfârșindu-se în partea abruptă a acestuia. Dimensiunile surprinse 5x1,6 m, grosimea – 0,25 m. În opinia autorului, la care ne aliniem și noi, este vorba despre o porțiune de pavaj [Passek 1954, 19-37; Kashuba 2006, 338]. În sfârșit, pentru acest sit mai este invocată situația din șantierul II, în care de asemenea a fost fixată o construcție din pietre calcaroase (0,2x0,2-0,25x0,25 m), care pe părțile exterioare erau ajustate. Dimensiunile evidențiate – 1,1x0,8x0,9 m; este interpretată ca pavaj al unui posibil drum [Passek 1954, 19-37; Kashuba 2006, 339], deși, cu același succes, ar putea prezenta o porțiune de fundament de locuință.

Deseori, în zona cu construcții de locuit s-au semnalat spații fără urme de alte construcții, fapt ce ar sugera existența unui spațiu privat – al curților sau grădinilor, uneori delimitate prin gard vegetal – Alcedar [Haheu 1998, 113]. Îngrădiri, dar de data aceasta sigur, edificate din piatră au fost atestate la Pivdennoe [Sal'nikov 1966, 179-192].

Dacă invocăm amplasarea siturilor de habitat traco-getice, acestea denotă o schimbare distinctă față de situația celorla din cultura Basarabi-Șoldănești. Pentru ultimele este caracteristică preferința pentru locuri, în general, joase, în apropierea surselor acvaticice, în timp ce pentru siturile traco-geților sunt caracteristice locurile înalte, cu laturi abrupte, accidentale și posibili-

tăți naturale de apărare și de observație – promontorii, platouri, maluri abrupte de râu, mameloane etc. Apar structurile fortificate [Zanoci 1998; Haheu 2008].

Referitor la structurile de trai nemijlocit – locuințe etc., nu credem că acestea prin caracteristicile lor arhitecturale de bază în sine (formă de plan orizontală și pe verticală, dimensiuni, amenajarea interioară) prezintă ceva absolut specific epocii și culturii în discuție. La acest capitol se pot constata cele mai diferite similitudini, și spațiale, și temporale, dintre cele mai neașteptate. Nu credem că pentru multe dintre epocile istorice erau caracteristice anumite standarde preconceptuate (cel puțin dimensionale) referitor la structurile de habitat. La tipul de locuință – de suprafață sau adâncite, ca de fapt și la dimensiuni, acestea par a avea mai degrabă un caracter social decât de un alt ordin. Referitor la intrare, de asemenea credem că corespundea protejării față de roza vânturilor (preponderent sectorul de sud), mai ales în perioadele reci, și prezenta o necesitate climaterică. La fel și alegerea locului pentru sursa de căldură din interior (preponderent sectorul de nord). Alte elemente tehnologice ale edificării structurii – fundament de piatră etc. putea avea atât o motivare geo-climaterică, dar și socială. La ultimele adăugăm prezența sau absența elementelor complinoare ale locuințelor, cum ar fi coridorul/pridvor, pavajul de la intrare și, nu în ultimul rând, numărul de camere. Referitor la posibilele preluări, nu credem că traco-geții ar fi avut de văzut ceva deosebit la vecinii lor estici – scii, care dacă, și sunt atestați prin izvoarele scrise și cele arheologice în regiune aceștia nu prea au lăsat exemple de structuri stabile de trai, fiind prin excelență nomazi. Mult mai verosimile ar fi fost preluările din mediul elen, exemple dintre modelele cotidianului grecesc începând de la vestimentație, credințe și loc de trai sunt confirmate (indirect) atât de izvoarele scrise și mai ales – arheologic. Sunt puține cazurile locuințelor din piatră (documentația lui Gh.D. Smirnov cu referire la situl fortificat de la Butuceni, nemaifiind atestate în continuare), dar credem că este, cu siguranță, o experiență de la grecii din regiune. Revenind ceva mai sus, recapitulăm că, în opinia noastră, în lipsa unor indicatori cronologici cât de cât siguri, atribuirea cultural-cronologică a siturilor în general, dar și a obiectivelor de habitat este posibilă doar la general, fără anume specificări.

În același timp, în condițiile stării, în general sărăcăcioase, de artefacte cu pondere de indicatori cronologici mai siguri (excepție: amforele grecești – Levinschi 2012, 243-274; vârfurile de săgeată – Levinschi 2017, 41-50), devine oportună atribuirea cultural-cronologică a structurilor de habitat și de trai în baza analizei comparative a ceramicii locale – corelarea prezenței sau absenței diferitor tipuri [Levinschi 2001, 103-112; Niculiță, Zanoci, Arnăut 2008].

Bibliografie

- Arnăut 2003:** T. Arnăut, Vestigii ale sec. VII-III a.Chr. în spațiul de la răsărit de Carpați (Chișinău 2003).
- Arnăut, Ursu-Naniu 1996:** T. Arnăut, R. Ursu-Naniu, Vestigii getice din cea de-a doua epocă a fierului din interfluviul pruto-nistrean (Iași 1996).
- Bazarciuc 1980:** V. Bazarciuc, Cetatea geto-dacică de la Bunești (jud. Vaslui). AMM 2, 1980, 61-80.
- Bazarciuc 1983:** V. Bazarciuc, Cetatea geto-dacică de la Bunești (jud. Vaslui). SCIVA 4, 1983, 249-273.
- Bazarciuc 1983-1984:** V. Bazarciuc, O nouă descoperire geto-dacică în Podișul Central Moldovenesc. AMM V-VI, 1983-1984, 169-181.
- Berciu, Moscalu 1972:** D. Berciu, E. Moscalu, Cercetări în cetatea de la Albești (județul Teleorman). SCIV 4, 1972, 633-640.
- Bobi 1999:** V. Bobi, Civilizația geto-dacilor de la curbura Carpaților (sec. VI a.Chr. – II p.Chr.) (București 1999).
- Dumitrescu, Vulpe 1988:** Vl. Dumitrescu, A. Vulpe, Dacia înainte de Dromihete (București 1988).
- Dzis-Raiko 1966:** G.A. Dzis-Raiko, Arheologicheskie issledovaniia gorodoshcha u sela Nadlimanskoe. MASP vypusk 5 (Odessa 1966), 163-175. // Г.А. Дзис-Райко, Археологические исследования городища у села Надлиманское. МАСП выпуск 5 (Одесса 1966), 163-175.
- Dzis-Raiko, Ohotnikov, Redina 2012:** G.A. Dzis-Raiko, S.B. Ohotnikov, E.F. Redina, Gorodishche Nadlimanskoe IV-III vv. do n.e.v Nizhnem Podnestrov'e (Odessa 2012) // Г.А. Дзис-Райко, С.Б. Охотников, Е.Ф. Редина, Городище Надлиманское IV-III вв. до н.е. в Нижнем Поднестровье (Одесса 2012).
- Florescu, Florescu 2005:** A. Florescu, M. Florescu, Cetățile traco-getice din secolele VI-III a.Chr. de la Stâncești (jud. Botoșani) (Târgoviște 2005).
- Florescu, Rață 1969:** A. Florescu, S. Rață, Complexul de cetăți traco-getice (sec. VI-III î.e.n.) de la Stâncești-Botoșani. Suceava. Studii și Materiale I, 1969, 9-20.
- Haheu 2003:** V. Haheu, Manifestări etnoculturale la est de Carpați în perioada hallstattiană târzie, In: Interferențe cultural-cronologice în spațiul nord-pontic (Chișinău 2003), 220-230.
- Haheu 2008:** V. Haheu, Fortificațiile traco-getice de la est de Carpați (Chișinău 2008).
- Haheu 1998:** V. Haheu, Cercetări arheologice la cetatea traco-getică Alcedar-La Cordon din raionul Șoldănești. RA 2, 1998, 111-135.
- Haheu 2016:** V. Haheu, Locuințe și anexe gospodărești ale tracilor septentrionali: tradiții și inovații, RA XII, 1-2, 2016, 176-188.
- Kashuba 2006:** M.T. Kashuba, Getskie materialy iz mnogoslainogo poseleniia Holercany (raskopki 1954 goda), RA II, 1-2, 2006, 334-347 // М.Т. Кашуба, Гетские материалы из многослойного поселения Холерканы (раскопки 1954 года), RA II, 1-2, 2006, 334-347.
- Kașuba 2010:** M. Kașuba, Cultura Șoldănești (Basarabi-Șoldănești). In: Istoria Moldovei (Chișinău 2010), 371-380.
- Kașuba, Haheu, Levițki 2000:** M. Kașuba, V. Haheu, O. Levițki, Vestigii traco-getice pe Nistrul Mijlociu (București 2000).
- Kashuba, Levitskii 2011:** M. Kashuba, O. Levitskii, Kruglye zhilishcha ranneskifskogo vremeni v Severo-Zapadnom Prichernomor'e: naselenie i kontakty, istoki i traditsii domostroitel'stva. Bosporskii fenomen IX. Naselenie, iazyki, kontakty (Sankt-Petersburg 2011), 522-533 // М.Т. Кашуба, О.Г. Левицкий, Круглые жилища раннескифского времени в Северо-Западном Причерноморье: население и контакты, истоки и традиции домостроительства. Боспорский феномен IX. Населения, языки, контакты (Санкт.Петербург 2011), 522-533.
- Kashuba, Zanoci 2010:** M. Kashuba, A. Zanoci, Locuințele comunităților hallstattiene din spațiul est-carpatic în secolele XII-VIII a.Chr. (tradiții, deosebiri culturale și perspectivele cercetării comparative), Tyragetia IV [XIX] 1, 2010, 49-102.
- Lapushnian 1979:** V.L. Lapushnian, Rannie frakiitsy X – nachala IV vv. do n.e. lesostepnoi Moldavii (Kishinev 1979) // В.Л. Лапушнян, Ранние фракийцы X - начала IV вв. до н.э. лесостепной Молдавии (Кишинев 1979).
- László 1969:** A. László, Așezarea daco-getică de la Băiceni (secolele IV-III î.e.n.). AM VI, 1969, 65-90.
- Levinskii 2001:** A. Levinskii, Date preliminare privind datarea complexelor fortificației getice „Saharna – La Revechin”, Tyragetia X, 2001, 103-112.
- Levinskii 2010:** A.N. Levinskii, Istoriia getov v lesostepi Iugo-Vostochnoi Evropy (conets VI – vtoraiia polovina IV vv. do n.e.). Stratum plus 3, 2010, 14-127 // А.Н. Левинский, История гетов в лесостепи Юго-Восточной Европы (конец VI – вторая половина IV вв. до н.э.). Stratum plus 3, 2010, 14-127.
- Levinskii 2012:** A.N. Levinskii, Grecheskie amfory na getskikh pamiatnikakh lesostepi Dnestrovsko-Prut'skogo mezhdurech'ia – tsentry i ritmy postupleniia. Stratum plus 3, 2012, 243-274 // А.Н. Левинский, Греческие амфоры на гетских памятниках лесостепи Днестровско-Прутского междуречья – центры и ритмы поступления. Stratum plus 3, 2012, 243-274.
- Levinschi, Șcipachin, Negură 2000:** A. Levinschi, O. Șcipachin, M. Negură, Complexele locative din fortificația getică „Saharna – La Revichin”, Tyragetia IX, 2000, 87-100.
- Levițki 1994:** O. Levițki, Culturi din epoca Hallstattului timpuriu și mijlociu. Thraco-Dacica XV, 1-2, 1994, 159-214.
- Levițki 1994a:** O. Levițki, Cultura Hallstattului canelat la răsărit de Carpați, Biblioteca Thracologica VII (București 1994).
- Masson 1974:** V.M. Masson, Voprosy sotsiologicheskoi interpretatsii drevnikh zhilishch i poselenii. In: Rekonstruktsiia

- drevnikh obshchestvennykh otnoshenii po arheologicheskim materialam zhilishch i poselenii (Leningrad 1974), 5-8 // В.М. Массон, Вопросы социологической интерпретации древних жилищ и поселений. В сб.: Реконструкция древних общественных отношений по археологическим материалам жилищ и поселений (Ленинград 1974), 5-8.
- Meliukova 1958:** A.I. Meliukova, Pamiatniki skifskogo vremeni Lesostepnogo Srednego Podnestrov'ia. Pamiatniki skifosarmatskogo vremeni v Severnom Pricernomor'e. MIA SSSR № 64 (Moskva 1958), 5-102. // А.И. Мелюкова, Памятники скифского времени Лесостепного Среднего Поднестровья. Памятники скифо-сарматского времени в Северном Причерноморья. МИА СССР № 64 (Москва 1958), 5-102.
- Meliukova 1975:** A.I. Meliukova, Poselenie i mogil'nik skickogo vremeni u s. Nikolaevka (Moskva 1975) // Поселение и могильник скифского времени у с. Николаевка (Москва 1975).
- Nikulitse 1977:** I.T. Nikulitse, Gety IV-III vv. do n.e. v Dnestrovsko-Karpatskikh zemliakh (Kishinev 1977) // И.Т. Никулицэ, Геты IV-III вв. до н.э. в Днестровско-Карпатских землях (Кишинев 1977).
- Nikulitse 1985:** I.T. Nikulitse, Izuchenie severofrakiiskikh poselenii v Khanskom mikroraione. AIM v 1981 g. (Kishinev 1985), 95-117 // И.Т. Никулицэ, Изучение северофракийских поселений в Ханском микрорайоне. АИМ в 1981 г., 1985, 95-117.
- Nikulitse 1987:** I.T. Nikulitse, Severnye frakiitsy VI-I vv. do n.e. (Kishinev 1987) // И.Т. Никулицэ, Северные фракийцы в VI-I вв. до н.э. (Кишинев 1987).
- Niculită 2010:** I. Niculiță, Începuturile istoriei. Perioada antică. Tracii și civilizațiile antice (sec.VII-I î.Hr.). Constituirea primelor formațiuni statale. In: Istoria Moldovei (Chișinău 2010), 414-465.
- Niculită Teodor, Zanoci 2002:** I. Niculiță, S. Teodor, A. Zanoci, Butuceni. Monografie arheologică (București 2002).
- Niculită, Zanoci, Băț 2015:** I. Niculiță, A. Zanoci, M. Băț, Thraco-Getic fortifications in Middle Dniester regions. Sites from Saharna micro-zone. In: Fortified sites from the 1st millennium BC in central and south-eastern Europe. Material of the Moldovan-Romanian-German Colloquium. Saharna, July 24th – 26th 2014 (Chișinău 2015), 21-47.
- Nudel'man 1976:** A.A. Nudel'man, Topografia kladov i nakhodok ot del'nykh monet. AKM vyp. 8 (Kishinev 1976) // А.А. Нудельман, Топография кладов и находок отдельных монет. АКМ вып. 8 (Кишинев 1976).
- Okhotnikov, Ostroverkhov 2013:** S.B. Okhotnikov, A.S. Ostroverkhov, Ocherk istorii antichnykh gorodov Severo-Zapadnogo Prichernomor'ia. In: Drevnie kul'tury Severo-Zapadnogo Prichernomor'ia (Odessa 2013), 443-449 // С.Б. Охотников, А.С. Островерхов, Очерк истории античных городов Северо-Западного Причерноморья. В сб.: Древние культуры Северо-Западного Причерноморья (Одесса 2013), 443-449.
- Passek 1954:** T.S. Passek, Raskopki na mnogosloinom poselenii u s. Golerkany. Izvestia MF AN SSSR nr 4(31) 1956, 19-37 // Т.С. Пассек, Раскопки на многослойном поселении у с. Голерканы на Днестре в 1954 году. Известия Молдавского Филиала АН СССР № 4 (31), 1956, 19-37.
- Sal'nikov 1966:** A.G. Sal'nikov, Itogi polevykh issledovaniia u s. Pivdennoe (1960-1962). MASP vyp. 5 (Odessa 1966), 176-255 // А.Г. Сальников, Итоги полевых исследований у с. Пивденное (1960-1962). МАСП вып. 5 (Одесса 1965), 176-255.
- Simion 1997:** G. Simion, La site de Celic-Dere. Interprétations ethno-culturelles et implicatios dans la chronologie du hallstatt final. In: Prima epocă a fierului la gurile Dunării și în zonele circumpontice (Tulcea 1997), 231-252.
- Simion, Lăzurcă 1980:** G. Simion, E. Lăzurcă, Așezarea hallstattiană de la Beidaud-Tulcea. Peuce VIII, 1980, 37-54.
- Smirnov 1946:** Gh.D. Smirnov, Otchet ob arheologicheskikh issledovaniiax v Moldavii za 1946 god. Arhiva Națională a Republicii Moldova, F. 3330, d. 1 // Г.Д. Смирнов, Отчет об археологических исследованиях в Молдавии за 1946 год, Arhiva Națională a Republicii Moldova, F. 3330, d. 1.
- Șovan, Ignat 2005:** O. Șovan, M. Ignat. Așezarea getică fortificată de la Cotu-Copălău, județul Botoșani (Tîrgoviște 2005).
- Teodor 1981:** S. Teodor, Așezarea geto-dacică de la Huși-Corni. Thraco- Dacica tomul II, 1981, 169-195.
- Teodor 1999:** S. Teodor, Regiunile Est-Carpatică ale României în secolele V-II î.d.Hr. Considerații generale și repertoriu arheologic (București 1999).
- Teodor 2004:** S. Teodor, Contribuții la cunoașterea spațiului de locuit în așezările geto-dacice. Thracians and Circumpontic World. Proceedings of the Ninth Internațional Congress of Thracology, Chișinău-Vadul lui Vodă, 6-11 septembrie 2004, II (Chișinău 2004), 366-372.
- Teodoru 1998:** V. Teodoru, Contribuții la cunoașterea civilizației geto-dacice în zona est-carpatică în lumina cercetărilor arheologice. AM XXI, 1998, 29-41.
- Vulpe 1970:** A. Vulpe, Cercetări arheologice și interpretări istorice privind sec. VII-V î.e.n. în spațiul carpato-dunărean. MA II, 1970, 115-213.
- Vulpe 2001:** A. Vulpe, Istoria și civilizația spațiului carpato-dunărean între mijlocul secolului al VII-lea și începutul secolului al III-lea a. Chr. In: Istoria românilor I. Moștenirea timpurilor îndepărtate (București 2001), 451-500.
- Vulpe, Vulpe 1951:** R. Vulpe, E. Vulpe, Activitatea șantierului arheologic Poiana-Tecuci 1950. SCIV 1951, 177-216.
- Zanoci 1998:** A. Zanoci, Fortificațiile geto-dacice din spațiul extracarpatic în secolele VI-III a.Chr. (București 1998).

MATERIALE ŞI CERCETĂRI DE TEREN – МАТЕРИАЛЫ И ПОЛЕВЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ – PAPERS AND SURVEYS

Кирилл Панченко

Грунтовой могильник скифского времени возле с. Заломы на Кировоградщине

Keywords: ground burial, Scythian time, Belogradovka-Chernyi Les, funeral rites, burial items, the settlements, the right-bank borderland forest and steppe.

Cuvinte cheie: necropolă plană, perioada scitică, Belogradovka-Chernyi Les, rit funerar, inventar, limita dintre stepa și silvostepa din dreapta Niprului.

Ключевые слова: грунтовой могильник, скифское время, Белогрудовка-Черный Лес, погребальный обряд, инвентарь, пограничье правобережной лесостепи и степи.

Kyrylo Panchenko

The burial ground of the Scythian time near the village Zalomi in Kirovograd region

The article is devoted to the burial ground of the Scythian time near village Zalomi Znamensky district of Kirovograd region in Ukraine. The site is located in the basin Tyasmy. The excavations of the site were carried out during 1986-1989 by the archaeological expedition of the Kirovograd State Pedagogical Institute, headed by N.M. Boki. A total of 98 graves and 1 mound were excavated here. Most of the graves belong to Scythian time. All Scythian burials were carried out in ground pits, only in one case the catacomb was used. Scythian burials of the VI-IV centuries BC are dated. The mound and the rest of the burials belong to the Late Bronze Age. Also during the research near the cemetery was discovered the Scythian village of VI-IV centuries BC.

Kiril Panchenko

Necropola plană din perioada scitică de lângă s. Zalomi, regiunea Kirovograd

Articolul este dedicat publicării materialelor descoperite în necropola de lângă s. Zalomi, r-nul Znamenskii, regiunea Kirovograd, din Ucraina. Din punct de vedere geografic, monumentul este amplasat în bazinul râului Tiasmin, la limita dintre silvostepa și stepa din dreapta Niprului. Investigațiile în cadrul necropolei au fost efectuate în perioada anilor 1986-1989 de către expediția arheologică a Institutului Pedagogic de Stat din Kirovograd, sub conducerea arheologului N.M. Boki. În total au fost cercetate 98 de morminte și un tumul. Majoritatea mormintelor au fost atribuite perioadei scitice. Toate înmormântările scitice erau efectuate în gropi simple și doar într-un singur caz a fost utilizată o catacombă. Acestea datează din sec. VI-IV a.Chr. Tumulul și celelalte morminte aparțin perioadei bronzului târziu. De asemenea, în procesul cercetărilor, în imediata apropiere a necropolei, a fost descoperită și o așezare scitică din sec. VI-IV a.Chr.

Кирилл Панченко

Грунтовой могильник скифского времени возле с. Заломы на Кировоградщине

Статья посвящена публикации материалов могильника у с. Заломы Знаменского района Кировоградской области в Украине. Географически памятник расположен в бассейне Тясмина, на порубежье лесостепи и степи Днепроовского Правобережья. Раскопки могильника проводились на протяжении 1986–1989 гг. археологической экспедицией Кировоградского государственного педагогического института во главе с Н.М. Бокий. Всего здесь было раскопано 98 грунтовых могил и один курган. Большинство захоронений относятся к скифскому времени. Все скифские погребения осуществлены в грунтовых ямах, лишь в одном случае была использована катакомба. Датируются скифские захоронения VI–IV вв. до н. э. Курган и остальная часть погребений принадлежат к эпохе поздней бронзы. Также во время исследований рядом с могильником было открыто скифское селище VI–IV вв. до н. э.

На современном этапе одним из основных источников для изучения социального и культурного развития населения Днепровского Правобережья в скифское время являются материалы захоронений. Большинство ранее исследованных погребальных памятников составляют подкурганые захоронения [Коврапенко 1989]. Вместе с тем, малоизвестны грунтовые могильники скифского времени. На Правом берегу Днепра скифские бескурганые некрополи раскопаны возле Пирогова [Kubyshev 1995], Грищенцов [Petrenko 1962], в Черном Лесу [Terenozhkin 1949, 125], а также возле г. Светловодск [Vokii 1980; 2015]. Еще один из таких могильников был открыт в 1980-х гг. у с. Заломы Знаменского района Кировоградской области в Украине [Vokii 1986]. Памятник находится в бассейне Тясмина, в порубежье лесостепи и степи Днепровского Правобережья.

Могильник был открыт в 1985 г. во время строительства ферм возле с. Заломы. Тогда были обнаружены древние захоронения, часть из которых в результате строительных работ разрушили. В стенках траншей находились человеческие кости. На этом же месте школьники нашли бронзовый наконечник стрелы. В марте 1986 г. егерь Знаменского лесничества Еськов М.А. сообщил о находке сотрудникам Исторического факультета Кировоградского государственного педагогического института имени А.С. Пушкина (теперь Центральноукраинский государственный педагогический университет имени Владимира Винниченко). В апреле того же года археологическая экспедиция института во главе с Н. М. Бокий обследовала место находки и провела первые раскопки. На могильнике были зачищены девять пятен, шесть из которых оказались захоронениями скифского и белогрудовского времени. Еще два пятна, вероятно, были остатками от полностью разрушенных могил [Vokii 1986, 1-5]. При обследовании территории вокруг некрополя в 1986 г. было также открыто селище скифского времени.

В 1987 г. Н. М. Бокий на могильнике было раскопано еще 36 захоронений. Для удобства фиксации во время раскопок, могильник был разделен на «Верхний» и «Нижний» [Vokii 1987, 22]. Также поселение и его окрестности были обследованы С. С. Бессоновой, Н. М. Бокий и местным краеведом В. Е. Шкодой [Bessonova 1987]. В том же году Н. М. Бокий обобщила материалы первых раскопок и представила их на Всесоюзном семинаре, посвященном памяти А. И. Тереножкина в г. Кировограде [Vokii 1987].

Летом 1988 г. в Заломах было раскопано 35 захоронений в обоих секторах некрополя, и было завершено исследование «Верхнего могильника». В 1989 г. было раскопано 20 могил на «Нижнем могильнике» и шесть захоронений эпохи бронзы в кургане, который располагался на площади некрополя. Кроме того, в 1989 г. проводились раскопки и на площади селища. Это был последний полевой сезон экспедиции в Заломах, после 1989 г. раскопки памятника не проводились.

Часть артефактов и полевых материалов из этих раскопок хранятся в Археологическом музее имени Нинель Бокий Центральноукраинского педагогического университета.

Рассмотрим исследуемый могильник подробнее. Некрополь (размерами 150x150 м) находился на юго-западной окраине с. Заломы (рис. 1,2), занимая верхнюю площадь («Верхний могильник») и склоны холма («Нижний могильник»). Перепад высоты от подножия до вершины холма составляет 12 м. В результате раскопок удалось выяснить, что захоронения предскифского времени находились только на «Верхнем могильнике», в то время как захоронения скифского времени размещены по всей площади некрополя [Vokii 1987, 22]. В связи с чем это разделение имеет и культурно-хронологическое содержание.

За четыре полевых сезона здесь было исследовано 98 грунтовых могил и один курган. Хронологически все захоронения делятся на две основные группы. К первой принадлежат 16 захоронений белогрудовско-чернолесского времени. Вторая включает в себя 58 погребений скифского времени. Еще 24 могилы трудно датировать из-за отсутствия погребального инвентаря. Стоит отметить, что из их числа 22 расположены на «Нижнем» могильнике, где, как уже отмечалось, захоронения предскифского времени не зафиксированы. Размеры грунтовых ям и ориентация скелетов из этих захоронений дают основания предполагать, что они принадлежали к скифскому времени.

В погребальном обряде могил белогрудовско-чернолесского периода преобладает ингумация (99,5% от общего количества захоронений этого времени на могильнике). Трупоположения осуществлены в неглубоких прямоугольных ямах (размеры: длина 1-2,4 м, ширина 0,8-1,7 м, глубина 0,4-0,9 м). Остатки от перекрытий и подстилок не выявлены. Скелеты лежали скорченные в разных положениях – на

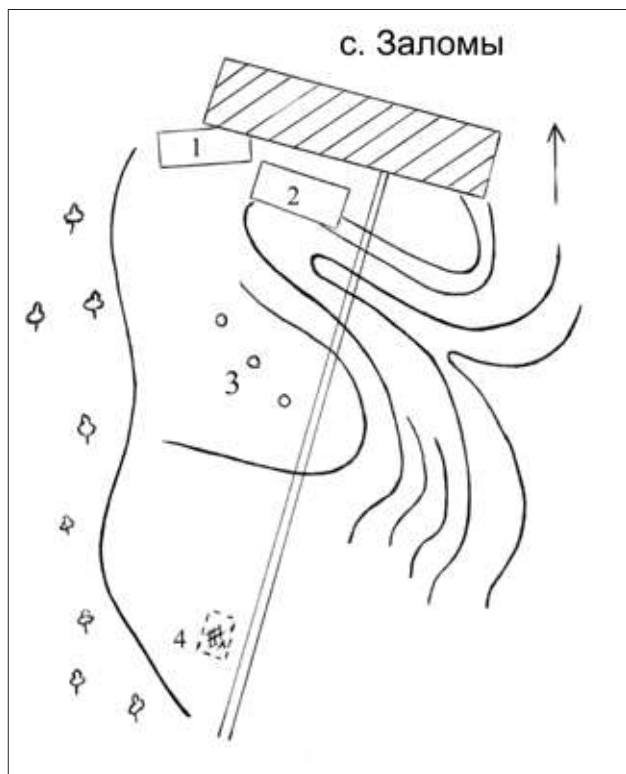

Рис. 1. Условный план размещения памятника возле с. Заломы (по С. Бессоновой, 1987): 1 - частный двор, 2 - могильник белогрудовско-чернолесского и скифского времени, 3 - зольные пятна на поселении скифского времени, 4 - место находки железного шлака.

Fig. 1. The plan for the location of the site near the village Zalomy (after S. Bessonova, 1987): 1 - private courtyard, 2 - the burial ground near the village Zalomy, 3 - ashery in the settlement of Scythian time, 4 - place of discovery of slags of iron production.

боку, на спине или на животе. Позиция рук является однообразной: одна из рук покойника была опущена вниз, другая – согнута в локте, лежала поперек груди, живота или на тазу. В ориентировке захоронений преобладает южное направление. Еще одна черта, ранее отмечена Н. М. Бокий – наличие подзахоронений. При этом останки и вещи предыдущего покойника отодвигали в отдельную кучку. Вероятно, эти могилы принадлежали отдельным семьям и выполняли роль своеобразных «склепов». Количество подзахоронений составляет пять-восемь в одной яме. В трех случаях зафиксирована кремация, осуществленная непосредственно в могилах (погребения № 9, 14, 65).

Находки из погребений этого времени представлены лепными черпаками (рис. 3, 7-8), тюльпановидным горшком с овальными налестками на стенках, бронзовыми браслетами и подвесками [Vokii 1987, 23].

Погребальные сооружения скифского време-

ни представлены преимущественно грунтовыми ямами прямоугольной формы с закругленными углами. Размеры ям: длина 1-3 м, ширина – 0,9-1,6 м, глубина 0,4-1,8 м. Исключение составляет захоронение №49, совершенное в катакомбе. Деревянные перекрытия встречаются редко (погребения № 2, 24, 28, 34, 39, 52, 61). В некоторых могилах зафиксированы следы подстилки из коры дерева (погребения № 2, 29, 34, 43, 47, 52, 68, 71). Погребальный обряд представлен ингумацией, в отдельных случаях зафиксированы следы сожжения. В процентном соотношении труположение составляет 97,5%, и лишь 2,5% – кремация. При этом сожжение, так же как и в белогрудовских захоронениях, осуществлялось непосредственно в могиле (погребения №1, 70). В захоронениях скифского времени преобладает широтная ориентация. Большинство покойников лежали в вытянутом положении, головой на запад. Почти все захоронения этого периода – одиночные, но встречаются и парные (погребения № 6, 7, 27, 51, 52, 60, 61, 62). Коллективных могил не обнаружено. Остатки ритуальной пищи зафиксированы лишь в нескольких случаях (погребения №8, 32, 49, 60). Они представлены костями коров и овец, рядом с которыми также встречаются железные ножи [Vokii 1987, 23-24]. К сожалению, большинство могил были ограблены в древности. Поэтому погребальный инвентарь скифского времени из могильника немногочислен. Он представлен бронзовыми и несколькими железными наконечниками стрел, двумя железными наконечниками от копий, железными ножами, железным фаларом, пастовыми и стеклянными бусами, бронзовыми серьгами, керамическими пряслами, несколькими раковинами *cauri*, мелкими фрагментами античной чернолаковой посуды и др. Встречаются и более интересные для могильника находки. Так, в захоронении №42 найдена часть бронзовой зооморфной бляхи в виде двух копыт лошади (рис. 3,6). Она относится к редкому типу бронзовых блях от конской узды и имеет аналогии в скифских захоронениях рядом с Пастырским городищем [Drevnosti Pridneprov'ya 1899, tab. XX, 320 б] и в кургане у с. Ольшанки [Mogilov, Vokii 2016]. В захоронении №82, что уцелело от разграбления, найдены остатки кораллового ожерелья с золотыми амфоровидными подвесками (рис. 2, 2-5).

Также на площади могильника обнаружена амфора [Vokii 1987, 24]. Возможно, она является остатком тризны, поскольку в нескольких секторах могильника встречаются остатки лепных и античных сосудов (рис. 2, 1-4). Сосуд был найден в разбитом состоянии, отдельные фрагменты стенок потеряны, нижняя часть ножки отбита,

клейма отсутствуют. Амфора не сохранилась, но среди полевых материалов имеется ее описание и рисунок (рис. 3, 1). Судя по чертежу, эта амфора может принадлежать к фасоским амфорам раннебиконической серии «доклейменого» периода. Такие неклеяемые амфоры редко встречаются в Северном Причерноморье, они появляются здесь лишь в 20-х годах V в. до н. э. и исчезают в начале IV в. до н.э. [Monakhov 2003, 66, tab. 41,6].

В ходе изучения материалов из первых раскопок возле с. Заломы, Н.М. Бокий датировала могильник и селище VI-IV вв. до н. э. Основой этой даты для могильника исследовательница считала немногочисленность среди погребальных сооружений катакомб, как характерного признака скифских степных комплексов. За все время раскопок на могильнике не найдено ни одного полностью уцелевшего захоронения VI в. до н. э. [Bokii 1987, 24]. Однако некоторые захоронения из могильника могут быть датированы VI-V вв. до н. э. В них найдены железные и бронзовые гвоздевидные булавки и гвоздевидные серьги, которые довольно часто встречаются в погребальных комплексах VII-V вв. до н.э. на Правобережье [Petrenko 1978, 12, tab. 4].

Раскопки упомянутого селища возле с. Заломы осуществлялись лишь в 1989 г. Поселение находится на расстоянии 258 м на юг – юго-запад от могильника (рис. 1, 3). Как и большинство поселений скифского времени в лесостепи, оно расположено на возвышенности, в месте достаточно удобном для ведения сельского хозяйства и обороны. С южной, западной и восточной сторон эта возвышенность имеет крутые склоны (особенно с западной) и окружена естественными оврагами, поросшими древесной растительностью. Следов оборонительных сооружений не обнаружено. Площадь селища невелика

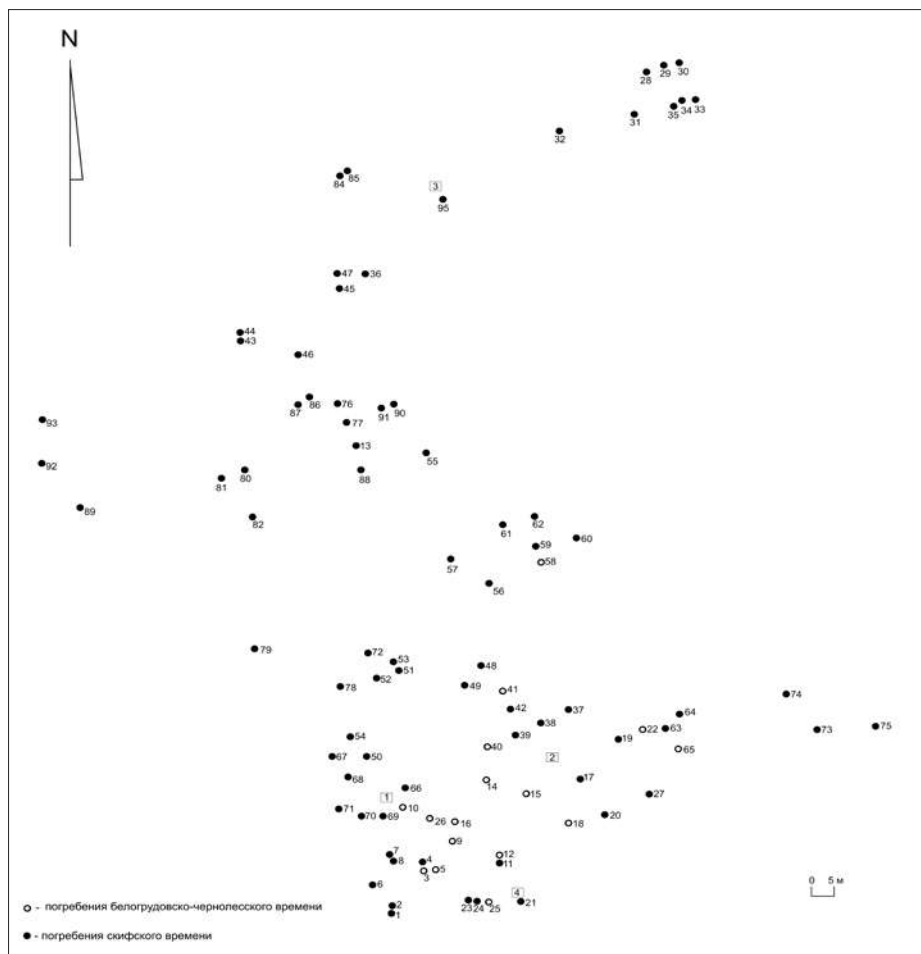

Рис. 2. Условный план грунтового могильника возле с. Заломы (по Н.М. Бокий): 1 - лепной черпак, 2 - фрагмент стенки чернолакового сосуда, 3-4 - амфоры.

Fig. 2. The plan of a soil burial ground near the village Zalomy (after N. Bokiy): 1 - molded cup, 2 - fragment of the black-lacquered vessel, 3-4 - amphorae.

– около 4 га. Раскопками было исследовано только 88 м². На поселении открыты остатки от наземного жилища. Рядом с селищем были обнаружены остатки железоплавильного производства, возможно, скифского времени. Находки с раскопок поселения позволяют датировать его VI-IV вв. до н. э.

Таким образом, некрополь и поселение возле с. Заломы в скифское время составляли единый комплекс. Предварительный анализ материальной культуры и погребального обряда могильника позволяет датировать его VI-IV вв. до н.э. Материалы раскопок Н. М. Бокий являются важным источником для изучения особенностей экономического и социального развития местного населения в скифское время. Исследованные на могильнике погребения белогрудовско-чернолесского времени позволяют нам проследить преемственность местных культур лесостепной части Днепровского Правобережья конца эпохи бронзы – начала раннего железного века.

Рис. 3. Отдельные находки с грунтового могильника возле с. Заломы: 1 – амфора, 2-5 – коралловое ожерелье с золотыми подвесками (погребения 82), 6 - бронзовая бляха в виде копыт коня (погребение 42); 7-8 - лепные черпаки.

Fig. 3. The finds from the burial ground near the village Zalomy: 1 - amphora, 2-5 - coral necklace with gold pendants (burial 82), 6 - bronze plaque in the form/ shape of horse hoofs (burial 42); 7-8 - molded cups.

Библиография

- Bessonova 1987:** S. S. Bessonova, *Otchet o rabote Iuzhnogo otriada Kirovogradskoi ekspeditsii v 1987 g.* Arkhiv IA NANU, №1987/37 (Kiev 1987) // С. С. Бессонова, *Отчет о работе Южного отряда Кировоградской экспедиции в 1987 г.* Архив ИА НАНУ, № 1987/37 (Киев 1987).
- Bokii 1980:** N. M. Bokii, *Pozdneskifskii bezkurganniy mogil'nik u g. Svetlovodska.* Arkheologicheskie issledovaniia na Ukraine v 1978-1979 gg. Tezisy dokladov XVIII konferentsii Instituta arkheologii AN USSR (Dnepropetrovsk 1980), 101 // Н. М. Бокий Позднескифский безкурганый могильник у г. Светловодска. Археологические исследования на Украине в 1978-1979 гг. Тезисы докладов XVIII конференции Института археологии АН УССР (Днепропетровск 1980), 101.
- Bokii 1986:** N. M. Bokii, *Otchet Kirovogradskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo instituta imeni A.S. Pushkina ob arkheologicheskikh raskopkakh v Znamenskom, Petrovskom, Svetlovodskom i Dolinskom raionakh.* Arkhiv IA NANU, №1986/112 (Kirovograd 1986) // Н. М. Бокий, *Отчет Кировоградского государственного педагогического института имени А.С. Пушкина об археологических раскопках в Знаменском, Петровском, Светловодском и Долинском районах.* Архив ИА НАНУ, №1986/112 (Кировоград 1986).
- Bokii 1987:** N. M. Bokii, *Gruntovyi mogil'nik u s. Zalomy. Kimmeriitsy i skify. Tezisy dokladov Vsesoiuznogo seminaru, posviashchennogo pamiati A.I. Terenozhkina* (Kirovograd 1987), 22-24 // Н. М. Бокий, *Грунтовой могильник у с. Заломы. Киммерийцы и скифы. Тезисы докладов Всесоюзного семинара, посвященного памяти А.И. Тереножкина* (Кировоград 1987), 22-24.
- Bokii 2015:** N. M. Bokii, A. D. Mogilov, *Otkrytie Svetlovodskogo mogil'nika.* Arkheologiiia i davnia istoriia Ukraïni (Kiïv 2015), 253-264 // Н. М. Бокий, А. Д. Могилев, *Открытие Светловодского могильника.* Археологія і давня історія України (Київ 2015), 253-264.
- Drevnosti Pridneprov'ia 1899:** *Drevnosti Pridneprov'ia*, 2 (Kiev 1899) // *Древности Приднепровья*, 2 (Kiev 1899).
- Kovpanenko et al. 1989:** G. T. Kovpanenko, S. S. Bessonova, S. A. Skoryi, *Pamiatniki skifskoi epokhi Dneprovskogo Lesostepnogo Pravoberezh'ia (Kievo-Cherkasskii region)* (Kiev 1989) // Г. Т. Ковпаненко, С. С. Бессонова, С. А. Скорый, *Памятники скифской эпохи Днепровского Лесостепного Правобережья (Киево-Черкасский регион)* (Киев 1989).

Kubyshev et al. 1995: A. I. Kubyshev, L. E. Skiba, S.A. Skoryi, Pokhovannia skifs'kogo chasu Pirogivs'kogo mogil'nika. Arkheologiya 1, 1995, 100-111 // А. І. Кубишев, Л. Є. Скиба, С. А. Скорий, Поховання скифського часу Пирогівського могильника. Археологія 1, 1995, 100-111.

Mogilov, Bokii 2016: O. D. Mogilov, N. M. Bokii, Pokhovannia skifs'kogo vershnika na r. Siniukha. Arkheologiya 3, 2016, 76-88 // О. Д. Могилов, Н. М. Бокій, Поховання скифського вершника на р. Синюха. Археологія 3, 2016, 76-88.

Monakhov 2003: S. Iu. Monakhov, Grecheskie amfory v Prichernomor'e. Tipologiya amfor vedushchikh tsentrov-eksporterov tovarov v keramicheskoi tare. Katalog-opredelitel' (Moskva 2003) // С.Ю. Монахов, Греческие амфоры в Причерноморье. Типология амфор ведущих центров-экспортеров товаров в керамической таре. Каталог-определитель (Москва 2003).

Petrenko 1962: V. G. Petrenko, Mogil'nik skifs'kogo vremeni u s. Grishchentsy. MIA 113, 1962, 142-151 // В. Г. Петренко, Могильник скифського часу у с. Грищенці. МІА 113, 1962, 142-151.

Petrenko 1978. V. G. Petrenko, Ukrasheniia Skifii VII-III vv. do n.e. SAI, D 4-5, 1978. В. Г. Петренко, Украснения Скифии VII-III вв. до н.э. Свод археологических источников. Д 4-5, 1978, 144.

Terenozhkin 1949: O. I. Terenozhkin, Rozvidki i rozkopki v 1949 r. v pivnichnii chastini Kirovograds'koї oblasti. Arkheologiya 7, 1957, 110-135 // О. І. Тереножкін, Розвідки і розкопки в 1949 р. в північній частині Кіровоградської області. Археологія 7, 1957, 110-135.

Кирилл Панченко, преподаватель Кафедры истории Украины Центральноукраинского государственного педагогического университета имени Владимира Винниченко, ул. Шевченко, 1. Кропивницкий 25006, Украина, e-mail: pankir90@gmail.com.

Александр Прядко

Новые данные о памятниках древнерусского времени нижнего течения р. Супой

Keywords: Old Russ period, lower reaches of Supiy river, fortress, settlements.

Cuvinte cheie: perioada Rusiei Kievene, cursul inferior al râului Supoi, cetățui, așezări.

Ключевые слова: древнерусский период, нижнее течение р. Супой, городища, поселения.

Aleksandr Pryadko

New data on the monuments of the Kievan Rus period at the lower reaches of Supoyriver

The article is devoted to the new records of the Kievan Rus period that were revealed at the lower reaches of the river Supiy. New previously unknown sites are located near the Gelmiaviv, Pishchane and Domontovo villages. Thanks to this it became possible to accurately position the fords and crossings that covered these settlements. A detailed description of archaeological records is given.

Aleksandr Pryadko

Noi date despre monumentele perioadei Rusiei Kievene de pe cursul inferior al râului Supoi

Articolul este dedicat noilor situri atribuite perioadei Rusiei Kievene, care au fost descoperite pe cursul inferior al râului Supoi. Noile puncte, necunoscute anterior, sunt situate în apropierea satelor Gelmiavivi, Pishchane și Domontovo. Datorită acestui fapt a devenit posibilă amplasarea cu precizie a vadurilor și locurilor de traversare care acopereau aceste cetățui. Este dată o descriere detaliată a monumentelor arheologice.

Александр Прядко

Новые данные о памятниках древнерусского времени нижнего течения р. Супой

Статья посвящена новым памятникам древнерусского периода, которые были выявлены в нижнем течении р. Супой. Новые ранее неизвестные городища локализованы возле сс. Гельмязов, Песчаное, Домонтово. Благодаря этому удалось точно позиционировать места бродов и переправ, которые прикрывали эти городища. Представлено детальное описание археологических памятников.

Введение

Изучение древнерусских городищ Переяславской земли предполагает использование письменных источников, в первую очередь – летописей, в которых упоминаются эти укрепленные поселения. Но далеко не все они зафиксированы в летописях. Поэтому только археологические источники могут дать новую информацию об этих памятниках.

На протяжении 2015-2017 гг. экспедицией НИЭЗ «Переяслав» проводились археологические исследования нижнего течения р. Супой – от устья этой реки до с. Чопылки Переяслав-Хмельницкого р-на Киевской обл. Длина этого участка – 38 км (рис. 1). Основной задачей экспедиции был поиск новых и обследование уже известных памятников археологии X-XIII вв. Изначально было известно о двух городищах (Ташань, Каленики), шести селищах и двух курганных могильниках (Ташань, Гельмязов) [Kuchera 1971, 2-3; Buzian et al. 1989, 14-15; Buzian et al. 1990, 4].

В 1971 г. археологические исследования городищ возле сс. Ташань и Каленики осуществлял разведотряд ИА НАН Украины по исследованию

городищ Киевщины под руководством М.П. Кучеры [Kuchera 1971, 2-3].

Археологической экспедицией ПХДИКЗ в 1989-1990 гг. детально обследованы левый и правый берега р. Супой в пределах Переяслав-Хмельницкого р-на Киевской обл. [Buzian et al. 1989, 14-15; Buzian et al. 1990, 4]. Благодаря этим археологическим разведкам среднее течение реки было достаточно хорошо изучено.

О потенциальных и перспективных местах поисков в нижнем течении р. Супой можно также почерпнуть в трудах Л.В. Падалки, В.Г. Ляскоронского, Н.Е. Макаренко, К.Ф. Кушнира-Марченко и других [Padalka 1905; 1914; Liaskoronskii 1911; Makarenko 1917; Kushnir-Marchenko 1910-46].

Данные о памятниках

Городище, возле с. Каленики Золотоношского р-на Черкасской обл. (рис. 1,7; 2). Данное древнерусское городище расположено на расстоянии 870 м на северо-восток от с. Каленики (правый берег) и в 970 м к западу от современного русла р. Супой, напротив с. Подставки (левый берег). Городище задерновано, округлое, окружено двумя концентрическими линиями валов и рвов. Внутренняя пло-

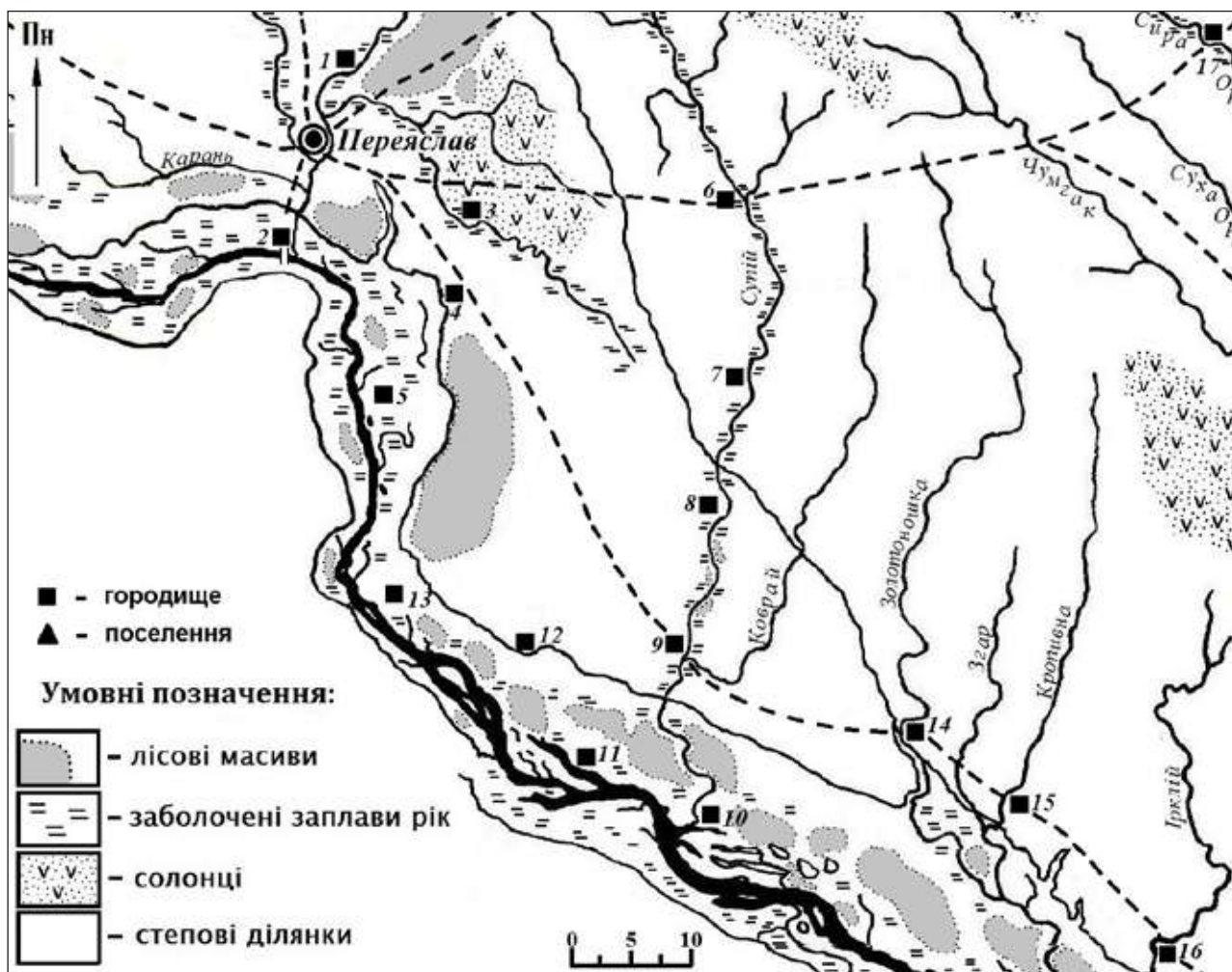

Рис. 1. Картограмма микрорегиона: 1 - Гайшин; 2 - Андруши; 3 - Вининцы; 4 - Цыбли; 5 - Городище; 6 - Ташань; 7 - Каленики; 8 - Гельмязов; 9 - Пещаное; 10 - Домонтово; 11 - Бубнов; 12 - Бубновая-Слободка; 13 - Лепляво; 14 - Золотоноша; 15 - Крапивна; 16 - Ирклей; 17 - Гребенка.

Fig. 1. Map of the microregion: 1 - Gaishin; 2 - Andrushi; 3 - Vinintsy; 4 - Tsybli; 5 - Gorodishche; 6 - Tashan'; 7 - Kaleniki; 8 - Gel'miazov; 9 - Peshchanoie; 10 - Domontovo; 11 - Bubnov; 12 - Bubnovaia-Slobodka; 13 - Lepliavo; 14 - Zolotonosha; 15 - Krapivna; 16 - Irklei; 17 - Grebenka.

щадка городища имеет диаметр 43x45 м, по гребню вала – 47x50 м, в южной части городища возле самого вала находится колодезная яма диаметром до 20 м, глубиной до 1 м. В северо-восточной части городища расположено курганообразное возвышение непонятного предназначения. Вершина этого возвышения является доминирующей во всей ближайшей округе (рис. 2).

За кольцевым валом вокруг площадки расположен кольцевой ров, за ним – еще один вал, а за валом – внешний ров. Высота внешнего вала ниже от уровня внутреннего почти на 1 м. С севера внешний ров сохранился лучше всего, его ширина – 5-6 м, глубина – 3,5-4 м. Глубина этого рва находится на одном уровне с площадкой к востоку от городища. С других сторон валы имеют незначительную расплывчатость, рвы полузасыпаны. В северо-запад-

ной части внешний ров с валом соединены между собой земляной перемычкой непонятного, вероятно, позднего, происхождения. Площадь городища усеяна многочисленными грабительскими ямами. Зачистки нескольких таких ям не дали археологических материалов. Очевидно, городище не имело постоянного населения и использовалось как городище-убежище на случай опасности.

Склон коренного правого берега р. Супой между двумя ярами, на котором расположено городище с примыкающим к нему большим поселением, эскарпирован двумя уступами (рис. 2, А3-А4).

Вся площадь широкого мыса за внешним рвом на расстоянии 260-270 м густо покрыта мелкими (измельченными постоянной вспашкой) фрагментами керамики древнерусского времени. Находки сосредоточены между двух глубоких яров и пред-

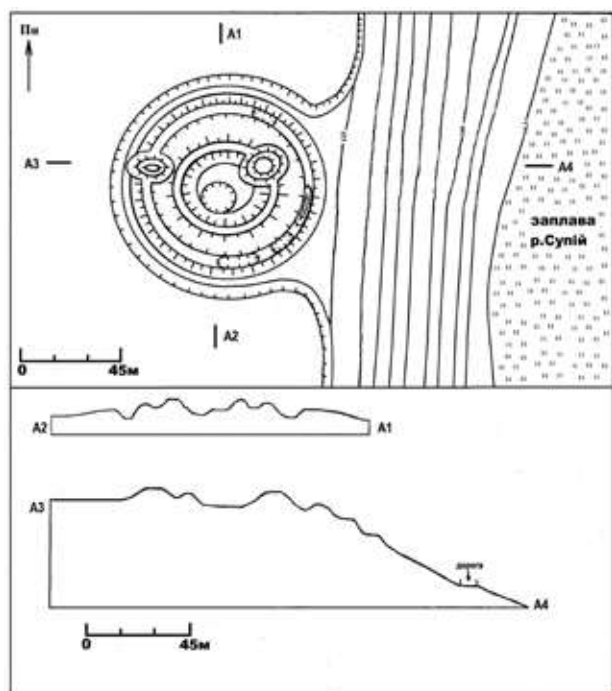

Рис. 2. План-схема городища Каленики.

Fig. 2. Plan-scheme of fortress Kaleniki.

ставляют собой остатки материальной культуры большого поселения размером 595x260-270 м (около 16 га). С напольной стороны этого поселения на современных космоснимках прослежена линия с насыщенным темным цветом. Очевидно, это следы еще одного нивелированного современной распашкой рва, ограничивавшего край всего поселения.

На распаханной поверхности поселения собрано около 20 фрагментов керамики древнерусского времени (XI-XII вв.) (рис. 3,2).

В октябре 2015 г. сотрудникам археологической экспедиции НИЭЗ «Переяслав» стало известно о находке на территории поселения возле городища Каленики бронзового древнерусского церковного колокола. По информации местных жителей, находка была сделана в сентябре 2015 г. на глубине около 1 м от современной поверхности (рис. 4,1). Проведенное сотрудниками заповедника расследование позволило обнаружить в сети Интернет следы данного уникального артефакта, а также выявить некоторую информацию о нем: высота – около 60 см, диаметр в нижней основе – около 38 см, вес – 23,3 кг. Толщина металла в нижней части – около 3 см. Изготовлен из бронзы, возможно с примесью серебра. В момент находки был покрыт темно-зеленой окисью бронзы. Высота короны – около 15 см. На талии колокола в ее

№	к. X - нач. XI в.	ср. XI в.	конец XI - XII в.
1			
2			
3			
4			

Рис. 3. Профили венчиков сосудов: 1 - Песчаное; 2 - Каленики; 3 - Домонтово; 4 - Гельмязов.

Fig. 3. Profiles of the corolla of the vessels: 1 - Peschanoe; 2 - Kaleniki; 3-Domontovo; 4 - Gelmiazov.

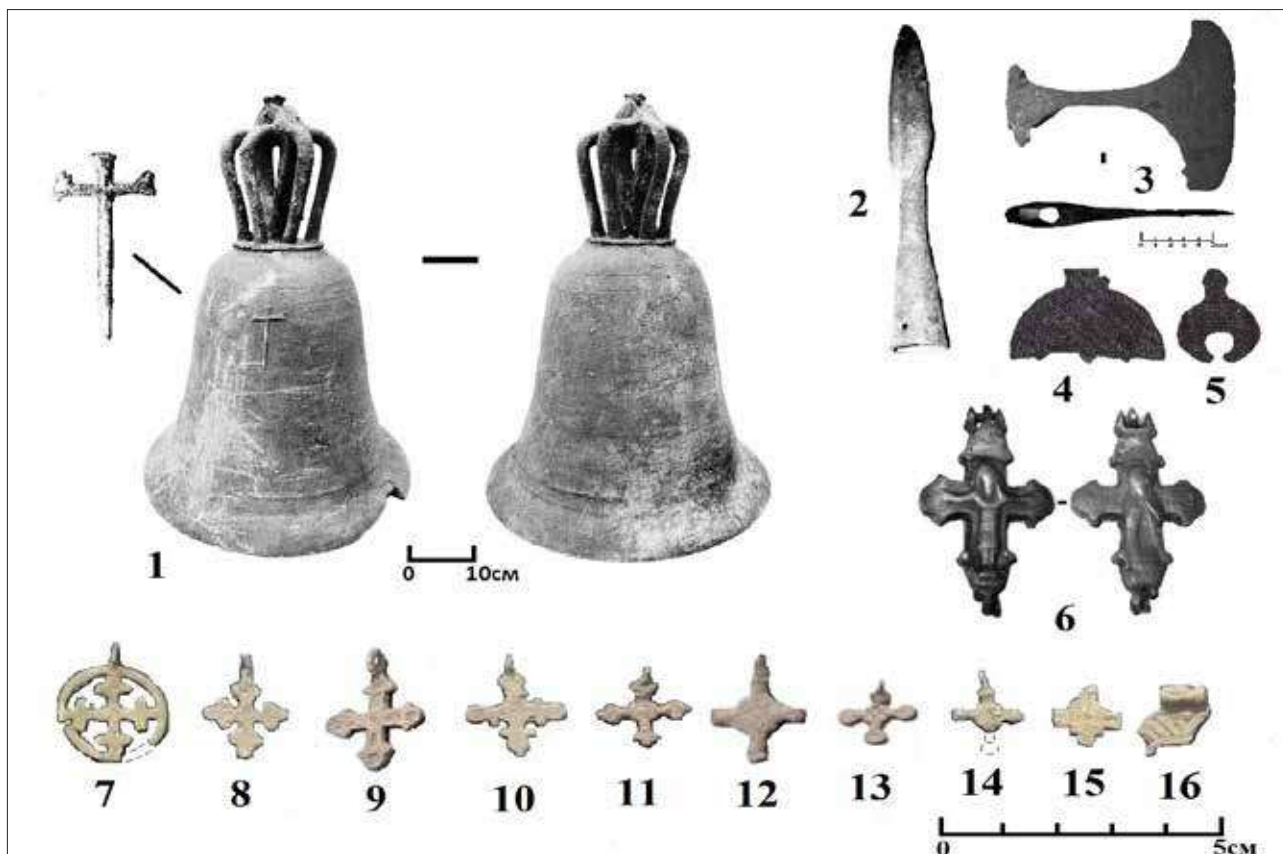

Рис. 4. Металлические находки: 1,7-16 - Каленики; 2-3, 6 - Домонтово (2,3 - Домонтовский музей), 4-5 - Гельмязов (Черкасский краеведческий музей).

Fig. 4. Metal finds: 1,7-16 -Kaleniki; 2-3, 6 - Domontovo (2,3 – Domontovo Museum); 4-5 - Gelmiazov (Cherkasy Museum).

верхней части расположен выпуклый удлиненный крест с тремя раздвоенными (кроме нижнего) концами. Звуковое кольцо и талия отделены наплечниками, ниже которых основа колокола расширяется. В нижней части прослежена небольшая вертикальная трещина, язык колокола отсутствует. Дальнейшая судьба этой уникальной находки нам неизвестна [Priadko 2015b, 7-9].

Колокол не являлся единственной находкой, об обнаружении которой стало известно от местных жителей. Возле городища также были обнаружены изделия из металла, стекла и пиррофиллита. Среди металлических изделий обращают внимание 9 нательных крестиков (рис. 4,7-15), две лунницы (рис. 4,16-17).

Еще одно городище расположено в восточной части с. Гельмязов Золотоношского р-на Черкасской обл. на возвышении второй надпойменной террасы правого берега р. Супой (рис. 1,8). Высота возвышения, на котором находится городище, над уровнем поймы составляет 3-3,5 м. Остатки укреплений представляют собой дугообразный вал со рвом. С восточной стороны вал проходил параллельно рельефу террасы. Современная глу-

бина рва с севера составляет 1,5 м, ширина – 30 м. С северо-запада по рву проходит грунтовая дорога, а с юго-запада глубина рва не превышает – 1 м, ширина – 39 м. С южной стороны глубина рва – 2 м, ширина – 25-26 м. С юго-востока вал прослеживается на высоту 3-3,5 м, а ров плавно понижается до уровня поймы. С юго-востока и востока по рву проходит грунтовая дорога. Вал сохранился лишь частично на небольших участках и в большинстве своем уничтожен хозяйственной деятельностью. С запада на восток укрепленный посад перерезает асфальтированная дорога (ул. Центральная), которая условно разделяется на северную и южную части (рис. 5). Размеры посада: 304x228 м.

По результатам дешифровки спутниковых снимков и визуальных обследований в северной части укрепленного посада прослеживаются остатки укрепления небольших размеров: 80x90 м. Это может свидетельствовать о наличии здесь городища округлой формы. Подобная практика строительства городища с укрепленным посадом находит свои аналоги на р. Сула (городище в с. Тарасивка Оржицкого р-на Полтавской обл.) [Morgunov 1998, 105; Kuchera 1999, 15; Kuza 1996, 188]. и на р. Тру-

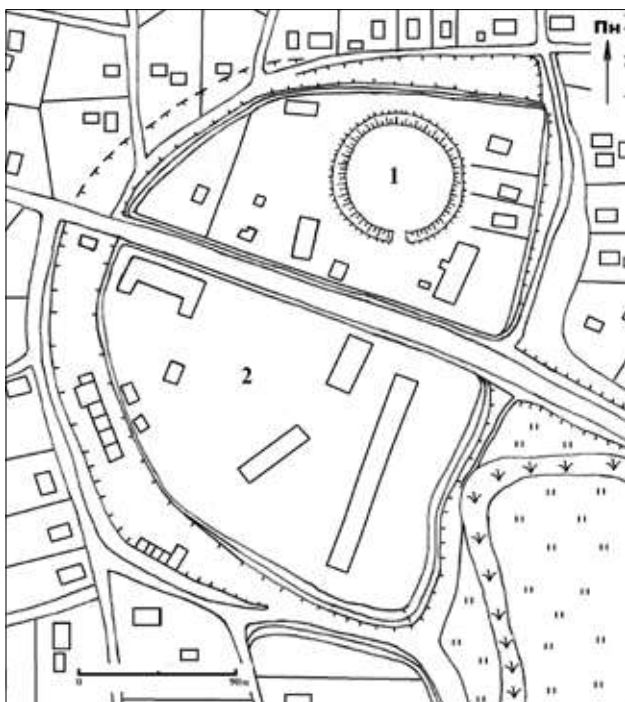

Рис. 5. План-схема городища Гельмязов: 1 - место расположения детинца; 2 - окольный град.

Fig. 5. Plan-scheme of fortress Gel'miazov: 1 - location of the detinets; 2 - roundabout.

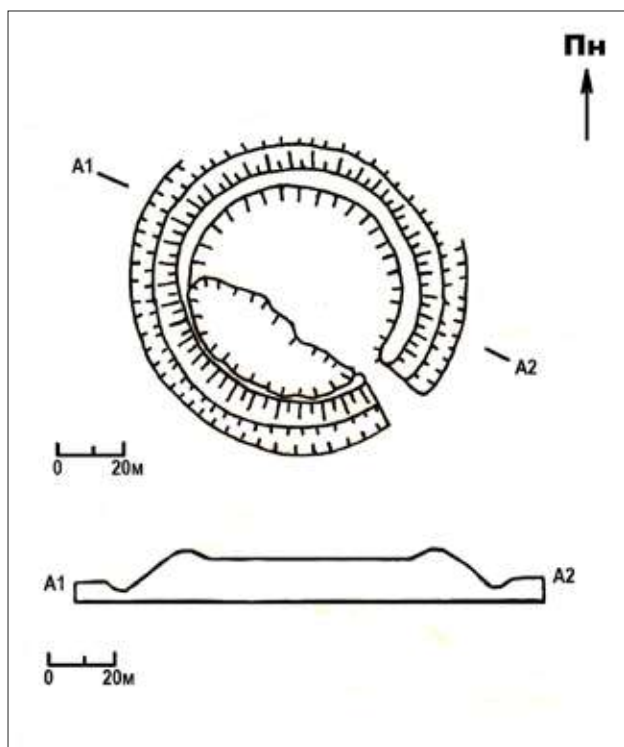

Рис. 6. План-схема городища Пешчаное (летоп. Песочен).

Fig. 6. Plan-scheme of fortress Peshchanoye (letop. Pesochen).

беж (городище в с. Свитыльня Броварского р-на Киевской обл.) [Kuchera 1999, 17; Kuza 1996, 210]. До 50-х годов XX в. именно в этой части посада, по свидетельствам местных жителей, сохранялись земляные возвышения и рвы. Активная застройка этой части села фактически уничтожила памятник археологии. В настоящее время лучше сохранились сегменты валов со рвами укрепленного посада. На территории посада в доступных местах собраны фрагменты керамики древнерусского времени (рис. 3,4). Кроме этого в экспозиции Черкасского областного краеведческого музея представлены предметы древнерусского времени, в том числе и две подвески-лунницы из с. Гельмязов (рис. 4,4-5).

Городище в с. Пешчаное Золотоношского р-на Черкасской обл. (рис. 1,9; 6). Памятник расположен в урочище Городище, занимает территорию на правом берегу р. Супой в 3,2 км к северу от здания сельского совета с. Пешчаное и в 150 м от трассы Киев-Днепропетровск. Городище сооружено на длинном песчаном мысе (200 м от поймы) правого берега р. Супой. Территория ограничена с севера заболоченным рукавом речки (урочище Липовое), с юга старицей – урочище Перекалки (после мелиорации – сенокосы, пастбища). С востока расположен левый приток р. Супой – р. Коврай (Ковраец). И только на западе (уроч. Красный Хутор) мыс соединяется с сушей. Вся площадь городища и частично территория возле него занята кладбищем XVIII – середины XX вв. [Priadko 2015, 17-19].

Городище в плане круглое, поверхность покрыта дерном. Диаметр площадки составляет 62 м, по гребню вала – 90 м. По краю площадки вал уцелел частично. Его сохранившаяся на момент обследования высота достигает 1 м, ширина – от 1,5 до 2 м. Вокруг городища прослеживается ров шириной 2,5-3 м, который также сохранился частично только с юга, юго-востока и запада, а с севера и северо-востока отсутствует, поскольку здесь к нему примыкают усадьбы жителей с. Пешчаное. Отсутствие здесь рва можно связывать именно с хозяйственной деятельностью. Наиболее сохранившийся участок вала со рвом прослеживается в восточной части городища. Ширина рва здесь 3 м при глубине 1-1,5 м. Вход в городище был с юго-восточной стороны (рис. 6).

С юго-западной стороны площадка городища повреждена ямой больших размеров. Длина ямы – 45 м, ширина – 2,5-3 м, глубина – 2,5-3,5 м. Выборка земли с ямы осуществлялась в пределах площадки, ведь округлый вал частично уцелел вокруг ямы. Поверхность площадки с валом имеет холмистый характер из-за захоронений кладбища.

В северо-западном и юго-восточном направлениях от городища, на приусадебных участках местных жителей с. Песчаное (уроч. Городище, Красный хутор), собран подъемный материал: обломки гончарных сосудов древнерусского времени, стенки корчаг, обломки пиррофилитового сланца. Древнерусская керамика представлена фрагментами светлоглиняных гончарных сосудов с плавным S-образным профилем венчиков. Керамика плотная, тонкостенная, в тесте примесь мелкого песка. Цвет поверхности темно-серый, желтый, коричневый, терракотовый, бежевый. Количественно собранная керамика распределяется следующим образом: 98 – венчиков, 9 – стенок с орнаментом, 5 – доннышек без гончарных клейм (рис. 3,1). Площадь распространения древнерусской керамики возле городища: 600x300x190 м (около 16 га).

Древнерусское городище в селе с названием Песчаное (местное название – Пищанэ) можно связывать с летописным городом Песочен, неоднократно упоминаемым в летописях [Povest' 1950, 94, 127].

Случайные находки на территории села двух византийских анонимных фоллисов X в. [Shostopal 2007, 91], сребреник и фрагмент сребреника Владимира Святославича (972-1015 гг.) [Shostopal 2007, 48], вислой печати Ярополка (рис. 7) – свидетельствуют о широких торговых связях населения летописного Песочена.

Городище в с. Домонтово (село было выселено в конце 50-х – начале 60-х гг. XX в.) Золотоношского района Черкасской обл. (рис. 1,10). Древнерусское городище круглой формы расположено в 40 м от древнего русла р. Супой на левом берегу, в 250 м на северо-запад от зданий Домонтовской рыболовцевкой артели и в 6,3 км на юго-запад от здания современной школы с. Домонтово. Размеры городища: 65x63 м (0,4 га). В южной части городища до отселения села располагалась церковь. Это и послужило причиной нивелирования вала с юга, востока и запада. Сохранен небольшой сегмент только с севера. Хотя на аэрофотоснимке 1943 г. немецких ВВС вал на городище еще прослеживался. Высота городища от уровня поймы – 7 м, с юга, востока и запада 3-3,5 м. Поверхность площадки городища задернованная, оно заросло кустами и деревьями. Склон южной части городища распаивается, при детальном обследовании заметна заплывшая берма вала (рис. 7).

В северной части городища находится длинная силосная яма больших размеров – 20x4 м. Зачистка небольшой части южной стенки ямы позволила зафиксировать стратиграфию культурных наслоений, где древнерусский слой начался через 0,60 м от поверхности площадки, который насы-

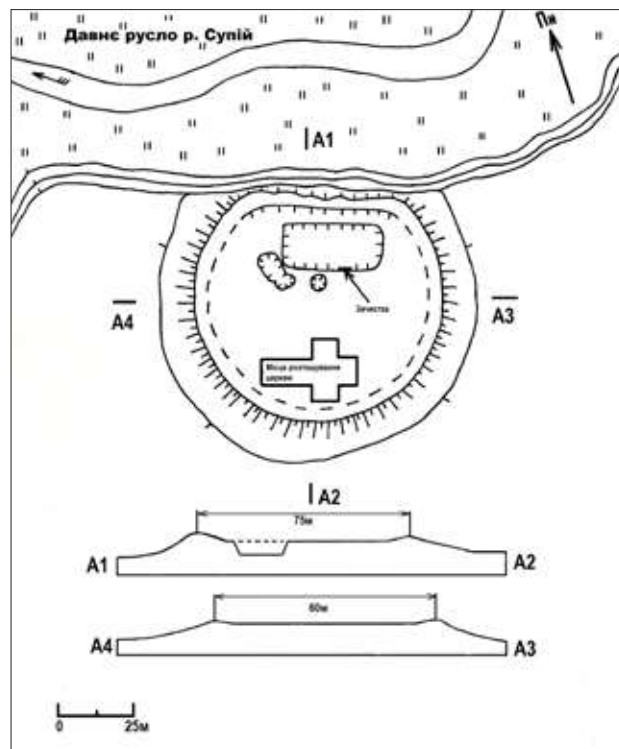

Рис. 7. План-схема городища Домонтово.

Fig. 7. Plan-scheme of fortress Domontovo.

щен фрагментами керамики древнерусского времени и вкраплениями древесного угля [Priadko 2015, 11-13].

Возле городища расположен посад размерами 300x290 м (9,1 га), на поверхности которого собран подъемный материал (рис. 3,3). Кроме этого, мы ознакомились с синхронными городищу археологическими находками с Золотоношского и Домонтовского музеев. Среди различных экспонатов Золотоношского музея находится наконечник копья и топор, найденные возле городища (рис. 4,2-3). В данное время в Домонтовском музее экспонируются только фрагменты керамики (рис. 3,3), собранные его директором В.Ф. Почепцовым на самом городище. По его сведениям раньше экспозицию дополняли: крест-энколпион, западноевропейский денарий и топор с «бородой». Также, по его сведениям, «чёрными копателями» возле городища за все время было найдено восемь нательных крестиков. Изображение только одного из этих крестиков нам стало доступно (рис. 4,6).

Заключение

Таким образом, в результате проведенных исследований в нижнем течении р. Супой удалось найти и идентифицировать три новых городища (Гельмязов, Песчаное, Домонтово), одно из которых, вероятно, можно связывать с летописным «го-

родом» Песочен – Песчаное, поскольку целый ряд признаков указывает именно на это. Кроме этого, сплошное обследование правого и левого берегов р. Супой значительно дополнило количество селищ X-XIII вв. Обнаруженные городища и селища показывают настоящую картину системы заселения нижнего течения р. Супой. Собранные венчики от сосудов на памятниках хронологически распределяются следующим образом: конец X – начало XI вв. – 12%, XI – рубеж XI-XIII вв. – 25%, XII – первая половина XIII вв. – 63% (рис. 7).

Находки последних лет возле городищ нижнего течения р. Супой византийских фоллисов, западноевропейских денариев и древнерусских сребреников свидетельствует о развитии товарно-денежных отношений (рис. 8,1-4). Присутствие на монетах сквозных отверстий указывает на выпадение их из денежного обращения и использовании уже в качестве подвесок [Rublev 2016, 51, 217, 281].

Обнаруженный возле городища церковный колокол XII в. работы французских(?) мастеров свидетельствует о широких экономических и культурных связях не только центров княжеств, но и периферийных поселений. Найденные рядом девять нательных крестиков преимущественно XII в. также позволяют выдвинуть предположение о на-

личии церкви и христианизированного населения Калениковского городища.

Городище, обнаруженное в устье р. Супой за 1,5 км от впадения в р. Долгун (древнее русло Днепра), дает нам основания провести параллель с аналогичными ближайшими укреплениями в устьях рек Трубеж и Сула – соответственно летописные городища Устье и Воинь. Кроме чисто портовых функций городище Домонтово, очевидно, выполняло задачу перевоза через реку Днепр (рис. 9). Такая функциональность поселения Домонтово просуществовала до XVII в.: «Апреля 1649 г. в 11 день пошли с Переяславля через Олмязов (Гельмязов), на 13 день пришли в Домонтов на перевоз-реки Днепра. Апреля в 14 день перевезлись через Днепр, а перевозу было вниз по реке по Днепру 10 верст» [Stateinyi spisok 1953, 147].

Интересно соотношение количества известных на данное время городищ в бассейне р. Супой. В верхнем течении на Басанском пути находятся городища возле с. Новый Быков и с. Петровка [Morgunov 2009, 181, 258; Kuchera 1999, 219], в среднем течении расположено Ташанское городище на Лубенском пути [Kuchera 1999, 219; Kuza 1996, 210], теоретически могло существовать Яготинское городище на Пирятинском направлении. В нижнем

Рис. 8. Нумизматические и сфрагистические находки: 1 - Каленики; 2 - Гельмязов; 3-5 - Песчаное.

Fig. 8. Numismatic and sphragistic findings: 1 - Kaleniki; 2 - Gel'miazov; 3-5 - Peschanoe.

течении – Пещанское городище (Песочен) на Переяславском пути [Priadko 2015, 124-129], Калениковское [Kuchera 1999, 219; Kuza 1996, 176], Гельмязевское [Priadko 2016, 134-138] и Домонтовское в устье р. Супой [Priadko 2015, 11-13].

Такая концентрация городищ в нижнем течении реки объясняется, на наш взгляд, удобной топографией рельефа для переправы на правый берег именно в этой части. Ведь от южных окраин с. Каленики и до северных окраин Яготинского плато правый берег более высокий и крутой в отличие от нижней его части, где перепад высот незначителен, а в пойме расположено большее количество островных и мысовых возвышений. Эта топографическая ситуация была обусловлена задачей прикрыть броды через реку на сухопутных путях от степи к Переяславу.

Открытые памятники, по нашему мнению, конкретизируют и существенно дополняют археологическую карту Южной Руси, а также требуют продолжения исследований.

Рис. 9. Картограмма Домонтовского микрорегиона.

Fig. 9. Map of the Domontovo microregion.

Библиография

- Buzian 1989 et al.:** G.M. Buzian, M.M. Builuk, M.T. Tovkailo, Zvit Pereiaslav-Khmel' nits'koï arkheologichnoï ekspeditsii za 1989 r. NAIANANU, 1989/84, 44 // Бузян Г.М., М.М. Буйлук, М.Т. Товкайло, Звіт Переяслав-Хмельницької археологічної експедиції за 1989 р. НА ІА НАНУ, 1989/84, 44.
- Buzian 1990 et al.:** H.M. Buzian, M.M. Builuk, O.V. Kolibenko, M.T. Tovkailo, Zvit pro robotu Pereiaslav-Khmel'nyts'koï arkheologichnoï ekspeditsii za 1990 r. NAIANANU, 1990/186, 40 // Г.М. Бузян, М.М. Буйлук, О.В. Колибенко, М.Т. Товкайло, Звіт про роботу Переяслав-Хмельницької археологічної експедиції за 1990 р. НА ІА НАНУ, 1990/186, 40.
- Stateyni spisok 1953:** Stateyni spisok posla russkogo pravitel'stva G. Unkovskogo k Bogdanu Khmel' nitskomu 1649 marta 13 – maia 22: Vossoedinenie Ukrainy s Rossiei, T. II (Moskva 1953), 145-162 // Статейный список посла русского правительства Г. Унковского к Богдану Хмельницкому 1649 г. марта 13 – мая 22: Воссоединение Украины с Россией, Т. II (Москва 1953), 145-162.
- Kuza 1996:** A.V. Kuza, Drevnerusskie gorodishcha X-XIII vv. Svod arkheologicheskikh pamiatnikov (Moskva 1996), 256 // А.В. Куза, Древнерусские городища X-XIII вв. Свод археологических памятников (Москва 1996), 256.
- Kuchera 1971:** M.P. Kuchera, Zvit pro robotu rozvid zagonu po obstezhenniu gorodishch Kiivshchini u 1971. NA IA NANU, 1971/17, 19 // М.П. Кучера, Звіт про роботу розвід загону по обстеженню городищ Київщини у 1971. НА ІА НАНУ, 1971/17, 19.
- Kuchera 1978:** M.P. Kuchera, Davn'orus'kigorodishcha v zachidnii chastini Pereiaslavshchini. Arkheologiya 25, 1978, 21-70 // М.П. Кучера, Давньоруські городища в західній частині Переяславщини. Археологія 25, 1978, 21-70.
- Kuchera 1999:** M.P. Kuchera, Slov'iano – rus'ki gorodishcha VIII – XIII st. Mizh Sanom i Sivers'kim Dintsem. IA NANU, 1999, 252 // М.П. Кучера, Слов'яно – руські городища VIII – XIII ст. між Саном і Сіверським Дінцем. ІА НАНУ, 1999, 252.
- Kushnir-Marchenko 1910-46:** K.F. Kushnir-Marchenko, Moia doslidnits'ka pratsia po arkheologii Irkliivshchini i v sumizhnich robotakh u 1910-46 rr. IR NBIV – F.133, №22, 22 // К.Ф. Кушнір-Марченко, Моя дослідницька праця по археології Іркліївщини і в суміжних роботах у 1910-46 рр. ІР НБІВ – Ф.133, № 22, 22.
- Liaskoronskii 1911:** V.H. Liaskoronskii, Gorodishcha, kurgany, maidanyi dlinnye (zmievye) valy v oblasti Dneprovskogo Levoberezh'ia (Moskva 1911), 82 // В.Г. Ляскоронский, Городища, курганы, майданы и длинные (змиевые) валы в области Днепроовского Левобережья (Москва 1911), 82.
- Makarenko 1917:** N. Makarenko, Gorodishcha i kurgany Poltavskoi gubernii. In: Sbornik topograficheskikh svedenii (Poltava 1917), 103 // Н. Макаренко, Городища и курганы Полтавской губернии. In: Сборник топографических сведений (Полтава 1917), 103.
- Morgunov 1998:** Iu.Iu. Morgunov, Posul'skaia granitsa: etapy formirovaniia i razvitiia (Kursk 1998), 128 // Ю.Ю. Моргунов, Посульская граница: этапы формирования и развития (Курск 1998), 128.

- Morgunov 2009:** Iu.Iu. Morgunov, Drevo-zemlianye ukrepleniia Iuzhnoi Rusi X-XIII vekakh (Moskva 2009), 303 // Ю.Ю. Моргунов, Древо-земляные укрепления Южной Руси X-XIII веках (Москва 2009), 303.
- Priadko 2015a:** O.O. Priadko, Zvit pro arkeologichni rozvidki na terytorii Zoloton'skogo raionu Cherkas'koї oblasti za 2015 r. NAIANANU, 2015/55, 179 // O.O. Прядко, Звіт про археологічні розвідки на території Золотоніського району Черкаської області за 2015 р. НА ІА НАНУ, 2015/55, 179.
- Priadko 2015b:** O.O. Priadko, Davn'orus'ke gorodishche Pishchane na r. Supii. In: (red. kol. V.S. Travins'kii) Arkheologii ta Fortifikatsiia: zb. mater. V Vseukr. nauk.-prakt. konf. (Kamianets'-Podil'skii 2015), 124-129 // O.O. Прядко, Давньоруське городище Піщане на р. Супій. In: (ред. кол. В.С. Травинський) Археологія та Фортифікація: зб. матер. V Всеукр. наук.-практ. конф. (Камянець-Подільський 2015), 124-129.
- Priadko 2016:** O.O. Priadko, Davn'orus'ke gorodishche Gel'miazivnar. Supii. In: Arkheologii ta Fortifikatsiia Ukraїni. Zbirnik materialiv VI Mizhnarodnoї naukovo-praktichnoї konferentsii (Kamianets'-Podil'skii 2016), 134-138. // O.O. Прядко, Давньоруське городище Гельмязів на р. Супій. Археологія та Фортифікація України. Збірник матеріалів VI Міжнародної науково-практичної конференції (Камянець-Подільський 2016), 134-138.
- Padalka 1905:** L.V. Padalka, Drevnie zemliane sooruzheniia v predelakh Poltavskoi gubernii (Poltava 1905), 60 // Л.В. Падалка, Древние земляне сооружения в пределах Полтавской губернии (Полтава 1905), 60.
- Padalka 1914:** L.V. Padalka, Proshloe Poltavskoi terrytorii i ee zaselenie (Poltava 1914), 239 // Л.В. Падалка, Прошлое Полтавской территории и ее заселение (Полтава 1914), 239.
- Povest' 1950:** Povest' vremennykh let. Ch. 1. Lavrent'evskaialetopis' (perevod Likhacheva) (Moskva 1950), 408 // Повесть временных лет. Ч. 1. Лаврентьевская летопись (перевод Лихачева) (Москва 1950), 408.
- Rublev 2016:** A.I. Rublev, Monety drevnerusskoi chekanki. Konets X – nachalo XI vv. Katalog (Moskva 2016), 430 // А.И. Рублев. Монеты древнерусской чеканки. Конец X – начало XI вв. Каталог (Москва 2016), 430.
- Shostopal 2007:** A. Shostopal, Skarbi Cherkashchini (Cherkasy 2007), 120 // А. Шостопап, Скарби Черкащини (Черкаси 2007), 120.

Александр Прядко, аспирант древнерусского и средневекового отдела Института археологии НАН Украины, заведующий научно-исследовательским сектором «Археологическая экспедиция» Национального историко-этнографического заповедника «Переяслав», ул. Шевченка №10; г. Переяслав-Хмельницкий, 08401, Украина, e-mail: otaman_sirko@ukr.net

Erwin Gáll, Gabriella M. Lezsák, Andrei Novichikhin

**Fragmentul de plăcuță de geantă de la Andreevskaia Shchel (Anapa, Federația Rusă).
Observații privind răspândirea genților decorate cu plăcuțe în secolul al X-lea**

Keywords: sabretache plate, Andreyevskaya shchel, 10th century, Northern Caucasus, comercial networks, nomads.

Cuvinte cheie: plăcuță de geantă, Andreevskaia Shchel, secolul 10, Caucazul de Nord, rețelele comerciale, nomazi.

Ключевые слова: поясная сумка, 10-й век, Андреевская Щель, Северный Кавказ, коммерческие сети, кочевники.

Erwin Gáll, Gabriella M. Lezsák, Andrei Novichikhin

Fragmentary Remains of a Sabretache Plate Found in Andreevskaia Shchel (Anapa, Russia Federation). Thoughts on the Spread of Sabretache Plates in the 10th Century

The subject of this article is the fragmentary silver plate of a sabretache, which was deposited in the storage of the Gorgippia Archaeological Museum (Krasnodar Krai, Russia) in 2015, together with several other finds. The finds had been discovered at a site named Andreevskaia Shchel, located a few kilometres south-east of the town, at the north-western hill area of the Caucasus. Among the artefacts deposited in the storage in 2015, there were other finds related to the 9-10th centuries (e.g. gilded silver sheet braid ornament decorated with palmette motifs, gilded bronze belt mounts, bronze strap end, sabre, bow case or sabretache mount, fingerring, etc.). As a first step of publishing the finds, in addition to the description and analysis of this unique fragmentary silver sabretache plate, members of the research team conduct a more detailed study of the spread of sabretache plates in Eastern Europe, Scandinavia, and in the Carpathian Basin. As the solutions and decoration techniques used resemble those of ornamented sabretaches, many questions may arise regarding the sabretache plate discovered in Andreevskaia Shchel. However, the fact that this was the first time that a sabretache plate was unearthed at the hill/steppe area of the Northern Caucasus, even if it is fragmentary because of the research context, repeatedly draws our attention to this area. The Caucasus and its hill and steppe area was the scene of cultural and economic relations between the nomadic populations of the steppe and of the mountains, presenting a favorable opportunity for the eventual creation of significant power/political configurations.

Erwin Gáll, Gabriella M. Lezsák, Andrei Novichikhin

Fragmentul de plăcuță de geantă de la Andreevskaia Shchel (Anapa, Federația Rusă). Observații privind răspândirea genților decorate cu plăcuțe în secolul al X-lea

În cursul expediției de documentare arheologică efectuată în Federația Rusă, în muzeul *Gorgippia* din Anapa, am avut prilejul de a studia materialul arheologic aferent unui sit funerar ajuns în colecțiile muzeului în anul 2015 și rămas inedit până în momentul de față. Locul de descoperire al locului funerar, la 6 km est de Su-Pseh, reprezintă marginea orientală a orașului Anapa. Realizată dintr-o placă subțire de argint, forma sa semicirculară, mijlocul ajurat, respectiv ornamentele mici în formă de petale triunghiulare, care decorau marginile piesei, indică în mod evident funcționalitatea plăcuței. În partea centrală, plăcuța fusese ajurată rectangular, rotunjită, iar aversul său ornamentat cu o aplică rectangulară turnată din cupru galben. Apariția piesei de la Andreevskaia Shchel în zona piemontană a Caucazului de nord, alături de alte artefacte specifice portului lumii nomade, ne atrage atenția asupra importanței macroregiunii, o zonă de contact între stepă și spațiul montan, practic, zona de comunicare între nomazi și sedentari.

Erwin Gáll, Gabriella M. Lezsák, Andrei Novichikhin

Фрагмент пластины для сумки из Андреевской Щели (Анапа, Российская Федерация). Заметки о распространения сумок украшенные с пластинами в X веке

Во время документированной археологической экспедиции, проведенной в Российской Федерации, в музее Горгиппия в Анапе, мы получили возможность изучить археологический материал погребального памятника, поступивший в коллекцию музея в 2015 и оставшийся неопубликованным до настоящего момента. Местность обнаружения погребального места, в 6 км к востоку от Су-Сех, представляет собой восточную окраину города Анапа.

Предмет изготовлен из тонкой серебряной пластинки полукруглой формы, с перфорированной серединой, с небольшим орнаментом в форме треугольных лепестков, украшающие края предмета, четко указывая на функциональность пластинки. В центре, пластинка была прямоугольно перфорирована, закруглена, а ее аверс орнаментирован литьем в форме прямоугольника из желтой меди. Появление данного предмета из Андреевской Щели в предгорной зоне северного Кавказа, наряду с другими специфическими артефактами кочевнического мира, притягивает наше внимание в связи с важностью данного микро региона, контактной зоны между степью и горной местностью, практически, зоной культурных и экономических связей между кочевниками и оседлым населением.

Introducere

În cursul expediției de documentare arheologică efectuată în Federația Rusă (octombrie 2016)¹, în muzeul *Gorgippia* din Anapa, am avut prilejul de a studia materialul arheologic aferent unui sit funerar ajuns în colecțiile muzeului în anul 2015 și rămas inedit până în momentul de față. În 2015, Sz.G. Bandurko, profesor de istorie și colecționar din orașul Anapa, a predat muzeului noi piese care provin de pe teritoriul sitului cercetat anterior, încă din anii '80 ai secolului trecut [Novichikhin 1993, 76-77; Armarchiuk 2003, 201, 206; Armarchiuk, Novichikhin 2004, 59-71; Novichikhin 2008, 26-41; 2014, 55-93; 2015, 99-111]. Piesele ajunse la muzeu în 2015, cum sunt fragmentul de sabie cu elementele sale (fig. 1,4-5)², discul de păr din placă de argint³, aplicele decorate cu palmete „tăiate” (split-leaf *Palmette/gesprengte Palmette*) (fig. 1,1-2)⁴, capătul de curea decorat cu semi-palmete (fig. 1,3), o aplică de geantă sau de tolbă de arc (fig. 1,6)⁵, catarama în formă de liră⁶ și inelul digital cu montură spiralată (fig. 1,7), ne indică datarea acestor morminte în secolul X.

Încă din 1987, cu prilejul amplasării unei conducte de gaze pe teritoriul sitului funerar, au fost identificate morminte distruse [Novichikhin 1993, 76-77; Armarchiuk 2003, 201, 206] care au intrat în literatura de specialitate în urma săpăturilor arheologice coordonate de către A. M. Novichikhin. Cercetătorul a identificat o înmormântare singulară de cal și un mormânt de tip cenotaf din secolele XI-XII [Novichikhin

¹ Expediție de documentare între 15-30 octombrie 2016, efectuată de Gabriella M. Lezsák, Erwin Gáll, Ákos Avar, Dávid Somfai Kara.

² Garda sabiei cu terminații în butoane cu diametre mari, decorate cu linii gravate, are analogii foarte bune la Bhulgari, Dargavs-catacomba 31, dar și la Bana, cu mențiunea că în cazul acesta gravurile au fost umplute cu incrustații din argint [AH 1996, 363, Fig. 2; Pósta 1905, 307, Pict. 192/3; Dzattiaty 2014, Tab. 31].

³ Aceasta este abia a doua descoperire a tipului de ornament localizată la est de Bazinul Carpatic, alături de discul din mormântul 32 din kurganul 3 de la Karanaevo [Mazhitov 1981, ris. 58/25]. În Bazinul Carpatic, discuri de păr am înregistrat în 69 de cazuri (lucrare în pregătire). Mai vezi: Csallány 1959, 281-325; Csallány 1970, 261-299; Bollók 2015, 533-542.

⁴ Ele își găsesc analogii în descoperirile foarte bine datate în prima jumătate al secolului al X-lea din Bazinul Carpatic, dar răspândirea lor și în estul Europei o putem data în secolele IX-X [Mesterházy 2013, 447-455; Bollók 2015, 246-248, 47. kép].

⁵ Pentru analiza lor, în Bazinul Carpatic, respectiv în nord-estul Peninsulei Balcanice: Révész 1996, 160; Iotov 2004, Pl. XXVI.

⁶ Analiza pieselor în Bazinul Carpatic și în spațiul mediteranean se regăsește la: Révész 1989, 513-541; Schulze-Dörhamm 1988, 383.

2008, 26-41], respectiv cinci morminte de copii, patru inhumați și unul incinerat (din care, între altele, provine și un inel digital cu montură spiralată) [Novichikhin 2015, 99-111]. Pe lângă acestea, au fost publicate arme, ornamente de îmbrăcăminte, piese [Novichikhin 2014, 55-93] și ornamente de harnașament [Armarchiuk 2006].

Pe baza datelor pe care le avem la dispoziție, caracterul biritual al sitului funerar este indiscutabil, fapt ce indică analogii cu necropolele birituale datate în secolele XI-XIII din arealul nord-vestic al Caucazului⁷. Relevantă este însă și observația potrivit căreia artefactele anterior prezentate și ajunse la muzeu în 2015 nu se regăsesc în inventarul mormintelor siturilor funerare de incinerare din nordul Caucazului databile în secolele XI-XIII. În consecință, avem de-a face, cel mai probabil, cu două situri funerare suprapuse? la Andrevskaia Shchel. În mod evident, pentru lămurirea sigură a situației ar fi necesare săpături arheologice.

Pe baza acestor observații, credem că descoperirile avute la dispoziție pot fi împărțite cronologic în cel puțin două grupe: piese care reprezintă grupa timpurie a unui sit funerar din secolele IX-X (aplice de centură, aplice de fixare a genții sau a tolbei de arc de tip „Kiev”), respectiv situl funerar din secolele XI-XIII.

Topografia sitului (fig. 2,A-C)

Locul de descoperire al necropolei se află în zona premontană al Caucazului de Nord-Vest, unde stepa eurasiatică și râul Kuban se întâlnesc cu zonele deluroase. Valea râului Maskaga (peka Mackara) reprezintă prelungirea geografică a stepei în direcția montană. Din punct de vedere hidrografic, râul Maskaga, care izvorăște în Caucazul Nord-Vestic, nu departe de orașul Novorossiisk, formează o vale lată de aproape 10 km și lungă de circa 20 km, între cele două ramuri ale Caucazului, împărțind în două sistemul montan.

Astfel, valea râului, cu zonă plată și dealuri, formează un fel de peninsulă intramontană, o prelungire a stepei eurasiatice în acea direcție. Prin poziția mai înaltă față de Câmpia Kubanului, Valea Maskaga, totodată, subliniază contactul între modul de viață specific arealului de stepă și celui din zona de munte. În zona cursului râului poate fi observată o zonă de câmpie plată, practic lunca acestuia, destul de lată, urmată de dealuri nu foarte abrupte.

Topografic, situl funerar a fost identificat pe marginea văii, care în epoca premodernă s-a unit cu râul Kotloma (peka Kotлома) cu aproximativ 4 km înainte de vărsarea în mare.

Situl propriu zis se află la 6 km est de Su-Pseh, care reprezintă marginea orientală a orașului Anapa.

⁷ Černoklen: P'iankov 1988; Tsiplievskij Kyt: P'iankov 2000, 12-25; Tsemdolina: Armarchiuk-Malyshv 1997, 92-114. Sin-teza analitică a acestora: Uspenskii 2013, 86-98; 2015.

Fig. 1. Aplici de centură (1-2), capătul de curea (3), sabie (4-5), aplică de tolbă de arc sau de geantă (6), inel digital (7) de la Andreevskaia Shchel.

Fig. 1. The belt mounts (1-2), strap end (3), sabre (4-5), bow case or sabretache mount (6), fingerring (7) from Andreevskaia Shchel.

Necropola din secolele IX-XI - XIII se află pe o pantă a dealului, care se extinde la sud de râul Maskaga și care reprezintă prelungirea coamelor muntoase înspre vale. Din punct de vedere topografic, este de înțeles de ce panta lină a dealului a fost folosită ca zonă funerară în perioada epocii medievale timpurii, fiind în apropierea – așa cum se observă pe hărțile vechi – mai multor pâraiașe. La vest de sit, la aproximativ 5000 m/5 km se află Marea Neagră.

În stadiul acesta al cercetării nu putem răspunde la întrebările privind extinderea zonei funerare, numărul mormintelor, sau localizarea așezărilor aferente locului funerar.

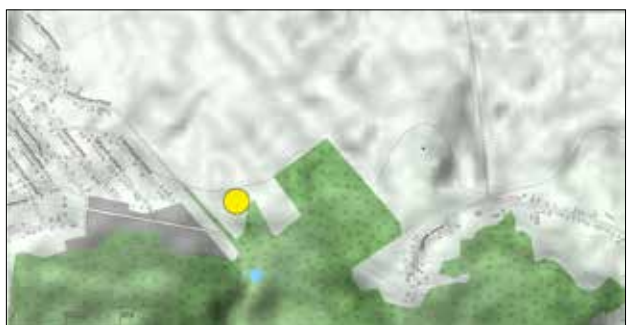

Fig. 2. Poziția topografică al sitului funerar de la Andreevskaya Shchel' (baza hărții: Open Street Map, Cycle Map).

Fig. 2. The topographical position of the funerary site from Andreevskaya Shchel' (basemap: Open Street Map Cycle Map).

Plăcuța de geantă de la Andreevskaya Shchel' (fig. 3)

Piesa salvată și ajunsă la muzeu în stare fragmentară și deformată și pe care ne propunem să o analizăm a fost realizată din argint, însă anumite caracteristici ale culorii sale dovedește prezența, într-un procent mic, a cuprului roșu. Dimensiunile păstrate, adică înălțimea de 7,6 cm, respectiv lățimea maximă de 9,1 cm, indică faptul că dimensiunile sale sunt într-o mare măsură identice cu plăcuțele de geantă descoperite în celelalte 37 de situații cunoscute⁸. Grosimea plăcii este puțin mai mare de 0,1 cm.

Cu toate că piesa este deformată și fragmentară, spre deosebire de celelalte plăcuțe, forma de potcoavă poate fi doar reconstituită, însă forma sa semicirculară, placa subțire din care a fost realizată, mijlocul ajurat, respectiv ornamentele mici în formă de petale triunghiulare, care decorau marginile piesei, indică în mod evident funcționalitatea sa. Pe baza analizei realizate de către restauratorul Boglárka Lengyel, a devenit clar și faptul că plăcuța nu a fost deformată de efectul unei călduri excesive, indicator al provenienței piesei dintr-un mormânt de incinerare, ci printr-o intervenție mecanică asupra sa, probabil ulterioară descoperirii (anul 1980). Totodată, nu putem exclude proveniența dintr-un mormânt de incinerare, ci doar afirma că aceasta nu a fost depusă pe rug împreună cu defunctul, eventual asociată rămășițelor acestuia după ardere. Nu poate fi exclusă nici posibilitatea că a făcut parte din inventarul unui mormânt de tip cenotaf.

În partea centrală, plăcuța fusese ajurată rectangular, rotunjită, iar aversul său ornamentat cu o aplică rectangulară turnată din cupru galben. Atât forma, cât și decorul aplicii centrale sunt unice. Nu cunoaștem analogii exacte până acum, însă, din punct de vedere al formei și al funcției, piese relativ apropiate putem documenta la Martan Ču - catacomba 10, Krjukovo-Kužnoje - mormântul 256 [Vinogradov 1983, Abb. 4/11; Ivanov 1952, 102], precum și în Bazinul Carpatic, la Karos - necropola II, mormântul 41 [Révész 1996, 56. táb.]. Toate aceste exemple însă sunt cunoscute ca fiind aplici centrale ale genților decorate cu elemente aplicate. Aplica a fost montată și fixată pe plăcuță în cinci locuri cu nituri pe revers. Acestea erau turtite la capăt șiciocănite pe suprafața unor plăcuțe dreptunghiulare, care stabilizau niturile și, totodată, aplica frontală. Foarte probabil, aplica – drept piesă centrală – a fost încadrată semicircular de patru aplici circulare, dintre care s-au păstrat trei exemplare. Acestea sunt realizate prin turnare, decorate pe margini cu cercuri perlate, iar în mijloc cu pietre semiprețioase montate

⁸ Date privind dimensiunile plăcuțelor de geantă de pe teritoriul Bazinului Carpatic, fără o analiză statistică asupra lor, le regăsim la: Révész 1996, 143; Bollók 2015, 63-73, 81-86. kép.

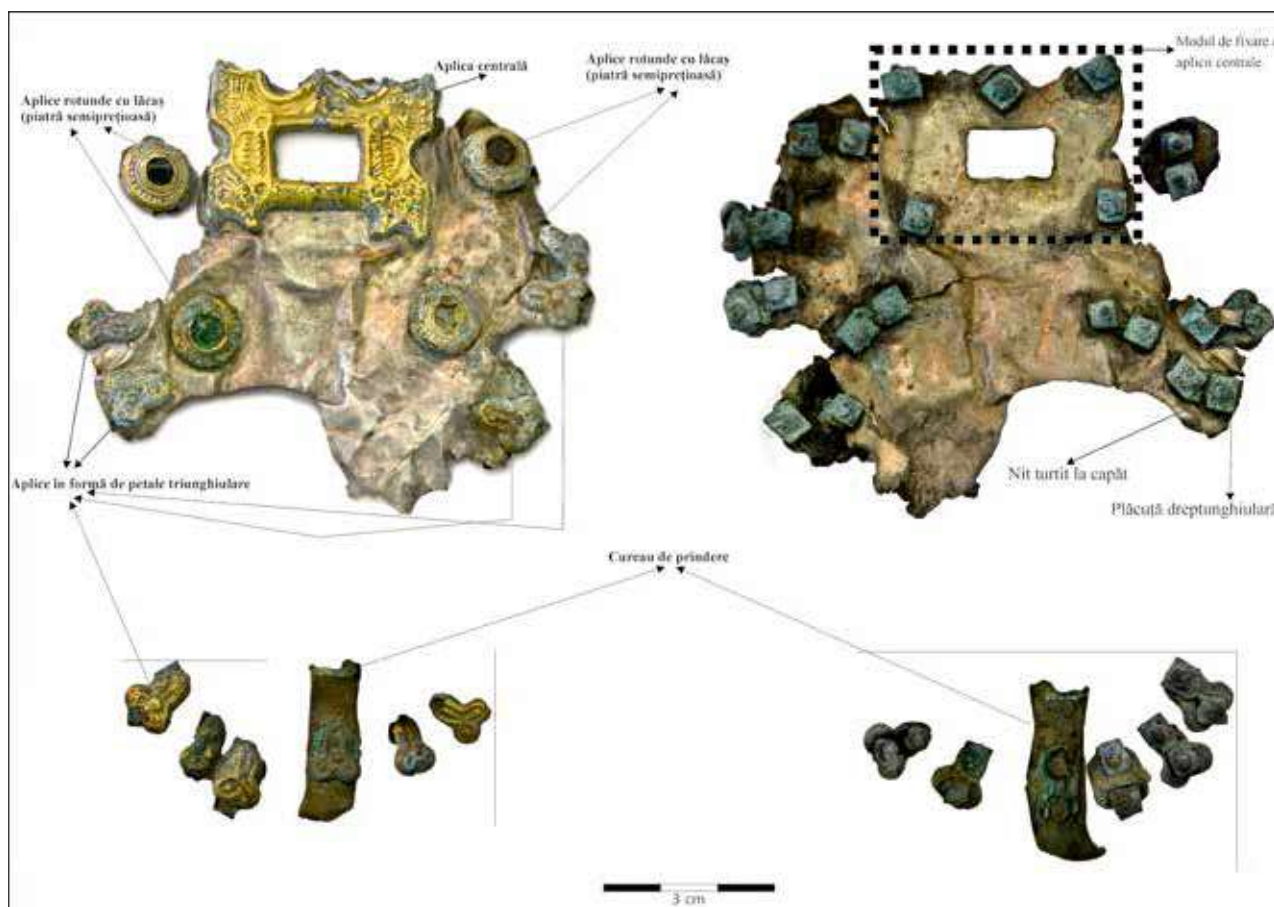

Fig. 3. Plăcuța de geantă fragmentară de la Andreevskaia Shchel' (Muzeul Arheologic 'Gorgippia'; Foto: Dávid Somfai Kara).

Fig. 3. The fragmented sabretache from Andreevskaia Shchel (Archaeological Museum 'Gorgippia'; Photograph: Dávid Somfai Kara).

în câte un lăcaș circular. Pietrele s-au păstrat în număr de două: una de culoare verde, iar cealaltă portocaliu-închis. Montarea acestora pe piesă s-a realizat printr-un procedeu tehnic nedocumentat până acum în cazul plăcuțelor decorate cu aplice. Plăcuța din cupru a fost ajurată în punctele unde s-a dorit montarea piesei, iar pe aplicele de pe margine, cât și pe cele patru circulare, au fost sudate nituri turtite la capăt, ciocănite pe suprafața plăcuțelor dreptunghiulare, prin care s-a reușit fixarea aplicelor pe aversul plăcuței genții.

Pe marginea piesei am putut înregistra mai multe (cinci) aplice în formă de petale triunghiulare. Printre materialele ajunse la muzeu, am mai putut identifica alte cinci asemenea ornamente, dintre care unul montat pe o curea lungă de 2,8 cm și lată de 0,9 cm. Modul lor de fixare pe revers este similar celui descris anterior.

Această observație o considerăm importantă, deoarece indică faptul că funcția aplicelor și confecționarea plăcuței sunt conectate, fiind realizate de către același meșter. Poate fi pusă în mod natural întrebarea dacă aceste aplice au fost montate inițial sau secundar pe plăcuță? Dar dat fiind modul de fixare a aplicelor circulare și triunghiulare, similar cu cel ob-

servat în cazul aplicii centrale, tindem să credem că fixarea s-a produs în cadrul aceluiași proces de ornamenta plăcuța și de către același meșter.

Analiza comparativă a caracteristicilor plăcuțelor de geantă

Unul din artefactele - simbol ale „orizontului funerar”⁹ al epocii cuceririi maghiare (scolul al X-lea) din Bazinul Carpatic, plăcuța care ornamenta geanta purtată pe centură, a beneficiat de o mare atenție mai ales din partea arheologilor din Ungaria [Fettich 1937; 1942; Dienes 1964; Révész 1996, 144-153; Füredi 2012, 221, 228-229, 12-14. kép; 2015, 67-71; Bollók 2015, 282-296, 306-313]. Analizele au dezbătut cu predilecție ornamentele poansonate

⁹ În locul desuetului termen de „cultură arheologică” (pentru o analiză critică a sa vezi: Brather 2004, 517-567) preferăm sintagma „orizont funerar”, deoarece aceasta implică doar o datare cronologică precisă în cuprinsul unui anumit spațiu (micro- sau macroregional), nu și integrarea forțată a unui sit arheologic sau chiar a unui artefact ca parte a unui (macro-) grup uman identificat omogen, din punct de vedere cultural (etnie), pe baza izvoarelor scrise.

<i>Caracteristici morfologice</i>	<i>Caucazul de Nord</i>	<i>Zona Volga-Cama</i>	<i>Scandinavia</i>	<i>Bazinul Carpatic</i>
Caracteristici comune și diferite				
<i>Suprafața neornamentată a aversului</i>	Andreevskaia Shchel	X	Birka M. 819 și 956	Besenyőtelek-Szörhát, Eperjeske M. 2, Izsák-Balázspuszta, Karos-II M. 52, Kenézlő-Fazekaszug-I M. 3, 14, -II M. 28, Perbete M. 3, Tizanána-Csehtanya M. 1, Tuzsér-Boszorkányhegy M. 6
<i>Suprafața ornamentată a aversului</i>	X	 motive zoomorfe	X	Motive florale (Bana, „Báránd”, Bodrogvécs/Več, Bugyi-Felsővány M. 2, Dunavecse-Fehéregyháza, Eperjeske M. 2-3, Hlohovec/Galgóc, Karos- II M. 29, Kiskunfélegyház-Radnóti Miklós street, Rakamaz-Strázsadomb M. A, Szolnok-Strázsahalom, Svaláva/Szolyva, Tarcál-Vinnai-dűlő M. 4, Tiszabездéd M. 8, Túrkeve-Ecsegpuszta), zoomorfe (Tiszabездéd M. 8), Cruce (Tiszabездéd M. 8)
<i>Ajurare în formă dreptunghiulară în partea centrală a piesei</i>		Colecția Mardjani (3 piese)	X	Bana
<i>Aplică centrală montată pe partea ajurată</i>	Andreevskaia Shchel	X	X	X
<i>Rama plăcuței</i>	X	Veselovo M. 19	Birka M. 819	Dunavecse-Fehéregyháza, Karos-II. M. 29 și 52, Tarcál-Rímai dűlő M. 4
<i>Aplice de pe marginea plăcuței</i>	Andreevskaia Shchel	X	Birka M. 956	Besenyőtelek-Szörhát, Kenézlő-Fazekaszug-I M. 3, Szolyva/Svaljava
<i>Aplice în zona centrală, în care au fost montate pietre semiprețioase</i>	Andreevskaia Shchel	X	X	X
<i>Nituri turtite pe plăcuțe dreptunghiulare</i>	Andreevskaia Shchel	?*	X	X
<i>Aplică centrală / locaș central, în care au fost montate pietre prețioase</i>	X	X	X	Dunavecse-Fehéregyháza, Túrkeve-Ecsegpuszta
<i>Locașuri în care au fost montate pietre prețioase</i>	X	X	X	Dunavecse-Fehéregyháza

* În cazul pieselor din colecția Mardjani încă nu am putut analiza reversul.

Tabelul 1. Sistematizarea și comparația părților componente ale plăcuțelor de geantă din Bazinul Carpatic, Scandinavia, regiunile Kama-Volga și piesa de la Andreevskaia Shchel.

Table 1. Systematization and analytical comparison of the components of the sabretaches in the Carpathian Basin, Scandinavia, in the regions of the Kama and Volga, and the item from Andreevskaia Shchel.

în suprafața plăcuței, tehnica în relief (cercuri concentrice, ornamente palmetiforme, zoomorfe, cruciforme etc.) și problematica răspândirii acestor piese, fără o analiză comparată a structurii acestora. Din acest motiv, pornind de la piesa de la Andreevskaja Shchel, am încercat să comparăm caracteristicile funcționale și decorative pe care le putem identifica în cazul acestor piese în toate descoperirile cunoscute până în prezent.

Ca parte a demersului nostru am încercat sistematizarea caracteristicilor documentate pentru această categorie de piese (Tabelul 1).

Observațiile pe care le putem face în urma analizei comparative a acestor piese sunt multidimensionale:

1. Numărul plăcuțelor cu avers neornamentat este destul de mare în Bazinul Carpatic și Scandinavia (12 piese), în schimb toate gențile cunoscute din estul Europei, cu excepția celei de la Andreevskaja Shchel, au fost decorate cu motive florale, respectiv zoomorfe.

2. În mod ciudat și, probabil, determinată de stadiul cercetării (fapt neremarcat de către cercetătorii care au dezbătut această problemă), prezența decorului cu motive florale, palmetiforme conectat artei islamice este aproape generală în Bazinul Carpatic¹⁰ și deloc prezentă până la ora actuală în estul Europei (vezi Tabelul 1 și Lista de descoperiri 1).

3. Ajurarea dreptunghiulară avea rolul de fixare a genții: rămășița de curea păstrată la Andreevskaja Shchel ne arată cum aceasta se lega de centură și a fost montată pe suprafața exterioară a plăcuței, iar în mijlocul piesei - aplica centrală și o posibilă verigă subțire, care nu s-a păstrat, au avut funcția de închidere a genții. Fără îndoială că acest mod de fixare a genții este similar cu cel întrebuițat pentru tipul de geantă decorată cu aplici. Geanta păstrată integral de la Martan-Çu ne oferă o analogie aproape identică.

4. Analizând cele 38 de piese cunoscute, structura de închidere și de fixare a lor poate fi încadrată în două tipuri, primul prezentând legături structurale cu gențile decorate cu aplici.

Modul de ajurare în formă dreptunghiulară a părții centrale a plăcuței este destul de rar și reprezintă una din cele mai importante conexiuni funcționale cu gențile decorate cu aplici, modul de închidere a genții fiind identic. Ajurarea plăcuței într-o manieră asemănătoare se regăsește în Bazinul Carpatic: dintre cele 27 de exemplare cunoscute, doar pe plăcuța de la Bana, iar în zonele la vest de Urali - în cazul celor trei piese din colecția Mardjani. Astfel, foarte puține exemplare dintre gențile decorate cu plăcuță au sis-

tem de închidere asemănător cu gențile simple, ceea ce ne arată că numărul mare al exemplarelor de geantă cu un alt sistem de închidere din Bazinul Carpatic (26 de exemplare) reprezintă modificarea (nu în sens evoluționist) portului și a decorării genților. Interesantă este și macrotopografia răspândirii lor. Cu excepția unui singur exemplu din Bazinul Carpatic (Bana), restul pieselor au fost identificate în zona de stepă a Rusiei Sudice (Colecția Mardjani) și la Andreevskaja Shchel.

Explicația în ceea ce privește abandonarea ajurării părții centrale este una foarte simplă și logică: meșterii care au pregătit suprafața plăcii, decorată cu multă minuțiozitate, au dorit să apere suprafața acesteia de intervenții ulterioare, care în mod cert reprezentau un pericol de degradare pentru aceste piese fine și subțiri. După părerea noastră, în acest mod se explică ajurarea părții centrale a doar cinci piese din cele 38 analizate.

5. Marginile plăcuței au fost decorate cu mici aplici, petale triunghiulare din cupru galben, care își găsesc analogii în Europa Estică [Fodor 2013, 5. kép; Orlov 1984, ris. 9/3].

6. Piesa de la Andreevskaja Shchel are și o altă caracteristică formală și funcțională care, la rândul său, o separă de plăcuțele de geantă și o apropie de gențile simple decorate cu aplici: pe spatele său se observă acele plăcuțe dreptunghiulare și nituri care au fixat aplicile pe suprafața exterioară. Asemenea mod de fixare a putut fi observat doar în cazul piesei de la Martan-Çu Catacombe - mormântul 10. Pe reversul ambelor piese putem vedea niturile turtite cu plăcuțe dreptunghiulare, metodă prin care se fixau aplicile pe aversul piesei.

Acest mod de decorare apropie piesa de la Andreevskaja Shchel de gențile decorate doar cu aplici.

7. Plăcuța de geantă de la Andreevskaja Shchel este apropiată de gențile simple decorate cu aplici rectangulare și prin sistemul de prindere și fixare, după cum putem vedea în cazul pieselor de la Martan-Çu - Cataomba 10, Krjukovo-Kužnoie, Karos-B. g. II - mormântul 41).

8. O ultimă caracteristică formală a genții o reprezintă aplicile cu pietre semiprețioase din zona centrală a piesei. Plăcuța de geantă de la Túrkeve-Ecsegpusztá (fig. 8,1) a fost decorată, la rândul său, pe margini, în patru locuri special amenajate cu pietre prețioase. În cazul a două plăcuțe, și zonele centrale ale acestora au fost decorate cu asemenea pietre (Dunavecse-Fehéregyháza, Túrkeve-Ecsegpusztá)¹¹ (fig. 8,1-2) (vezi Lista de descoperiri 1 și bibliografia).

¹⁰ Doar plăcuța de geantă de la Tiszabездéd M. 8 a fost ornamentată cu motive zoomorfe. Vezi analiza cuprinzătoare a acesteia la: Bollók 2015, 429-502.

¹¹ Pietre prețioase au fost montate pe o gamă largă de piese din secolul al X-lea. Pentru analiza acestei probleme vezi: Horváth 2004, 151-171.

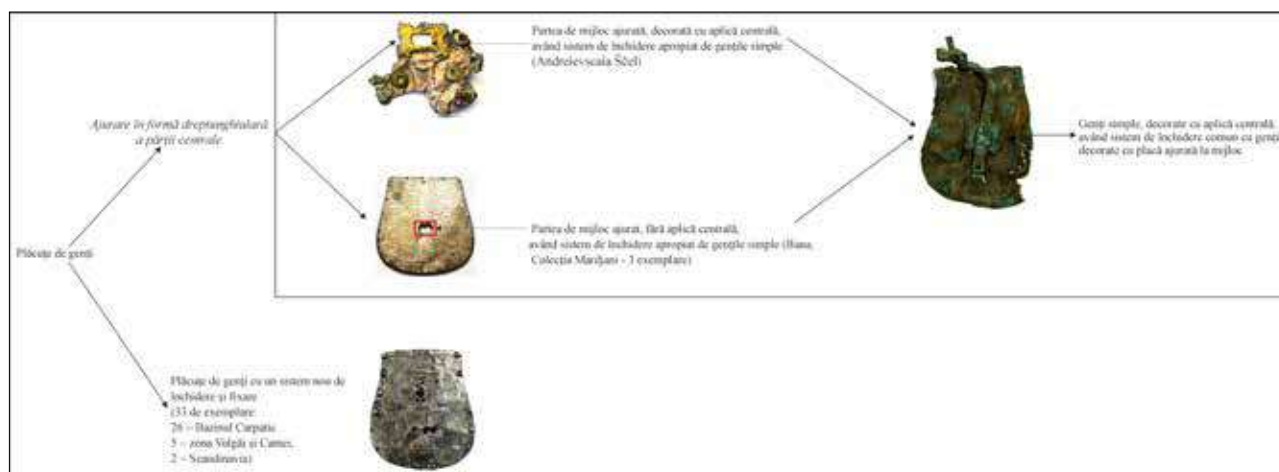

Fig. 4. Sistematizarea structurilor de închidere a genților decorate cu plăcuțe și analogiile cu gențile simple decorate cu aplici (AH 1996, 362, fig. 1; Füredi 2012, 13. kép; Muzeul Național al Republicii Cecene, Federația Rusă, și Muzeul Arheologic „Gorgippia”, Anapa) (Foto: Dávid Somfai Kara).

Fig. 4. Systematization of the closure structures of the sabretache plates (AH 1996, 362, fig. 1; Füredi 2012, 13. kép; National Museum of Chechen Republic, Russia Federation, and Archaeological Museum ‘Gorgippia’: Photograph: Dávid Somfai Kara).

Problema datării genților decorate cu plăcuțe

Unul din fundamentele oricărei analize arheologice îl reprezintă stabilirea cronologiei contextelor arheologice descoperite. Din cele 38 de descoperiri cunoscute, doar 22 beneficiază de contexte arheologice bine documentate¹². În urma analizei cronologice, realizată cu ajutorul metodei de statistică-matematică (programul PAST) [Gáll et al. 2018], inventarul asociat al plăcuțelor de geantă (printre care monede arabe, respectiv vest-europene din secolul al X-lea, dar și o scăriță trapezoidală), care provine din 28 de morminte, indică faptul că această modă se poate data, în linii mari, între anii 920/930 - 970/980, fără ca aceste date să poată fi considerate limite stabile, rigide.

Problema distribuției supraregionale a plăcuțelor de geantă (fig. 9-10)

Urmărind distribuția macroregională a plăcuțelor de geantă, identificate din Scandinavia până în Bazinul Carpatic și, înspre est, până la Urali, suntem obligați să formulăm câteva întrebări privind cauzele și caracterul răspândirii. Pe de o parte, trebuie să analizăm caracte-

terul supraregional al acestui tip de piesă: ce factori au determinat ca aceste artefacte să devină o parte a modei elitizante pe un teritoriu atât de vast? În acest caz, ne confruntăm și cu o problemă metodologică. Datorită faptului că cercetarea era/este mai avansată în Bazinul Carpatic¹³, răspândirea acestor piese a fost interpretată potrivit teoriei „difuzionismului cultural”. Astfel, conform acestei direcții de interpretare, din zonele de producție, localizate în arealul Dunării Mijlocii, piesele au ajuns în diferite teritorii ale Europei Estice [Darkevich 1976, 173; Fodor 2013, 465].

Dacă analizăm inventarele asociate în descoperirile funerare din Scandinavia, zona Volgăi și a Kamei și din Bazinul Carpatic, observăm un alt element de legătură cultural-economică între macroregiunile aflate în discuție, și anume, dirhemii arabi din secolul al X-lea¹⁴, a căror apariție în descoperirile funerare asociate cu genți decorate cu plăcuțe, am dorit să o sistematizăm în Tabelul 2. Potrivit informațiilor deținute până la această oră, piesele numismatice determinate în toate cele trei macroregiuni mai sus amintite au fost emise în prima jumătate a secolului al X-lea (vezi și fig. 9 și 11).

Aceste date pot fi explicate prin prezența comerțului la distanță mare. Privind existența rețelilor

¹² Lista mormintelor: 1. Bana; 2. Bugyi-Felsővány M. 2; 3-4. Eperjeske M. 2-3; 5. Izsák-Balázspuszta; 6-7. Karos-II M 29 și 52; 8-10. Kenézlő-Fazekaszug I M. 3 și 14; Kenézlő-Fazekaszug II M. 28; 11. Kiskunfélegyháza-Radnóti Miklós utca; 12. Szolyva/Svaláva; 13. Tarcál-Rímai dűlő M. 4; 14. Tiszabездé-Harangláb dűlő M. 8; 15. Tiszaeszlár-Bashalom I M. „D”; 16. Tiszanána-Cseh tanya M. 1; 17. Tuzsér-Boszorkányhegy M. 6; 18. Krjukovo-Kužnoje M. 472; 19. Panovo M. 2; 25. Ruszenyiha (Rusenikha); 20. Veselovo M. 19; 21-22. Birka M. 644 și 819. Din aceste 22 de cazuri, 17 sunt localizate în Bazinul Carpatic, trei în Europa de Est, zona Kama-Volga și două în Scandinavia.

¹³ Până nu demult, aproape toate gențile decorate cu plăcuțe au fost identificate în Bazinul Carpatic. În ultimul timp însă, prin înregistrarea a patru noi descoperiri în estul Europei, cunoaștem deja nouă situații, reprezentând 33% din total. Astfel, distribuția statistică este: Bazinului Carpatic 27, estul Europei 9 și Scandinavia 2. Cu privire la istoria cercetării secolului al X-lea, vezi Langó 2005, 175-340.

¹⁴ Totodată, trebuie remarcată lipsa totală a monedelor bizantine din aceste morminte.

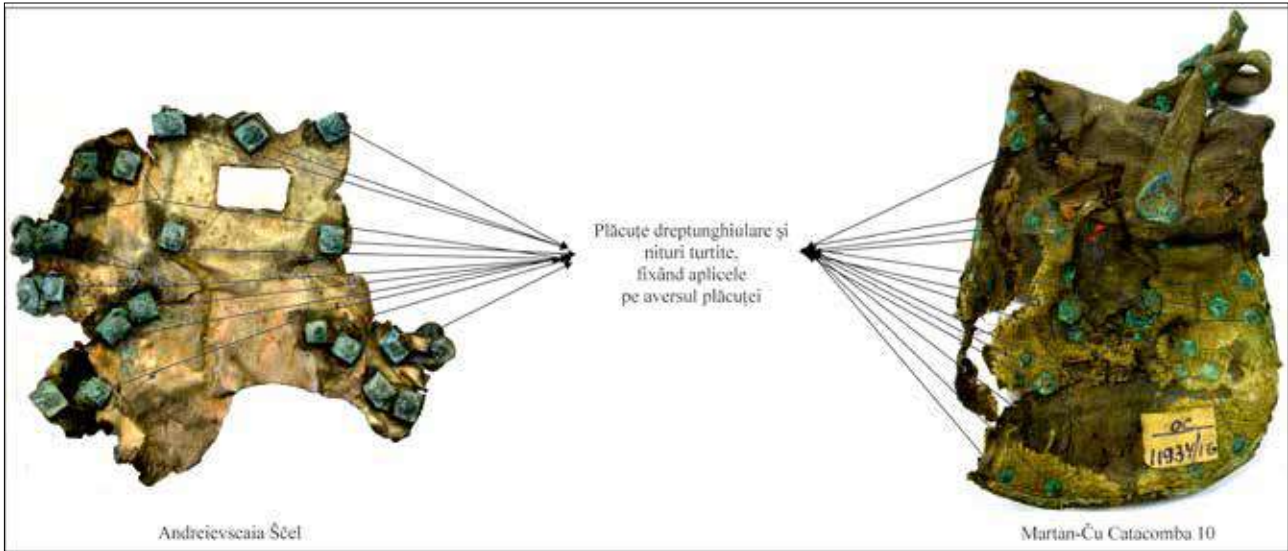

Fig. 6. Plăcuțe dreptunghiulare și nituri turtite care au fixat aplicele pe aversul plăcuțelor (Muzeul Național al Republicii Cecene, Federația Rusă, și Muzeul Arheologic „Gorgippia”, Anapa) (Foto: Dávid Somfai Kara).

Fig. 6. The position of the rectangular plates and the flattened rivets on the surface of backplate of the sabretache plate (Archaeological Museum ‘Gorgippia’ from Anapa; National Museum of Chechen Republic, Russia Federation / Photograph: Dávid Somfai Kara).

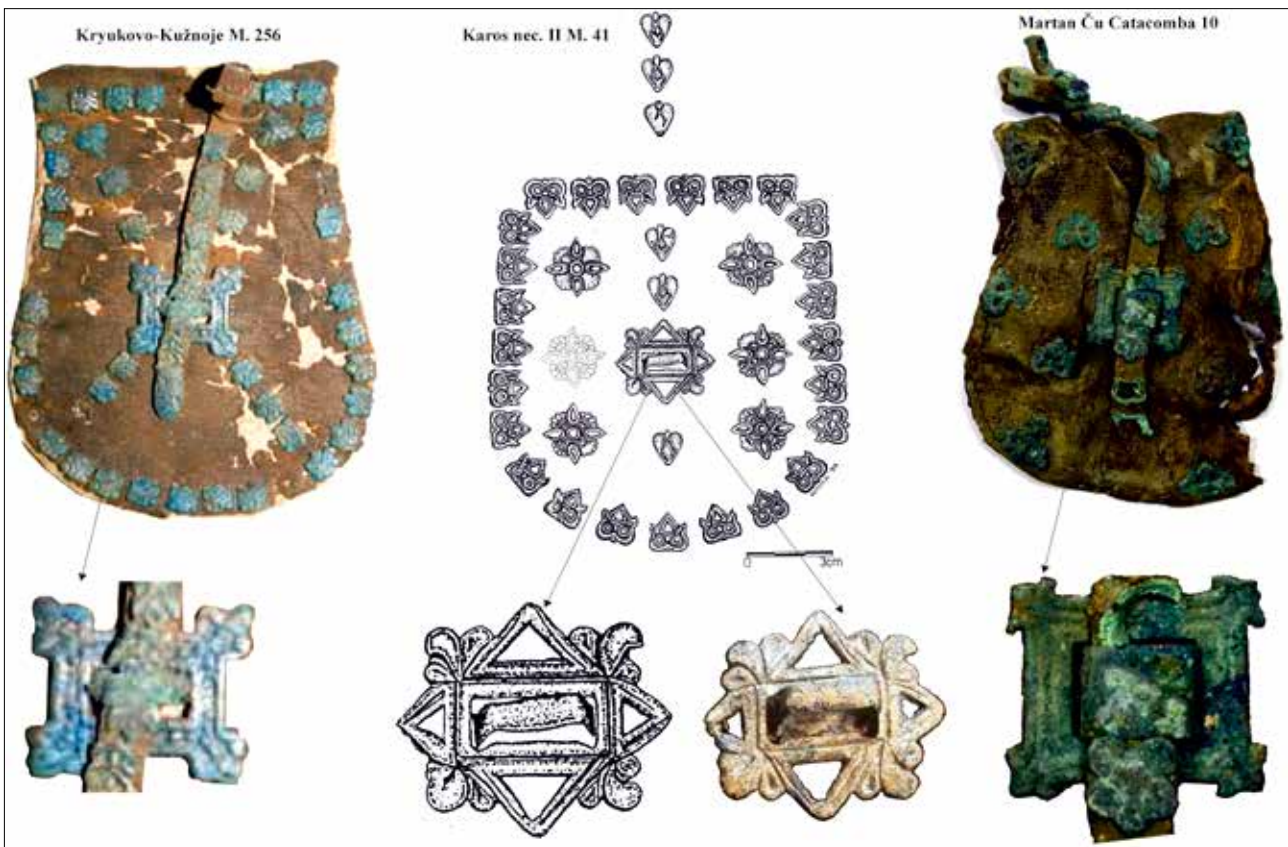

Fig. 7. Gențile decorate cu aplice [Krylaszovaet. al. 2014, 11. kép 1; Révész 1996, 56. táb.; Muzeul Național al Republicii Cecene, Federația Rusă] (Photograph: Dávid Somfai Kara).

Fig. 7. The mounts ornamented sabretaches [Krylaszova et al. 2014, 11. kép 1; Révész 1996, 56. táb.; National Museum of Chechen Republic, Russia Federation] Photograph: Dávid Somfai Kara).

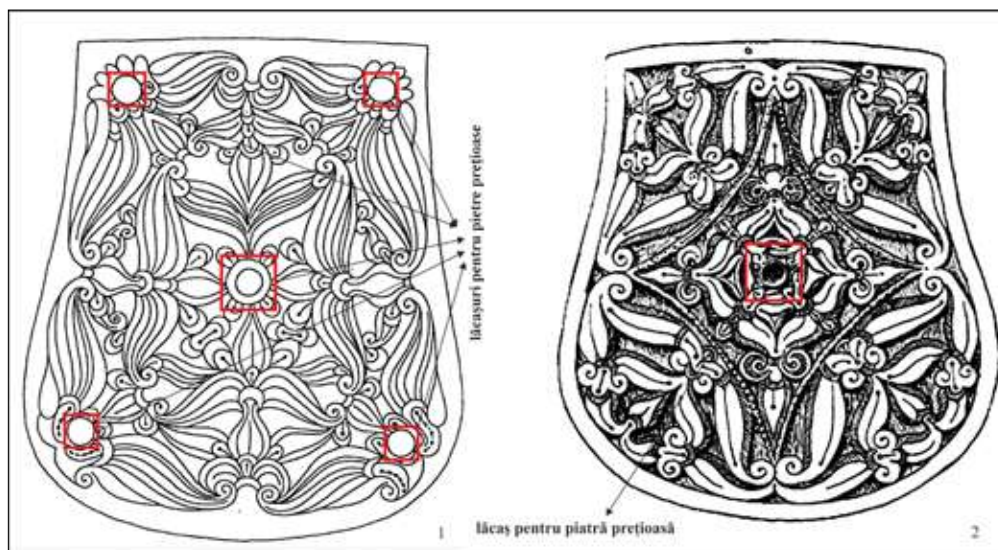

Fig. 8. Plăcuțele de geantă de la Dunavecse-Fehéregyháza și Túrkeve-Ecsegpusztá (redesenate după AH 1996, 295: 1; 297: Fig.).

Fig. 8. The sabretache plates from Dunavecse-Fehéregyháza and Túrkeve-Ecsegpusztá (redrawn after AH 1996, 295: 1, 297: Fig.).

comerciale, din secolul al VIII-lea și din primele două sferturi ale secolului al X-lea, stau dovadă numărul mare de dirhemi (nu numai în morminte cu plăcuțe de geantă) din zona Caucazului până în Scandinavia [Noonan 1998; 2000-2001, 140-218; Kovalev 2005, 220-251; Kovalev-Kaelin 2007, 1-21; Kilger 2008, 199-252; Hraundal 2013, 33-41, 130-132]. Descoperirile pot fi explicate doar prin prezența factorului economic și politic arab, respectiv a relațiilor acestuia cu rețelele și factori de putere chazari, pecenegi și vikinci [Polgár 2000, 193-204; Asadov 2012, 144-149].

În Bazinul Carpatic, fenomenul de apariție a monedelor de tip dirhem poate fi urmărit începând doar cu secolul al X-lea¹⁵.

Potrivit figurii 12, regiunile în care s-au descoperit plăcuțe de geantă se află în proximitatea marilor drumuri comerciale eurasiatice, fapt care explică și caracterul „internațional” a acestor piese de decor. Astfel, în zonele stepii eurasiatice s-a desfășurat o activitate comercială intensă, atât pe direcția N-S, cât și V-E. Toate acestea atrag atenția asupra existenței unui sistem dezvoltat al canalelor de comunicație¹⁶.

¹⁵ Kovács 2011, 75-90. Înainte de secolul al X-lea, practic nu avem identificată nici o descoperire de dirhem! Pe baza acestei realități arheologice putem vorbi despre cucerirea maghiară a Bazinului Carpatic, în model structuralist, al expansiunii vestice a structurilor economice și politico-militare orientale [Gáll 2013, 807].

¹⁶ ‘The East was, as was England, Ireland, the Atlantic islands and Normandy, part of the Scandinavian world of the Viking Age’: Duczko 2004, 258. ‘Bulghar functioned as an eastern meeting point between north and east.’ Vedeler 2016, 82.

Observații finale

Pe baza acestor date trebuie să formulăm întrebarea: cum și în câte feluri putem interpreta răspândirea modei de decorare a genții? Literatura de specialitate a interpretat portul genții de pe centură din stepele eurasiatice în legătură cu modul de viață nomad¹⁷, dar, potrivit aceluiași specialiști, în zona Volga – Cama pieșele în discuție au ajuns nu din arealul de stepă, ci din Bazinul Carpatic [Arkhipov 1980, 222; Fodor 2013, 466]. Procesul socio-istoric descris este unul simplist și nu ia în calcul factorul rețelelor comercianților arabi, khazari și vikinci ruși (*Rhos*) din secolele VIII-X, respectiv activitatea meșterilor ambulanti, uneori cu deplasări pe un spațiu uriaș [Szenthe 2012, 57-75].

În stadiul actual al cercetării, pentru a încerca clarificarea situației, am recurs la analiza individuală a fiecărei macroregiuni:

1.1. Abordând piesa de la Andreevskaja Shchel, apariția acesteia în zona piemontană a Caucazului de Nord, atrage atenția asupra importanței macroregiunii, o zonă de contact între stepă și spațiul montan, practic, zona de comunicare între nomazi și sedentari [Gregoratti 2013, 525-540] și unde, prin nodurile căilor de comunicații spre est, vest, nord și sud, se distribuiau nu numai produse, dar și cunoștințe tehnologice (*know how*), informații. Astfel, zona de nord a sistemului „Drumului Mătăsii” ajungea în Peninsula Taman [Hansen 2012], respectiv drumul S-N, care pornea din Orientul Apropiat (Bagdad), trecând prin Marea Caspică și prin zona Volgăi (probabil, prin capitala Itil), ajungea în zona scandinavă [Callmer 1996, 53-71; Di Cosmo 2014, 17-26]. Spațiul Caucazului s-a

¹⁷ Despre nomadism: Khazanov 1994; Kradin 2016, 1-6.

Fig. 9. Distribuția macroregională a plăcuțelor de geantă (fondul hărții: <https://maps-for-free.com>) (pentru numerotarea siturilor vezi Lista 1).

Fig. 9. The macroregional distribution of the sabretache plates (basemap: <https://maps-for-free.com>) (for the numbering of the sites see List 1).

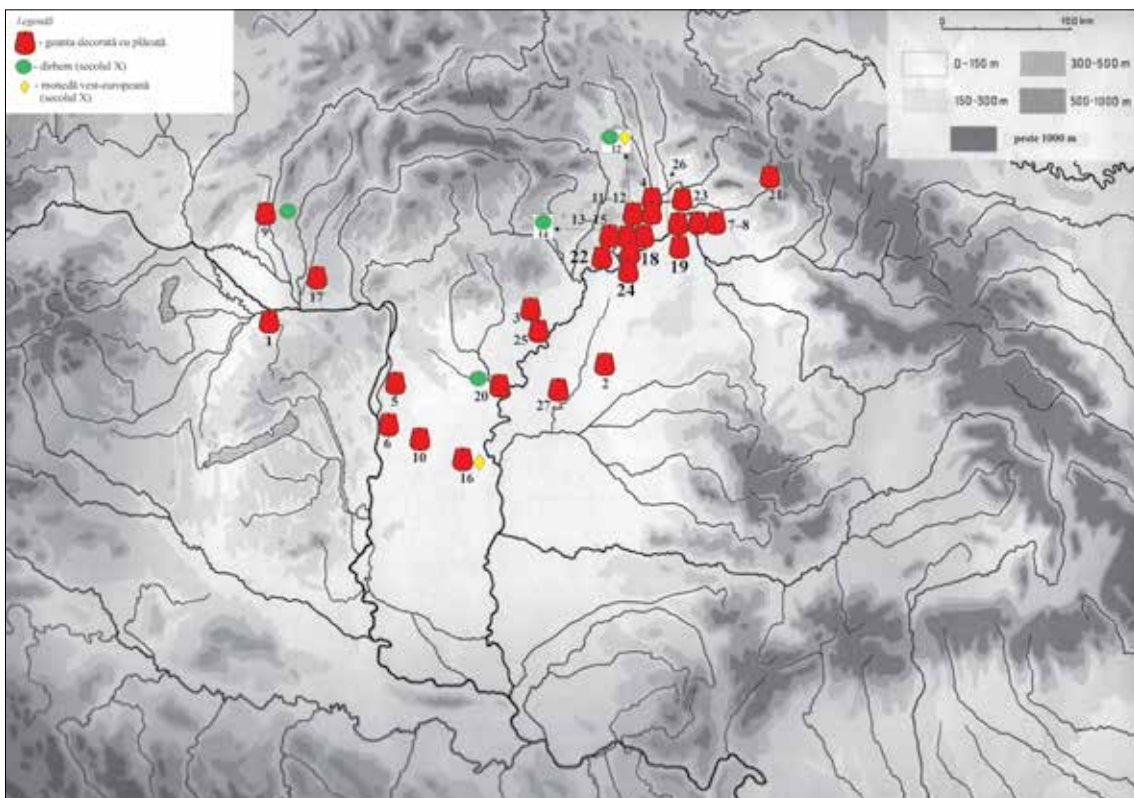

Fig. 10. Gențile decorate cu plăcuțe în Bazinul Carpatic (pentru numerotarea siturilor vezi Lista 1).

Fig. 10. The distribution of the sabretache plates in the Carpathian Basin (for the numbering of the sites see List 1).

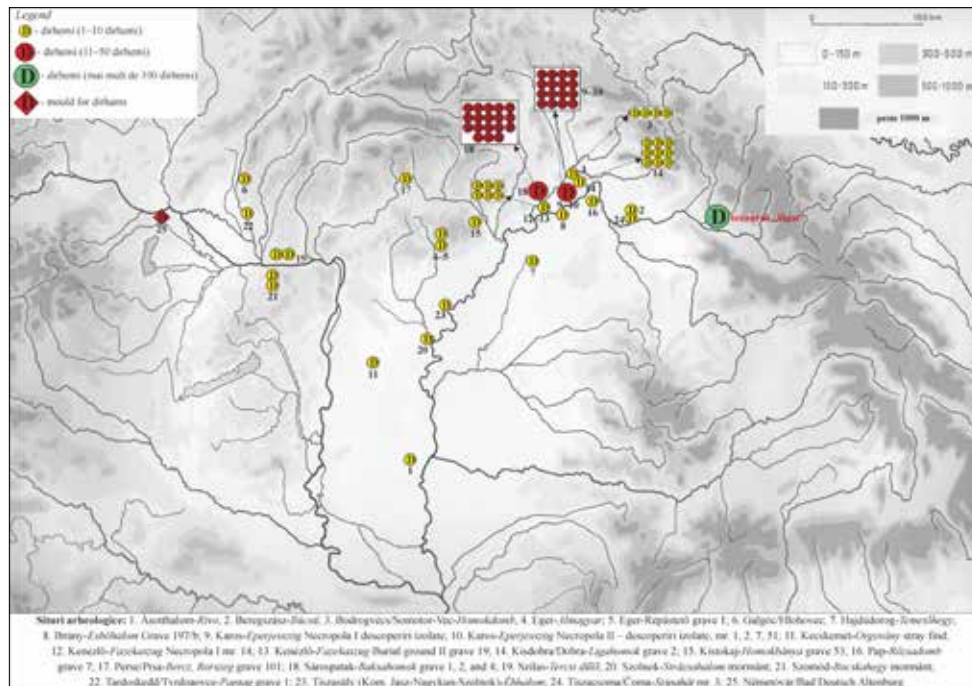

Fig. 11. Dirhemii din secolul X în Bazinul Carpatic (lista completată a lui Kovács 2008).

Fig. 11. The dirhams from the 10th century in the Carpathian Basin (Kovács's 2008 list supplemented).

Fig. 12. Drumurile comerciale din epoca medievală timpurie, regiunile unde s-au descoperit plăcuțe de geantă și locul descoperirii de la Andreevskaia Shchel (baza hărții: <https://io9.gizmodo.com/sogdia-the-lost-empire-that-ruled-the-silk-road-1553078058>; completată cu rețeaua drumurilor comerciale în direcția nord-vest pe baza Hraundal 2013).

Fig. 12. The commercial routes in the early middle ages, the macroregions where sabretache plates were found, respectively the funerary site from Andreevskaia Shchel (basemap: <https://io9.gizmodo.com/sogdia-the-lost-empire-that-ruled-the-silk-road-1553078058>; completed with the network of roads by Hraundal 2013).

Macroregiune	Contextul funerar	Emitent – locul de emitere (numărul monedelor)	Anul emiterii
Bazinul Carpatic	Hlohovec/ Galgóc	copie bulgară de pe Volga a dirhemului lui Nasr II Ibn Ahmad (914-943): Samarqand (1)	H306 (918/9)
Bazinul Carpatic	Karos-II/M. 52	Isma'il ibn Ahmad (emir samanid): Al-Sas sau Balkh (1)	H292 (904-905)
Bazinul Carpatic	Kenézló-I/M. 14	A. Isma'il ibn Ahmad (emir samanid): Al-Sas (1) B. Isma'il ibn Ahmad (emir samanid): Al-Sas (1) C. dirhem bătut în Bulgaria de pe Volga (1) D. Nasr II Ibn Ahmad (914-943) E. dirhem în două bucăți, probabil din Bulgaria de pe Volga	A. H290 (902-903) B. H291 (903-904) C. H320330 (932-942) D. H309 (921-922) E. necunoscut
Bazinul Carpatic	Szolnok-Strázssahalom	copie bulgară de pe Volga a dirhemului lui Nasr II Ibn Ahmad (914-943)	H308 (920-921)
Scandinavia	Birka M. 644	Nasr II Ibn Ahmad (914-943)	H308 (920-921)
Zona Volgăi	Veselovo M. 19	dirhemi neidentificați	necunoscut

Tablul 2. Lista dirhemilor din mormintele având ca inventar și plăcuțe de geantă.

Table 2. The list of dirhems from the graves which contain sabretache plates.

remarcat, încă din preistorie, prin metalurgie și orfevrărie dezvoltate care, împreună cu dispunerea geografică, au determinat conflicte militare perpetue legate de stăpânirea drumurilor și nucleelor economice [Asadov 2012, 140-150] și a resurselor regiunii (cupru, argint, fier, sare) [Ghazaryan 2013, 3-15; Ismayilov 2013, 16-36; Urushadze-Ghambashidze 2013, 77-96]. În acest context geoeconomic și geopolitic macroregional vedem explicabilă apariția plăcuței de geantă la Andreevskaia Shchel.

1.2. Putem fi de acord cu ideea potrivit căreia, în Bazinul Carpatic, această modă de a purta geantă decorată cu plăcuță se răspândește în urma macromigrației structurii de putere maghiare/turcice (care a însemnat și apariția structurilor comerciale orientale în zonă). Având în vedere că migrația maghiarilor cuceritori (*honfoglaló magyarság*) s-a petrecut dinspre zonele stepelor eurasiatice înspre Bazinul Carpatic (pe direcția E-V), portul genților decorate cu plăcuțe din metal prețios trebuie considerat tot o modă de sorginte stepică. Dar și în cazul acesta trebuie să punem întrebarea: de ce aceste artefacte apar doar în mormintele care pot fi datate după 920/930, iar marea lor majoritate - spre mijlocul sau în a doua parte a secolului al X-lea?

1.3. În zona scandinavă, această modă poate fi explicată (și) prin migrații de microgrupuri ale unor populații orientale în zona așezării Birka, dar și prin tranzitul comercial pe direcția S-N. Având în vedere numărul uriaș de dirhemi într-o regiune foarte bine cercetată și numărul aproape neînsemnat de plăcuțe de geantă, acest fenomen a fost explicat prin migrația unor grupuri mici (micromigrație) spre Scandinavia¹⁸, alături de importurile tehnologice și ale elementelor de modă din stepele eurasiatice și lumea arabă¹⁹. Părerea cercetătorilor suedezi însă ar trebui regândită,

¹⁸ 'Hägg, who considered the grave to be disturbed, did not observe the presence of eastern archer equipment, which in itself is an isolated phenomenon among the c. 100 weapon graves on Birka. It is possible that what we have here is a member of the *hird* who came from a different cultural background.' Lundström et al. 2009, 113. '...That the Magyars constituted a major contributing factor is indicated by the specific parts of equipment and dress.' Hedenstierna-Johnson 2009, 53.

¹⁹ 'The caftan, or horse rider's coat, which was used by the warrior class in the areas of the Rus', reflected a growing oriental/eastern influence and was probably the result of long years of contact with the steppe nomads and the Arabic cultural sphere...' Lundström et al. 2009, 110.

Fig. 13. Piesele izolate de la Buzhor (1-4), Gaikodzor (5-6), Leninskii Put (7), Shkol'nyi (8-10).

Fig. 13. The stray finds from Buzhor (1-4), Gaikodzor (5-6), Leninskii Put (7), Shkol'nyi (8-10).

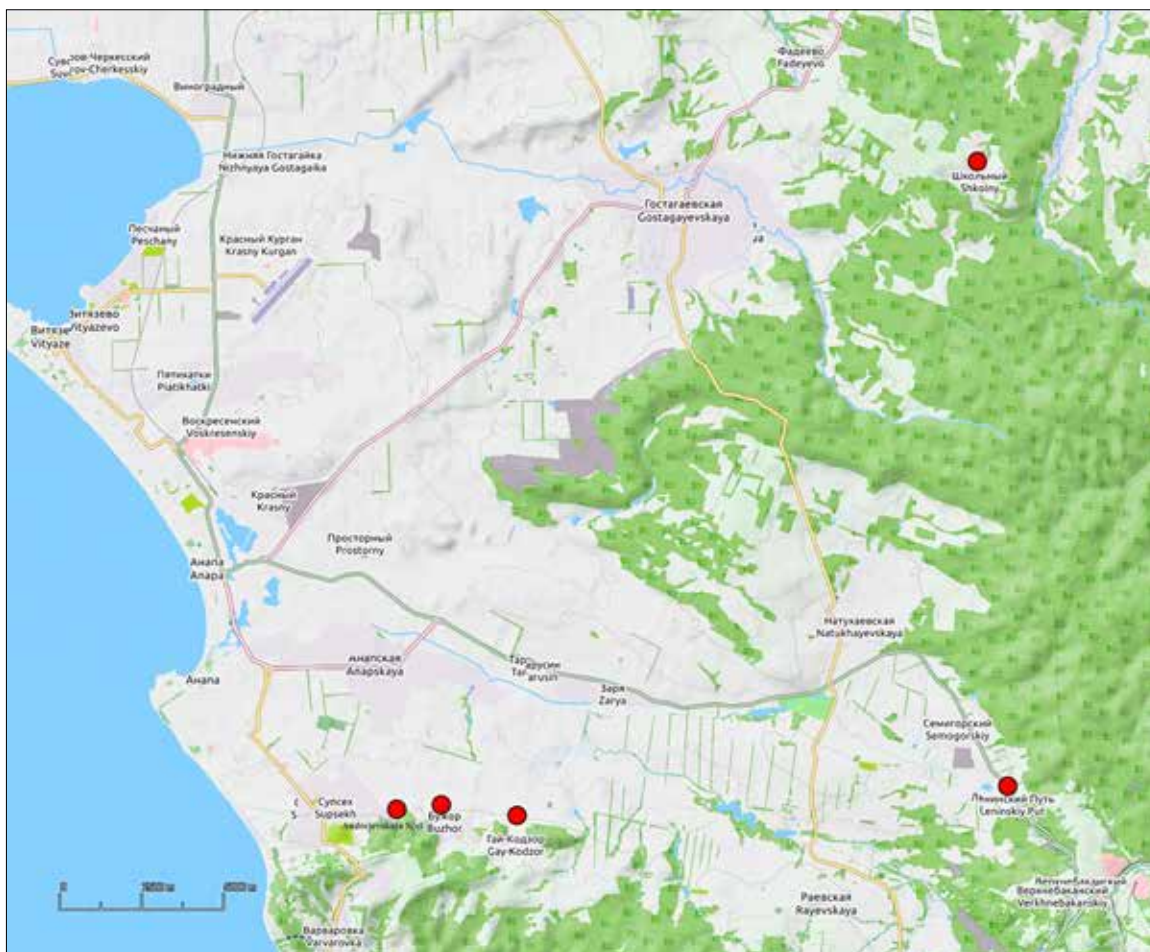

Fig. 14. Poziția topografică a descoperirilor din secolele IX-XI din zona Anapa (baza hărții: OSM).

Fig. 14. The topographical position of the finds in the region of Anapa (9-11th centuries) (basemap: OSM).

deoarece mormintele în care au fost descoperite geți împodobite cu plăcuțe (644 și 819), ritualul funerar și componența inventarului indică mai degrabă preluarea unei mode, decât migrația unor indivizi din zonele stepii sau din Bazinul Carpatic înspre Scandinavia.

1.4. Descoperirile funerare care se concentrează în zona râurilor Kama și Volga prezintă, la rândul lor, deosebiri frapante față de înmormântările nomazilor: a). nu au fost înregistrate în niciun mormânt resturi de cal; b). la Veselovo și Rusenikha avem de-a face cu morminte de tip cenotaf. În fiecare mormânt din această macroregiune au fost înregistrate garnituri de centuri cu aplici, semn că această modă „internațională” s-a răspândit și aici, după unele păreri, fiind importată din arealul sudic al Volgăi²⁰. Așa cum presupun autorii B. N. Krylaszova, A. M. Belavin și A. Türk, răspândirea în aceste zone a pieselor din argint este legată de implicarea activă a bulgarilor de pe Volga în comerțul cu blănuri cu populațiile de pe cursul superior al râurilor

²⁰ Dintre cele 28 de morminte înregistrate având geantă decorată cu plăcuță, 17 au în inventar și centura decorată cu aplici.

Volga și Kama [Krylaszova et al. 2014, 459]. Totodată, autorii acestui articol nu au luat în considerare faptul că zona Caucazului, foarte bogată în resurse primare, a reprezentat principalul teritoriu cu centre metalurgice și de orfevrărie încă din epocile preistorice [Chernykh 1992, 299-308; Courcier 2014, 579-664]. Prin urmare, comerțul (și) cu piese de argint nu poate fi deloc restrâns în arealul Volgăi, ci mai degrabă poate fi privit ca o prelungire înspre nord a situației din zona caucaziană, așa cum sugerează și drumurile comerciale cunoscute (vezi și fig. 12).

Astfel, diseminarea obiceiului portului genții de pe centură este una elocventă dintr-o perspectivă socio-istorică, cum portul unor piese, determinat de modul de viață, devine elitizant, de prestigiu, într-un alt cerc cultural, ai cărui membrii au un mod de viață diferit de cel nomad²¹.

²¹ Evident, această chestiune are legătură cu relațiile dintre grupuri și cu problemele de interpretare social-psihologică a preluărilor de la un grup la altul a diferitor elemente ale culturii materiale. Analize social-psihologică privind relațiile de intergrup vezi de exemplu: Tejfel 1982, 1-39; Fi-

2. Geanta fixată pe centură este considerată un element al portului nomad [Arkhipov 1980, 222; Fodor 2013, 466]²². În acest sens merită amintite și cunoscutele fresce din Samarkand (sec. VII), respectiv războinicul nomad de pe un relief din piatră din zona Dagestanului (sec. XI-XIII), unde elementul poate fi bine observat pe aceste reprezentări [Lo Muzio 2010, fig. 10; Nicolle 1999, 442, fig. 548]. Aceasta poate să însemne că populațiile nomade nu au fost doar factori care participau la transferuri culturale, ci și elemente generatoare de modă.

3. Fără îndoială, caracterul difuz al răspândirii acestei categorii de piese are legătură cu stadiul cercetării. Frecvența mai mare în Bazinul Carpatic în comparație cu zonele estice poate fi explicată prin interesul arheologic și ideologic care s-a manifestat puternic încă din anul 1834 în aceste teritorii [Langó 2013, 397-418]. Totodată, chiar dacă portul genților decorate cu plăcuțe este considerat de sorginte stepică, pentru înțelegerea viitoare a unor fenomene care țin, probabil, de relațiile stepei eurasiatice cu marile civilizații de pe traseul „Drumului Mătăsii”, ar trebui cercetat mai în detaliu și materialul arheologic din Asia Centrală, zona Iranului și nordul Chinei²³.

Descoperirea de la Andreevskaia Shchel, împreună cu plăcuțele de geantă din colecția Mardjani, are meritul de a schimba opinia mai veche privind

gueiredo et al. 2015, 7-33.

²² Hedenstierna-Johnson 2009, 53: „There are a number of pouches in the Birka graves, some of which are of undisputable Magyar origin...”

²³ În acest sens, vezi și: Romgard 2016, 229-242.

locul difuzării plăcuțelor de geantă, ca elemente culturale clasice ale nomazilor stepelor eurasiatice, dar și percepția privind caracterul acestora, promovată în secolele XIX-XX în stil etnocentrist, ca simbol „național” al maghiarilor cuceritori²⁴. Aceste descoperiri, împreună cu celelalte artefacte provenind din situl funerar de la Andreevskaia Shchel, atrag atenția asupra importanței geoeconomice și geopolitice a zonei Caucazului și în epoca medievală timpurie, atât de mult neglijată de către arheologia est-europeană.

4. Celelalte piese de la Anapa - Andreevskaia Shchel, respectiv piesele izolate, nepublicate, din microzona sa (Buzhor, Gaikodzor, Leninskii Put, Shkol'nyi) (fig. 13-14), indică o rețea densă de locuire microzonală în secolele X-XI, care se poate explica prin existența resurselor primare, respectiv a condițiilor propice de viață.

Așa cum indică descoperirile, zona de habitat s-a putut organiza, în special, în jurul râului Maskaga, care a împărțit microregiunea în două părți, ambele mărginite de lanțurile muntoase ale Caucazului, cu Andreevskaia Shchel, Buzhor, Gaikodzor pe partea stângă, respectiv Leninskii Put pe partea dreaptă.

Materialul arheologic al sitului funerar de la Andreevskaia Shchel arată legături strânse cu zonele stepei, în anumite cazuri, chiar cu Bazinul Carpatic, și este cvasi-necunoscut în zona Caucazului de Nord-Est²⁵. Observații noi însă vor putea fi făcute, doar ca urmare a unor cercetări arheologice viitoare.

²⁴ În acest sens, vezi: Langó 2005, 198-207.

²⁵ În acest sens, vezi sintezele lui Uspenskii 2013, 86-98; 2015.

Lista 1. Descoperirile plăcuțelor de geantă (împreună cu literatura de specialitate)

1. Bana: Kiss, Bartha 1970, 219-270; AH 1996, 362-364, Fig. 1; Bollók 2015, I. tábla 8, 70. kép.
2. “Báránd”: D. Szabó 2013, 25-32; Bollók 2015, I. tábla 5, 67. kép.
3. Besenyőtelek-Szórhat: Szabó 1969, 55; AH 1996, 383-384, Fig. 1.
4. Bodrogvécs (împreună cu dirhem arab): Dókus 1900, 45-47; AH 1996, 140-142, Fig. 5; Bollók 2015, I. tábla 11, 73. kép.
5. Bugyi-Felsővány M. 2: Füredi 2012, 207-234; Bollók 2015, I. tábla 13; Füredi 2016, 70: kép.
6. Dunavecse-Fehéregyháza: Kada 1912, 327-329; AH 1996, 297, Fig. 307-308; Bollók 2015, I. tábla 18, 84. kép.
- 7-8. Eperjeske M. 2-3: Kiss 1920-1922, 42-55; Fettich 1937, 79-80; AH 1996, 72-75, Fig. 1-2; Bollók 2015, I. tábla 10, 16, 72. kép, 82. kép.
9. Hlohovec / Galgóc: Hampel 1900, 530-533; AH 1996, 388-389, Fig. 1; Bollók 2015, I. tábla 7, 69. kép.
10. Izsák-Balázspusztá: H. Tóth 1976, 141-185; AH 1996, 317-318, Fig. 1.
- 11-12. Karos-Nec. II M. 29 și 52: Révész 1996, 21, 26-29, 42 tábla, 80. tábla; Bollók 2015, I. tábla 3, 65. kép.
- 13-15. Kenézlő-Fazekaszug-Nec. I M. 3 și 14; Nec. II M. 28. Jóna 1914, 308-309, 321-322, XIII. kép, XXX. kép; AH 1996, 151-153, Fig. 1, 154, Fig. 8; Fettich 1931, 84, 54. kép 2; Bollók 2015, I. tábla 4, 12, 66. kép, 66a. kép, 83. kép.
16. Kiskunfélegyháza-Radnóti Miklós utca: H. Tóth E. 1974, 112-125; AH 1996, 331, fig. 1; Bollók 2015, I. tábla 6, 68. kép.
17. Perbete M. 3: Dienes 1959, 147, XXVII. táb. 11.
18. Rakamaz-Strázsaalom M. A: Dienes 1975, 15. kép; AH 1996, 110-111, 113, Fig. 1; Bollók 2015, I. tábla 1, 63. kép.
19. Rétközberencs-Paromdomb-descoperire izolată: Dienes 1986, 54. kép; AH 1996, 168.
20. Szolnok-Strázsaalom: Fettich 1937, 181; AH 1996, 282, 284, Fig. 1; Bollók 2015, I. tábla 20, 86. kép.
21. Svaláva / Szolyva: Lehoczky 1870, 201-206; AH 1996, 175-178, Fig. 1; Bollók 2015, I. tábla 9, 71. kép.

22. Tarcál-Rímai dúllő M. 4: Jósa 1895, 75-76; AH 1996, 120, Fig. 1; Bollók 2015, I. tábla 1, 64. kép.
23. Tiszabездéd-Harangláb dúllő M. 8; Jósa 1896, 398-400, 398: VIII. sír; AH 1996, 180-184, fig. 1-4; Bollók 2015, 429-501, I. tábla 14.
24. Tiszaeszlár-Bashalom I. temető M. D: Dienes 1956, 245-275; AH 1996, 185-187, Fig. 1.
25. Tiszanána-Cseh tanya M. 1: Dienes 1964, 89; AH 1996, 412-413, Fig. 1; Révész 2008, 284-285, 71. tábla.
26. Tuzsér-Boszorkányhegy M. 6: Jósa 1900, 222: kép; AH 1996, 204-206, Fig. 6; Istvánovits 2003, 236-238, 228-230. tábla.
27. Túrkeve-Ecsegpuszta: Szabó 1980, 271-293; AH 1996, 294-295, fig. 1; Bollók 2015, I. tábla 19, 85. kép.
28. Andreievskaja Shchel.
29. Kryukovo-Kuzhnoe M. 472: Krylaszova et al. 2014, 9. kép 1-2.
30. Panovo M. 2: Erdélyi 1977 2. kép; Krylaszova et al. 2014, 7. kép 1-4.
31. Perm: Belavin, Krilaszoza 2011, 243-256; Fodor 2012, 125-146; Krylaszova et al. 2014, 3. kép 1.
32. Rusenikha M. 2: Nikitina 2013, 152-153, 155, ris.2/3; Fodor 2017, 3. kép 1.
33. Cătuțul Veselovo (pe lângă Semenovo) M. 19: Fodor 2013, 457-470.
- 34-36. Colecția Mardjani (zona Uralului de Sud): Rudenko 2016, 76, 78-79, ris. 12-14; Fodor 2017, 3. kép 2-4.
- 37-38. Birka/Björko M. 644 și 819: Arbman 1940, Taf. 129/1a-1b. 222-223, 295.

Bibliografie

- AH 1996:** The Ancient Hungarians. Exhibition Catalogue (Ed. I. Fodor) (Budapest 1996).
- Arbman 1940:** H. Arbman, Birka I. Die Gräber (Uppsala 1940).
- Arkhipov 1980:** G.A. Arkhipov, Obshchie elementy material'noi kul'tury mariitsev I vostochnoevropeiskikh kochevnikov. CIFU, IV (1975), Pars II, 1980, 221-223 // Г.А.Архипов, Общие элементы материальной культуры марийцев и восточноевропейских кочевников. CIFU, IV (1975), Pars II, 1980, 221-223.
- Armarchiuk 2003:** E.A. Armarchiuk, Pamiatniki Severo-Vostochnogo Prichernomor'ia X-XII vekov. In: Крым, Severo-Vostochnoe Prichernomor'ia i Zakavkaz'e v epokhu srednevekov'ia: IV-XIII veka (Moskva 2003) // E.A. Армарчук, Памятники Северо-Восточного Причерноморья X-XII веков. In: Крым, Северо-Восточное Причерноморье и Закавказье в эпоху средневековья: IV-XIII века (Москва 2003).
- Armarchiuk 2006:** E.A. Armarchiuk, Konskaia upriazh' izmogil'nikov Severo-Vostochnogo Prichernomor'ia X-XIII vekov (Moskva 2006) // E.A. Армарчук, Конская упряжь из могильников Северо-Восточного Причерноморья X-XIII веков (Москва 2006).
- Armarchiuk, Malyshev 1997:** E.A. Armarchiuk, A.A. Malyshev, Srednevekovyi mogil'nik v Tsemesskoi doline. IAA, 3, 1997, 92-114 // E.A. Армарчук, А.А. Мальшев, Средневековый могильник в Цемесской долине. ИАА 3, 1997, 92-114.
- Armarchiuk, Novichikhin 2004:** E.A. Armarchiuk, A.M. Novichikhin, Ukrasheniia konskoi upriazhi X-XII vv. Iz mogil'nika „Andreivskaia shchel” bliz Anapy. KSIA, 2016, 2004, 59-71 // E.A. Армарчук, А.М. Новичихин, Украшения конской упряжи X-XII вв. из могильника «Андреевская щель» близ Анапы. КСИА, 2016, 2004, 59-71.
- Asadov 2012:** F. Asadov, Khazaria, Byzantium, and the Arab Caliphate: Struggle for control over Eurasian Trade Routes in the 9th-10th centuries. The Caucasus and Globalization 6/4, 2012, 140-150.
- Belavin, Krilaszoza 2008-2010:** A.M. Belavin, N.B. Krilaszoza, Tarsolylemez Perm környékéről. Fol Arch, 54, 2008-2010, 243-249.
- Bollók 2015:** Á. Bollók, Ornamentika A 10. századi Kárpát-Medencében: formatörténeti tanulmányok a magyar honfoglalás kori díszítőművészethez (Budapest 2015).
- Brather 2004:** S. Brather, Ethnische Interpretationen in der frühgeschichtlichen Archäologie. Geschichte, Grundlagen und Alternativen. RGA-E 42 (Berlin – New York 2004).
- Callmer 1996:** J. Callmer, Oriental Beads and Europe, A.D. 600-800. In: (eds. A. Ellegård, G. Åkerstrom-Hougen) Rome and the North! Papers read at a symposium arranged by the Göteborg University, 18-19 November 1993, under the auspices of the ESF project “The Transformation of the Roman World”. Studies in Mediterranean Archaeology and Literature 135 (Jonsered 1996), 53-71.
- Chernykh 1992:** E.N. Chernykh, Ancient Metallurgy in the USSR: The Early Metal Age (Cambridge 1992).
- Courcier 2014:** A. Courcier, Ancient Metallurgy in the Caucasus from the Sixth to the Third Millennium BCE. In: (eds. B. Roberts, C. Thornton) Archaeometallurgy in Global Perspective (New York 2014), 579-664.
- Csallány 1959:** D. Csallány, Ungarische Zierscheiben aus dem X. Jahrhundert. AAH, 10, 1959, 281-325.
- Csallány 1970:** D. Csallány, Weiblicher Haarschmuck und Stiefelbeschläge aus der ungarischen Landnahmezeit im Karpatenbecken. AAH, 22, 1970, 261-299.
- Darkevich 1976:** V.P. Darkevich, Khudozhestvennyi metall Vostoka (Moskva 1976) // В.П. Даркевич, Художественный металл Востока (Москва 1976).
- Di Cosmo 2014:** N. Di Cosmo, A Note on the Formation of the “Silk Road” as Long-Distance Exchange Network. In: (ed. M. Bulut) ReSilkRoad, Istanbul Sabahattin Zaim University (Istanbul 2014), 17-26.

- Dienes 1956:** I. Dienes, Un cimetière de Hongrois conquérants à Bashalom (Fouilles exécutées par L. Kiss). *AAH*, 7, 1956, 245-277.
- Dienes 1959:** I. Dienes, A perbetei lelet. Milyen volt a honfoglaló magyarok öve? *ArchÉrt*, 86, 1959, 145-158.
- Dienes 1964:** I. Dienes, Honfoglalás kori tarsolyainkról. *FolArch*, 16, 1964, 79-112.
- Dienes 1975:** I. Dienes, A honfoglaló magyarok és ősi hiedelmeik. In: (szerk. P. Hajdú) *Uráli népek* (Budapest 1975), 77-108.
- Dienes 1986:** I. Dienes, A Felső-Tisza vidék a X. században. In: (szerk. Dercsényi Dezső, Entz Géza) *Szabolcs-Szatmár megye műemlékei I* (Budapest 1986), 92-114.
- Dókus 1900:** Gy. Dókus, Árpádkori sírleletek Zemplén vármegyében. *ArchÉrt*, 20, 1900, 39-61.
- Duczko 2004:** W. Duczko, Viking Rus. Studies on the Presence of Scandinavians in Eastern Europe. *The Northern World. North Europe and the Baltic c. 400-1700 AD. Peoples, Economies and Cultures 12* (Leiden-Boston 2004).
- Dzattiaty 2014:** R. Dzattiaty, *Alanskie drevnosti Dargavsya* (Vladikavkaz 2014) // Р. Дзаттиаты, *Аланские древности Даргавса* (Владикавказ 2014).
- Erdélyi 1977:** I. Erdélyi, Az ősmagyarság régészeti emlékei Kelet-Európában. In: (szerk. A. Bartha, K. Czeglédy, A. Róna-Tas) *Magyar Őstörténeti Tanulmányok* (Budapest 1977), 65-77.
- Fettich 1931:** N. Fettich, Adatok a honfoglaláskor archaeológiájához. *ArchÉrt*, 45, 1931, 48-112.
- Fettich 1937:** N. Fettich, A honfoglaló magyarság fémművészete. *Die Metallkunst der Landnehmenden Ungarn*. *ArchHung*, 21 (Budapest 1937).
- Fettich 1942:** N. Fettich, *Die altungarische Kunst* (Berlin 1942).
- Figueiredo et al. 2015:** A. Figueiredo, J.P. Valentim, D. Doosje, Theories on intergroup relations and emotions: A theoretical overview. *PSYCHOLOGICA*, 57/2, 2015, 7-33.
- Fodor 2012:** I. Fodor, Őstörténeti viták és álviták. *Csodaszarvas*, IV, 2012, 125-146.
- Fodor 2013:** I. Fodor, A veszelovói tarsolylemez. In: (szerk. L. Révész, M. Wolf) *A honfoglalás kor kutatásának legújabb eredményei. Tanulmányok Kovács László 70. születésnapjára* (Budapest- Szeged 2013) 457-470.
- Fodor 2017:** I. Fodor, Honfoglalás kori tarsolylemezeink és keleti párhuzamaik. *Magyar Tudomány*, 6, 2017, 723-731.
- Füredi 2012:** Á. Füredi, Honfoglalás kori tarsolylemez Pest megyében. *A Bugyi-Felsőványi 2. sír*. *ArchÉrt*, 137, 2012, 207-234.
- Füredi 2016:** Á. Füredi *Tarsolyok*. *Rubicon*, 7, 2016, 66-71.
- Gáll 2013:** E. Gáll, Az Erdélyi-medence, a Partium és a Bánság 10-11. századi temetői. *MHÁKS*, 6 (Szeged 2013).
- Gáll et al. 2018:** E. Gáll, G. Lezsák, M. Novichikhin, The Sabretache from Andreyevskaya shhel (Anapa, Russia Federation) A View from West to East: the Problem of the Spreading of the Sabretaches in the 10th Century. Budapest (manuscript).
- Ghazaryan 2013:** H. Ghazaryan, Soil Resources of Armenia. In: (eds. Y. Yigini, P. Panagos, L. Montanarella) *Soil Resources of Mediterranean and Caucasus Countries. Extension of the European Soil Database* (Luxembourg 2013), 2-15.
- Gregoratti 2013:** L. Gregoratti, The Caucasus: a communication Space between Nomads and Sedentaries (1st BC-2nd AD). In: *Mountain Areas as Frontiers and/or Interaction and Connectivity Spaces* (Arachne 2013), 525-540.
- Hampel 1900:** J. Hampel, A honfoglalási kor hazai emlékei. *A magyar honfoglalás kútfoi* (Budapest 1900 [reprint 1995]).
- Hansen 2012:** V. Hansen, *The Silk Road. A New History* (London 2012).
- Hedenstierna-Johnson 2009:** Ch. Hedenstierna-Johnson, Magyar – Rus’ – Scandinavia: Cultural Exchange in the Early Medieval Period. *Situne Dei*, 2009, 47-56.
- Horváth 2004:** C. Horváth, Adatok a honfoglalás kori kő- és üveg- betéttel díszített fegyverek, tarsolyok és veretek kérdésköréhez. *CAH*, 2004, 151-171.
- Hraundal 2013:** T.J. Hraundal, *The Rus in Arabic Sources: Cultural Contacts and Identity*. *Lucrare de doctorat, Universitatea din Bergen* (Bergen 2013).
- Ismayilov 2013:** A. Ismayilov, Soil Resources of Azerbaijan. In: (eds. Y. Yigini – P. Panagos – L. Montanarella) *Soil Resources of Mediterranean and Caucasus Countries. Extension of the European Soil Database* (Luxembourg 2013), 16-36.
- Iotov 2004:** V. Iotov, *Viorizheniegot i snariazheniegot ot bilgarskogo srednovekovie (VII-XI v.)* (Varna 2004) // В. Йотов, *Въоръжението и снаряжението от българското средновековие (VII-XI в.)* (Варна 2004).
- Ivanov 1952:** P.P. Ivanov, *Materialy po istorii mordvy VIII-XI vv* (Morshansk 1952) // П.П. Иванов, *Материалы по истории мордвы VIII-XI вв* (Моршанск 1952).
- Jósa 1895:** A. Jósa, A tarzali sírleletről. *ArchÉrt*, 15, 1895, 75-76.
- Jósa 1896:** A. Jósa, A bezdédi honfoglaláskori temető. *ArchÉrt*, 16, 1896, 385-412.
- Jósa 1900:** A. Jósa, Emlékek a honfoglalás korából. *ArchÉrt*, 20, 1900, 214-224.
- Jósa 1914:** A. Jósa, Honfoglaláskori emlékek Szabolcsban II. *ArchÉrt*, 34, 1914, 169-184, 303-340.
- Kada 1912:** E. Kada, Kecskemét vidékéről való leletek. *ArchÉrt*, 32, 1912, 323-329.
- Khazanov 1994:** A.M. Khazanov, *Nomads and the Outside World* (Madison 1994).
- Kilger 2008:** Ch. Kilger, Kaupang from Afar: Aspects of the Interpretation of Dirham Finds in Northern and Eastern Europe between the Late 8th and Early 10th Centuries. In: (Hrsg. D. Skre) *Means of Exchange. Dealing with Silver in the Viking Age. Kaupang Excavation Project Publ. Ser. 2 = Norske Oldfunn 23* (Arhus 2008) 199-252.
- Kiss 1920-1922:** L. Kiss, Eperjeskei honfoglaláskori temető. *ArchÉrt*, 39, 1920-1922, 42-55.

- Kiss, Bartha 1970:** Á. Kiss, A. Bartha, Graves from the Age of the Hungarian Conquest at Bana. *AAH*, 22, 1970, 219-260.
- Kovalev 2005:** R.K. Kovalev, Creating Khazar Identity through Coins: The Special Issue Dirhams of 837/838. In: (ed. F. Curta) *East Central and Eastern Europe in the Early Middle Ages (Ann Arbor 2005)*, 220-251.
- Kovalev, Kaelin 2007:** R.K. Kovalev, A.C. Kaelin, Circulation of Arab Silver in Medieval Afro-Eurasia: Preliminary Observations. *History Compass*, 5, 2007, 1-21.
- Kovács 2008:** L. Kovács, Muslimische Münzen im Karpatenbecken des 10. Jahrhunderts. *Antaeus*, 29-30, 2008, 479-533.
- Kovács 2011:** L. Kovács, *A magyar kalandozások zsákmányáról* (Budapest 2011).
- Kradin 2016:** N. Kradin, Nomads. In: (ed. J. Mackenzie) *The Encyclopedia of Empire 2016* (Chichester) 1-6. (<http://onlinelibrary.wiley.com/doi/10.1002/9781118455074.wbeoe171/abstract?userIsAuthenticated=false&deniedAccessCustomisedMessage=>. Accessed 10 January 2017).
- Krylaszova et al. 2014:** B.N. Krylaszova, A.M. Belavin, A. Türk, Újabb adatok a honfoglalás kori tarsolyok és tűzkészítések klasszifikációjához. In: (szerk. A. Anders, Cs. Balogh, A. Türk) *Avarok Pusztái. Régészeti tanulmányok Lőrinczy Gábor 60. születésnapjára /Avarum Solitudines. Archaeological studies presented to Gábor Lőrinczy on his sixtieth birthday. OPITZ ARCHAEOLOGICA 6 - MTA BTK MÓT KIADVÁNYOK 2* (Budapest 2014), 457-496.
- Langó 2005:** P. Langó, Archaeological Research on the Conquering Hungarians: a Review. In: (ed. B.G. Mende) *Research on the prehistory of the Hungarians: A review* (Budapest 2005), 175-340.
- Langó 2013:** P. Langó, The Study of the Archaeological Finds of the Tenth-Century Carpathian Basin as National Archaeology: Early Nineteenth-Century Views. In: (eds. P.J. Geary, G. Klaniczay) *Manufacturing Middle Ages Entangled History of Medievalism in Nineteenth-Century Europe* (Leiden-Boston 2013), 397-418.
- Lehóczky 1870:** T. Lehóczky, A szolyvai hun sír. *ArchÉrt*, 3, 1870, 201-206.
- Lo Muzio 2010:** C.Lo Muzio, Archaeological Traces of Early Turks in Transoxiana: An overview. *Coins, Art and Chronology II. The First Millennium C.E. in the Indo-Iranian Borderland* (Vienna 2010).
- Lundström et al. 2009:** F. Lundström, Ch. Hedenstierna-Jonson, L. Holmquist Olausson, Eastern archery in Birka's garrison. In: (eds. L. Holmquist Olausson, M. Olausson) *The Martial Society. Aspects of warriors, fortifications and social change in Scandinavia* (Stockholm 2009), 105-116.
- Mazhitov 1981:** N.A. Mazhitov, *Kurgany Iuzhnogo Urala v VIII-XII vv* (Moskva 1981) // Н.А. Мажитов, *Курганы Южного Урала в VIII-XII вв* (Москва 1981).
- Mesterházy 2013:** K. Mesterházy, A palmetta a honfoglaló magyarok művészetében. In: (szerk. L. Révész, M. Wolf) *A honfoglalás kor kutatásának legújabb eredményei. Monográfiák a Szegedi Tudományegyetem Régészeti Tanszékéről 3* (Szeged 2013) 447-456.
- Nicolle 1999:** D. Nicolle, *Arms & Armour of the Crusading Era, 1050-1350: Islam, Eastern Europe and Asia, Vol. 2* (London 1999).
- Nikitina 2013:** T.B. Nikitina, Poiasnye koshel'ki/sumochki v srednevekovykh mogil'nikakh Vetluzhsko-Viatskogo mezhdurech'ia. *Povolzhskaja arkhologija*, 2, 2013, 151-161 // Т.Б. Никитина, Поясные кошельки/сумочки в средневековых могильниках Ветлужско-Вятского междуречья. *Поволжская археология*, 2, 2013, 151-161.
- Noonan 1998:** T.S. Noonan, *The Islamic world, Russia and the Vikings, 750-900. The numismatic evidence. Variorum collected studies series 595* (Farnham 1998).
- Noonan 2000-2001:** T.S. Noonan, *Volga Bulgharia's Tenth-Century Trade with Sāmānid Central Asia. AEMAE*, 11, 2000-2001, 140-218.
- Novichikhin 1993:** A.M. Novichikhin, Issledovanie srednevekovskogo mogil'nika Andreevskaia shchel' v 1991 i 1992 gg. In: *Vtoraia Kubanskaia arkhologicheskaia konferentsiia. Tezisy dokladov* (Krasnodar 1993), 76-77 // А.М. Новичихин, Исследование средневекового могильника Андреевская щель в 1991 и 1992 гг. In: *Вторая Кубанская археологическая конференция. Тезисы докладов* (Краснодар 1993), 76-77.
- Novichikhin 2008:** A.M. Novichikhin, Voinskii kenotaf s zakhoroneniem boevogo konia na srednevekovom mogil'nike Andreevskaia shchel'. In: (red. O.V. Dvurechenskii) *Voennaia arkhologija. Sbornik materialov seminar pri Gosudarstvennom istoricheskom muzee*, 1 (Moskva 2008), 26-41 // А.М. Новичихин, Воинский кенотаф с захоронением боевого коня на средневековом могильнике Андреевская щель. In: (ред. О.В. Двуреченский) *Военная археология. Сборник материалов семинара при Государственном историческом музее*, 1 (Москва 2008), 26-41.
- Novichikhin 2014:** A.M. Novichikhin, Predmety vooruzheniia, voinskogo i konского snariazheniia iz razrushennykh pogrebenii mogil'nika Andreevskaia shchel'. In: (red. O.V. Dvurechenskii) *Voennaia arkhologija. Sbornik materialov seminar pri Gosudarstvennom istoricheskom muzee*, 3 (Moskva 2014), 55-93 // А.М. Новичихин, Предметы вооружения, воинского и конского снаряжения из разрушенных погребений могильника Андреевская щель. In: (ред. О.В. Двуреченский) *Военная археология. Сборник материалов семинара при Государственном историческом музее*, 3 (Москва 2014), 55-93.
- Novichikhin 2015:** A.M. Novichikhin, Detskie pogrebeniia srednevekovogo mogil'nika Andreevskaia shchel'. *IAA*, 13, 2015, 99-111 // А.М. Новичихин, Детские погребения средневекового могильника Андреевская щель. *ИИА* 13, 2015, 99-111.

- Orlov 1984:** R.S. Orlov, Srednevekovaia traditsiia khudozhestvennoi metalloobrabotki v X-XI vv. Kul'tura i iskusstvo srednevekovskogo goroda (Moskva 1984) // P.C. Орлов, Средневековая традиция художественной металлообработки в X-XI вв. Культура и искусство средневекового города (Москва 1984).
- Polgár 2000:** Sz. Polgár, Kereskedelem a Fekete-tenger északi partvidékén a 9-10. században (A Gayhanl-féle leírás adatai a magyarok és a De Administrando Imperio értesülései a besenyők kereskedelméről). HMRK, 2, 2000, 193-206.
- Pósta 1905:** B. Pósta, Régészeti tanulmányok az orosz földön, Vol. I (Budapest 1905).
- P'ianikov 1988:** A.V. P'ianikov, Srednevekovi mogil'nik Chernoklen iz Krasnidarskogo kraia. XV „Krupnovskie chteniia” (Makhachkala 1988) // A.B. Пьянков, Средневековый могильник Черноклэн из Краснодарского края. XV «Крупновские чтения» (Махачкала 1988).
- P'ianikov 2000:** A.V. P'ianikov, Biritual'nyi srednevekovi mogil'nik Tsiplievskii iz Zapadnogo Zakuban'ia: predvaritel'noe soobshchenie. Vestnik Abinskogo narodnogo muzeia, vup. 3, 2000, 12-25 // A.B. Пьянков, Биритуальный средневековый могильник Циблиевский из Западного Закубанья: предварительное сообщение. Вестник Абинского народного музея, вып. 3, 2000, 12-25.
- Révész 1989:** L. Révész, Lira alakú csatok a Kárpát-medencében. HOMÉ, 27, 1989, 513-541.
- Révész 1996:** L. Révész, A karosi honfoglaláskori temetők. Régészeti adatok a Felső-Tisza vidék X. századi történetéhez. MHÁKS, 1 (Miskolc 1996).
- Révész 2008:** L. Révész, Heves megye 10-11 századi temetői. MHÁKS, 5 (Budapest 2008).
- Romgard 2016:** J. Romgard, Did the Vikings trade with China? On a controversial passage in Ibn Khordāhbeh's Book of Itineraries and Kingdoms. Fornvännen, 111, 2016, 229-242.
- Rudenko 2016:** K.A. Rudenko, Redkie nakhodki epokhi Khazarskogo Kaganata (Zametki o khazarsko-vengerskom iskusstve). Teoriia i praktika arkheologicheskikh issledovaniia, 15/3, 2016, 63-82 // K.A. Руденко, Редкие находки эпохи Хазарского Каганата (Заметки о хазарско-венгерском искусстве). Теория и практика археологических исследований, 15/3, 2016, 63-82.
- Schulze-Dörlamm 1988 (1991):** M. Schulze-Dörlamm, Untersuchungen zur Herkunft der Ungarn und zum Beginn ihrer Landnahme. RGZM, 35, 1988 (1991), 373-478.
- Szabó 1969:** J.Gy. Szabó, Heves megye régészeti emlékei II. Heves megye műemlékei I. In: (szerk. D. Dercsényi D, P. Voit) Magyarország Műemléki Topográfiaja (Budapest 1969), 41-64.
- Szabó 1980:** J.Gy. Szabó, Das silberne Taschenblech von Túrkeve-Ecsegsuszta. AAN, 32, 1980, 271-293.
- Szabó 2013:** L.D. Szabó, A „bárándi” tarsolylemez. DSz, 1, 2013, 25-32.
- Szenthe 2012:** L. Szenthe, Meister und ihre Kunden. Herstellung und Verbreitung gegossener Bronzegegenstände im spätaawarenzeitlichen Karpatenbecken. ArchÉrt, 137/1, 2012, 57-75.
- Tejfel 1982:** H. Tejfel, Social Psychology of Intergroup Relations. ARP, 33, 1982, 1-39.
- Tóth 1974:** E.H. Tóth, Honfoglaláskori sír Kiskunfélegyházán. ArchÉrt, 101, 1974, 112-125.
- Tóth 1976:** E.H. Tóth, The Equestrian grave of Izsák-Balázspuszta from the Magyar Conquest. Cumania, 4, 1976, 141-185.
- Uspenskii 2013:** P.S. Unspenskii, Mogol'niki s truposozhzhenniiami VIII-XIII vv. na Severo-Zapadnom Kavkaze (dinamika areala pogrebal'nogo obriada). Rossiiskaia Arkheologiiia, 4, 2013, 86-98 // П.С. Успенский, Могильники с трупосожжениями VIII–XIII вв. на Северо-Западном Кавказе (динамика ареала погребального обряда). Российская Археология, 4, 2013, 86-98.
- Uspenskii 2015:** P.S. Unspenskii, Krematsionnye pogrebeniia Severo Zapadnogo Kavkaza VII-XIII vv. kak Istoricheskii Istochnik (Moskva 2015) // П.С. Успенский, Кремационные Погребения Северо-Западного Кавказа VII-XIII вв. как Исторический Источник (Москва 2015).
- Urushadze, Ghambashidze 2013:** T.F. Urushadze, G.O. Ghambashidze, Soil Resources of Georgia. In: (eds. Y. Yigini, P. Panagos, L. Montanarella) Soil Resources of Mediterranean and Caucasus Countries. Extension of the European Soil Database (Luxembourg 2013), 77-96.
- Vedeler 2016:** M. Vedeler, Silk trade to Scandinavia in the Viking Age. In: (eds. A. Ling Huang, C. Jahnke) Textiles and the medieval economy. Production, trade and consumption of textiles 8th-16th Centuries. Ancient Textiles, Series 16, 2016, 78-85.
- Vinogradov 1983:** V.B. Vinogradov, Altungarische Parallelen zu einigen Gräbern des alanischen Gräberfeldes bei Martan-Ču. AAN, 35/1-2, 1983, 211-220.

Erwin Gáll, PhD, cercetător științific III, Institutul de Arheologie „Vasile Pârvan”, Academia Română, București, România, e-mail: ardarichus9@gmail.com

Gabriella M. Lezsák, cercetător asistent, arheolog, Centrul de Studii Umaniste, Grupul de cercetare medievală, Academia Maghiară de Știință, Budapesta, Ungaria, e-mail: bszakgabi@gmail.com

Andrei Novichikhin, PhD, muzeolog, arheolog, Muzeul Arheologic ‘Gorgippia’, Anapa, Federația Rusă, e-mail: yazamato3@mail.ru

DISCUȚII – ДИСКУССИИ – DISCUSSIONS

Sergei Ol'govskii

To the interpreting of accidental findings of Scythian molds for arrowheads

Keywords: mold, accidental findings, arrowheads.

Cuvinte cheie: forme de turnat, descoperiri fortuite, vârfuri de săgeată.

Ключевые слова: литейные формы, случайная находка, наконечники стрел.

Sergei Ol'govskii

To the interpreting of accidental findings of Scythian molds for arrowheads

The article is devoted to analysis of the accidental findings of Scythian molds in Ukraine, which are not associated with craft centers or workshops. They confirm the author's assumption concerning the work of caster-masters in the convoy of Scythian army during the campaign in Asia Minor. It opens the discourse about the work of such masters on the territory of the northern part of Black Sea in Scythia. The accidental findings of molds in the Great Belsky hillfort allow suggesting that it was the headquarters of the Scythian king and his army.

Sergei Ol'govskii

Interpretarea descoperirilor fortuite a formelor de turnat vârfuri de săgeți scitice

În articol sunt analizate descoperirile fortuite ale formelor de turnat scitice din Ucraina, care nu au legături cu centre meșteșugărești sau ateliere, ceea ce confirmă ipoteza susținută de autorul lucrării conform căreia armata scitică era însoțită de meșteri și ne permite să vorbim despre activitatea acestora în teritoriului Scythiei nord-pontice. Descoperirile întâmplătoare de forme de turnat în cadrul fortificației Belsk ne permite să presupunem că ea a fost utilizată ca sediu pentru regele scit și armata sa.

Сергей Ольговский

К интерпретации случайных находок скифских литейных форм для наконечников стрел

В статье проанализированы случайные находки скифских литейных форм на территории Украины, не связанные с ремесленными центрами или мастерскими, которые подтверждают высказанное автором предположение о работе мастеров литейщиков в обозе скифского войска и позволяют говорить о работе таких мастеров на территории Северо-Причерноморской Скифии. Случайные находки литейных форм на Большом Бельском городище позволяют предположить, что оно было ставкой скифского царя с его войском.

In 1947, F. M. Shtitel'man published two components of the bronze casting mold, which were used for casting Scythian arrowheads. This mold came to Kiev History Museum in the early twentieth century from the private collection of B.I. Khanenko and was registered as an accidental finding in Bukryn village in Kanev district, Kyiv Province [Shtitel'man 1947, 161-164]. Now this village belongs to Rzhyschevske district of Kyiv region. The first part is one of the three valves of cylindrical shape on the inside of which there is a deep reflection of one triangular arrowhead and a cone-shaped opening for pouring metal. The second part of

the device is a bronze rod with a pointed end with a small bulge in the middle, which, in its turn, faintly divides into three facets, and small thorns with rounded tips 0.4 cm in length departing from the middle of it. A bit lower the bulge becomes a flat ledge that goes perpendicularly to the rod. This flange supported the wings of the shape during the casting of arrows and the spikes, going into special grooves of the wings, securely fixed them and ensured their fixedness during the work. The upper pointed part of the rod-shaped the bushing of the arrowhead (fig. 1,1-2).

During the publication of his collection in "Podneprovyia Antiquities" (1899), B.I. Khanenko also wrote about a bronze stamp for manufacturing beads

or semi-circular plaques found near the village Stayky situated on the right bank of the Dnieper not far from the village Bukryn. F.M. Shtitel'man says nothing about this discovery in his article. But B.M. Grakov, who has devoted a special article to Scythian arrowhead production, writes about the form from B.I. Khanenko's collection, which also comes out from Stayky [Grakov 1930, 77]. At first E.V. Chernenko [Chernenko 1981, 98], and then B.A. Shramko [Shramko 1999, 321] quite reasonably claimed this witness of B.N. Grakov to be false. In their opinion, it was the same form from Bukryn that F.M. Shtitel'man wrote about.

Thus, both – the two pieces of the mold and the stamp for beads from one point, may be considered artifacts, which characterize the bronze craft of the Scythians. However, they cannot indicate to the presence of a craft center, because besides these findings no other remains of bronze craft and settlements of the Scythian period were found. Nevertheless, the archaeological directory of the Kyiv area names three towns, surrounded by ramparts and moats, which were found near the Stayky village. These sites have not been explored by archaeologists yet and there is no evidence of their affiliation with the Scythian culture [Shendrik 1977, 66]. This means that these findings of molds are absolutely accidental and do not belong to Scythian settlements, or to particular handicraft shops.

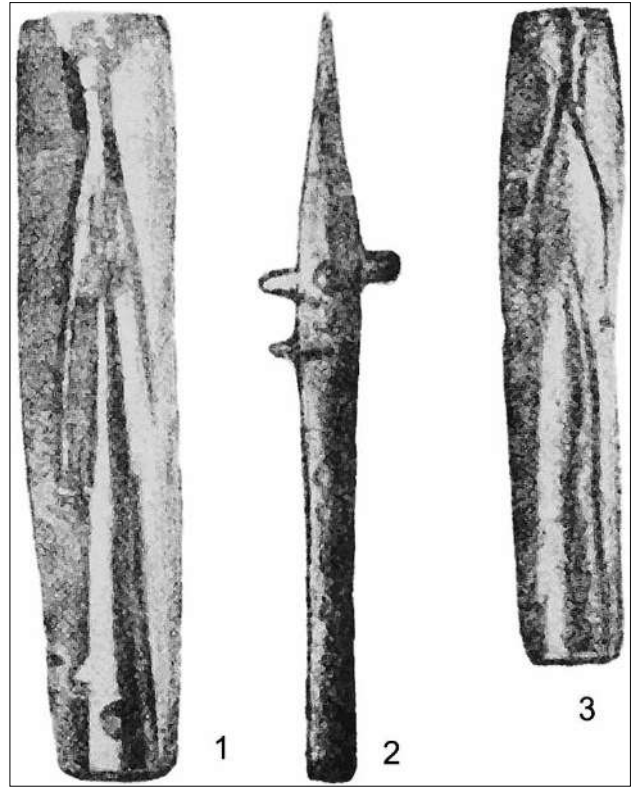

Fig. 1. Molds from the collection of the National Museum of History of Ukraine: 1-2 - the collection of B.I. Khanenko (Staiki village); 2 - the collection of A.A. Bobrinsky (Smela).

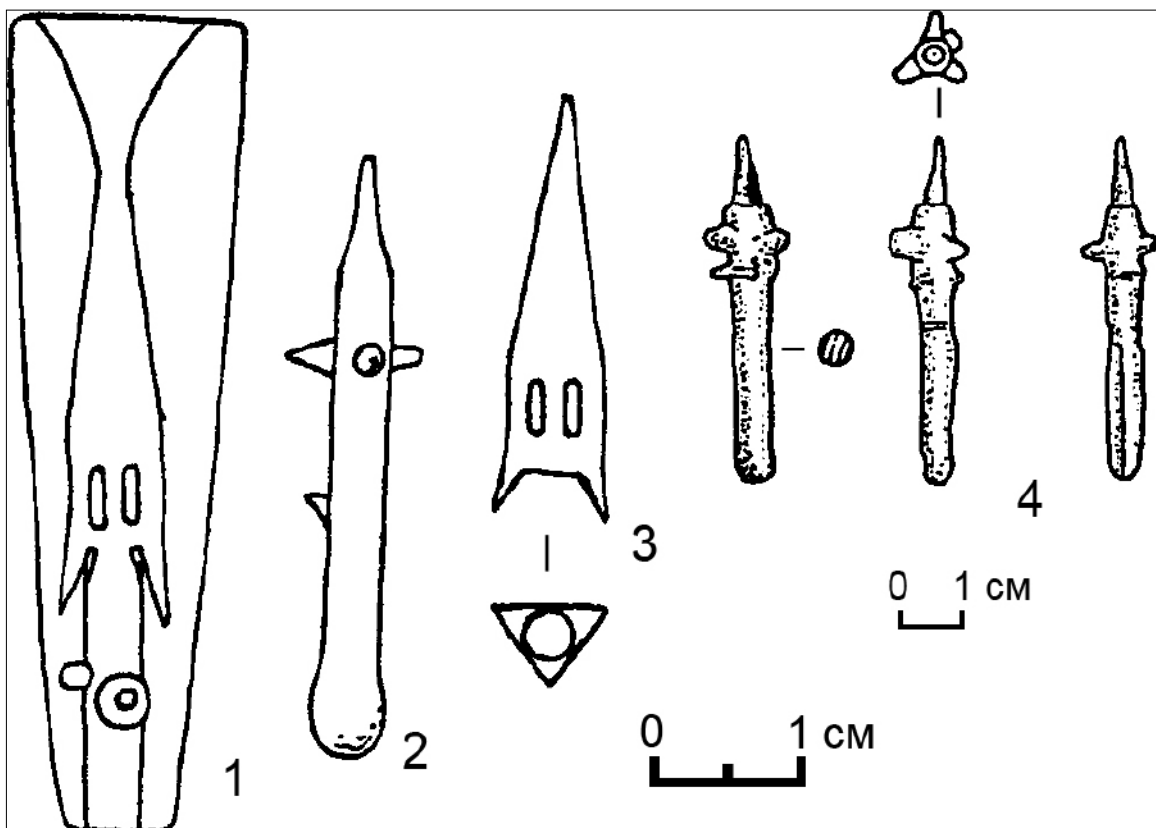

Fig. 2. Molds from the Big Belsky hillfort: 1 - casting mold gate; 2 - reconstruction of the fastening rod; 3 - type of an arrow being cast in a shape; 4 - fastening rod from the tract Lisovy Kut.

In his publication, F.M. Shtitel'man also mentions a mold valve for casting arrowheads, which came to Kyiv History Museum from the A. Bobrinsky's collection (fig. 1,3). The place of its discovery is unknown, but, according to F.M. Shtitel'man, all the things of the collection were found near Smela town, thus the mold might also have been found there [Shtitel'man 1947, 162]. However, B.A. Shramko considers it possible to connect this mold with Belsky settlement, where A.A. Bobrinskii conducted one of the first exploration campaigns in 1887 [Shramko 1999, 323]. There

is every reason to agree with this opinion since there is no trace of casting crafts of the Scythian period around Smela. At the same time, Belsky settlement was a powerful craft center and some findings in the Earl's collection could belong to this monument.

F.M. Shtitel'man age-dated the form of Bukryn by the type of arrows that it produced since the IV-III century BC. The arrows from A.A. Bobrinsky's collection are substantially different in shape. Taking in consideration the recent chronology revisions of the Scythian antiquities, B.A. Shramko claims that the mold valve from A. A. Bobrinsky's collection should be dated from the end of VII-VI centuries BC., and the discovery in Bukryn – from the end of VI-V century BC. [Shramko 1999, 322].

B.N. Grakov meant these molds when he wrote that there is not much known about the molds of Scythia: three or four stone forms for casting jewelry and three for making arrowheads [Grakov 1948, 46]. These forms also allowed B.N. Grakov to conclude that Scythians had a good arrowhead manufacture and their masters created a highly developed molding technology [Grakov 1930, 76]. Actually, the mold shape is still considered to be a reliable indicator in assessing the level of bronze handicrafts at a particular monument. But, it is something that nobody paid attention to the fact that the detection of artifacts is accidental and there is no connection between craft centers, workshops or other archaeological objects. It would be quite clear if such findings were rare. Recently the collection of such findings grows and it needs to be clarified.

In 1992, a local resident found a bronze valve

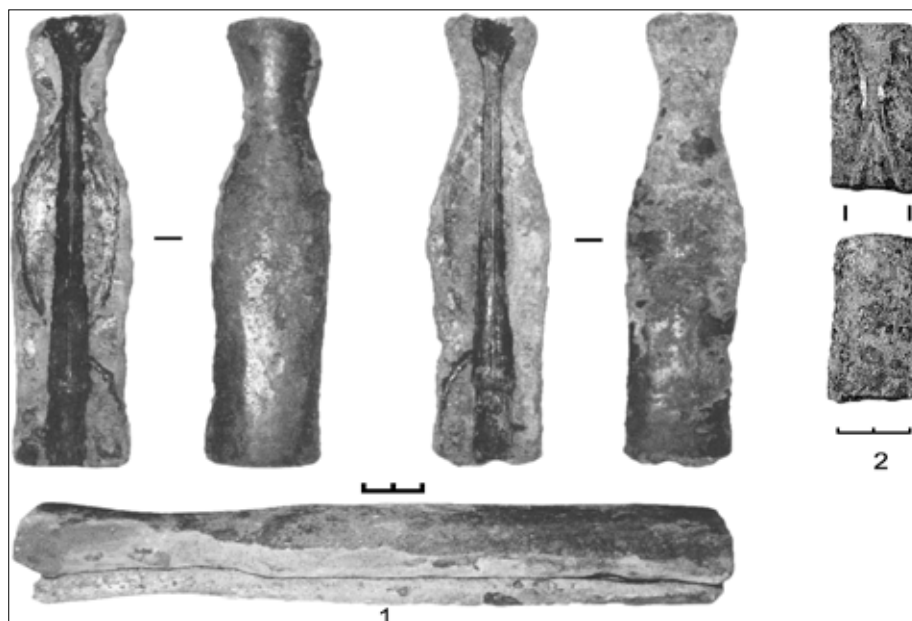

Fig. 3. Molds from private collections: 1 - the outskirts of Simferopol; 2 - forest-steppe right bank of the Dnieper.

from the mold on the territory of the Great Belsky settlement. It was used for casting arrowheads of turret form in the late V century BC (fig. 2,1). The exact place and the circumstances of discovery remained unknown, but at least no other remains of bronze craft in that area were observed [Shramko 1999, 322-323].

In 1996, in the settlement of the Lisovy Kut trukt, which is also located on the territory of the Great Belsky settlement, a bronze core of a complex mold was found by the Ukrainian-German expedition while collecting the lifting material with the help of a metal detector (fig. 2,2). This rod was used for fixing the valves and forming the plugs on the tip, as in the Bukryn mold. However, its form slightly differs from the previous one. Its pointed top does not reach the connecting studs and, while expanding, forms a conical ring muff, which limited the penetration sleeve for arrows and sometimes increased the resistance of the rod in the mold [Shramko 1999, 322-323]. Taking in consideration the rod itself, without the valves of the mold, we may not talk definitely about the type and the time of existence of arrowheads which were cast in it, but the fact of belonging of the finding to the Scythian period is undeniable.

It is a common fact that Belsk settlement was a developed manufacturing center in VII-III century BC. But bronze craft was concentrated on the eastern fortification, where every object – whether it was a dugout, a cellar or a garbage pit, etc. contained the remains of local bronze crafts – slag ingot, semi-finished goods, defective things, fragments of molds, various tools, etc. Bronze craft also took place in the western fortification, although in a smaller extent. About two dozen of small unfortified colonies were found in the wide spaces of

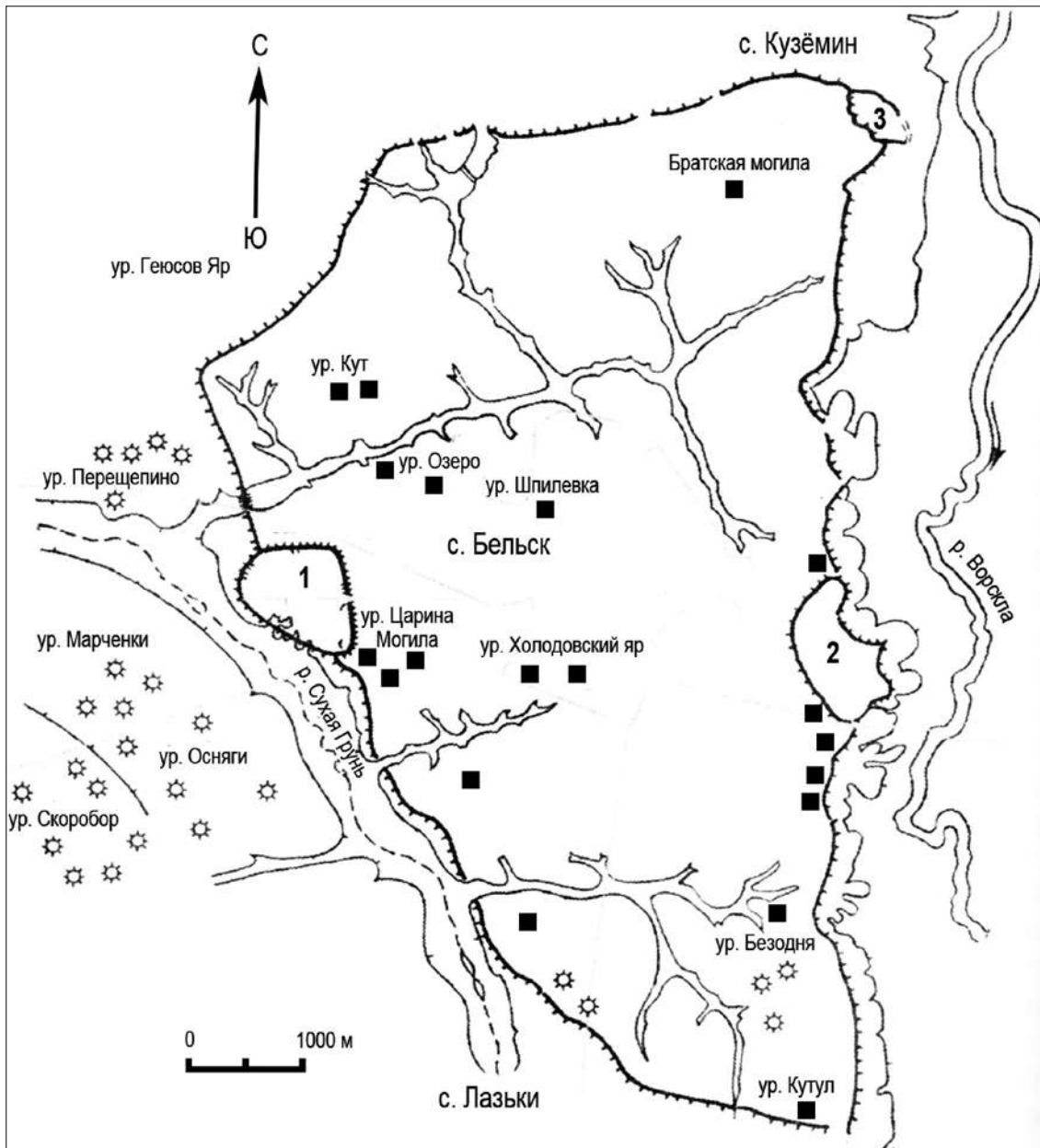

Fig. 4. The plan of the Belsky Settlement: 1 - Eastern Fortification; 2 - Western fortification; 3 - Kuzemin fortification; squares indicate unfortified settlements on the territory of the Big Belsky hillfort.

the Great settlement. Not all of them were investigated, but the exploration did not reveal any distinct or local traces of metalworking or those that could be connected with east or west fortifications. Therefore, the mold findings on the territory of the Great settlement look quite strange and raise questions as to why they are found outside of the Eastern or Western fortifications, which would seem more logical.

Several interesting findings became known from the recent publication of materials from private collections. A bivalve mold, which looked like two bars of unusual bottle-like shape with rounded edges, was found by a local resident in the vicinity of Simferopol during agricultural work in 2008 (fig. 3,1). On the inner plane part of the two valves, there is a negative recess

in a form of oval two-shouldered tip with a dedicated sleeve and spike [Grakov 1948, 231]. These tips were in use in the VII-VI centuries B.C. Scythian evidence of that time are unknown in the Crimea, moreover, nothing is known about the Scythian craft centers. As it is well known, that there are no Scythian monuments of sedentary life even in the steppe zone of the Northern Black Sea till the IV BC and there are only several graves. Therefore, this finding may be associated only with the work of itinerant (wandering) masters, who were repeatedly mentioned in the study of ancient Scythian metal-working.

Unfortunately, this publication does not give information about the place and the circumstances of another discovery – the wreckage of the upper part of

the valve of a complex three-valve mold [Grakov 1948, 232] (fig. 3,2). It appeared from a private conversation with the owner of the collection that it was found in a field on the high right bank of the Dnieper. On one side of the valve, there is a negative hollow of a part of a three-bladed tip 11 cm in length and a funnel through which the molten metal was poured into the mold.

Typically Scythian settlements, where distinct traces of metal production were found – Jabotinsky, Sharpivske, Motronynske, Hryshchentsi – were situated at some distance from the indigenous banks of the Dnieper, on the banks of the Dnieper tributaries, so this finding cannot be connected with the stationary craft.

The Analysis of Scythian molds from urban centers of Asia Minor - Mosul (South Iraq) and Carchemish (northern Syria) – has allowed us to make assumptions about the work of the casters in the convoy of Scythian army during the Middle East campaign and the 28-year long site of the Scythians in this area [Ol'govs'kii 2013, 74]. If this assumption is true, and nothing prevents to conclude so, then, of course, Scythians had their caster masters in the convoy on their territory of the Black Sea region. This is logical when taking into consideration the constant need of such type of mass weapons as arrowheads. Each Scythian warrior was primarily an archer. The masters could produce their products during the stops, where they used to lose their tools, as they worked in the open and what has fallen into the grass was difficult to notice and to find. No traces of this activity remained, so these findings are not associated with the evidence of sedentary life and appear in

the archaeological literature as accidental.

Fragments of the mold from the Great Belsky settlement do not contradict our conclusions. And still, there is no definitive explanation of who and why enclosed such a large area of 4,818 hectares by strong ramparts longer than 34 km (fig. 4). There are analogies of such monument in Eastern Europe. For comparison – the area of Eastern fortification is 85 hectares, Western – 95 hectares, Kuzemynsky fortification – 15 hectares. Moreover, all three fortifications have their own walls, adjacent to the inner side of the main shaft so they can be considered independent. Considering all findings of molds mentioned above, we could assume that the area of the Great Belsky settlement was the headquarters of the Scythian king, where he stayed with his troops during a break between wars and raids. The craftsmen of wagon-trains also worked and lost their tools there, as well as during short-term parking in open space.

Nomadic Gypsies recently showed such examples of mobile craftwork. During long-term parking of the camp near the settlements, men were engaged in smithing and provided local people with tools made on site. Noting the quality of the tools, the farmers traditionally called them «Gypsy» [Bonkovs'ka 1991, 22-23]. Gypsy blacksmiths worked with temporal forges, which sometimes were placed on carts or on special carts on wheels.

The later nomads in the days of Kyiv Rus had the same organization of craft. During the Mongol hordes campaign, masters also worked in the convoy and made arrowheads on the carts or even sitting on the horse, fixed a large anvil on the front meadow and continued to work.

Bibliography

- Bonkovs'ka 1991:** S.M. Bonkovs'ka, Koval'stvo na Ukraïni (XIX–poch.XX st.)(Kiiv 1991) // С.М. Бонковська, Ковальство на Україні (XIX–поч. XX ст.) (Київ 1991).
- Chernenko 1981:** E.V. Chernenko, Skifskieluchniki (Kiev 1981) // Е.В. Черненко, Скифские лучники (Киев 1981).
- Grakov 1930:** B.N. Grakov, Tekhnika izgotovlenija metallicheskih nakonechnikov strel u skifov i sarmatov. Tekhnika obrabotki kamnja i metalla (Moskva 1930), 70-90 // Б.Н. Граков, Техника изготовления металлических наконечников стрел у скифов и сарматов. Техника обработки камня и металла (Москва 1930), 70-90.
- Grakov 1948:** B.N. Grakov, Liteinoe i kuznechnoe remeslo u skifov. KSIIMK XXII, 1948, 38-47 // Б.Н. Граков, Литейное и кузнечное ремесло у скифов. КСИИМК XXII, 1948, 38-47.
- Ol'govskii 2013:** S. Ja. Ol'govskii, Vigotovlennja skifs'kikh nakonechnikiv stril. Sivershchina v istorii Ukraïni, 6 (Kiiv-Glukhiv 2013), 72-75 // С.Я. Ольговский, Виготовлення скіфських наконечників стріл. Сіверщина в історії України, 6 (Київ-Глухів 2013), 72-75.
- Shramko 1999:** B.A. Shramko, K voprosu o bronzoliteinom proizvodstve u skifov. Evrazijskie drevnosti (Moskva 1999), 318-324 // Б.А. Шрамко, К вопросу о бронзолитейном производстве у скифов. Евразийские древности (Москва 1999), 318-324.
- Shendrik 1977:** N.I. Shendrik, Dovidnik z arkeologii Ukraïni. Kiivska obl. (Kiiv 1977) // Н.І. Шендрік, Довідник з археології України. Київська обл. (Київ 1977).
- Shtitel'man 1947:** F.M. Shtitel'man, Dvi livarni formi dlja bronzovikh nakonechnikiv stril iz zbirki Kiivs'kogo istorichnogo muzeju. Arkheologija I, 1947, 161-164 // Ф.М. Штітельман, Дві ливарні форми для бронзових наконечників стріл із збірки Київського історичного музею. Археологія I, 1947, 161-164.

Сергей Ольговский, профессор Киевского национального университета культуры и искусств, кандидат исторических наук: e-mail: olgovskiy@online.ua

Роман Зимовец

Многофигурная композиция в виде головы хищной птицы: новый образец скифского звериного стиля с территории Крыма

Keywords: Scythians, Scythian animal style, Crimea, image of predatory bird, composition, plot.

Cuvinte cheie: sciți, stil animalier scitic, Crimeea, imaginea unei păsări de pradă, compoziție, motiv.

Ключевые слова: скифы, скифский звериный стиль, Крым, образ хищной птицы, композиция, сюжет.

Roman Zymovets

Multi-figure composition in the form of the head of a predatory bird: new sample of Scythian animal style from Crimea

In The article describes the bronze plaque – part of the harness – executed in the Scythian animal style. The plaque was found in South-East Crimea. The author provides composition-iconographic, stylistic and plot analogies from the Forest-steppe and Steppe of Middle Dnieper, North Caucasus, South Urals, Lower Volga and West Kazakhstan. Based on analogies, the dating and plot-semantic interpretation of images are suggested. The author comes to the conclusion, that Crimean image must be seen in the context of relatively rare in Scythian animal style plot compositions, which translate not isolated figures of animals, but actions expressing certain mythological ideas.

Roman Zymovets

O compoziție cu mai multe figuri sub forma unui cap de pasăre de pradă: un nou exemplu de stil animalier scitic de pe teritoriul Crimeei

Articolul este dedicat unei aplice de bronz scitice – detaliu de harnașament, decorat în stil animalier, din Crimeea de Sud-Est. Sunt aduse analogii compozițional-ikonografice, stilistice și motivațional-tematice din stepa și silvostepa Niprului, Transcaucazia, Uralii de Sud, Volga Inferioară și vestul Kazahstanului. Se propune datarea și interpretarea semantică a piesei. S-a stabilit că imaginea de pe aplica descoperită în Crimeea trebuie analizată în context cu rarele compoziții în stil animalier din lumea scitică, care nu redau figuri de animale izolate, dar acțiuni care exprimă anumite reprezentări mitologice.

Роман Зимовец

Многофигурная композиция в виде головы хищной птицы: новый образец скифского звериного стиля с территории Крыма

Статья посвящена бронзовой бляхе – детали конской узды, оформленной в скифском зверином стиле, из Юго-Восточного Крыма. Приводятся композиционно-иконографические, стилистические и сюжетные аналогии из Лесостепного и Степного Поднепровья, Предкавказья, Южного Урала, Нижнего Поволжья и Западного Казахстана. Предлагается датировка и сюжетно-семантическая интерпретация изделия. Доказывается, что крымское изображение необходимо рассматривать в контексте относительно редких в скифском зверином стиле сюжетных композиций, передающих не изолированные фигуры животных, но действия, выражающие определенные мифологические представления.

В 2014 г. между сс. Кринички и Абрикосовка Кировского р-на Крыма, на пашне местными жителями была обнаружена бронзовая бляха, оформленная в зверином стиле. Впоследствии изделие было передано нам для описания жителем Старого Крыма К. Пипериди.

Длина бляхи - 4,4 см, максимальная высота - 3,1 см. С обратной стороны имеется обломанная петля, ширина которой составляет 1,3 см. Исходя из конструктивных особенностей крепления и размеров изделия, можно заключить, что оно являлось деталью конской узды, скорее всего, нащечником. Сохранность бляхи хорошая, она рав-

номерно покрыта зеленоватой стекловидной патиной (рис. 1).

Контуры бляхи формируют голову хищной птицы с загнутым волютообразным клювом, повернутую влево, ориентированную исключительно на профильный обзор. Уникальность крымскому образу придает то, что в контур «основного» изображения вписаны еще шесть головок: четыре птичьих, одна – копытного (горного козла или барана) и одна головка неопределенного существа (о его возможной видовой принадлежности – ниже). Каждая дополнительная головка является, одновременно, конструктивным элементом «основного» изображения. Они органично передают его восковицу, надклювье, клюв и щеку.

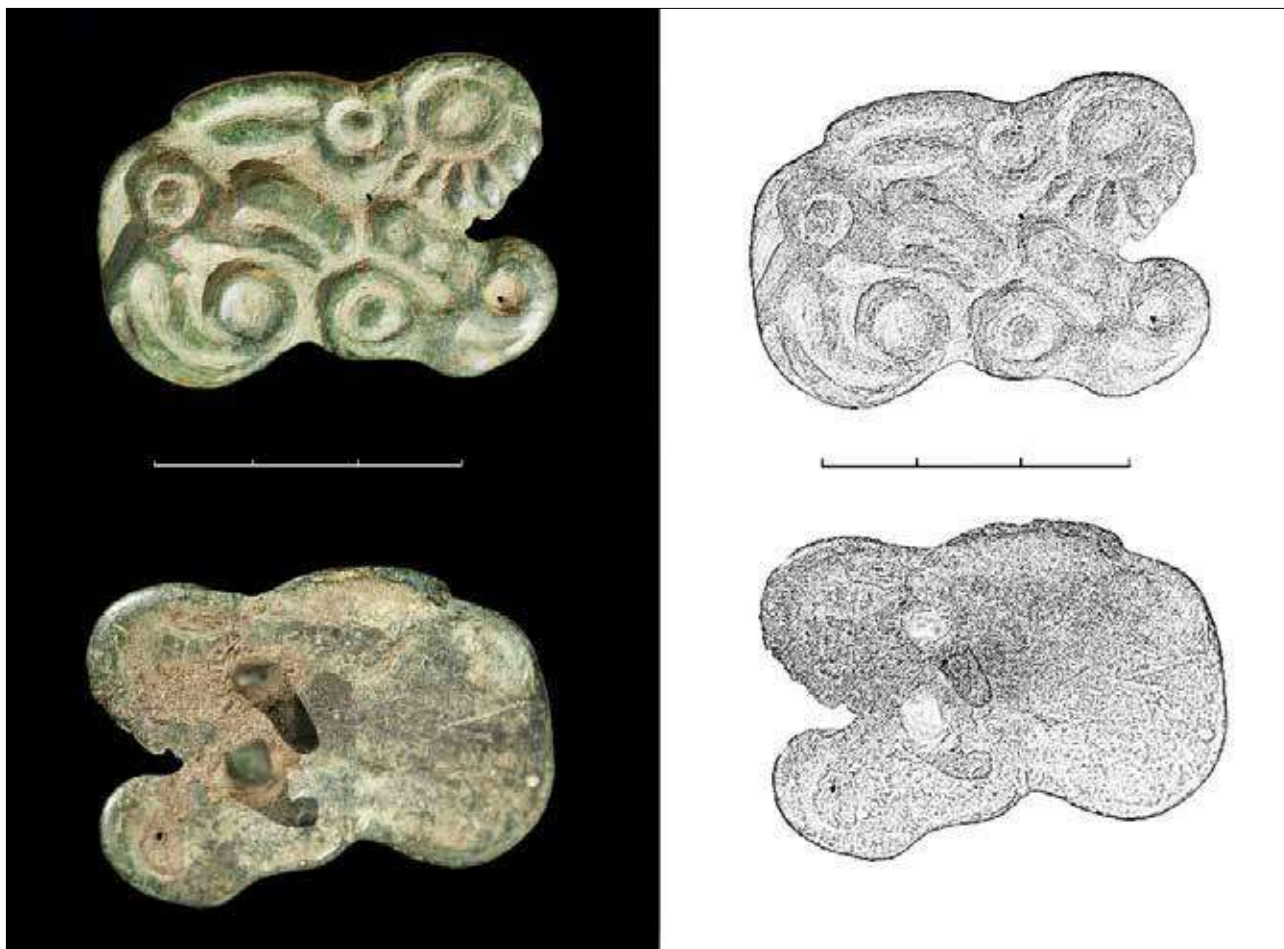

Рис. 1. Многофигурная композиция, оформленная в виде головы хищной птицы, из окрестностей Айвазовки-Криничек (здесь и далее фото и рисунки бляхи – автора).

Fig. 1. Multi-figure composition in the form of the head of predatory bird from Aivazovka-Krinichki (here and further photos and drawings of the plaque belong to the author).

В верхней части «основной» головы помещен круглый глаз. Он окантован в верхнем сегменте косыми рельефными линиями, удлиняющимися и выпрямляющимися в нижнем сегменте (здесь они напоминают «жемчужницу»). К глазу примыкает массивная восковица, трактованная в виде отдельной птичьей головки. У нее концентрический глаз – круглая выпуклая зеница лежит в глазнице, оформленной рельефным кружком. Надклювье передано дугообразной линией, подклювье – прямой, более короткой. В то же время, верхняя часть изображения передает еще один образ – голову горного козла или барана. Его глаз, одновременно, является глазом дополнительной птичьей головки, морда – ее клювом, а закрученный рог с лежащим посередине ухом – глазом основного изображения (рис. 2,1). Скорее всего, именно этим стремлением передать два разных образа объясняется необычность клюва дополнительной птичьей головки – он относительно прямой и лишь в верхней части слегка изогнут. Данной стилистике изображения козла

или барана находятся весьма близкие аналогии в Южном Приуралье, Нижнем Поволжье и Западном Казахстане. Это бронзовые бляхи из кургана № 4 могильника Бесоба в Западном Казахстане, относящегося к концу VI – 1-й половине V в. до н.э., золотая нашивная бляха из кургана № 18 Ново-Кумакского могильника (Южное Приуралье) 1-й половины V в. до н.э.; бронзовая бляха из погребения 1, кургана № 5 III Аландской группы в Южном Приуралье, бронзовая бляха – случайная находка с левобережья реки Илек [Koroļkova 2006, 180, 237, ris. 11,8-9,4,25; Ochir-Goriaeva 2012, 295, ris. 326,3] (рис. 2, 2-5). В схожей манере выполнены и головки козлов или баранов на псалях из погребения 1 у Хошеутово, правда их глаз, в отличие от предыдущих экземпляров, имеет миндалевидную форму [Ochir-Goriaeva 2012, 201-202, ris. 209, 210] (рис. 2,6). Общим для всех этих изображений головы копытного является геометризм и последовательное горизонтальное расположение носовой части, круглого глаза и круглого рубчатого рога, в середине

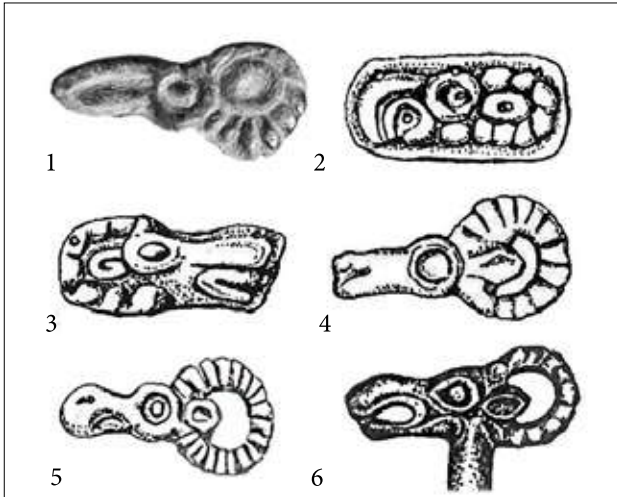

Рис. 2. Образ головы горного козла (или барана). Фрагмент бляхи из Айвазовки-Криничек; 2 - Бесоба, курган № 4 (Западный Казахстан); 3 - Ново-Кумакский могильник, курган № 18 (Южное Приуралье); 4 - III Аландская группа, курган № 5 (Южное Приуралье); 5 - Левобережье реки Илек (Западный Казахстан); 6 - погребение 1 у Хошеутово (Нижнее Поволжье) (по Korol'kova, 2006, Ochir-Goriaeva 2012). Масштаб произвольный.

Fig. 2. Image of the head of a mountain goat or ram. 1 - fragment of the plaque from Aivazovka-Krinichki; 2 - Besoba, tumulus №1 (West Kazakhstan); Novo-Kumakskij necropolis, tumulus №18 (South Urals); 4 - III Aland group, tumulus №5 (South Urals); 5 - left bank of Ilek River (West Kazakhstan); 6 - burial 1 near Hosheutovo (Lower Volga region) (according to Korol'kova 2006, Ochir-Goriaeva 2012). Freescale.

которого расположено округлое или овальное ухо и который значительно превосходит диаметр глаза. В Приднепровье имеется единственная неполная аналогия – головы баранов, расположенные на крестовидной бляхе из Ольвийского некрополя. На ее связь с более восточными регионами распространения скифского звериного стиля уже указывалось исследователями [Polidovich 2009, 482].

Надклювье и клюв «основного» изображения переданы двумя головками, объединенными общим concentрическим глазом (зеница лежит в рельефно окантованной глазнице), при этом головка-клюв перевернута по отношению к головке-надклювью. Головка, формирующая надклювье схожа с головкой-восковицей: помимо аналогичной передачи глаза у нее также – двумя линиями – показан клюв, имеющий более выраженный изгиб. Она направлена в сторону, противоположную от головы «основного» изображения. Головка, образующая клюв «основного» изображения трактована в иной манере. Ее клюв круто загнут, и образован двумя рельефными линиями, сужающимися к окончанию и закрученными в кружок.

В районе щеки размещены еще две головки. Одна – с concentрическим глазом и закрученным в кружок клювом – перевернута и направлена в сторону, противоположную по отношению к «основной». Еще одна головка расположена в основании щеки. Ее глаз образован завитком клюва перевернутой головки. От глаза отходит плоскость, на которой показаны в ряд, углублениями, два маленьких кружка. Идентификация образа весьма затруднительна в силу его абстрактности и отсутствия выраженных видовых характеристик. Представляются возможными две интерпретации. Во-первых, здесь изображена голова нехищной, водоплавающей птицы. Именно для них характерны длинные не загнутые клювы. Например, с таким клювом представлена утка на навершиях из «большого кургана №2» Малой Лепетихи [Leskov 1974, 40, ris.30] и хут. Поповка [Perevodchikova 1980, 29, ris. 3,11]. Во-вторых, таким необычным способом могла быть условно трактована голова морского конька-гиппокампа. Ему присуща длинная и узкая носовая часть и изогнутое тело (рис. 3). Следует, однако, отметить, что он не похож на образ конька-гиппокампа или так называемого «петушка», имевшего достаточно устойчивую иконографию и бытовавшего в IV в. до н.э. [Kantorovich 1992]. Это делает наше предположение уязвимым.

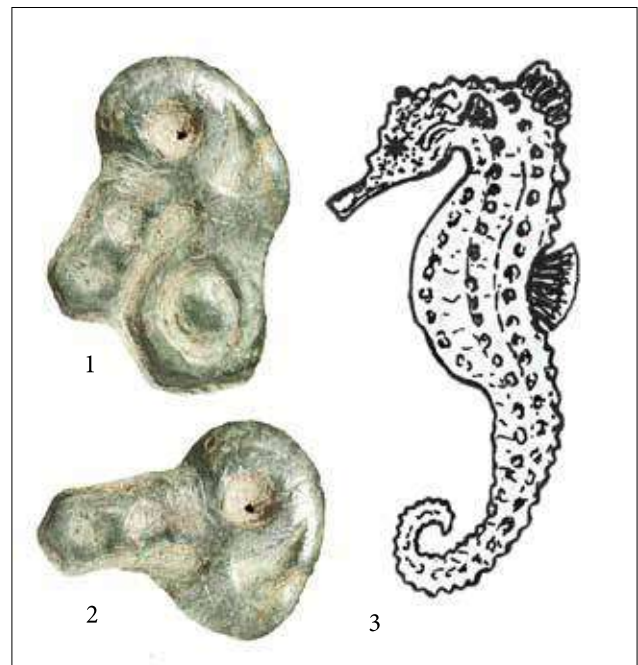

Рис. 3. Голова морского конька-гиппокампа или водоплавающей птицы. 1, 2 - фрагменты бляхи из Айвазовки-Криничек; 3 - морской конек (по Bessonova 2004).

Fig. 3. Head of Sea Horse - hippocampus or Waterfowl. 1, 2 - fragments of the plaque from Aivazovka-Krinichki; 3 - sea horse (according to Bessonova 2004).

В то же время, определенная схожесть образа на нашей бляшке (при всей его условности) и реального морского конька не позволяет отказаться от выдвинутого предположения. Кем бы ни было это существо, налицо его отличие от редуцированных образов хищных птиц. Принципиальным является тот факт, что последние передают агрессию, в то время как головка в основании щеки принадлежит явно не хищнику.

Рассматриваемая бляха, как уже говорилось, является уникальной. Ни в западной, ни в восточной «провинциях» скифского звериного стиля нам не удалось отыскать аналогий. Тем не менее, в композиционно-иконографическом, стилистическом и сюжетном аспектах наш образ примыкает к ряду известных изображений, что позволяет его атрибутировать и датировать в рамках восточноевропейского звериного стиля.

Несмотря на относительную малочисленность, многофигурные композиции все же присутствуют в скифском искусстве. Прием «многократного взаимовписывания» изображений, при котором, как правило, одно из них является доминирующим, встречается в «загадочных картинках» алды-бельской, саглынской (Тува) и тасмолинской (Центральный Казахстан) культур [Grach 1980a, 79; Grach 1980b, 71-76]. Д.Г. Савинов выделяет 6 видов композиций раннескифского искусства, включая вписывание меньших фигур в контур большей («два в одном»), которые выражали ряд мифологических (реинкарнация, переход, жертвоприношение, умножение) и обрядовых (многократность произведенного действия и множественность его участников) идей [Savinov 2012, 52-55].

Если же говорить о более близких аналогиях, то в «основном» образе крымской бляхи доста-

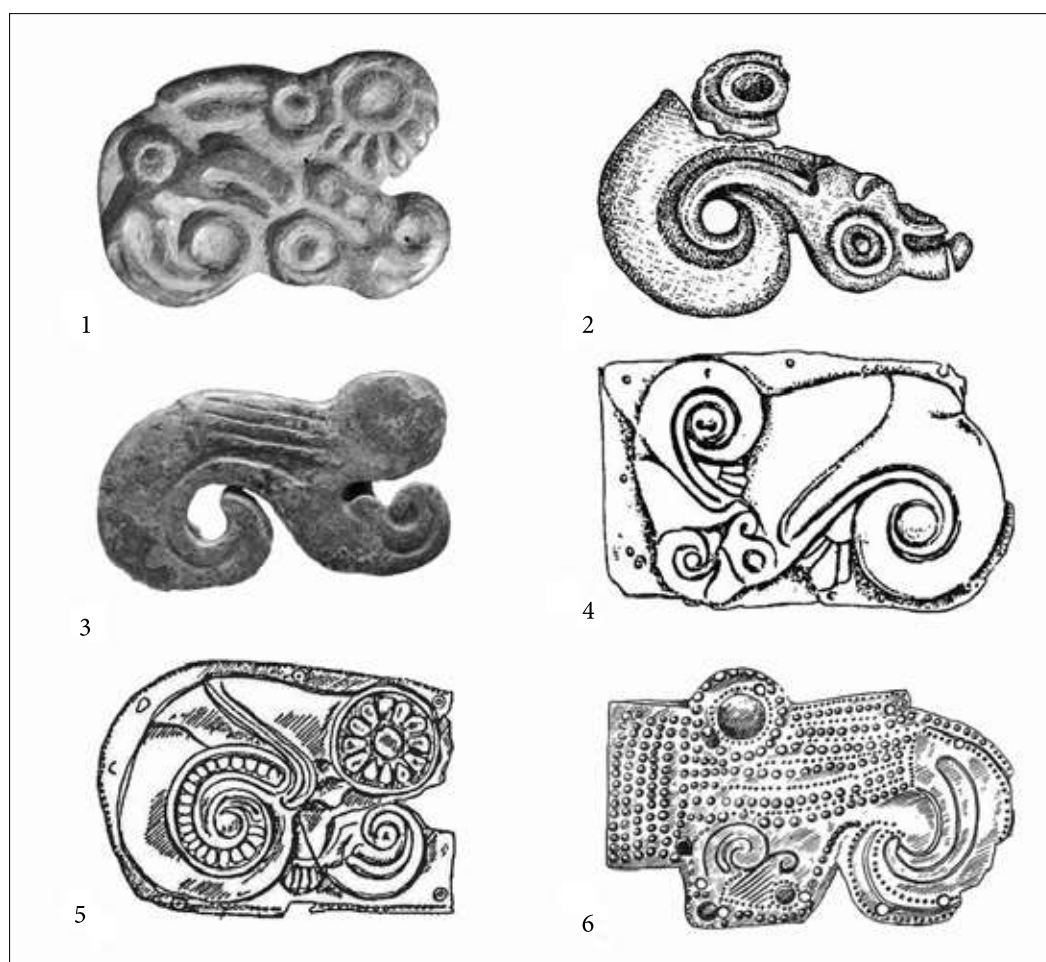

Рис. 4. Редуцированные изображения хищных птицы с перевернутой и направленной в противоположную сторону дополнительной головкой. 1 - Айвазовка-Кринички; 2 - Ульский курган №2; 3 - Головановка (Крым); 4 - I-я Завадская Могила; 5 - Яблоновка; 6 - Пекари (по Ul'skiekurgany 2015; Scoryi, Zimovets 2014; Mozolevskii 1980; Petrenko 1967; Galanina 1977). Масштаб произвольный.

Fig. 4. Reduced images of predatory bird with an inverted and oppositely directed additional head. 1 - Aivazovka-Krinichki; the Ul'ski tumulus №2; 3 - Golovanovka (Crimea); 4 - 1st Zavadskaya Mohyla, 5 - Yablonovka; 6 - Pekari (according to Ul'skie kurgany 2015; Scoryi, Zimovets 2014; Mozolevskiy 1980; Petrenko 1967; Galanina 1977). Free scale.

точно хорошо читается популярное в скифском зверином стиле Восточной Европы изображение головы хищной птицы со спирально закрученным клювом. А.Р. Канторович определяет его как «ольвийско-завадский» тип и отмечает, что часто эти изображения являются объектом зооморфных превращений: основание головы или щека трактованы дополнительной меньшей птичьей головкой [Kantorovich 2015, 648-656, 720]. Наиболее популярны изображения развернутого вниз или вверх клюва дополнительной головкой. При этом, глаз «основного» изображения является, одновременно, и глазом дополнительного. Или же, глаз «основного» изображения, одновременно, волюто-видный клюв дополнительного.

В крымском образе дополнительная головка, образующая щеку, обладает перевернутым и направленным в противоположную сторону по отношению к «основному» изображению клювом. К тому же, дополнительная головка имеет самостоятельный глаз. Такая схема встречается весьма редко, и характерна для приднепровских, крымских и, скорее всего, одного предкавказского изображения. В схожей манере (но без глаза дополнительной головкой) представлены образы на золотых обкладках деревянных чаш из кургана № 2 у с. Яблоновка Каневского уезда [Petrenko 1967, tabl. 16,4] (рис. 4,5), из кургана № 13 у Великой Знаменки [Mantsevich 1966, 29, ris. 4,29], на бронзовых навершиях из кургана № 1 у с. Защита Кировоградской области [Vokii 1970, 183, ris. 1,1-2]. Направленную в противоположную от «основной» головы дополнительную головку, но уже с самостоятельным глазом, мы находим на золотых обкладках деревянных чаш из I-й Завадской Могилы [Mozolevskii 1980, 105, ris. 47,2] (рис. 4,4), кургана № 411 у с. Пекари Каневского района [Galanina 1977, 20, tabl. 6,2] (рис. 4,6). В Крыму обнаружены два изображения в этой схеме: у сс. Головановка и Курское Белогорского р-на (последняя - фрагментирована) [Skoryi, Zimovets 2014, 117-118, kat. 346, 347] (рис. 4,3). Они оформляют бронзовые бляхи-детали конской узды. Здесь дополнительные головки также наделены отдельным глазом, что сближает их с изделием из Айвазовки-Криничек. Видимо такая же схема лежала и в основе изображения на серебряной бляхе из Ульского кургана № 2 [Ulskie kurgany 2015, 149, tabl. 8, kat. 167] (рис. 4,2). Однако ее фрагментированность не позволяет делать окончательных выводов. Если же наше наблюдение верно, то необходимо отметить, что это не единственная параллель между изображениями из Айвазовки-Криничек и Ульского комплекса.

Таким образом, несмотря на уникальность, иконографическую схему публикуемой бляхи составляет известный в Приднепровье и Крыму редуцированный образ птицы с дополнительной перевернутой и противонаправленной головкой на месте щеки.

Общая стилистика нашего изображения, переданного строго профилно, в высоком рельефе, также является весьма типичной для демонстрации образа головы хищной птицы. Несмотря на схематизм, за исключением необычного «не хищного» существа, все остальные головки, включая «основную», считываются довольно легко. Две из них, составляющие восковицу и надклювье основного изображения, имеют изогнутый, но не закрученный клюв. У головок же, образующих клюв и нижнюю часть щеки основного изображения клювы спиралевидно закручены. Второй вариант является более характерным для скифского звериного стиля. Видимо в нашем случае, относительно прямые клювы двух дополнительных головок объясняются композиционной необходимостью: головка-восковица передает, одновременно, образ головы горного козла или барана с прямой носовой частью, а головка-подклювье расположена в ограниченном пространстве основного поля. Глаз «основного» и «не хищного» изображения трактован простым рельефным кружком, с углублением в середине. Глаза остальных головок моделированы концентрически: выпуклым кружком, передающим зеницу, лежащую в окантованной рельефным кругом глазнице. Оба варианта также достаточно распространены в скифском зверином стиле.

Можно ли в рассматриваемой многофигурной композиции выделить некую сюжетную линию? Или же мы имеем дело с более-менее классической схемой головы птицы с зооморфным превращением, обогащенной дополнительными изображениями, мастерски вписанными в поле основного?

В археологии и искусствоведении достаточно давно закрепились точка зрения, в соответствии с которой для скифского звериного стиля характерны изолированные изображения, независимые от окружения и не связанные никаким действием. Немногочисленные же композиции заимствованы из искусства Древнего Востока [Perevodchikova 1994, 94, 55]¹ а «животные никогда не бывают объединены в осмысленную сцену, определенное действие» [P'inskaia 1965, 158].

¹ Исключение, по мнению автора, составляют лишь так называемые «загадочные картинки» из Тувы и Центрального Казахстана, которые хоть и передают композиции, однако остаются при этом «бессюжетными» [Perevodchikova 1994, 94-96].

Эта доминирующая позиция периодически поддается обоснованной критике. Так, еще М.И. Вязьмитина обращала внимание на то, что жаботинские изображения лося, лосих с лосятами и хищных птиц «объединены общностью выраженной в них идеи» плодородия и производительных сил природы. При этом на одной из пластин, по мнению исследовательницы, взрослый лось прогоняет хищную птицу, как бы оберегая лосенка [Viaz'mitina 1963, 160-163]. По мнению М.Н. Погребовой и Д.С. Раевского, схожий по своей семантике сюжет наблюдается и в основном поле одного из двух бронзовых наверший в виде головы хищной птицы из Ульского кургана № 2. Здесь также показана сцена противопоставления копытного (горного козла) и хищной агрессивной птицы, будто нападающей на него [Pogrebova, Raevskii 1992, 154] (рис. 5).

На наш взгляд, сюжет крымской бляхи необходимо рассматривать именно в таком контексте взаимодействия хищника (хищников) и противостоящих ему (им) нехищных существ – копытного и водоплавающего. В нашем случае, агрессивным хищным птицам в левой части изображения противопоставлен горный козел или баран и водоплавающая птица или морской конек в правой. Головы хищных птиц, моделирующие надклювье и клюв, противопоставлены головам нехищных существ. При этом, головки развернуты друг к другу, что придает всей композиции определенную напряженность в рамках в целом уравновешенного многофигурного изображения.

Параллели с упомянутым ульским навершием проявляются также в следующих моментах. Во-первых, и ульские, и крымские изображения трактованы в форме головы хищной птицы, контуры которой формируют поле для многочисленных дополнительных фигур. Во-вторых, основной сценой в рамках этого поля является противопоставление хищной птицы или грифона нехищному существу: в ульском навершии – козлу, в крымской бляхе, также козлу или барану и водоплавающей птице или морскому коньку. К тому же, в обоих случаях, голова хищной птицы (грифона) развернута в сторону, противоположную направлению головы «основного» изображения, и, как бы, «вырастает» из ее клюва. В-третьих, в основных полях размещены весьма многочисленные дополнительные изображения (на ульском навершии их 10, на крымской бляшке – 6), при этом доминируют птичьи головки.

Можно говорить и о стилистических параллелях. В этой связи особого внимания заслуживает сравнение дополнительных головок, образующих восковицу «основной» головы двух ульских навер-

Рис. 5. Лицевая сторона навершия из Ульского кургана №2 (по Ul'skie kurgany 2015).

Fig. 5. Front side of scepter from the Ul'ski tumulus №2 (according to Ul'skie kurgany 2015).

ший в виде головы хищной птицы с крымским изображением (рис. 6). Очень похоже трактован глаз, окаймленный косыми рельефными линиями или же рубчатым кантом² и выступающий за контуры головы, будучи немного отстоящим от основного массива изображения, а также клюв в виде завитка-рельефного кружка. Моделировка ульских головок рельефными линиями также находит отголосок в крымском изображении: здесь схожим образом показана дополнительная головка, передающая клюв, а клювы головки-восковицы и головки-надклювья моделированы относительно прямыми параллельными линиями. Создается впечатление, что автор крымского изображения взял за основу моделировку головок с восковицы ульских наверший, обогатив ее новыми элементами и адаптировав к известной схеме птичьей головы с зооморфной трансформацией щеки. Представляется вероятным, что он был знаком с художественной школой, в рамках которой были созданы ульские навершия. Безусловно, крымское изображение является

² Признак, свидетельствующий о переднеазиатском влиянии [Perevodchikova 2015, 66].

гораздо более условным и упрощенным, что могло быть продиктовано как временной дистанцией, так и спецификой оформляемого предмета (в первую очередь, его небольшими размерами, связанными с функциональным назначением). Но целый ряд важных деталей (общий абрис, трактовка глаза, клюва, сюжет), как мы увидели, находит несомненные параллели в ульских навершиях, в особенности в том из них, которое передает сюжет противостояния хищных птиц/грифонов и нехищного копытного.

Рис. 6. Дополнительная головка на ульском навершии и крымское изображение (по Ul'skie kurgany 2015). Масштаб произвольный.

Fig. 6. Additional head in scepter from the Ul'ski tumulus and Crimean image (according to Ul'skie kurgany 2015). Free scale.

Весьма вероятно, что крымское многофигурное изображение в виде головы хищной птицы, содержащее сцену противостояния хищных и нехищных существ, также как и ульское, отражает некое общее мифологическое представление скифов, связанное с оппозицией мира живых и мира мертвых. Как известно, хищная птица, несущая смертоносное начало, в репертуаре скифского звериного стиля может маркировать, одновременно, как «верхний», так и «нижний» миры. Оба сопоставимы друг с другом как миры мертвых, противостоящие миру живых [Raevskii 2006, 393]. Последнему соответствует образ копытного и водоплавающей птицы или морского конька³. В любом случае, как бы ни трактовался конкретный образ, налицо бинарная оппозиция хищных и нехищных начал, а также неба/воздуха – земли и неба/воздуха – воды. Основная же фигура, в поле которой размещены фигуры-представители различных миров, может трактоваться как «космическое тело» - олицетворение мироздания [Raevskii 2006, 408-410] или же, как способ разрешения демонстрируемого «конфликта» за счет выделения более крупной, главной фигуры, доминирующего персонажа [Savinov 2012, 55]. И в этом – еще одна важная сюжетная и семантическая параллель с навершием из Ульского кургана № 2.

Крымская бляха должна датироваться по композиционно-иконографическим и стилистическим аналогиям, имеющим надежную объективную хронологию. Таковыми являются: навершия из ульского кургана № 2, датируемые 2-й пол. VI в. до н.э.

³ О семантике образа морского конька и его возможном отношении к «волшебным коням», связанным с культом Посейдона у «царских скифов», смотрите: [Bessonova 2004].

[Erlikh 2015, 122], золотые обивки сосуда из кургана № 14 у Великой Знамянки – сер. V в. до н.э. [Bidzilia, Polin 2012, 513], I-й Завадской Могилы – 450-425 гг. до н.э. [Aleksseev 2003, 259, 296]. Предметы из разрушенного кургана у с. Защита Н.М. Бокий относит, по стилистическим аналогиям, к началу V в. до н.э. [Bokii 1970, 189]. Таким образом, рассматриваемое изделие можно датировать 2-й пол. VI-V вв. до н.э., вероятнее всего, V в. до н.э.

Как было продемонстрировано, схема птичьей головки с зооморфным превращением щеки, лежащая в основе крымского изображения, типична для восточноевропейского варианта скифского звериного стиля. Однако конкретная вариация данного типа – перевернутая по отношению к «основному» изображению и направленная в противоположную сторону дополнительная птичья головка – встречается весьма редко, и зафиксирована в Среднем и Нижнем Поднепровье и в Крыму (возможно, также, в Ульском кургане № 2). Сюжетность и стилистика сближают крымское изображение с образами из Ульского кургана № 2. Передача же на крымском изделии дополнительной головы козла или барана демонстрирует влияние южно-уральских, нижеволжских и западноказахстанских традиций редуцированной трактовки этого образа. Таким образом, можно сделать вывод о местном средне- или ниже-приднепровском, возможно, крымском происхождении рассматриваемого образа, с явным влиянием предкавказских – ульских – образцов и адаптацией некоторых элементов южно-уральской, нижеволжской и западноказахстанской традиции.

Изображение из Айвазовки-Криничек является ярким образцом изделия в лучших традициях скифского звериного стиля, но главное, оно рас-

ширяет наше представление о сюжетности скифского искусства, его способности передавать не только обособленные изображения животных, но и сложные композиции, выражающие действия и стоящие за ними мифологические представления.

Библиография

- Alekseev 2003:** A.Iu. Alekseev, *Khronografiia Evropeiskoi Skifii VII-IV vv do n.e.* (Sankt-Petersburg 2003) // А.Ю. Алексеев, *Хронография Европейской Скифии VII-IV вв. до н.э.* (Санкт-Петербург 2003).
- Bessonova 2004:** S.S. Bessonova, *Krylatyikon' – gippokamp – morskoj konek I skifskii Poseidon. Starozhitnosti Stepovogo Prychornomor'ia i Krymu XI* (Zaporizhzhia 2004), 25-30 // С.С. Бессонова, *Крылатый конь – гиппокамп – морской конек и скифский Посейдон. Старожитности Степового Причерномор'я и Крыму XI* (Запорижжя 2004), 25-30.
- Bidzilia, Polin 2012:** V.I. Bidzilia, S.V. Polin, *Skifskii tsarskii kurgan Gaimanova Mogila* (Kiev 2012) // В.И. Бидзилия, С. В. Полин, *Скифский царский курган Гайманова Могила* (Киев 2012).
- Bokii 1970:** N.M. Bokii, *Novi pam'iatki skifs'kogo zvirinogo stilii z Kirovogradshchini. Arkheologiiia*, XXIII, 182-189 // Н.М. Бокій, *Нові пам'ятки скіфського звіриногo стилю з Кіровоградщини. Археологія*, XXIII, 182-189.
- Erlikh 2015:** V.R. Erlikh, *Raskopki kurgana Ul'skoi gruppyv 2007 g.* In: (ed. A.I. Ivanchik, A.M. Leskov) *Ul'skie kurgany. Kul'tovo-pogrebal'nyi kompleks skifskogo vremeni na Severnom Kavkaze* (Moskva-Berlin-Bordo 2015), 117-135 // В.Р. Эрлих, *Раскопки кургана Ульской группы в 2007 г.* In: (ред. А.И. Иванчик, А.М. Лесков) *Ульские курганы. Культново-погребальный комплекс скифского времени на Северном Кавказе* (Москва-Берлин-Бордо 2015), 117-135.
- Galanina 1977:** L.K. Galanina, *Skifskie drevnosti Podneprov'ia. SAI, D1-33, 1977* // Л.К. Галанина, *Скифские древности Поднепровья. САИ, Д1-33, 1977.*
- Grach 1980a:** A.D. Grach, *Drevnie kochevniki v tsentre Azii* (Moskva 1980) // А.Д. Грач, *Древние кочевники в центре Азии* (Москва 1980).
- Grach 1980b:** A.D. Grach, *Reznye kompozitsii v iskusstve Tuvy skifskogo vremeni. Noveishie issledovaniia po arkheologii Tuvy I etnogenezu tuvintsev* (Kyzyl 1980), 71-76 // А.Д. Грач, *Резные композиции в искусстве Тувы скифского времени. Новейшие исследования по археологии Тувы и этногенезу тувинцев* (Кызыл 1980), 71-76.
- P'inskaia 1965:** V.A. P'inskaia, *Nekotorye motivy ranneskifskogo zverinogo stilii. SA, 1, 86-107*// В.А. Ильинская, *Некоторые мотивы раннескифского звериного стиля. СА, 1, 86-107.*
- Kantorovich 1992:** A.R. Kantorovich, *"Petushki" – odin iz obrazov zverinogo stilii stepnoi Skifii. Grakovskie chteniia na kafedre arkheologii MGU* (Moskva 1992) // А.Р. Канторович, *«Петушки» - один из образов звериного стиля степной Скифии. Граковские чтения на кафедре археологии МГУ* (Москва 1992).
- Kantorovich 2015:** A.R. Kantorovich, *Skifskii zverinyi stil' Vostochnoi Evropy: klassifikatsiia, tipologiia, khronologiia, evolutsiia. Dis. ... d-ra ist. nauk* (Moskva 2015) // А.Р. Канторович, *Скифский звериный стиль Восточной Европы: классификация, типология, хронология, эволюция: Дис. ... д-ра ист. наук* (Москва 2015).
- Korol'kova 2006:** E.F. Korol'kova, *Zverinyistil' Evrazii. Iskusstvo plemen Nizhnego Povolzh'ia i Iuzhnogo Priural'ia v skifskuiu epokhu* (VII-IV vv. do n.e.). *Problemy stilya I etnokulturnoj prinaldzhnosti* (Sankt-Petersburg 2006) // Е.Ф. Королькова, *Звериный стиль Евразии. Искусство племен Нижнего Поволжья и Южного Приуралья в скифскую эпоху* (VII-IV вв. до н.э.). *Проблемы стиля и этнокультурной принадлежности* (Санкт-Петербург 2006)
- Leskov 1974:** A.M. Leskov, *Scarbi kurganiv Khersonshchini* (Kiiv 1974) // А.М. Лесков, *Скарби курганів Херсонщини* (Київ 1974).
- Mantsevich 1966:** A.P. Mantsevich, *Dereviannye sosudy skifskoi epokhi. ASGE, 8, 23-38* // А.П. Манцевич, *Деревянные сосуды скифской эпохи. АСГЭ, 8, 23-38.*
- Mozolevskii 1980:** B. N. Mozolevskii, *Skifskie kurgany v okrestnostiakh g. Ordzhonikidze na Dnepropetrovshchine* (raskopki 1972-1975 gg.). *Skifiya i Kavkaz*(Kiev 1980), 70-154 // Б. Н. Мозолевский, *Скифские курганы в окрестностях г. Орджоникидзе на Днепропетровщине* (раскопки 1972-1975 гг.). *Скифия и Кавказ* (Киев 1980), 70-154.
- Ochir-Goriaeva 2012:** M.A. Ochir-Goriaeva, *Drevnie vsadniki stepei Evrazii* (Moskva 2012) // М.А. Очир-Горяева, *Древние всадники степей Евразии* (Москва 2012).
- Perevodchikova 1980:** E.V. Perevodchikova, *Evolutsiia I tipologiia skifskikh navershii. SA, 2, 23-44*// Е.В. Переводчикова, *Эволюция и типология скифских наверхий. СА, 2, 23-44.*
- Perevodchikova 1994:** E.V. Perevodchikova, *Iazyk zverinykh obrazov* (Moskva 1994) // Е.В. Переводчикова, *Язык звериных образов* (Москва 1994).
- Perevodchikova 2015:** E.V. Perevodchikova, *Proizvedeniia skifskogo zverinogo stilyai z Ul'skikh kurganov.* In: (ed. A.I. Ivanchik, A.M. Leskov) *Ul'skie kurgany. Kul'tovo-pogrebal'nyi kompleks skifskogo vremeni na Severnom Kavkaze* (Moskva-Berlin-Bordo 2015), 64-68 // Е.В. Переводчикова, *Произведения скифского звериного стиля из Ульских курганов.* In: (ред. А.И. Иванчика, А.М. Лесков) *Ульские курганы. Культново-погребальный комплекс скифского времени на Северном Кавказе* (Москва-Берлин-Бордо 2015), 64-68.

- Petrenko 1967:** V.G. Petrenko, Pravoberezh'è Srednego Podneprov'ia v V-III vv. do n.e. SAI, D1-4, 1967 // В.Г. Петренко, Правобережье Среднего Поднепровья в V-III вв. до н.э. САИ, Д1-4, 1967.
- Pogrebova, Raevskii 1992:** M.N. Pogrebova, D.S. Raevskii, Rannie skify I drevnii Vostok (Moskva 1992) // М.Н. Погребова, Д.С. Раевский, Ранние скифы и древний Восток (Москва 1992).
- Polidovich 2009:** Iu.B. Polidovich, Krestovidnaia bliakha iz arkhaiskogo nekropolia Ol'vii v kontekste skifskogo "zverinogo stilia". Bosporskii fenomen. Iskusstvo na periferii antichnogo mira. Mat-ly mezhdunar. nauch. konferentsii (Sankt-Petersburg 2009) // Ю.Б. Полидович, Крестовидная бляха из архаического некрополя Ольвии в контексте «звериного стиля». Боспорский феномен. Искусство на периферии античного мира: Мат-лы междунар. науч. конференции (Санкт-Петербург 2009).
- Raevskii 2006:** D.. Raevskii, Mir skifskoj kul'tury (Moskva 2006) // Д.С. Раевский, Мир скифской культуры (Москва 2006).
- Savinov 2012:** D.G. Savinov, Izobrazitel'nye pamiatniki ranneskifskogo vremeni: iskusstvo kompozitsii. Izobrazitel'nye i tekhnologicheskie traditsii v iskusstve Severnoi Tsentralnoi Azii. Trudy SAIPI, IX, 2012, 35-55 // Д.Г. Савинов, Изобразительные памятники раннескифского времени: искусство композиции. Изобразительные и технологические традиции в искусстве Северной и Центральной Азии. Труды САИПИ, IX, 2012, 35-55.
- Skoryi, Zimovets 2014:** S.A. Scoryi, R.V. Zimovets, Skifskie drevnosti Kryma. Materialy odnoi kolleksii (Kiev 2014) // С.А. Скорый, Р.В. Зимовец, Скифские древности Крыма. Материалы одной коллекции (Киев 2014).
- Ul'skie kurgany 2015:** Ul'skie kurgany. Kul'tovo-pogrebal'nyi kompleks skifskogo vremeni na Severnom Kavkaze (ed. A.I. Ivanchik, A.M. Leskov) (Moskva-Berlin-Bordo 2015) // Ульские курганы. Культурно-погребальный комплекс скифского времени на Северном Кавказе (ред. А.И. Иванчик, А.М. Лесков) (Москва-Берлин-Бордо 2015).
- Viaz'mitina 1963:** M.I. Viaz'mitina, Rannie pamiatniki skifskogo zverinogo stilia. SA, 2, 158-170 // М.И. Вязьмитина, Ранние памятники скифского звериного стиля. СА, 2, 158-170.

Роман Зимовец, кандидат философских наук, Отдел философии культуры, этики и эстетики Института Философии им. Г.С. Сковороды НАН Украины, 02000, Украина, г. Киев, ул. Трехсвятительская, 4, Институт философии НАН Украины; тел.: +38(050) 3345131, e-mail: romanzimovets@gmail.com.

Алексей Романчук

Происхождение клятв русов «оружьем и обручем»: славянские, германские и кельтские параллели

Keywords: oath, weapon, rings, Slavs, Old Russians, Scandinavians, Germans, Celts

Cuvinte cheie: jurământ, armă, inele, brățări, slavi, ruși vechi, scandinavi, germani, celți

Ключевые слова: клятва, оружие, кольца, славяне, русь, скандинавы, германцы, кельты

Aleksey Romanchuk

The origin of "rings and weapons" oaths of Old Russians: Slavic, Germanic and Celtic parallels

Origin of "rings and weapons" oaths of X century's Old Russians is considered by comparative analysis of Germanic and Slavic traditions. It was demonstrated that many Slavic peoples used oaths by weapons. For some of them (Serbs, Bulgarians, Slovaks, Czechs) it is impossible to explain these oaths by Scandinavian influence. Celts used oaths by weapons too. The comparison between Slavic and Germanic traditions of oaths by weapons demonstrates some essential differences in the key semantic and ritual details. The Old Russian oaths by weapons are closely to Slavic tradition.

"Ring oath" exists in Slavic tradition of betrothal. The analysis of linguistic and ethnographic data allows us to suppose the for-Slavic origin of this ring's oath. Besides, we can think that this is a reminiscence of a previously existed Slavic tradition of "ring oaths" in some other contexts as well. Celts and Romans uses rings in betrothal too; Celts swear by torques. All these facts make us thinking that oaths by rings were common for many Indo-European peoples too.

The comparison between Old Russians' and Germanic oaths by rings shows the important difference too. Namely, Old Russians swear by their own rings taking them off and putting down on the ground. In contrast, Scandinavians (as well as all Germans) swear on sanctuary rings, putting them on for a ritual of oath. It looks like the Old Russians' "rings and weapons" oath appeared as a result of their longtime contacts with Slavs.

Alexei Romanciuc

Originea jurămintelor rușilor "cu armă și brățară": paralele slave, germane și celtice

Originea jurămintelor rușilor "cu armă și brățară" este examinată prin analiza comparativă a tradițiilor de jurământ a germanilor și slavilor. S-a demonstrat că la diferite popoare slave este atestat jurământul cu arma. Printre altele și la sîrbi, bulgari, cehi și slovaci – ce este imposibil de explicat prin influența scandinavă. Jurământul cu armă a existat și la celți. Comparăția dintre tradițiile slave și cele germanice (inclusiv a scandinavilor) a jurământului cu armă arată că există o diferență esențială dintre ele în nuanțe semantice și rituale importante. Jurământul cu armă a rușilor vechi este mai apropiat de tradiția slavă.

Jurământul cu inele există în tradiția slavă la logodnă. Analiza datelor lingvistice și etnografice ne permite să considerăm că este o tradiție slavă veche. De asemenea, este foarte probabil că jurământul cu inele la logodnă reprezintă o reamintire a tradiției jurământului cu inele (brățări) în mai multe contexte, care a existat la slavi anterior. Dar folosirea inelelor la logodnă la celți și la romani, alături cu jurământul cu torques la celți, ne permite să considerăm că jurământul cu inele tot a existat anterior la mai multe popoare indoeuropeene.

Comparăția jurământului rușilor cu brățări și a tradiției asemănătoare a germanilor demonstrează o diferență esențială dintre ele. Anume, rușii când făceau jurământul cu brățări, le scoteau de pe ei și le puneau pe pământ. Dar scandinavii, ca și alți germani, fac jurământul cu brățări de sanctuar, îmbracă aceste brățări special pentru ritualul de jurământ. Așadar, putem să concludem că jurământul rușilor de fapt s-a format ca rezultat al relațiilor lor îndelungate cu slavii.

Алексей Романчук

Происхождение клятв русов «оружьем и обручем»: славянские, германские и кельтские параллели

Происхождение клятв русов X в. «оружьем и обручем» рассматривается методом сравнительного анализа германской и славянской традиций. Показано, что у различных славянских народов была клятва оружием. В том числе и у тех (сербов, болгар, словаков, чехов), где ее никак нельзя объяснить скандинавским влиянием. Клятва оружием фиксируется и у кельтов. Сопоставление славянской и германской клятв оружием показывает наличие радикальной разницы между ними в ключевых смысловых и обрядовых нюансах. Клятва русов оружием ближе как раз к славянской традиции.

Клятва на кольцах представлена в славянской традиции при обручении – и, анализ лингвистических и этнографических данных позволяет говорить о ее праславянском происхождении. А также предполагать, что она представляет собой реминисценцию существовавшей в до-христианское время у славян клятвы на кольцах и в иных

контекстах. Использование кольца при обручении у кельтов и римлян, а также клятва кельтов на *torques* (шейной гривне) позволяет думать, что и клятва на кольцах была характерна для многих индоевропейских народов.

Сопоставление же клятв русов «обручем» и германской традиции клятв на кольцах позволяет заметить наличие важного обрядового отличия между ними: русы клянутся «обручем», слагая его с себя – тогда как скандинавы (и вообще германцы) клянутся на алтарных кольцах, одевая их специально для клятвенной церемонии. Вероятно, клятва русов «оружьем и обручем» сложилась как раз в результате их длительного взаимодействия со славянами.

Введение

Клятвы русов, известные по ПВЛ (они приносят их в процессе заключения князьями Олегом, Игорем и Святославом договоров с греками), имеют длительнейшую историю исследований и обширную историографию. Из относительно недавно вышедших стоит особо отметить прекрасные работы Е. А. Мельниковой (2008; 2012; 2014) – в которых так или иначе упомянуты и важнейшие представители предшествующей историографии. А также очень интересные статьи А.А. Фетисова [Fetisov 2002], П.С. Стефановича [Stefanovich 2006], А.М. Введенского [Vvedenskii 2006], А.А. Роменского [Romenskii 2016], В.С. Кулешова [Kuleshov 2017].

Надо заметить, что доминирующая в историографии точка зрения заключается в том, что клятвы русов имеют скандинавское происхождение.

При этом, сторонники скандинавского происхождения клятв русов обычно учитывают исключительно германский (или даже уже – только скандинавский) контекст. И фактически молчаливо исходят из того, что в славянском контексте аналогии этим клятвам обнаружены быть не могут.

Впрочем, некоторые из сторонников скандинавского происхождения клятв русов последнюю идею даже прямо и весьма безапелляционно высказывают: «Очевидно, что клятвы русов не имеют ничего общего с клятвами славян» [Gubarev 2013, 243]. Или: «Как убедительно показал О.Л. Губарев, в русской клятве Хв. нет и славянских следов» [Kuleshov 2017, 257].

Однако это утверждение (заключительный вывод статьи О.Л. Губарева) совершенно очевидно является ошибкой, и основано попросту на незнании (или игнорировании) славянского контекста. Поскольку, в частности, клятвы на оружии у различных славянских народов хорошо известны – и (что очень важно) нет никакой возможности связать эти славянские клятвы со скандинавским влиянием.

Поэтому, в данной статье я как раз и хотел бы рассмотреть и сопоставить одновременно и германский (а не только скандинавский), и славянский, а также – кельтский, контексты клятв «оружьем и обручем». Полагаю, что воссоздав для себя целостную картину, мы сможем более

адекватно оценивать и проблему происхождения клятв русов.

Клятвы оружием: славяне, германцы и кельты

Итак, давайте посмотрим подробнее, и начнем с клятв на оружии – и со славян.

Прежде всего, уже словарная статья «Клятва» во втором томе научной энциклопедии «Славянские древности: этнолингвистический словарь» приводит весьма любопытную информацию: «в послании папы Николая I болгарскому царю Борису (IX в.) указывается, что болгары клялись перед положенным перед собой мечом. В народной традиции бытовала К[лятва] над заряженным ружьем (укр., серб.). У болгар клятва утверждалась целованием топора» [Belova 1999, 513].

Впрочем, процитируем некоторые первоисточники этой информации – излагающие ее более развернуто, и с существенными для нас дополнениями.

Итак, «клятва на оружии была и у болгар, как показывают *Responsa ad consulta Bulgarorum* папы Николая I: *Perhibetis vos consuetudinem habuisse quotiescumque aliquem iure iurando pro qualibet re disponebatis obligare, spatham in medium afferre et per eam iuramentum agebatur. Act. Cons. V. 375. Cap. 67.* На память о клятве оружием остаются у болгар и у сербов многие заклинания ... У чехов и словаков есть тоже подобные заклинания ... *Sekerou hazeti* – бросать секиру – значит у них клясться» [Sreznevskii 1893, 1236].

Важная информация о клятвах на оружии у сербов, чехов и словаков сообщается А. Н. Афанасьевым [Afanasev 1865, 273]. Здесь же он упоминает о наблюдении А.Ф. фон Рейца, когда один из русских крестьян при споре с другим предложил дать клятву на оружии; эти сведения полвека спустя процитировал Н. П. Павлов-Сильванский [Pavlov-Sil'vanskii 1988, 500].

Среди украинских казацких и болгарских проклятий мы видим такие, которые апеллируют к «ясным мечам» или «первой сабле» [Sumtsov 1896, 11]. Сербские песни о Марко Краевиче также дают нам яркие примеры сбывающихся проклятий о смерти злодея от собственного оружия («Королевич Марко узнает отцовскую саблю»). Очень

обширная и важная информация об апелляции к оружию в формулах угроз и проклятий в заговорах у славян собрана в [Vinogradova 2005, 425-440].

Здесь необходимо подчеркнуть, что проклятия и заклятия – представляют собой фактически инвариант клятвы: «клятва – это то же проклятие, но обращенное на субъекта, на говорящего» [Sumtsov 1896, 11; см. также: Belova 1999, 513; ESSJA 10, 39], и потому – весьма ценный источник информации о собственно клятве.

На некоторые славянские параллели клятв русов обращал внимание и П. С. Стефанович [Stefanovich 2006, 398-399, prim. 57]. Помимо того же письма папы Николая («о клятве болгар (правда, неясно, славянского или тюркского происхождения)», он указывает (со ссылкой на И. Дуйчева, который «наиболее последовательно отстаивал точку зрения об общеславянском характере клятвы оружием») также на сведения Козьмы Пражского о клятве оружием князя лучан Властимила (Властимил клянется «рукою меча» [КР 1962, 49]), и на сообщение Галла Анонима о клятве моравского князя Святополка польскому Болеславу Кривоустому «соединившись с ним одним щитом».

И, П. С. Стефанович также подчеркнул, что именно «клятва болгар наиболее близка древнерусской, так как они также клали мечи на землю».

Письмо папы Николая особо выделил и А.А. Фетисов [Fetisov 2002, 44]. Однако, он сопоставил его сведения с информацией о клятве оружием у авар, и связал клятву оружием у болгар с прото-болгарским компонентом в их этногенезе.

Правда, как раз тюркских параллелей (за исключением авар) клятве болгар А.А. Фетисов не приводит. Но такие параллели действительно существуют – именно, у башкир и тувинцев.

Так, «у тувинцев, когда договор о мире или побратимстве скрепляется клятвой и лизанием стрелы, сабли, ножа» [Bagautdinova 2001, 99]. У башкир существовал обычай 'подвержение суду стрелы'.

Тем не менее, несмотря на наличие этих тюркских параллелей, все же кажется более оправданным связывать существование этой (по крайней мере) клятвы оружием у болгар именно со славянским компонентом их этногенеза.

На мой взгляд, в пользу такого вывода свидетельствует, во-первых, то, что как клятва авар, так и прочие известные мне тюркские параллели структурно (притом в, как увидим ниже, важнейшем аспекте) все же отличаются от клятвы болгар. Ни в одной из них нет сложения оружия на землю. И, наоборот, по крайней мере в двух тюркских традициях зафиксировано требование к прикосновению ртом\лизанию оружия.

Во-вторых – мы видим наличие параллелей (притом структурно идентичных и отличающихся от тюркских традиций) клятве оружием у других, помимо болгар, славянских народов.

Впрочем, даже если оставить клятву болгар под вопросом, это никак не отменит прочих славянских параллелей. Поэтому, думаю, приведенной информации уже достаточно, чтобы сделать вполне определенные выводы.

Именно: как мы видим, клятва оружием действительно представлена у большинства (по крайней мере – если не всех) славянских народов. Притом, среди этих славянских народов и такие (болгары, сербы, словаки, чехи) – для которых ни о каком скандинавском влиянии, очевидно, и говорить не приходится.

И это, собственно, ключевой момент. Даже если допустить, что клятвы оружием славянских народов – все же появились в результате их взаимодействия с различными тюркскими и угорскими группами, которое имело место и было очень тесным в течении V-IX вв.¹

Однако, все же, полагаю, славянская традиция клятв оружием имеет самостоятельный статус, и равно не связана также и с тюркским (или угорским) влиянием. И здесь, вслед за П. С. Стефановичем (и рядом его предшественников в этом отношении), и развивая данную мысль, обратим особое внимание: в цитированных клятвах различных славянских народов оружие тоже ложилось на землю – как и в засвидетельствованных в ПВЛ клятвах русов. Более того, чешский и словацкий материал свидетельствует даже о том, что положение оружия на землю имело центральный (или один из центральных) смысл в этом славянском обряде принесения клятвы – что, видимо, и выразилось в формировании у чехов и словаков формулы «бросить секиру» [на землю] в значении 'клясться'.

По всей видимости, центральное значение положения оружия на землю в славянских клятвах связано с тем, что, по «наиболее вероятной (в том числе реально-семантически)» этимологии (предложенной А. Брюкнером) славянское **klęti* (sę) 'проклинать, клясться' связано с праславянским глаголом **kloniti* (sę) 'склоняться': «славянин во

¹ Угорские параллели не стоит упускать из виду не только в связи с многократно обсужденной информацией о клятве оружием у остяков [Mansikka 2005, 75]. Но и в свете сведений, которые как будто в контексте проблемы клятв русов вниманием сегодня обходят – клятву вогулов: «А крепость их: пьют с золота ...» [Pavlov-Sil'vanskii 1988, 499, prim. 60]. Т.е., гипотетическому «питью с золота» в клятве русов имеются не только тюркские – но и угорские параллели.

время клятвы склонялся до земли, касаясь ее рукой» [ESSJA 10, 38, 66-68].

Разумеется, клятва оружием у славян – лишь одна из разновидностей используемых ими клятв. Но в этом отношении славяне ничем принципиально не отличаются от, например, тех же скандинавов [Svanidze 2014, 630-631; Sumtsov 1896, 10; Pavlov-Sil'vanskii 1988, 489; Riisoy 2016, 141-146].

Продолжая о клятвах славян оружием, коснусь отдельно еще и такой, популярной у славян клятвы, как клятва камнями. Именно, того, что, как можно предположить, по крайней мере в некоторых контекстах эта клятва была тоже изначально связана как раз с клятвами Перуном – и оружием.

В пользу такого предположения служит то, что связь камня и бога-громовержца в индоевропейской вообще и славянской, в частности, традициях была раскрыта и убедительно аргументирована уже достаточно давно: «Оружием Перуна обычно являются камни» [Ivanov, Toporov 1974, 85]; ср. также: «Камень – оружие карающего бога, Перуна ...» [Levkievskaiia, Tolstaia 1999, 452]. Причем, любопытно, что камень как оружие бога-громовержца – именно самый архаичный вариант индоевропейского мифа [Ivanov, Toporov 1974, 96]. Позднее, по мере технического прогресса, его сменяли другие виды оружия громовержца – вплоть до мушкетов и дустволок.

Для нас здесь существенно, что, в частности, у римлян мы находим как раз клятву Юпитером Камнем: «Клятва Юпитером Камнем ... утверждающий клятвою договор берет в руку камень и, поклявшись ..., произносит такие слова: "... да буду повергнут, как этот камень". При этих словах произносящий клятву кидает камень» [Polibii, kn.III, gl. 25, 6-9].

Наличие этих римских параллелей (при, как увидим ниже – существовании ярко выраженной клятвы оружием у кельтов), кстати, позволяет вообще думать, что клятва оружием – традиция общеиндоевропейская. В пользу такого вывода свидетельствует, полагаю, и греческий материал – на который, кажется, ранее в контексте клятв русов тоже никто еще внимания не обращал. Именно – клятвы эфебов: «в первый год эфебии Э[фебы] приносили в храме Аглавры, в присутствии членов своих демонов, клятву, обязуясь не позорить священного оружия, ... и чтить богов своих предков» [Obnorskii 1904, 203].

По всей видимости (и принимая в расчет как раз и клятву эфебов), клятвы оружием были у индоевропейских народов изначально характерны для воинских мужских союзов; позднее – для дружинной среды и, в целом, «людей войны».

Что любопытно: среди богов, которые скрепляют клятву эфебов, на первом месте стоят Аглавра и Зевс. А по одному из мифов об Аглавре – она была обращена в камень.

Последнее, возможно, и случайное совпадение. А возможно – здесь мы опять видим проявление глубинной связи бога-громовержца, клятвы оружием и символики камня в индоевропейской традиции.²

Возвращаясь к клятвам славян оружием, остановимся еще на такой детали клятв русов, которая прямо не относится к клятвам оружием – но имеет важное значение для уяснения происхождения этой клятвы. Именно, то, что русы клянутся безусловно славянскими божествами, Перуном и Велесом.

Наилучшее здесь, как мне кажется, объяснение – что к моменту заключения договоров с греками русы были уже настолько славянизированы, что веровали в славянских Перуна и Велеса.³ Тем более, что в тексте ПВЛ, собственно, и абсолютно недвусмысленно указывается, что русы клянутся «по закону русскому, по вере и по обычаям нашим». Следовательно, славянские Волос и Перун – именно свои боги для русов, притом – наиважнейшие, те, которыми они клянутся.⁴

² Кстати: и в «Саге о Ньяле» при описании смерти Атли от собственного меча сначала «кто-то попал Атли камнем в руку и он выронил меч» [Fetisov 2002, 40].

³ Заметим, что «... славянский вариант договора составлялся сразу в момент их заключения, или, по крайней мере, восходит к X в.» [Stefanovich 2013, 22]. Также, ряд исследователей (особенно убедительной, как я уже отмечал [Romanchuk 2016, 68], мне представляется аргументация А.А. Гиппиуса) постарались показать, что в основе нарративного ядра ПВЛ лежала устная традиция, основанная на дружинном предании – т.н. «Древнейшее сказание» [Gippius 2012, 51-54, 58-61]. Как полагает А.А. Гиппиус, оно было записано на рубеже X-XI вв., возможно даже – еще при жизни Владимира Святославовича. И, не думаю, что носители этого дружинного предания запамятовали бы столь принципиальный для них момент, как то, какими богами клялись их старшие товарищи всего полвека назад.

⁴ В контексте рассуждений о нехарактерности «обычая клясться своими богами» для славян [Mansikka 2005, 75; Gubarev 2013, 240] замечу, что сам О.Л. Губарев цитирует сообщение Гельмольда (с комментарием А.А. Котляревского), из которого недвусмысленно следует, что в наиболее важных случаях балтийские славяне тоже клялись как раз богами. И вряд ли договор с греками кто-то сочтет случаем неважным. Вообще же, у всех славян фиксируются клятвы с апелляцией к богу – и, полагаю, нет оснований думать, что это влияние христианской традиции. Церковь как раз вообще осуждала клятву как таковую, и тем более – именем

В качестве альтернативного, и пытаясь деавуировать значение этого факта многие (в частности – и Л.С. Клейн) говорили, что скандинавы-де, находясь на чужой земле, могли именно поэтому и апеллировать к чужим богам.

Однако, на мой взгляд, такое объяснение весьма малоубедительно. Поскольку наоборот, мы именно как раз знаем по многочисленным этнографическим параллелям, что «неправильная клятва» не принималась в расчет, не считалась достойной доверия – и представители архаичных обществ всегда требовали от контрагентов договора клятвы именно своими богами (и именно «правильными» богами), и с соблюдением всех принятых в данной традиции ритуальных норм и требований.

В кельтской традиции, в сагах ульстерского (уладского) цикла, четко (и, добавлю, неоднократно – во многих сагах) зафиксирована даже такая формула клятвы, как «Я клянусь богам, которым клянется мое племя» [Shirokova 2005, 15]. Полибий же указывает: «первые договоры карфагеняне утвердили клятвой во имя отеческих богов, а римляне согласно древнему обычаю во имя Юпитера Камня» [Polibii. Vseobshchaia istoriia, kn. III, gl. 25: 6-9].

И не случайно, и русы-христиане клянутся христианским богом – тогда как язычники Перуном и Велесом. Спросим себя: что помешало бы русам просто вообще поклясться христианским богом? Ведь они находились тогда на византийской земле – где именно Христос был «местным богом».

Однако, наоборот, «известен случай, когда при заключении в 817 г. мира между болгарским царем Омуртагом и византийским императором Львом V Армянином также использовались языческие обряды. Причем некоторые из этих обрядов совершал сам император ...» [Fetisov 2002, 45].

Как совершенно справедливо подчеркивает Е.А. Мельникова в связи с договорами скандинавов: «Процедура клятвоприношения, гарантировавшая соблюдение условий соглашения, должна была опираться на систему верований каждой из сторон и использовать такие клятвы, которые были бы максимально действенны ...» [Mel'nikova 2012, 179]. И, она же цитирует сообщение саги, где участники договора очень беспокоятся, правильно ли были произнесены слова клятвы [Mel'nikova 2012, 181].

Поэтому, полагаю, наличие Перуна и Велеса в клятве русов мы должны принимать как безусловно славянский ее элемент. И исходить из того, что здесь ПВЛ сообщает нам точную и соответствующую реальному положению дел информацию.

Бога («особым видом прегрешения считалась клятва Богом, божба, нарушающая сразу два завета: о клятве и о поминании имени Божия всеу» [Antonov 2009, 43]).

Остановимся пока на этом в отношении клятв славян оружием. Но прежде чем перейти к германским параллелям, обратим свое внимание на еще одну традицию клятв оружием, которая в связи с проблемой клятв русов до сих пор, насколько мне известно, не попадала в поле зрения исследователей (впервые я процитировал эти данные в 2016 году, в предварительном обсуждении статьи В.С. Кулешова [Kuleshov 2017]: <https://www.academia.edu/s/1a999d9350/zolotyje-braslety-rusov-ix-xi-vekov-teksty-veshchi-i-funkciji-draft-2016>). Между тем, традиция эта очень выразительна – и представляет интерес как минимум с типологической точки зрения.

Я имею в виду кельтскую традицию.

Итак, для кельтской традиции "... представляется логичным интерпретировать хвастающихся воинов с мечами на бедрах как приносящих клятву на оружии. В ирландских сагах есть много примеров подобных клятв Одну из них можно найти в «Похищении коров Фроэха», где Фроэх говорит: ... («Я клянусь на моем щите, и на моем мече, и на моем оружии»)" [Borch 2005, 173-174].

Очень четко в кельтской традиции проявлено и то, что наказание за фальшивую клятву следует именно от оружия, которым поклялись: «Фальшивая клятва вызывает кару сверхъестественных сил. Меч, как гарантия правдивости, является инструментом, с помощью которого эта кара будет осуществлена» [Borch 2005, 174].

Наконец, мы видим в кельтской традиции и ярко выраженный мотив «живого оружия»: «можно также встретить примеры оружия, которое является «живым» несколько по-иному. В «Смерти Маэлодрана сына Димма Кронь» есть следующее описание копья: ... («[и если] кто не оставлял ничего с ним [с копьем] — оно выпрыгивало между них и учиняло резню») ...» [Borch 2005, 176].

И, надо заметить, что накопленная наукой (историей, археологией и лингвистикой) на сегодняшний день сумма знаний о взаимоотношениях кельтов и германцев в эпоху латена (и ранее) позволяет считать, что именно кельтская традиция клятв оружием оказала значительнейшее влияние на таковую у германцев (даже если клятва оружием была вообще характерна для индоевропейцев). Кстати: «германские слова со значением 'клятва' и 'заложник' считались и кельтскими заимствованиями, и независимо развившимися из протоиндоевропейского, формами» [Kuz'menko 2011, 112; см. также: [Smirnicksii 1998, 192].

Переходя теперь к германской традиции, начнем с того, что клятва оружием была, как хорошо и давно известно, характерна не только для скан-

динавов, но вообще для германцев: «Клятва мечом и шитом была обычна у всех германцев (Гримм D. Alterth. 896, 899) ... Ius iurandum in armilla sacra было и в древней Англии (Ethelred. Hist. Angl.) Duc. Glos. med. lat. I. 403» [Sreznevskii 1893, 1236].

Однако, важнейший момент, отмеченный уже более чем сто лет назад – но при рассмотрении клятв русов так в расчет, похоже, и не принимаемый: хотя «германцы также клялись оружием, но совершенно иначе чем русские. Они произносили клятву, держа обнажённый меч или кладя руку на рукоятку меча, вонзённого в землю, тогда как русские клялись, положив на землю мечи, щиты и обручи» [Pavlov-Sil'vanskii 1988, 500, со ссылкой на Я. Гримма: Grimm J., Deutsche Rechtsalterthümer, p. 165].

Наличие такой разницы между клятвами оружием у русов (и славян) – с одной стороны, и германцев (включая скандинавов) – с другой, уже, полагаю, должно побудить нас к тому, чтобы искать и иные истоки клятв русов, нежели скандинавские.⁵

Тем более, что засвидетельствованная в «Песне о Велунде» клятва оружием упоминает меч лишь после «борта корабля» и «конской спины»: «by the side of a ship and the rim of as hield, the back of a horse and the edge of a blade» [Riisoy 2016, 141]. И эту же последовательность: «корабль, конь, меч» - мы видим и во второй из зафиксированных у скандинавов клятв оружием, клятве Дага [Riisoy 2016, 142, tab. 1].

Клятвы на кольцах: славяне, германцы и кельты

Но, давайте сначала посмотрим на клятвы на кольцах – составляющие столь яркую черту правовой традиции скандинавов. И начнем с вопроса, который, опять-таки, насколько мне известно, не ставился в контексте исследования клятв русов: а были ли и у славян клятвы на кольцах – по крайней мере, в определенных контекстах? Полагаю, что мы должны ответить на этот вопрос утвердительно.

⁵ Кстати, Н.П. Павлов-Сильванский приводит и ряд других примеров, когда тот или иной обряд клятвы у славян и германцев, обнаруживая определенный параллелизм – одновременно же демонстрирует и радикальные смысловые, или структурные отличия. В частности, это относится к обряду разувания жениха (у русских) и обувания невесты (у германцев). Как помним, Рогнеда, дочь полоцкого князя Рогволода, не желая выходить за Владимира, заявляла, что не хочет «разуть робичича»: «Гримм замечает, что германский обычай делает ударение на обувании невесты, русский – на разувании жениха» [Pavlov-Sil'vanskii 1988, 497].

Есть и иные черты портрета русов X в., которые как будто не находят себе аналогий в скандинавской (и даже вообще германской) среде. По крайней мере, в свое время А. А. Куник таковых не нашел (подробнее: Romanchuk 2017a, 70, prim.3).

Начнем с того, что мы имеем слово обручиться – фактически, в значении как раз ‘принести клятву’; и наблюдаем в восточнославянских брачных традициях очень высокий статус обряда обручения: «отказ от О[брученья] считается делом бесчестным, долженствующим навлечь на виновного как небесную, так и земную кару ...» [Nechaev 1897, 579].

Разумеется, вопрос здесь: как связаны обруч и обручение? В том числе: происходит ли обручение «... от слова обручи, означающего в этом случае перстни или кольца ... или, что вероятнее, от соединения рук брачующихся» [Barsov 1897, 580]?

В ходе вышеупомянутого обсуждения статьи [Kuleshov 2017], В.С. Кулешов как раз выразил сомнения по поводу высказанного мной тезиса о связи между обручем и обручением: «Что касается обручения, то это вообще не от обруча (который никогда и не был ‘кольцом-перстнем’, а был исходно ‘кольцом-запястьем’). Это элемент глагольного словообразовательного ряда Здесь общая семантика ‘руки’».

Разумеется, не вызывает сомнений, что здесь «общая семантика ‘руки’». Да и в отношении этимологии праслав. **obrǫčenyje* принято считать, что это «производное с суф. -enyje от гл. **obrǫčiti (sę)*» [ESSJA 29, 110]. А **obrǫčiti (sę)*, в свою очередь – глагол, «производный, вероятно, от сочетания **obъ rǫka*, обозначавшего рукопожатие при заключении договора, сделки, помолвки» [ESSJA 29, 111].

Однако, все это отнюдь не является препятствием к тому, чтобы между обручением и обручем существовала и иная семантическая, а также, что еще важнее – ритуально-обрядовая связь. И чтобы при обручении (как помолвке), наряду с рукобитием – не использовались и кольца (обручи).

И здесь стоит для начала отметить, что уже в отношении глагола **obrǫčati (sę)* вопрос этимологии предлагается решать одним из двух путей: либо это «итератив-имперфектив с -а- основой от **obrǫčiti (sę)*, или отыменный глагол, производный от *obrǫčъ*» [ESSJA 29, 109]. Что и понятно: в некоторых славянских языках (сербо-хорватский, словенский, польский) мы имеем производные праслав. **obrǫčati (sę)* со значением ‘надевать обручи, кольцо’.

Далее, хотя исходно *obrǫčъ* – ‘кольцо, браслет, которое славянские женщины надевали между локтем и плечом’ [ESSJA 29, 114], или же, что кажется убедительнее – «браслет-запястье» [Kuleshov 2012, 164-165], но спектр его значений в различных славянских языках показывает, полагаю, что уже в праславянское время происходит расширение семантики – и *obrǫčъ* начинает обозначать (как синоним и как более общее понятие) и ‘браслет-

запястье, и 'перстень', и 'гривна' (как шейное украшение). А, возможно, и 'венец'.

Собственно, о расширении понятия *obrǫčь* в древнерусском и для обозначения гривны как шейного украшения мы знаем и из прямого указания древнерусских письменных источников [Korzukhina 1954, 52-53, 56; Kuleshov 2012, 156, 157]. Согласно им, также в XI в. обручами называли и ножные кандалы [Korzukhina 1954, 53, prim. 5].

Что касается конкретно перстней, то в различных славянских языках мы имеем производные праслав. **obrǫčьkъ* / **obrǫčьka* (букв.: 'маленький обруч') – со значением 'кольцо, перстень', или даже 'обручальный перстень, кольцо' [ESSJA 29, 115-116]. И, нагляднейшим подтверждением праславянской датировки процесса расширения понятия *obrǫčь* и для обозначения колец-перстней служит и то, что «из славянского заимствовано венгерское *aBronc* 'перстень, круг'» [ESSJA 29, 114]. Заимствование это, как очевидно, раннее – и надо полагать, что в самом праславянском расширении значения произошло еще раньше.⁶

Если же рассматривать ритуально-обрядовую сторону проблемы, то кольцо-перстень в народных славянских гаданиях – прочнейшим образом связано именно с обручением и свадьбой. И играет важнейшую роль как раз в обрядах обручения.

Именно, «кольцо ... в некоторых ситуациях становится заместителем жениха и невесты. Во многих местах при сватовстве, обручении, стоворе или венчании стороны обменивались кольцами. Обычно жених посылал невесте кольцо вместе с другими подарками. Принятие или дарение кольца служило знаком согласия девушки выйти замуж: «Без прстена нема разговора» [Без кольца нет разговора] (черногор.). При ухаживании парень надевал девушке на палец соломенное кольцо (пол.), Кольцо служило символом брачного соединения, поэтому при браке по принуждению, девушка иногда противилась надеванию ей кольца отцом (рус.твер.). У бе-

⁶ Надо здесь также заметить, что по своей форме сам обруч – это частный случай понятия 'кольцо, круг'; так что, мы имеем здесь дело со своего рода обратным процессом – когда первоначально более узкое понятие становится расширительным, и включающим и то, которое изначально было для него родовым. Особо выделил бы также здесь связь между кольцом и колачом (кольцеобразным ритуальным хлебом; как указывает А. В. Гура, кольцеобразная форма колача\каравая в славянских традициях не так и часта [Gura 2012, 243]) - и обручением. Так, в сербском *colačić* – 'обручальное кольцо' [ESSJA 10, 118]; в украинской свадебной обрядности (по крайней мере - в локальной традиции с. Булаешты Орхейского р-на Республики Молдова): «принять\дать колачи» - 'дать\попросить согласие'.

лорусов во время стовора дружки 3 раза поднимали на платке кольцо ...» [Valentsova 1999, 563].

Более детальная информация об использовании кольца в славянских обрядах обручения содержится в [Gura 2012, 409-410]. И, А. В. Гура подчеркивает: «особо следует выделить распространенный в разных славянских традициях обмен кольцами во время обручения ...» [Gura 2012, 410]. Причем, у нас есть и многочисленные примеры из различных славянских традиций, когда обряд обмена кольцами-перстнями, очевидно – в силу своей центральной роли в обряде обручения, давал название и самому обряду: центр.-словац. *prstene*, болг. *пръстен*, во многих серб. говорах - *прстенованье*, и др. [Gura 2012, 410].

В русских народных говорах мы имеем и прямые свидетельства, что процесс обмена кольцами при обручении именовался клятвой: «Давай, милка, сделам клятбу Переменимся кольцом» [SRNG 13, 337]. А в некоторых других славянских традициях само обручальное кольцо - именуется верой (у черногорцев района Котора [Gura 2012, 409]), т.е., буквально – 'верностью'; вообще у черногорцев и сербов (если не говорить о диалектизмах) 'обручальное кольцо' – *веренички прстен*.

Наконец, в православной традиции письменное изложение чинопоследования обручения не восходит ранее VIII в. («Барберинов список»), и в нем еще нет слов «обручаются раб божий...»; но уже «в крипто-феррарском списке (XIII в.) есть и надевание колец обручающимся с произнесением слов «обручается раб божий» и т.д.» [Barsov 1897, 580].

По всей видимости, такая эволюция православной традиции (при, вообще, изначально отрицательном отношении христианства к клятве – см. выше) должна объясняться наличием мощного, устойчивого представления об обязательности использования колец-перстней при обручении в той языческой среде, на которую эта христианская традиция прививалась. То есть, в данном случае – славянской среде.

Таким образом, вышеизложенное позволяет, думаю, заключить, что в славянской традиции клятва с использованием колец существовала при, по крайней мере, обручении.

Существовала ли она ранее и в других контекстах? Вопрос этот требует отдельного рассмотрения. Но я полагаю это вполне вероятным и перспективным предположением.

Во всяком случае, эволюция термина обруч для обозначения и кольца-перстня требует допустить параллельное развитие и символики. И предположить, что ранее и в иных контекстах клятвы – славяне могли использовать для клятвоприношения и обручи-браслеты (запястье, зарукавье, нару-

чь, поручье и пр.), а также - и шейные гривны.

То же, что с принятием христианства клятва на обручьях - браслетах и гривнах исчезает, сменяясь тем же крестоцелованием – не представляет собой нечто странное и необъяснимое. Аналогичным образом в той же скандинавской традиции клятва на кольцах заменяется клятвой на книге [Svanidze 2014, 630-631].

Помимо того, рассуждая о существовании у славян клятвы на кольцах, мы, как и в случае с оружием, по всей видимости должны рассматривать славянские данные лишь как проявление общинно-европейской традиции.

Так, по римскому праву при обручении в качестве задатка «обыкновенно было кольцо» [Nechaev 1897, 578]. В кельтской традиции, в уже упомянутой саге уладского цикла «Похищении стад Фроэха», Финдабайр говорит Фроэху: «Я полюбила тебя, возьми же это кольцо, и пусть оно будет залогом меж нами» (<http://mybiblioteka.su/9-81498.html>).

Также, для кельтской традиции мы можем говорить об использовании шейной гривны (*torques*) для принесения клятв. В частности, одну из валлийских легенд на этот счет приводит Гиральд Камбрийский: “Moreover I must not be silent concerning the collar {torques} which they call St. Canauc’s; ... it is esteemed by the inhabitants so powerful a relic, that no man dares swear falsely when it is laid before him” [Girald 1978, 24].

Согласно же представлениям раннесредневекового ирландского обычного права (BrehonLaw), именно *torques* был эмблемой толкователей закона (которые представляли собой органическое развитие друидов эпохи кельтского язычества). И, в случае, если толкователь закона «отходил от правды», *torques* сжимался вокруг его шеи и душил: “The badge of office of the jurist was a torque and if a jurist spoke an untruth, according to legend, it would tighten around his neck and strangle him” [Higgins 2011, 4].

Переходя теперь к германской традиции, мы, поскольку она, в отличие от славянской, рассмотрена в контексте клятвы русов весьма детально, можем сразу сконцентрировать внимание на вопросе сходства или различия ее с клятвой русов.

И, тоже сразу же, отметить, что имеется радикальное отличие между германской (включая скандинавскую) традицией – и традицией клятв русов.

Именно, русы клянутся на личных обручьях (что бы на деле под ними не скрывалось; я бы все же не исключал, что в данном случае имелись в виду как браслеты-запястья, так и шейные гривны (как в свое время предлагала Г.Ф. Корзухина [Korzukhina 1954, 53]) – слагая их с себя. А скандинавы (и германцы в целом) – на алтарных кольцах.

Так, Е. А. Мельникова указывает, что «сакральные обручи или кольца (*baugr, hringr*) ... имеют специальное название – *stallahringr* или *stallabaugr* (от *stalli* «алтарь в языческом капище»), т.е. «кольцо жертвенника», «алтарное кольцо» [Mel’nikova 2014, 178]. Аналогичные сведения содержатся и у А.А. Сванидзе: «Язычники приносили клятву, положив руку на особое, посвященное богам кольцо, которое хранилось в капище (так называемая «кольцевая клятва», *baugeidr*)» [Svanidze 2014, 630-631].

Детализируя эту информацию, Е.А. Мельникова добавляет ряд сведений, которые подчеркивают неразрывную (на мой взгляд) связь «колец клятвы» именно с алтарем, святилищем, сакральным местом: «В «Саге о людях с Килевого мыса» определяется, что «на алтаре (в святилище. – Е.М.) должно лежать большое кольцо, сделанное из серебра. Годи святилища должен иметь его на руке при каждом собрании людей. На нем все люди должны приносить клятву (*eiðr*), давая любые свидетельские показания» [Mel’nikova 2014, 183].

То, что для германской традиции была характерна клятва именно на алтарных кольцах, свидетельствуют как будто и сведения средневековой европейской традиции, которые представляют собой реминисценции до-христианских представлений континентальных германцев.

Так, «христианские варианты церемонии клятвы включали, например, клятву на кольце церковных ворот, омытых кровью». А «Прессбургская (Pressburg) клятва 1376 г. требует от еврея клятвы на кольце ворот синагоги» (EiKh).

То есть, в континентальной Европе после христианизации произошло тоже, что и в Скандинавии: “Where as in heathen times a sacred ring lay inside the “temple” hof or hung on the doors of cultic buildings or aristocratic halls ... after the conversion, rings were hung on church doors” [Riisoy 2016, 145].

Таким образом, и в клятве на кольцах мы можем говорить о серьезном отличии клятв русов от скандинавской традиции.

Происхождение клятвы русов: историко-археологический и лингвистический контекст

Все вместе это заставляет предположить, что истоки клятвы русов все же действительно иные – при всей, на первый взгляд, схожести со скандинавскими и вообще германскими.

То, что (как общепринято – и что рассматривается как решающий аргумент в пользу происхождения и клятвы русов и самих русов), имена русов в подавляющем большинстве – скандинавские, насколько этому не препятствует.

Во-первых, если происхождение имен – вопрос лингвистический, то происхождение русов и их клятвы – исторический. И отождествлять эти два вопроса, при всей их связанности - не следует.

Во-вторых, как я уже неоднократно отмечал [Romanchuk 2013, 105; Romanchuk 2017, 246], не только с лингвистической, но прежде всего и именно с исторической точки зрения высочайшую ценность представляет вывод С.Л. Николаева о том, что носители «русско-варяжского диалекта» («русь Олега и Игоря», как я предложил бы ее обозначать – используя термин А.Г. Кузьмина) не могут быть выведены ни из древнедатского, ни древнешведского, ни древнесеверного ареалов VIII-X вв.н. э. А представляют собой более раннее ответвление от северогерманского ствола («Отделение диалекта «русских варягов» от прасеверогерманского предпочтительно отнести к VI-VII вв. н. э.» [Nikolaev 2017, 31]; на мой взгляд [Romanchuk 2017, 253-254] – событие это следует отнести ко времени более раннему, «после переселения готов на материк и до переселения данов в Ютландию»).

Не меньшую ценность представляет собой и другой вывод С. Л. Николаева - что имя Рюрика демонстрирует некоторые фонетические особенности, также отличающиеся от древнешведского, древнедатского и древнесеверного языков [Nikolaev 2017, 37, tab. 5). А имена Трувора и Синеуса «на самом деле не имеют достоверных скандинавских соответствий» [Nikolaev 2017, 48].⁷

То есть, и имена «руси Рюрика, Трувора и Синеуса» (опять-таки, используя термин А.Г. Кузьмина) указывают нам на некие иные, отличные от

⁷ В частной переписке С. Л. Николаев высказался в пользу возможности «фразовой интерпретации» имен Трувора и Синеуса несколько настойчивее, нежели в статье. Однако, полагаю, идея «фразовой интерпретации» все-таки критики не выдерживает. Не имея здесь возможности высказаться пространно, ограничусь главным: весьма, на мой взгляд, неправдоподобно, чтобы имена Трувора и Синеуса как центральных персонажей «призвания варягов» не были сохранены «Древнейшим сказанием» (см.: [Girpius 2012]), а были интерполированы летописцем позднее. Тем более - из весьма гипотетического источника. И при этом летописец, с одной стороны, проявляет чрезвычайную (я бы сказал – поразительную) эрудированность. А с другой – и поразительное невежество, не распознав «стандартную формулу». Наконец, страннейшим же образом, в своем «непонимании» летописец не нашел ничего лучшего, как предложить в качестве прочтения надписи имена, аналогии которым в Скандинавии неизвестны нам – и, надо думать, равно были неизвестны и летописцу. А если были – то к чему тогда «фразовая интерпретация»?

древнешведского, древнедатского и древнесеверного, ареалы.⁸

Следовательно, характерные особенности клятвы русов, по всей видимости, должны найти свое объяснение именно в истории либо «руси Рюрика, Трувора и Синеуса», или, что скорее – «руси Олега и Игоря».

Где, однако, локализовать исходные ареалы миграции этих двух групп руси?

В отношении «руси Рюрика, Трувора и Синеуса» ранее я обратил внимание на имеющуюся как будто возможность отыскать прототипы для, по крайней мере, части из них в континентально-германской среде.⁹ И, соответственно, предположить исходным регионом их миграции Юго-Запад Балтики (включая, безусловно, не только земли балтийских славян, но и Южную Ютландию - район «раннегосударственного образования с центром в Хедебю»; Е. А. Мельникова убедительно поясняет, почему неправомерно именовать это образование – Данией [Mel'nikova 2008, 12, prim. 3]).¹⁰

⁸ Вывод этот, замечу, представлялся мне вполне явным уже по соображениям исторического и археологического характера [Romanchuk 2013, 97-102].

⁹ Что касается кельтских параллелей для некоторых из них (Труан, и, возможно, Трувор и Рюрик), то эти параллели, на мой взгляд, как раз подчеркивают актуальность не только типологического обращения к кельтскому материалу при рассмотрении происхождения клятвы русов. Если сообщение св. Иеронима о доживании сохранивших свою идентичность и язык треверов до раннего средневековья соответствует действительности (что, разумеется, требует дальнейшей проверки), то эта, не полностью еще ассимилированная германцами группа, тоже должна учитываться при поиске как источника этих имен, так и искомого влияния на формирование клятвы русов.

¹⁰ Для «раннегосударственного образования Хедебю» помимо данов – к которым относился и правящий род, мы не должны упускать из виду фризов («В начале VIII в. в южной части Ютландии возникает Хедебю (Хайтабу) как фризская торгово-ремесленная фактория» [Zav'ialov, Rozanova, Terekhova 2012, 38]). А также - какие-то остатки англо- и ютов (подробнее: [Romanchuk 2015, gl. 3]). В варианте статьи [Romanchuk 2017], отправленном в редакцию, я обратил внимание еще на некоторые следы раннего фризского влияния в древнерусском ареале (прим. 7). К сожалению, это примечание, как и все прочее, при публикации выпало. Рекомендую читателям обращаться к оригиналу, размещенному в (<https://www.academia.edu/33723333/>). Здесь отмечу только (в контексте вопроса о фризах и Бирке [Romanchuk 2015, gl. 3]), что лингвисты этимологизируют само название Бирка от фризского слова [Steblin-Kamenskii 1953, 275-276]. А также укажу на работу И. Кошкина, который аргументирует именно фризский источник одного весьма любо-

Правда, С. Л. Николаев считает (замечание, высказанное в частном обсуждении), что мы должны рассматривать носителей этих имен как скандинавов, инфильтрировавшихся в континентально-германскую среду.

Как я уже неоднократно говорил, я ничего не имею против скандинавов вообще, и в данном случае – в частности. И если следовать мысли С.Л. Николаева, то мы могли бы интерпретировать «русь Рюрика, Трувора и Синеуса» на Юго-Западе Балтики по, например, модели, известной из «Саги о йомских витязях».

Однако меня в этой ситуации все же смущает то, что ряду ключевых имен (как Трувор и Синеус) этой группы руси мы скандинавских аналогий так пока и не обнаруживаем. А для большинства прочих (включая Рюрика) – все же характерны фонетические особенности, делающие их, по крайней мере, нетипичными для скандинавских (древнешведских, древнедатских и древнесеверных).

Кроме того, я сомневаюсь в том, чтобы имена из Лиможа V-VI вв. (или вестготского Толедо VII в.), равно как и имена из полиптика Ирминона – действительно были связаны со скандинавами.

Как бы то ни было, Юго-Запад Балтики в рассматриваемое время представлял собой, как очевидно, весьма полиэтничный регион, в котором шли сложные процессы межэтнических взаимодействий различных славянских и германских групп.¹¹ И, соответственно, в результате этих слож-

пытного древнерусского слова [Koshkin 2006, 217-218]. Я бы добавил сюда (как свидетельство раннего влияния на др.-рус. ареал из континентально-германской среды и, скорее всего – именно Юго-Запада Балтики) и др. рус. луда 'плащ'. Во всяком случае, в скандинавских языках мы имеем *loði* 'грубая верхняя одежда'. Тогда как в древненижненемецком: *lodara* 'лоскут', *lotho* 'плащ'; в древневерхненемецком - *lodo* (*ludo*) 'грубая шерстяная ткань, плащ из нее'; в древнеанглийском же - *loða* 'плащ' [ESUM 3, 300]. Ср.: [Litvina, Uspenskii 2016, 27-28, prim. 4].

¹¹ Так, вполне очевидно, что у балтийских славян имелся германский субстрат. На сегодняшний день его не отрицают уже и археологи, признавая, в частности, для Рюгена [Ganina 2015, 66]. Впрочем, наличие на Юго-Западе Балтики до-славянской топонимии уже должно бы расставить все точки в этом вопросе. И, кстати, мы не можем исключать, что достаточно долго, вплоть до VIII в., по крайней мере, какие-то германские группы в регионе оставались не до конца ассимилированными балтийскими славянами. Во всяком случае, сами балтийские славяне впоследствии ассимилировались очень и очень долго – отдельные их группы сохраняли язык и обычаи вплоть до XVII века [Ivanova-Buchatskaia 2006].

То, что германский субстрат был достаточно значителен – особенно ясно и из того, что, как показала С.Л. Санкина, антропологический тип балтийских славян

демонстрирует германское влияние.

Пользуясь случаем: недавно С. Л. Санкина еще раз обратилась к вопросу о связи балтийских славян и населения новгород-псковских земель в очень важной и интересной (как обычно) статье [Sankina 2017]. Надеюсь, у меня еще будет возможность высказаться подробнее по затронутым ею проблемам. Здесь все же считаю необходимым прокомментировать некоторые ее выводы. Прежде всего – что касается следующего: «Автор, несомненно, лукавит, делая вид, что, не будучи антропологом, он не понимает, что германский комплекс – понятие более широкое, включающее в себя скандинавские локальные варианты ... Таким образом, предположение о том, что в основе моих рассуждений лежит смешение понятий «германское» и «скандинавское», представляется несколько натянутым» [Sankina 2017, 267]. Увы, в пылу полемики С.Л. Санкина все же, видимо, не обратила внимание, что я именно пытался подчеркнуть: для антропологической и исторической интерпретации серий с территории Руси, демонстрирующих «германский комплекс», ключевое значение имеет именно различие вообще германского – и специфически скандинавского. Никто не сомневается (и я – меньше всего), что германский комплекс включает в себя и скандинавские варианты. Вопрос в обратном: а скандинавские ли те серии Восточной Европы, которые демонстрируют «германский комплекс»?

Именно это я имел в виду, когда говорил, что «германское – не значит обязательно скандинавское».

Между тем, сама С.Л. Санкина и в новой работе указывает, что в ее «задачу не входило выделить собственно скандинавские особенности внутри германского кра-ниологического комплекса» [Sankina 2017, 267].

Что же касается «методов многомерной статистики» – то, полагаю, С.Л. Санкина лучше меня знает, сколько еще на сегодняшний день здесь нерешенных вопросов в физической антропологии. Думаю, она, как и я, с большим интересом наблюдала за обсуждением А.Г. Козинцевым и И.Г. Ширококовым некоторых из этих проблем (<https://www.academia.edu/s/d813be5fc6/0pdf>). И, кстати, в этой же связи добавлю, что согласно предварительным результатам анализа палеоДНК древнерусских князей «из Луцка и Чернигова» в лаборатории Университета Копенгагена – они не имеют следов скандинавского компонента (https://www.youtube.com/watch?v=vcs_wzmfv38, смотреть с 1:27:00; очень признателен И.В. Горофьянюк, обратившей мое внимание на эту информацию; но, разумеется, будем ждать итоговых результатов и их научной публикации).

Применительно же к серии из Ладоги – мы никак не должны упускать из виду, что она может иметь своей причиной события уже XI в. (подразумеваю женитьбу Ярослава Мудрого на Ингигерд и отдачу им Ладоги под управление ярла Рёгнвальда Ульвссона).

Второй момент, требующий, полагаю, оперативного пояснения, касается серии из Хрепле и идеи об экстраполяции ее близости к славянам Нижней Вислы на проблему родства новгородцев и балтийских славян в

ных взаимодействий и могла сложиться характерная для русов X в. традиция клятвопринижения.

Однако, в генезисе клятв русов X в., как кажется, в первую очередь мы должны «винить» носителей «русско-варяжского диалекта» - т.е., «русь Олега и Игоря». Именно эту группу руси представляет большая часть имен, зафиксированных ПВЛ. Да и сам «этноним русь, если он восходит к ПСГ *rōfrs- ... отражает «русско-варяжскую» фонетику» [Nikolaev 2017, 31, prim. 88].¹²

И, взаимодействие «руси Олега и Игоря» со славянами явно началось очень рано – не позднее VIII в. н. э.¹³

целом [Sankina 2017, 267].

Прежде всего: насколько помню, я не только не предлагал такой экстраполяции, но и вообще никак не акцентировал внимания на серии из Хрепле. Но зато, уже в работе [Romanchuk 2013a] я постарался обратить общее внимание, что применительно к проблеме связей Руси и балтийских славян объединяются (и часто – незаметно для исследователей) на самом деле два отнюдь не связанных вопроса: о происхождении псковских кривичей и новгородских словен, и, второй, - о связях Юго-Запада Балтики и Руси в IX-X вв. Во втором случае очевидно, что речь может идти лишь о переселении на Русь сравнительно небольших групп балтийских славян (а никак не о тотальной смене населения новгород-псковских земель) – и тогда Хрепле как раз вполне может отражать одну из таких групп, поселившуюся компактно.

¹² Правда, мне представляется более вероятной несколько иная этимология этнонима русь [Romanchuk 2016, 70-71]. Добавил бы к сказанному ранее в отношении “древнего семантического сближения и. -е. *rughī ‘рожь’ – и «и. -е. группы rudh-/rudh-/roudh-(reudh-)»” (что, как я говорил, позволяет не отбрасывать здесь из рассмотрения и этноним руги; по предполагаемой мной модели, он должен рассматриваться как ранний германский экзоэтноним народа, чье собственное именование было связано с вышеупомянутой «и. -е. группой rudh-/rudh-/roudh-(reudh-)»; впрочем, не стоит упускать здесь из виду и характерный для балтских языков переход t, d’ в k, g’ [Dubasova 2008, 92]) и ссылку на недавние выводы М.М. Валенцовой, которая предлагает «к балто-славянским [а также германским – А.Р.] параллелям раннего периода ... отнести и пару: лит. Rugių boba – серб. Баба Руга, или Баба Рога. Лит. Rugių boba – ‘ржаная баба’» [Valentsova 2016, 75-79].

¹³ В пользу этого свидетельствует и очевидный факт раннего возникновения собственно славянского уже этнонима русь [Romanchuk 2013, 108]. Что ясно также, в частности, и из известного сообщения Бертинских анналов о посольстве русов. Как известно, предлагаются два варианта перевода этого сообщения: либо эти люди сами именовали себя русами, либо их так именуют другие. Но суть здесь в том, что если принять во внимание расстояние между Ингельхаймом и той территорией в Восточной Европе, где располагался «каганат русов» (где

Что касается локализации исходного (и промежуточного – той территории в Восточной Европе, где «русь Олега и Игоря» располагалась в промежутке между переселением в Восточную Европу и возникновением Древнерусского государства) ареала миграции «руси Олега и Игоря», то здесь мы пока можем только гадать. Один из возможных вариантов локализации «промежуточного» ареала я предложил ранее [Romanchuk 2017, 253]. Но, должен еще раз подчеркнуть, что пока это не более чем предположение.¹⁴

бы его ни локализовать), то нет никакой иной причины, чтобы некие свеоны (что здесь имелось в виду хронистом – на самом деле вовсе не очевидно; отнюдь нельзя исключать, что он использовал наименование свеоны по принципу «близкие – значит тождественные») назвали себя в Ингельхайме русами, как то, что к началу IX в. это было, по крайней мере, их устойчивым и общепринятым именованием для всех соседей в Восточной Европе. То есть, даже если изначально это был экзоэтноним – к началу IX в. он уже проделал львиную часть пути к превращению в само-наименование. И этот путь явно происходил в тесном взаимодействии руси и окружающих их славянских (и неславянских) народов Восточной Европы.

¹⁴ Во всяком случае, мне не кажется удачной идея, что «русско-варяжский диалект» мог существовать в рамках Ладоги, а позднее - Гнездова, Тимерева и подобных им поселений. Прежде всего – представляется совершенно недостаточным тот демографический потенциал, который могла обеспечить Ладога. Я не вижу, каким образом это, весьма незначительное на самом деле поселение, могло бы стать источником той, очевидно, достаточно многочисленной и значительной руси, которая составила весьма существенную (по крайней мере) часть правящей элиты Древнерусского государства.

Да и, нам следует полностью отдавать себе отчет в реальном статусе вышеперечисленных поселений – которые, по всей видимости, представляли собой не более чем полиэтничные специализированные торговые «фактории» (и, скорее всего, именно торговыми, или торжищами (по характерной славянской топонимической модели (ср.: Ясский торг, Романов торг и пр.)), они и именовались – сопоставим это с заимствованием славянского торгового термина в скандинавские языки [Steblin-Kamenskii 1953, 286]). Располагаясь в низменной и неудобной для обороны местности, они соседят с гораздо более выгодно расположенными синхронными славянскими (или финно-угорскими) крепостями – которые, очевидно, и представляли собой реальные центры политической власти в этих регионах. Это было уже давно очевидно для Ральсвика и Ладоги (рядом с последней мы имеем Любшу), для Сарского 2 [Zav’ialov, Rozanova, Terekhova 2012, 195], и, наконец, стало очевидно (хотя, как мне кажется – ожидаемо) для Гнездова – поскольку был обнаружен слой VIII - первой половины X вв. в Смоленске [Ershov i dr. 2017].

В качестве исходного же, не исключено, стоит рассматривать опять-таки Юго-Запад Балтики. Во всяком случае, на это намекает ряд фактов (в частности: что касается отмеченной Е.А. Мельниковой характерности имени Хельги для легендарных правителей о. Зеландия – при, еще раз подчеркнем, его отсутствии в именовании правителей данов и членов их семей (подробнее: [Romanchuk 2013, 102])).

Однако и в данном случае – необходимы дальнейшие поиски.

Для нас же самое важное в другом: где бы ни локализовать исходный и промежуточный ареалы как «руси Рюрика, Тривора и Синеуса», так и «руси Олега и Игоря», наличие отчетливых славянских параллелей клятве русов, при ее существенных отличиях от скандинавской и вообще германской традиции – позволяет думать, что клятва русов сложилась как раз в результате длительного взаимодействия со славянами и славянизации либо первой, либо второй (что скорее).

Библиография

- Antonov 2009:** D.I. Antonov, *Kliatva i krest: problema sudebnoi prisiagi v drevnerusskoi pravovoi kul'ture XVI-XVII v. Drevniaia Rus'. Voprosy medievistiki* 1 (35), 2009, 42-53 // Д. И. Антонов, *Клятва и крест: проблема судебной присяги в древнерусской правовой культуре XVI—XVII в. Древняя Русь. Вопросы медиевистики* 1 (35), 2009, 42-53.
- Afanas'ev 1865:** A.N. Afanas'ev, *Poeticheskie vozreniia slavian na prirodu. Opyt sravnitel'nogo izucheniia slavianskikh predanii i verovani, v sviazi s mificheskimi skazaniiami drugikh rodstvennykh narodov*. Т. 2 (Москва 1865) // А.Н. Афанасьев, *Поэтические воззрения славян на природу. Опыт сравнительного изучения славянских преданий и верований, в связи с мифическими сказаниями других родственных народов*. Т. 2 (Москва 1865).
- Bagautdinova 2001:** G. Bagautdinova, *Traditsionnye obychai, obriady i pover'ia bashkir, sviazannye s predmetami vooruzheniia. Vatandash* 1, 2001, 96-102 // Г. Багаутдинова, *Традиционные обычаи, обряды и поверья башкир, связанные с предметами вооружения. Ватандаш* 1, 2001, 96-102.
- Barsov 1897:** N.I. Barsov, *Obruchenie (tserk.)*. In: (ed. F.A. Brokgaуз, I.A. Efron) *Entsiklopedicheskii slovar'*. Т. XXIA (Санкт-Петербург 1897), 580-581 // Н.И. Барсов, *Обручение (церк.)*. In: (изд. Ф.А. Брокгауз, И.А. Ефрон) *Энциклопедический словарь*. Т. XXIA (Санкт-Петербург 1897), 580-581.
- Belova 1999:** O.V. Belova, *Kliatva*. In: (ed. N.I. Tolstoi) *Slavianskie drevnosti: etnolingvisticheskii slovar'* (v 5 tt.). Т. 2 (Москва 1999), 512-514 // О. В. Белова, *Клятва*. In: (отв. ред. Н.И. Толстой) *Славянские древности: этнолингвистический словарь* (в 5 тт.). Т. 2 (Москва 1999), 512-514.
- Borch 2005:** Zh. Borch, *Predznamenovaniia, predskazaniia i ispytaniia: demony i oruzhie v drevneirlandskikh tekstakh*. In: (ed. T.A. Mikhailova) *Mifologema zhenshhiny-sud'by u drevnih kel'tov i germancev* (Москва 2005), 172-191 // Ж. Борч, *Предзнаменования, предсказания и испытания: демоны и оружие в древнеирландских текстах*. In: (отв. ред. Т.А. Михайлова) *Мифологема женщины-судьбы у древних кельтов и германцев* (Москва 2005), 172-191.
- Dubasova 2008:** A.V. Dubasova, *O smeshenii nebnopalatal'nykh i dental'nykh v baltiiskikh i slavianskikh iazykakh. Izvestiia Rossiiskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta imeni A. I. Gertsena. Aspirantskie tetradi* 30 (67), 2008, 90-94 // А. В. Дубасова, *О смешении небнопалатальных и дентальных в балтийских и славянских языках. Известия Российского государственного педагогического университета имени А. И. Герцена. Аспирантские тетради* 30 (67), 2008, 90-94.
- EiKh:** *Evrei i khristiane: polemika i vzaimovliianie kul'tur*// Евреи и христиане: полемика и взаимовлияние культур. <http://online-books.openu.ac.il/russian/jews-and-christians-in-western-europe/part4/chapter4.html> Дата обращения: 30.03.2018.
- Ershov et al. 2017:** I.N. Ershov, N. A. Krenke, T. Iu. Murentsev, O.M. Oleinikov, V. A. Raeva, *Istochnikovaia baza po arkheologii Smolenska VIII-XIIIvv. Rossiiskaia arkheologiia* 1, 2017, 70-86 // И.Н. Ершов, Н.А. Кренке, Т.Ю. Муренцев, О.М. Олейников, В.А. Раева, *Источниковая база по археологии Смоленска VIII-XIII вв. Российская археология* 1, 2017, 70-86.
- ESSJA 10:** *Etimologicheskii slovar' slavianskikh iazykov: Praslavianskii leksicheskii fond. Vyp. 10* (Москва 1983) // *Этимологический словарь славянских языков: Праславянский лексический фонд. Вып. 10* (Москва 1983).
- ESSJA 29:** *Etimologicheskii slovar' slavianskikh iazykov: Praslavianskii leksicheskii fond. Vyp. 29* (Москва 2002) // *Этимологический словарь славянских языков: Праславянский лексический фонд. Вып. 29* (Москва 2002).
- ESUM 3:** *Etimologichnii slovník ukraïns'koï movi*, Т. 3 (Київ 1989) // *Этимологічний словник української мови*, Т. 3 (Київ 1989).
- Fetisov 2002:** A.A. Fetisov, *Ritual'noe sodержanie «kliatvy oruzhiem» v russko-vizantiiskikh dogovorakh X v.* In: (ed. M.A. Robinson) *Slavianskii al'manakh* 2001 (Москва 2002), 36-46 // А.А. Фетисов, *Ритуальное содержание «клятвы оружием» в русско-византийских договорах X в.* In: (отв. ред. М.А. Робинсон) *Славянский альманах* 2001 (Москва 2002), 36-46.

- Ganina 2015:** N.A. Ganina, *Tainy riugenskikh slavian*. *Studia Slavica et Balcanica Petropolitana* 2, 2015, 65-81 // Н.А. Ганина, Тайны рюгенских славян. *Studia Slavica et Balcanica Petropolitana* 2, 2015, 65-81.
- Gerald 1978:** Gerald of Wales, *The Journey through Wales and The Description of Wales* (Hannondsworth 1978).
- Gippius 2012:** A.A. Gippius, *Do i posle Nachal'nogo svoda: ranniaia letopisnaia istoriia Rusi kak ob'ekt tekstologicheskoi rekonstruktsii*. In: (ed. N.A. Makarov). *Rus' v IX-Xvekh: arkheologicheskaiia panorama* (Moskva-Vologda 2012), 37-63 // А.А. Гиппиус, До и после Начального свода: ранняя летописная история Руси как объект текстологической реконструкции. In: (отв. ред. Н.А.Макаров) Русь в IX-X веках: археологическая панорама (Москва-Вологда 2012), 37-63.
- Gubarev 2013:** O. L. Gubarev, *O kلياتvakh rusov I slavian*. *Stratum plus* 5, 2013, 239-245 // О. Л. Губарев, О клятвах русов и славян. *Stratum plus* 5, 2013, 239-245.
- Gura 2012:** A. V. Gura, *Brak I svad'ba v slavianskoi narodnoi kul'ture: semantika I simvolika* (Moskva 2012) // А.В. Гура, Брак и свадьба в славянской народной культуре: семантика и символика (Москва 2012).
- Higgins 2011:** N. Higgins, *The Lost Legal System: Pre-Common Law Ireland and the Brehon Law*. <http://eprints.maunoothuniversity.ie/5663/1/NH-Brehon-Law.pdf> Дата обращения: 30.03.2018
- Ivanov, Toporov 1974:** V.V. Ivanov, V.N. Toporov, *Issledovaniia v oblasti slavianskikh drevnostei: leksicheskie i frazeologicheskie voprosy rekonstruktsii tekstov* (Moskva 1974) // В.В. Иванов, В.Н. Топоров, Исследования в области славянских древностей: лексические и фразеологические вопросы реконструкции текстов (Москва 1974).
- Ivanova-Buchatskaia 2006:** Iu.V. Ivanova-Buchatskaia, *Plattes land: simvolii Severnoi Germanii (claviano-germanskii etnokul'turnyi sintez v mezhdurech'e El'by i Odera)* (Sankt-Peterburg 2006) // Ю.В. Иванова-Бучатская, *Plattes land: simvolii Severnoi Germanii (славяно-германский этнокультурный синтез в междуречье Эльбы и Одера)* (Санкт-Петербург 2006).
- Koshkin 2006:** I. Koshkin, *Problema odnositel'noi khronologii germanizmov v iazyke drevnerusskikh dogovornykh gramot severo-zapadnogo areala*. *Slavica Helsingiensia* 27, 2006, 210-221 // И. Кошкин, Проблема относительной хронологии германизмов в языке древнерусских договорных грамот северо-западного ареала. *Slavica Helsingiensia* 27, 2006, 210-221.
- Korzuhina 1954:** G.F. Korzukhina, *Russkie klady IX-XIII vv.* (Moskva-Leningrad 1954) // Г.Ф. Корзухина, Русские клады IX-XIII вв. (Москва-Ленинград 1954).
- Kuz'menko 2011:** Iu.K. Kuz'menko, *Rannie germantsy i ikh sosedi: Lingvistika, arkheologiiia, genetika* (Sankt-Peterburg 2011) // Ю.К. Кузьменко, Ранние германцы и их соседи: Лингвистика, археология, генетика (Санкт-Петербург 2011).
- Kuleshov 2012:** V.S. Kuleshov, *K predystorii drevnerusskoi platezhnoi grivny*. In: (ed. E.V. Lepekhina). *Materialy i issledovaniia otdela numizmatiki. Trudy Gosudarstvennogo Ermitazha* 61, 2012, 151-174 // В.С. Кулешов, К предистории древнерусской платежной гривны. In: (отв. ред. Е.В. Лепехина) Материалы и исследования отдела нумизматики. Труды Государственного Эрмитажа 61, 2012, 151-174.
- Kuleshov 2017:** V.S. Kuleshov, *Zolotyebbraslety rusov IX-XI vv.: teksty, veshchi i funktsii*. In: (ed. A.E. Musin, O.A. Shcheglova) *V kamne i v bronze. Sbornik statei v chest' Anny Peskovoi. Trudy IIMK RAN. T. XLVIII* (Sankt-Peterburg 2017), 253-258 // В.С. Кулешов, Золотые браслеты русов IX-XI вв.: тексты, вещи и функции. In: (отв. ред. А.Е. Мусин, О.А. Щеглова) В камне и в бронзе. Сборник статей в честь Анны Песковой. Труды ИИМК РАН. Т. XLVIII (Санкт-Петербург 2017), 253-258.
- KP 1962:** Koz'ma Prazhskii, *Cheshskaia khronika* (Moskva 1962) // Козьма Пражский, Чешская хроника (Москва 1962).
- Levkievskaiia, Tolstaia 1999:** E.E. Levkievskaiia, S.M. Tolstaia, *Kamen'*. In: (ed. N.I. Tolstoi). *Slavianskie drevnosti: etnolingvicheskii slovar' (v 5 tt.)*. T. 2 (Moskva 1999), 448-453 // Е.Е. Левкиевская, С.М. Толстая, Камень. In: (ed. Н.И. Толстой). Славянские древности: этнолингвистический словарь (в 5 тт.). Т. 2 (Москва 1999), 448-453.
- Litvina, Uspenskii 2016:** A.F. Litvina, F.B. Uspenskii, *Pochemu variag Iakun «otbezheludy zlatoe»? Stseny Listvenskoi bitvy 1024 g. Drevniaia Rus'*. *Voprosy medievistiki* 1 (63), 2016, 27-40 // А.Ф. Литвина, Ф.Б. Успенский, Почему варяг Якун «отбежелуды златое»? Сцены Лиственской битвы 1024 г. Древняя Русь. Вопросы медиевистики 1 (63), 2016, 27-40.
- Mansikka 2005:** V.I. Mansikka, *Religiia vostochnykh slavian* (Moskva 2005) // В.И. Мансикка, Религия восточных славян (Москва 2005).
- Me'nikova 2008:** E.A. Me'nikova, *Ukroshchenie neukrotimykh: dogovory s normannami kak sposob ikh integrirovaniia v inokul'turnykh obshchestvakh. Drevniaia Rus'. Voprosy medievistiki* 2 (32), 2008, 12-26 // Е.А. Мельникова, Укрошение неукротимых: договоры с норманнами как способ их интегрирования в инокультурных обществах. Древняя Русь. Вопросы медиевистики 2 (32), 2008, 12-26.
- Me'nikova 2012:** E.A. Me'nikova, *Zalozhniki I kiatvy: Protsedura zakliucheniia dogovorov s normannami*. In: (ed. F.B. Uspenskii). *Imenoslov: Istoriia iazyka. Istoriia kul'tury* (Moskva 2012), 113-183 // Е.А. Мельникова, Заложники и клятвы: Процедура заключения договоров с норманнами. In: (отв. ред. Ф.Б. Успенский). Именослов: История языка. История культуры (Москва 2012), 113-183.
- Me'nikova 2014:** E.A. Me'nikova, *«Obruch'ia» nekreshchenoi Rusi v russko-vizantiiskom dogovore 944 g. i «kol'tsa kiatvy» drevneskandinavskoi pravovoi traditsii. Srednie veka 75 (3-4)*, 2014, 176-192 // Е.А. Мельникова, «Обручья» некрещеной Руси в русско-византийском договоре 944 г. и «кольца клятвы» древнескандинавской правовой традиции. Средние века 75 (3-4), 2014, 176-192.

- Nechaev 1897:** V.M. Nechaev, Obruchenie (sgovor, pomolvka). In: (ed. F.A. Brokgauz, I.A. Efron) Entsiklopedicheskii slovar'. T. XXIA (Sankt-Peterburg 1897), 578-580 // В.М. Нечаев, Обручение (сговор, помолвка). In: (изд. Ф.А. Брокгауз, И.А. Ефрон) Энциклопедический словарь. Т. XXIA (Санкт-Петербург 1897), 578-580.
- Nikolaev 2017:** S.L. Nikolaev, K etimologii i sravnitel'no-istoricheskoi fonetike imen severogermanskogo (skandinavskogo) proiskhozhdeniia v «Povesti vremennykh let». Voprosy onomastiki 14 (2), 2017, 7-54 // С.Л. Николаев, К этимологии и сравнительно-исторической фонетике имен северогерманского (скандинавского) происхождения в «Повести временных лет». Вопросы ономастики 14 (2), 2017, 7-54.
- Obnorskii 1904:** N.O. Obnorskii, Efeby. In: (ed. F.A. Brokgauz, I.A. Efron) Entsiklopedicheskii slovar'. T.XLI. (Sankt-Peterburg 1904), 202-203 // Н.О. Обнорский, Эфебы. In: (изд. Ф.А. Брокгауз, И.А. Ефрон) Энциклопедический словарь. Т. XLI (Санкт-Петербург 1904), 202-203.
- Pavlov-Sil'vanskij 1988:** N.P. Pavlov-Sil'vanskii, Simvolizm v drevnemrusском prave. In: (ed. N.P. Pavlov-Sil'vanskii) Feodalizm v Drevnei Rusi (Moskva 1988), 483-503 // Н.П. Павлов-Сильванский, Символизм в древнем русском праве. In: (Н.П. Павлов-Сильванский) Феодализм в Древней Руси (Москва 1988), 483-503.
- Polibii:** Polibii. Vseobshchaia istoriia, kn. III, gl. 25: 6-9 // Полибий. Всеобщая история, кн. III, гл. 25: 6-9. <http://ancientrome.ru/antlittr/t.htm?a=1445003025> Дата обращения: 30.03.2018.
- Riisoy 2016:** A. Riisoy, Performing Oaths in Eddic Poetry: Viking Age Fact or Medieval Fiction? Journal of the North Atlantic 8, 2016, 141-156.
- Romanchuk 2013:** A.A. Romanchuk, Variago-russkii vopros v sovremennoi diskussii: vzgliad so storony (polnaia versiiia). Vestnik KIGIT36 (6), 2013, 73-131 // А.А. Романчук, Варяго-русский вопрос в современной дискуссии: взгляд со стороны (полная версия). Вестник КИГИТ 36 (6), 2013, 73-131.
- Romanchuk 2013a:** A.A. Romanchuk, Variago-russkii vopros v sovremennoi diskussii: vzgliad so storony. Stratum plus 5, 2013, 283-299 // А.А. Романчук, Варяго-русский вопрос в современной дискуссии: взгляд со стороны. Stratum plus 5, 2013, 283-299.
- Romanchuk 2015:** A.A. Romanchuk, Normannizm vs anti-normannizm: kak doiti do produktivnoi diskussii? // А.А. Романчук, Норманнизм vs анти-норманнизм: как дойти до продуктивной дискуссии? http://генофонд.рф/?page_id=4842 Дата обращения: 07.03.2018.
- Romanchuk 2016:** A.A. Romanchuk, Variagi i variazi: k voprosu ob etimologii i vremeni vznikhoveniia etnonima variag. Vostochno-Evropeiskii nauchnyi vestnik 2, 2016, 65-72 // А.А. Романчук, Варяги и варязи: к вопросу об этимологии и времени возникновения этнонима варяг. Восточно-Европейский научный вестник 2, 2016, 65-72.
- Romanchuk 2017:** A.A. Romanchuk, Variazhskii antroponomikon PVL (do serediny X veka) I antroponomikon skandinavskikh runicheskikh nadpisei: sravnitel'nyi analiz. In: (ed. L.B. Vishniatskii). ExUngueLeonem: Sbornik statei k 90-letiiu L'va Samuilovicha Kleina (Sankt-Petersburg 2017), 245-255 // А. А. Романчук, Варяжский антропонимикон ПВЛ (до середины X века) и антропонимикон скандинавских рунических надписей: сравнительный анализ. In: (отв. ред. Л.Б. Вишняцкий). ExUngueLeonem: Сборник статей к 90-летию Льва Самуиловича Клейна (Санкт-Петербург 2017), 245-255.
- Romanchuk 2017a:** A.A. Romanchuk, Etnolingvistika obriada predachi kuritsy nad mogiloi u bulaeshtskikh ukrainsev i ego vostochnoromanskie i slavianskie paralleli: obshchee i osobennoe. In: (ed. O.Iu. Zelins'ka) Filologichnii chasopis: zbirnik naukovikh prats' 1 (9) (Uman' 2017), 62-74 // А.А. Романчук, Этнолингвистика обряда передачи курицы над могилой у булаештских украинцев и его восточнороманские и славянские параллели: общее и особенное. In: (отв. ред. О.Ю. Зелінська) Філологічний часопис: збірник наукових праць 1 (9) (Умань 2017), 62-74.
- Romenskii 2016:** A.A. Romenskii, Kliatva na zolote v dogovore Sviatoslava s Ioannom Tsimiskhiem. Ruthenica 13, 2016, 142-149 // А.А. Роменский, Клятва на золоте в договоре Святослава с Иоанном Цимисхием. Ruthenica 13, 2016, 142-149.
- Sankina 2017:** S.L. Sankina, O zapadnoslavianskoi versii proiskhozhdeniia sloven novgorodskikh, skandinavskoi problem i drevneevropeiskom substrate (dannye antropologii). In: (ed. L.B. Vishniatskii). ExUngueLeonem: Sbornik stateik 90-letiiu L'va Samuilovicha Kleina. (Sankt-Petersburg 2017), 256-274 // С.Л. Санкина, О западнославянской версии происхождения словен новгородских, скандинавской проблеме и древнеевропейском субстрате (данные антропологии). In: (отв. ред. Л. Б. Вишняцкий) ExUngueLeonem: Сборник статей к 90-летию Льва Самуиловича Клейна (Санкт-Петербург 2017), 256-274.
- Svanidze 2014:** A.A. Svanidze, Vikingi – liudisagi: zhizn' inravy (Moskva 2014) // А.А.Сванидзе, Викинги – люди саги: жизнь и нравы (Москва 2014).
- Smirnskii 1998:** A.I. Smirnskii, Drevneangliiskii iazyk (Moskva 1998) // А.И. Смирницкий, Древнеанглийский язык (Москва 1998).
- Sreznevskii 1893:** I.I. Sreznevskii, Materialy dlia slovaria drevnerusskogo iazyka. T. 1 (A-K) (Sankt-Petersburg 1893) // И.И. Срезневский, Материалы для словаря древнерусского языка. Т. 1 (А-К) (Санкт-Петербург 1893).
- SRNG 13:** Slovar' russkikh narodnykh govorov. T. 13 (Leningrad 1977) // Словарь русских народных говоров. Т. 13 (Ленинград 1977).

- Steblyn-Kamenskii 1953:** M.I. Steblin-Kamenskii, *Istoriia skandinavskikh iazykov* (Moskva-Leningrad 1953) // М.И. Стеблин-Каменский, *История скандинавских языков* (Москва-Ленинград 1953).
- Stefanovich 2006:** P.S. Stefanovich, *Kliatva po rusko-vizantiiskim dogovoram X v.* In: (ed. T.V. Gimon, E.A. Mel'nikova). *Drevneishie gosudarstva Vostochnoi Evropy: materialy I issledovaniia*. 2004 g. (Moskva 2006), 383-403 // П.С. Стефанович, *Клятва по русско-византийским договорам X в.* In: (отв. ред. Т.В. Гимон, Е.А. Мельникова). *Древнейшие государства Восточной Европы: материалы и исследования*. 2004 г. (Москва 2006), 383-403.
- Stefanovich 2013:** P.S. Stefanovich, *Praviashchaia verkhushka Rusi po rusko-vizantiiskim dogovoram X v.* In: (ed. Iu.A. Petrov) *Trudy Instituta rossiiskoi istorii* 11, 2013, 19-57 // П.С. Стефанович, *Правящая верхушка Руси по русско-византийским договорам X в.* In: (отв. ред. Ю.А. Петров) *Труды Института российской истории* 11, 2013, 19-57.
- Sumtsov 1896:** N.F. Sumtsov, *Pozhelaniia i prokliatiia (preimushchestvenno maloruskie)* (Khar'kov 1896) // Н.Ф. Сумцов, *Пожелания и проклятия (преимущественно малорусские)* (Харьков 1896).
- Shirokova 2005:** N.S. Shirokova, *Verkhovnyi bog drevnikh kel'tov*. *Vestnik Bashkirskogo universiteta* 1, 2005, 15-20 // Н.С. Широкова, *Верховный бог древних кельтов*. *Вестник Башкирского университета* 1, 2005, 15-20.
- Valentsova 1999:** M.M. Valentsova, *Ko'l'tso*. In: (ed. N.I. Tolstoi) *Slavianskie drevnosti: etnolingvisticheskii slovar'* (v 5 tt.). T. 2 (Moskva 1999), 563-566 // М.М. Валенцова, *Кольцо*. In: (отв. ред. Н.И. Толстой) *Славянские древности: этнолингвистический словарь* (в 5 тт.). Т. 2 (Москва 1999), 563-566.
- Valentsova 2016:** M.M. Valentsova, *K issledovaniuu balto-slavianskoi demonologii*. *Res Humanitariae* XX, 2016, 70-88 // М.М. Валенцова, *К исследованию балто-славянской демонологии*. *Res Humanitariae* XX, 2016, 70-88.
- Vinogradova 2005:** L.N. Vinogradova, *Formuly ugroz i prokliatii v slavianskikh zagovorakh*. In: (ed. T.N. Sveshnikova) *Zagovornyi tekst. Genezisistruktura* (Moskva 2005), 425-440 // Л.Н. Виноградова, *Формулы угроз и проклятий в славянских заговорах*. In: (отв. ред. Т.Н. Свешникова) *Заговорный текст. Генезис и структура* (Москва 2005), 425-440.
- Vvedenskii 2006:** A.M. Vvedenskii, *Dogovory Rusi s grekami X v.: kliatva Sviatoslava Igorevicha*. *Problemy interpretatsii vyrazheniia «koloti iako zoloto»*. *Trudy otdela drevnerusskoi literatury* 57, 2006, 916-926 // А.М. Введенский, *Договоры Руси с греками X в.: клятва Святослава Игоревича*. *Проблемы интерпретации выражения «колооти яко золото»*. *Труды отдела древнерусской литературы* 57, 916-926.
- Zav'ialov, Rozanova, Terekhova 2012:** V.I. Zav'ialov, L.S. Rozanova, N.N. Terekhova, *Traditsii i innovatsii v proizvodstvennoi kul'ture Severnoi Rusi* (Moskva 2012) // В.И. Завьялов, Л.С. Розанова, Н.Н. Терехова, *Традиции и инновации в производственной культуре Северной Руси* (Москва 2012).

Алексей Романчук, магистр антропологии, научный сотрудник, Центр Этнологии, Институт культурного наследия, бул. Штефан чел Маре 1, MD-2001, Кишинев, Республика Молдова. Tel.: +373 68133396, e-mail: dierevo@mail.ru, dierevo5@gmail.com

CERCETĂRI INTERDISCIPLINARE – МЕЖДИСЦИПЛИНАРНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ – INTERDISCIPLINARY SURVEYS

Xenia Pop

Descoperiri arheozoologice aparținând epocii dacice provenite din situl de la Carei-Bobald I (jud. Satu Mare)¹

Keywords: archaeozoology, dacian pit, animal bones, kitchen waste.

Cuvinte cheie: arheozoologie, groapa dacică, oase de animale, resturi menajere.

Ключевые слова: археозоология, дакийская яма, кости животных, бытовые отходы.

Xenia Pop

Archaeozoological finds from Carei-Bobald I (Satu Mare county) site belonging to dacian era

The point of *Bobald* is known for the Middle Bronze Age fortified settlement. In 1997/2000, during to the archaeological diggings from Carei-Bobald in a refuse pit (S.X., Gr.1) dacian ceramic fragments, metal objects, ash, animal bones, fire-place and coal fragments were discovered. Based on a broken brooch and analogies, the pit was dated from 1st Century A.D. The present paper focuses about the osteological remains found following the pit unveiling. From a total of 226 bones, only 90 fragments were identified. The following species were identified: bovines, capriovids, domestic swine, equine, canids and wild boar. The most part of the remains belong to domestic animals. The small archaeofaunal sample looks like a kitchen waste and some of the bones are burnt on the surface. Two skulls and an mandible with pathological signs belonging to dog were also recorded. On the basis of metrical data, it was possible to estimate the existence of a a small-medium individual, another medium-sized and one medium to large.

Xenia Pop

Descoperiri arheozoologice aparținând epocii dacice provenite din situl de la Carei-Bobald I (jud. Satu Mare)

Punctul Bobald este cunoscut datorită așezării fortificate din bronzul mijlociu. În 1997/2000, în timpul săpăturilor de la Carei-Bobald, într-o groapă menajeră (S.X., Gr.1) au fost descoperite fragmente ceramice dacice, obiecte metalice, cenușă, oase de animale, cărbuni, fragmente de vatră și chirpici. Pe baza unei fibule rupte și a analogiilor găsite, groapa a fost datată în sec. I p.Chr. Articolul de față se concentrează asupra resturilor osoase găsite în urma dezvelirii gropii. Dintr-un total de 226 oase, au putut fi determinate doar 90 de fragmente. Următoarele specii au fost identificate: bovine, ovine/caprine, suine domestice, ecvine, canide și mistreț. Cea mai mare parte a resturilor osoase provin de la animale domestice. Materialul arheofaunal redus de dimensiune are aspectul unor resturi menajere, unele dintre oase prezintă ardere pe suprafețe. Printre resturi au fost identificate și două craniii întregi și o mandibulă cu urme patologice aparținând canidelor. A fost posibilă recalcularea a trei talii diferite de câine: o talie mică-medie, una medie și una medie spre mare.

Ксения Поп

Археозоологические находки дакийской эпохи из поселения Карей-Бобалд I (жуд. Satu Mare)

Место Бобалд известно благодаря укрепленному поселению средней бронзы. В 1997/2000 гг., во время раскопок Карей-Бобалдв хозяйственно-бытовой яме (с. X, яма 1) были выявлены фрагменты дакийской керамики, металлические предметы, зола, кости животных, угли, фрагменты обмазки очага и стен. На основе фрагмента фибулы и по обнаруженным аналогиям, яма была датирована I в. до н.э. В этой статье основное внимание уделяется остеологическому материалу, обнаруженному в процессе исследования ямы. Из количества 226 костей, было определено 90 фрагментов. Были идентифицированы следующие виды: крупный рогатый скот, овцы/козы, домашняя свинья, лошадь, собака и кабан. Самое большее количество костяных остатков принадлежат домашним животным. Материал археофауны небольшого размера представляют собой бытовые отходы, а на некоторых предметах обнаружены следы горения. Среди остатков были выявлены два целых черепа и нижняя челюсть собаки со следами патологий. Удалось идентифицировать три разных размеров собак: мелко-средний, средний и средне-крупный вид.

¹ Mulțumiri dlui dr. János Némethi (Muzeul Orășenesc Carei) pentru încredințarea prelucrării materialului arheozoologic și dlui dr. Alexandru Gudea (USAMV Cluj-Napoca) pentru observațiile făcute asupra textului.

Date introductive

Situl de la Carei-Bobald este cunoscut în literatura de specialitate datorită așezării fortificate de tip *tell* datată în bronzul mijlociu¹. Dealul Bobald se află la aproximativ 4 km spre SE de centrul orașului Carei (jud. Satu Mare), pe o terasă înaltă a pârâului Mergheș [Németi 2015, 49]. Stratigrafia sitului ne arată o locuire începând din neoliticul târziu, perioada bronzului timpuriu - grupul cultural Sanislău și a bronzului mijlociu - cultura Otomani, de asemenea au fost găsite și fragmente ceramice de bronz târziu, celtice și dacice [Németi, Molnár 2012, 37-40].

Studiul de față se concentrează asupra resturilor de animale provenite dintr-o groapă menajeră (S.X. Gr.1) descoperită în 1997, în partea de NE a șanțului de apărare a *tell*-ului. Materialul ieșit la suprafață era alcătuit din fragmente ceramice lucrate atât cu mâna, cât și la roată și un cuțitaș din fier. În anul 2000 săpăturile au fost reluate, groapa a fost dezvelită complet, identificându-se totodată mai multe complexe și o depunere stratigrafică compusă din cenușă și fragmente ceramice din epoca clasică dacică. La nivelul de călcare din LT.D

au fost găsite și două cranii de câine împreună cu o fibulă romană din bronz din categoria celor de tip puternic profilat (categoria III, tipul 19a-d). Din inventarul arheologic fac parte și fragmente de vatră și chirpic, căr-bune, oase de animale, obiecte metalice precum o placă ornamentată de argint, un fragment de cataramă, un nasture, vârfuri de săgeți și obiecte din os. Pe baza fibulei și a analogiilor găsite, groapa menajeră a fost datată în sec. I p.Chr. [Németi 2001, 49-60; 2015, 51].

Descrierea materialului arheozoologic

Eșantionul mic de dimensiune însumează 226 de resturi, din care doar 90 de fragmente au putut fi determinate până la nivel de gen (Tab. 1). Speciile predominante sunt cele domestice (Tab. 1), singura specie sălbatică identificată fiind mistrețul. Majoritatea oaselor sunt fragmentare, păstrându-se doar epifizele în cazul oaselor lungi, respectiv părți din maxilar și mandibulă.

Canide (*Canis familiaris* L.)

Cele mai multe oase au fost atribuite canidelor (Tab. 1). În baza datelor de fuziune epifizară au fost

Specie	NISP	%	MNI	%
<i>Bos taurus</i> L. (Bovine)	18	20	2	16,6
<i>Ovis aries</i> L./ <i>Capra hircus</i> L. (Grupul ovicaprinelor)	16	17,7	2 (ovis)	16,6
<i>Sus domesticus</i> Erxl. (Suine domestice)	22	24,4	3	25
<i>Equus caballus</i> L. (Cabaline)	6	6,6	1	8,3
<i>Canis familiaris</i> L. (Canide)	26	28,8	3	25
<i>Sus scrofa</i> L. (Mistret)	2	2,2	1	8,3
Total resturi identificate	90	100	12	100
Animal neidentificat talie mare	25			
Animal neidentificat talie mică-medie	23			
Neidentificate	88			
Total	226			

Tab. 1. Proporția oaselor în eșantionul studiat.

Tab. 1. Proportion of bones in the studied sample.

¹ Situl arheologic cuprinde mai multe așezări „satelit” care prezintă diferite faze ale bronzului mijlociu, vezi lucrarea lui Németi, Molnár 2012.

estimați minim trei indivizi cu vârste de aproximativ 1,6 ani, unul de până la 2 ani și unul matur-senil [Schmid 1972, 77]. Majoritatea resturilor provin din regiunea membrului anterior (fig. 1), respectiv, din partea scheletului capului.

Dorim să amintim de trei piese interesante: două craniuri întregi² și un fragment de mandibulă (de mică dimensiune) cu o dantură puternic uzată și care prezintă o depresiune la nivelul osului imediat după carnasier. Retracția osului alveolar poate fi rezultatul bolii paradontale sau a unui abces dentar [Baker, Bronthwell 1980, 135-160].

Talia a putut fi recalculeată după patru segmente osoase: trei mandibule (două sunt perechi și una de pe partea stânga) și o scapula (drept). Utilizând coeficienții lui Koudelka [Boessneck et al. 1971,

310]- în cazul scapulei - am obținut o valoare de 43 cm. Valoarea obținută încadrează individul în categoria câinilor de talie medie [Udrescu et al. 1999, 108].

Alte două talii au fost calculate cu ajutorul lungimilor bazale recoltate de pe cele trei mandibule, folosind indecșii Brinkmann și Dahr [von den Driesch 1976, 61]. Astfel, am obținut un indice Brinkmann de 175, 71 și un indice Dahr de 182 pentru mandibula pereche, iar pentru cealaltă mandibulă (stâng) un indice Brinkmann de 150. Datele sugerează că cele trei piese provin de la un individ de talie mică-medie, respectiv, unul cu o talie medie spre mare.

Suine domestice (*Sus domesticus* Erxl.)

Suinele domestice ocupă locul secund din seria animalelor domestice din lotul analizat. Cele mai multe oase provin din regiunea scheletului capului (maxilar, mandibulă și dentiție). Au mai fost determinate și două fragmente de humerus, două metapodii distale (Mc, Mt), o tibie distală și un fragment coxal (fig.1). Resturile osoase aparțin unui număr minim de trei indivizi, având următoarele vârste: un individ sub 6 luni, unul între 1-2 ani și unul de 2 ani.

Bovine (*Bos taurus* L.)

De la bovine domestice au putut fi determinate

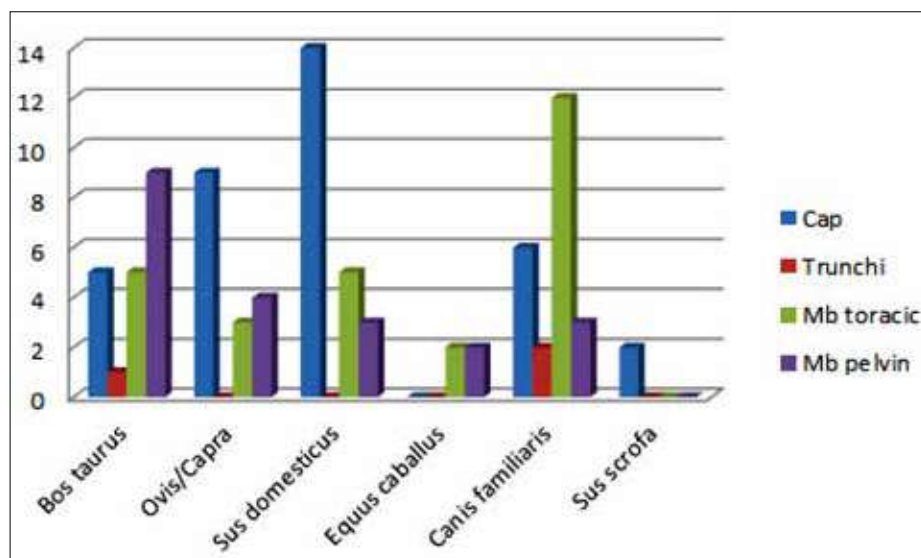

Fig. 1. Repartiția oaselor pe regiuni scheletice pentru speciile identificate.

Fig. 1. The bones distribution by skeletal regions for the identified species.

18 oase, cu un număr minim de 2 indivizi estimați (Tab. 1). Aprecierea vârstei de sacrificare s-a făcut după erupția și uzura dentară a celor două mandibule, precum și după gradul de osificare a oaselor lungi. Astfel, vârsta estimată a indivizilor este cuprinsă între 3,5-5 ani, respectiv 2-3,5 ani [Schmid 1972, 60,77; Haimovici, Teodorescu 1995, 198].

Grupul ovicaprinelor (*Ovis/Capra*)

Grupul ovicaprinelor totalizează 16 resturi (Tab.1). Aspectele morfologice ale fragmentelor osoase studiate arată un MNI de doi estimați aparținând genului *Ovis aries* L. (ovine). Diferențierea acestora s-a făcut pe baza următoarelor fragmente [Gudea, Stan 2012, 107-114; Haslthead et al. 2002, 548]: apofiză cornuală, mandibule și un metatars proximal (fig. 1). Restul oaselor rămân repartizate grupului ovicaprinelor. Vârsta indivizilor *ovis* este de 1-1 an și 8 luni pentru unul și de 2,5-3 ani pentru celălalt. În urma studiului tafonomic au fost observate câteva tăieturi aplicate pe unele dintre fragmente: o apofiză cornuală a unui individ aparținând genului *ovis* a fost tăiată de la bază, o tibie distală a fost secționată sagital, iar alte urme de tăieturi apar și pe suprafața unei diafize de metatars și pe partea ventrală a cavității acetabulare (coxal)/ a coxalului.

Scapula	HS	SLC	GLP	LG	BG	Talia Koudelka
R (drept)	107	22	27	18	16	43 cm

Tab. 2. Date osteometrice pentru scapula de *canis* [cf. Von den Driesch 1976].

Tab. 2. Osteometrical date for *canis* scapula [cf. Von den Driesch 1976].

² În curs de prelucrare.

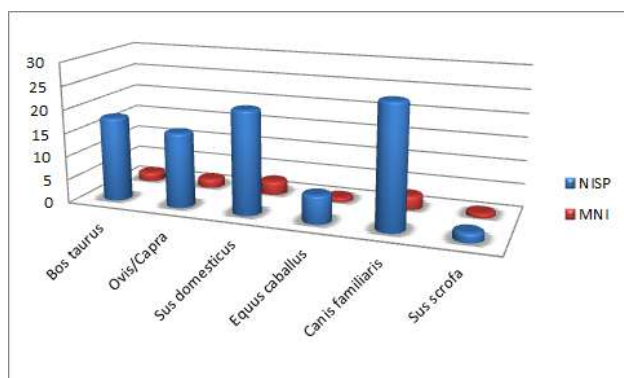

Fig. 2. Proportia speciilor în groapa dacică de la Carei-Bobald I.

Fig. 2. The Species ratio in dacian pit from Carei-Bobald I.

Cabaline (*Equus caballus L.*)

Resturile osoase atribuite ecvinelor provin de la un singur individ cu vârsta de aproximativ 2 ani. Ur mătoarele fragmente au fost determinate: o tibie distală, un fragment de metapodiu (Mc?), o falangă proximală și două fragmente de dentiție (fig. 2).

Mistreț (*Sus scrofa L.*)

Singurul animal identificat din specia sălbatică este mistrețul. De la acesta a fost determinat un fragment de maxilar și un canin. După gradul de uzură a ultimului molar (M3), s-a apreciat o vârstă cuprinsă între 4-5 ani [Haimovici, Teodorescu 1995, 200].

Discuții

Speciile identificate sunt relativ bine reprezentate, din 90 de resturi au fost determinate un MNI de 12 indivizi estimați (fig. 2). Distribuția oaselor pe segmente anatomice ne arată o preponderență a scheletului apendicular (fig. 1) la majoritatea speciilor. Unele resturi prezintă urme de contact cu focul și aici menționăm un fragment maxilar de suină domestică, un fragment de ulnă de ovicaprin, trei resturi neidentificate, două fragmente costale și un fragment de craniu aparținând unor animale de talie mică-medie. Urme de prelucrare a carcasei au fost înregistrate doar în cazul resturilor ovicaprinelor. S-au observat tăieturi pe suprafețele oaselor, ce pot proveni de la jupuire/descarnare, iar tăietura aplicată sagital pe tibie se datorează cel mai probabil extragerii măduvei.

Rumegătoarele mari și mici însumează 17-20% (18/16 fragmente) (fig. 2) din totalul de resturi identificate, numărând câte doi indivizi fiecare. Vârsta acestora se poate împărți în animale tinere și adulți.

Suinele domestice sunt cele mai reprezentative (după NISP, 24,4%) după canide în eșantionul studiat de noi. Fragmentele osoase provin de la trei indivizi juvenili. Cabalinele sunt slab reprezentate în materialul analizat. Oasele aparțin unui singur individ subadult.

Cod	Mandibula L+R(drept+stâng)	Mandibula L(stâng)
1	145	126
2	147	125
3	139	120
4	126	108
5	121	104
6	129	107
7	83	
8	78	
9	72	
10	38	
11	45	
12	38	
13	LM1=22 IM1=10	
14	23	
15	LM2=10 IM2= 8	
16	LM3= 6 IM3= 6	
17	-	
18	17	48
19	23	20
20	21	17
Indice Brinkmann	175,71	150
Indice Dahr	182	

Tab. 3. Date osteometrice pentru mandibulele de *canis* [cf. von den Driesch 976].

Tab. 3. Osteometrical date for *canis* mandible [cf. Von den Driesch 1976].

Datorită numărului prea mic și de natura resturilor identificate, nu putem trage nici un fel de concluzii cu privire la această specie.

Specia sălbatică este reprezentată de un singur individ adult/matur de mistreț.

În ceea ce privește datele morfometrice ale speciilor din groapa dacică de la Carei - Bobald I, informațiile sunt aproape inexistente. Singurele talii ce au putut fi recalculat aparțin canidelor. Valorile obținute în urma prelevării datelor metrice de pe oase, folosind indecșii Koudelka, Brinkmann și Dahr, încadrează indivizii noștri în categoria câinilor de talie mică, mică/medie și mediu spre mare. Din ce cunoaștem până acum, pentru perioada clasică dacică, sunt puține informații privind talia canidelor în Transilvania. La Șimleu au fost determinate două categorii de câine: *Canis familiaris intermedius* - la Cetate și una de talie mică- la *Observer* [El Susi 2008, 168-169], în așezarea dacică de la Covasna- *Cetatea Zânelor* avem un individ de talie mare (determinat după un humerus) și unul de talie supramedie (determinat după un femur), ambii au fost clasați în categoria câinilor cu robustețe mijlocie [Bindea 2005, 177; Bindea, Crișan 2006, 70]. Cea mai ridicată lungime bazală pentru perioada dacică, o deținem în situl de la Sighișoara, unde s-a calculat o lungime de 196,7 [El Susi 1996, 517], ceea ce plasează individul în categoria câinilor mari.

Concluzii

Ca urmare a analizei arheozoologice au putut fi surprinse câteva aspecte generale cu privire la materialul osteologic studiat:

1. Aspectul fragmentar al resturilor ne relevă faptul că oasele provin cel mai probabil din resturi menajere.

2. Urmele modificărilor post-mortem pe unele dintre oasele ovicaprinelor arată o prelucrare a carcasei în scop alimentar.

3. Din punct de vedere numeric predomină canidele și suinele domestice, atât după numărul de re-

sturi, cât și după numărul minim de indivizi estimați. Distribuția pe grupele de vârste ne arată că indivizii au fost sacrificați în primii doi ani de viață (juvenili) în cazul suinelor domestice și a unui individ de ovină, restul speciilor fiind sacrificați subadulti, respectiv, adulți și senil.

4. Oasele de câine identificate au permis aprecierea a trei tipuri de talii: o talie mică, una mică/medie și una medie spre mare.

5. Numărul mic de resturi provenite de la ecvine și misteț nu permite extragerea unor date concrete cu privire la aceste specii.

Bibliografie

- Baker, Bronthwell 1980:** J. Baker, D. Brothwell, *Animal Diseases in Archaeology* (London 1980).
- Bindea 2005:** D. Bindea, Așezarea dacică de la Covasna. Studiu arheozoologic preliminar. *Angustia* 9, 2005, 175-192.
- Bindea, Crișan 2006:** D. Bindea, V. Crișan, Analizele matematico-statistice asupra materialului faunistic din „Cetatea Zânelor” de la Covasna (epoca dacică). In: *Lucrările Seminarului „Tiberiu Popoviciu” de Ecuatie Funcțională, Aproximare și Convexitate. Omagiu memoriei academicianului Tiberiu Popoviciu la centenarul nașterii sale 1906-1975, 25 octombrie-29 octombrie 2006* (Cluj-Napoca 2006), 65-71.
- Boessneck et al. 1971:** J. Boessneck, A. von den Driesch, Wechsler Meyer-Lemppenau, Eva von Ohlne. *Die Tierknochenfunde aus dem Oppidum Von Manching* (Wiesbaden 1971).
- El Susi 1996:** G. El Susi, Fauna din așezarea dacică de la Sighișoara „Wiettenberg” (Județul Mureș). *AMN* 33/1, 1996, 511-524.
- El Susi 2008:** G. El Susi, The animal husbandry of the La Ténne communities from the Șimleu depression (Sălaj County). In: (ed. Horea Pop), *Dacian Studies – Contributions for La Ténne period researches*, 2008, 161-191.
- Gudea, Stan 2012:** Al. Gudea, Fl. Stan, The discriminative macroscopical identification of the bones of sheep (*Ovis aries*), goat (*Capra hircus*) and roe deer (*Capreollus capreollus*). 2. Elements of the hindlimb skeleton. *Bulletin UASVM. Veterinary Medicine* 69 (1-2), 2012, 107-114.
- Haimovici Teodorescu 1995:** S. Haimovici, M. Teodorescu, Studiul arheozoologic al materialului descoperit în două situri (Vatina și Siliste) de la Poiana-Dulcești (jud. Neamț) aparținând dacilor liberi (sec. II-III D.H.). *MA XX*, 1995, 195-208.
- Halstead et al. 2002:** P. Halstead, P. Collins, V. Isaakidou, Sorting the Sheep from the Goat: Morphological Distinctions between the Mandibles and Mandibular Teeth of Adult *Ovis* and *Capra*. *JAS* 29, 2002, 545-553.
- Németi 2001:** J. Németi, Descoperiri din Laténe-ul târziu din județul Satu Mare. In: (eds. G. Florea, L. Suci) *Studii de istorie antică. Omagiu profesorului Ioan Glodariu. Bibliotheca Musei Napocensis*, 20 (Cluj-Napoca 2001), 57-70.
- Németi 2015:** J. Németi, A Nagykaroly-bobáldi késő Laténe (LT D1) település / The late la Ténne (LT D1) settlement from Carei-Bobald. In: (eds. A. Dobos et al.) *Archaeologia Transylvanica. Studia in honorem Stephani Bajusz* (Kolozsvár-Budapest 2015), 49-63.
- Németi, Molnár 2012:** J. Németi, Zs. Molnár, Bronzkori hatalmi központok északnyugat-erdélyben: A Nagykaroly-Bobáld-tell. *Bronzezeitliche Machtzentrum in Nordwest-Siebenbürgen: Der Tell von Carei-Bobáld* (Szeged 2012).
- Schmid 1972:** E. Schmid, *Atlas of Animal Bones. For Prehistorians, Archaeologists and Quaternary Geologists*, Elsevier Publishing Company (Amsterdam 1972).
- Udrescu et al. 1999:** M. Udrescu, L. Bejenaru, C. Hrișcu, *Introducere în arheozoologie* (Iași 1999).
- Von den Driesch 1976:** A. von den Driesch, *A guide to the measurement of animal bones from Archaeological sites*. Peabody Museum of Archaeology and Ethnology, Harvard University (Harvard 1976).

Xenia Pop, Disciplina de Anatomie Comparată, Facultatea de Medicină Veterinară, Universitatea de Științe Agricole și Medicină Veterinară din Cluj-Napoca, Calea Mănăștur 3-5, 400372, Cluj-Napoca, România, email: ravenheartr@gmail.com

Марк Стёганцев

Исследование некоторых методов синхронизации распределений на примере Неревских раскопов XVII и XXVIII

С уважением и симпатией Л.С. Клейну

Keywords: Onfim's birchbark manuscripts, South Slavonic (Cyrillic) numeral alphabet, Glagolitic numeral alphabet, correlational methods of comparing distribution, Nereva dendrochronological scale.

Cuvinte cheie: manuscrisele lui Onfim, alfabetul numeral sud-slavon (chirilic), alfabetul numeral glagolitic, metode de corelare a comparației distribuțiilor, scara dendrocronologică Nereva.

Ключевые слова: грамоты мальчика Онфима, южнославянский (кириллический) цифровой алфавит, глаголический цифровой алфавит, корреляционные методы сравнения распределений, Неревская дендрохронологическая шкала.

Mark Stegantsev

A study of some methods of synchronizing distributions from Nereva Excavations XVII and XXVIII

This paper examines previously unidentified characters found in the bottom line of Birch Bark Manuscript 201 extracted from the 15th tier of Nereva Excavation XVII. A.A. Zaliznyak identified this manuscript as one of the manuscripts made by Onfim. The characters in question may be interpreted as digits because of the titlos placed over them. If decrypted based on the South Slavonic (Cyrillic) or Glagolitic numeral alphabet, those characters yield a numerical value within the range between 716 and 719. Adding an implied value in the position of thousands, they show a date within the range between 6716 and 6719 A.M. which is 1208 to 1211 A.D. according to our modern calendar.

However, the date taken from the manuscript does not match the dendrological limits of the 15th tier (1224-1237). Hence, in order to verify the dating, a comparison of wooden artifacts extracted from Excavations XVII and XXVIII was made using correlation and normalized difference methods. Tier dating excavation XXVIII were used as a point of departure. The comparison was based on an empirical generalization made by A.V. Artsihovskiy. A comparison of the distributions was carried out both visually and through a set of statistical methods. These comparisons revealed that the dating of the distribution both in the 15th tier (which is the object of our inquiry) and in most other tiers runs one or two tiers ahead of the current dendrochronological scale of Nereva excavation.

The significance of this research shows that tiers of the same measurement may have different time limits in different excavations. The methods used in this paper enable one to synchronize not only different excavations at Nereva but also excavations carried out in different sites.

Mark Stegantsev

Cercetarea unor metode de sincronizare a distribuțiilor în baza secțiunilor XVII și XXVIII de la Nereva

În articol sunt examinate semnele neidentificate ale liniei inferioare a manuscrisului 201, descoperit în nivelul 15 al secțiunii XVII de la Nereva. A.A. Zaliznyak a atribuit această descoperire celor executate de Onfim. Aceste semne sunt tratate ca numere. Atunci când sunt descifrate după alfabetul sud-slavon (chirilic) sau numeral glagolitic, se obține un număr din gama 716-719. Luând în considerare semnificația miilor, aceste date se coraportează în intervalul anilor 6716-6719 de la Facerea lumii, sau 1208-1211 conform calendarului modern.

Datele care rezultă nu coincid cu limitele dendrologice din nivelul 15 (anii 1224-1237 ani). Prin urmare, pentru a le clarifica, a fost comparată distribuția pieselor din lemn din secțiunile XVII și XXVIII. Datele din secțiunea XXVIII au fost luate ca model. Comparația se bazează pe generalizarea empirică a lui A.V. Artsikhovskii. Compararea distribuției efectuată prin intermediul unor metode matematice a arătat că distribuția din cadrul secțiunii XVII din nivelul 15, care ne interesează pe noi, la fel ca și în multe altele, depășește cu unul sau două niveluri scara dendrocronologică Nereva.

Importanța cercetărilor constă în faptul că nivelurile cu același număr din diferite săpături pot avea limite de timp diferite. Metodele utilizate în lucrare fac posibilă combinarea scărilor de distribuție temporală și permite sincronizarea nu doar a diferitelor săpături de la Nereva, dar și a celor din cadrul altor monumente.

Марк Стёганцев

Исследование некоторых методов синхронизации распределений на примере Неревских раскопов XVII и XXVIII

Поводом для работы послужили неопознанные символы нижней строки бересты 201 из 15 яруса XVII Неревского раскопа, отнесённой А.А. Зализняком к найденным там же грамотам мальчика Онфима. Эти знаки в статье трактуются как цифры. При их дешифровке по южнославянскому (кириллическому) или глаголическому цифровым алфавитам получается число из диапазона 716-719. Принимая во внимание додуманное значение тысяч, это дата в интервале годов 6716-6719 от сотворения мира, или 1208-1211 по современному календарю.

Полученная дата не стыкуется с ныне существующими дендрохронологическими границами 15 яруса (1224-1237 годы). Поэтому для её уточнения корреляционными методами и одним из методов относительных разностей произведено сравнение распределений деревянных изделий из раскопов XVII и XXVIII. Даты ярусов раскопа XXVIII положены Б.А. Колчиным в основу дендрохронологической шкалы. Базируется сравнение на эмпирическом обобщении А.В. Арциховского о датирующих свойствах распределений артефактов. Сравнение распределений, произведенное с помощью математических методов, выявило, что распределение из раскопа XVII в интересующем нас 15 ярусе, как и в большинстве остальных, опережает на один-два яруса существующую на данный момент Неревскую дендрохронологическую шкалу.

Значение вывода в том, что однономерные ярусы разных раскопов могут иметь различные временные границы. Рассмотренные в работе методы дают возможность совмещать временные шкалы распределений и позволяют синхронизировать не только разные раскопы Неревского конца, но и раскопы на различных памятниках.

В дискуссии 1959-1961 гг. по новгородской археологии одним из самых существенных доводов в абсолютном датировании ярусов с точки зрения Б.А. Рыбакова была палеография грамот №№ 199, 200, 202-208, 210, называемых вкуче «Берестяные грамоты мальчика Онфима» [Artsikhovskii 1957, 215-223; Zalizniak 2004, 475-478]. Палеография привлекалась, в основном, с целью подтвердить [Rybakov 1959, 98-99; 1961, 150-157] или опровергнуть [Artsikhovskii 1959, 124-126; 1961, 128-135] чтение выделенных титлом¹ в грамоте 206 букв как дату - 6771 год (1263 г.н.э). Одновременно с обнаруженной на глубине 3,93 м грамотой 206 в том же 15-ом ярусе, в том же 1201 квадрате на глубине 3,76 м была найдена грамота 201. На рисунке 1 приведена её прорись (файл в формате pdf из интернет-публикации «Древнерусские берестяные грамоты» [<http://gramoty.ru>] или [Artsikhovskii, Borkovskii 1963, 22]). Б.А. Рыбаков не считает Онфима автором грамоты 201 [Rybakov 1959, 98, ссылка 51], а А.В. Арциховский соотносит её с другим мальчиком, вероятно, соучеником Онфима [Artsikhovskii, Borkovskii 1963, 23]. Оба не видят в последней строке грамоты 201 текста со смыслом. Но «в настоящее время уже практически никто из серьезных исследователей берестяных грамот не трактует их более как хаотические и бессвязные записи» [Zalizniak 2003a, 219].

Одновременно утвердилось мнение, что грамота 201 и грамоты мальчика Онфима имеют сход-

ные палеографические признаки². Вместе с тем объединение букв азбуки грамоты 201 в группы по две и отделение групп и складов друг от друга двояким, чего нет в грамотах 199, 200, 202-208, 210, 331 (последняя по мнению А.А. Зализняка написана почерком Онфима и присоединена им к блоку), препятствуют их отнесению одному человеку.

Искать датировку грамот, найденных в XVII раскопе, в палеографии детей [Rybakov 1959, 98-99; 1961, 150-157], которые ещё только учатся писать, не очень корректно. Почерк мальчиков нельзя включать ни в какие хронологические схемы. Они не знают алфавита и срисовывают свои упражнения, вероятно, с одной и той же книги или учатся у одного и того же педагога. Нахождение всей совокупности упоминаемых грамот на усадьбе «И», где в XII-XIII веках проживали священники [Zasurtsev 1959, 159,160; Sedova 1981, 184]; обрывки текстов церковного содержания в грамотах 204,

² «Особые начерки грамоты № 201, отличающиеся от привычных начерков Онфима, в действительности почти всегда обнаруживаются также, хотя бы изредка, в одной-двух из заведомо онфимовских грамот. Так, «в» с круглыми петлями представлено не только в № 201, но также в № 200 и 205, «ж» с уменьшенным верхом — также один раз в № 199. Лишь одна буква («а») представлена в № 201 не встречающимся в прочих грамотах начерком. Таким образом, перед нами либо два очень близких почерка, либо вариации в рамках одного и того же почерка. Выбор затруднителен. Практически же мы предпочитаем не отделять грамоту № 201 от онфимовского блока. Даже если почерки здесь не тождественны, а лишь очень близки, ... никаких системных различий между № 201 и остальными грамотами нет» [Zalizniak 2004, 475].

¹ Титло – в древних и средневековых латинской, греческой и славянской письменностях надстроечный знак, указывающий на сокращение написанных под ним слов или числовое значение букв.

208, 331; разные имена детей, упоминаемые в берестах; разный стиль ребячьих рисунков; один и тот же краткий алфавит и одни и те же упражнения, повторенные несколько раз, - всё это заставляет предполагать одновременное обучение нескольких детей началам письма у клирика. Только так можно объяснить некоторую одинаковость почерков. Не исключено, что учителем мальчиков был один из спутников Добрыни Ядрейковича (в дальнейшем Антоний - архиепископ Новгородский), прибывших из Константинополя совместно с ним. Несомненно, что из своего паломничества Добрыня доставил в Новгород, кроме ряда святынь³ и сопровождавших их лиц⁴, большое количество книг, скорее всего, не греческих⁵.

1. Нашей задачей является **истолкование нижней строки грамоты 201 в качестве даты**. Это позволит увеличить доказательность стратиграфических и палеографических заключений А.В. Арциховского в дискуссии 1959-1961 гг. и иметь в последующих исследованиях для 15-го яруса XVII Неревского раскопа независимую абсолютную дату.

Сравнение начертаний букв в грамоте 201 с грамотами этого же яруса, написанными взрослыми людьми (№№219, 221, 224), убеждает в принадлежности её ребёнку и соответствии бересты начальному этапу обучения - заучиванию алфавита и слогов с первой гласной «а». Выписаны они неустоявшимся почерком, начертания «а - аз», «г - глаголь», «р - рцы», «ч - червь» в разных местах текста разные, буквы разновеликие, строчки ползут вверх. Под ними справа внизу неуверенным почерком проставлены три знака, крайние из которых выполнены точками, а два правых находятся под титлом. Исходя из этого, всю группу будем рассма-

³ Ризы Фёдора Стратилата, мощи Власия Севастийского, часть камня от гроба Иоанна Богослова, частицу Животворящего Креста, меру «гроба Господня» и мощи великомученицы Варвары [Novoselov 2004, 334]. Количество и разнообразие святынь, перемещённых в Новгород, предполагает желание предыдущих обладателей (храмы, монастыри, скиты) уберечь их от глумления и разграбления. Поэтому в качестве даты появления реликвий в Новгороде очень вероятен 1204 год (погром Константинополя крестоносцами и связанное с ним стремление Добрыни Ядрейковича как можно быстрее доставить сокровища в Новгород).

⁴ «На миниатюре Лаптевского тома летописного Лицевого свода Добрыня изображён вместе со своими спутниками, везущими саркофаг» [Velikii Novgorod 2009, 531, 267].

⁵ Например: Евангелие, хранившееся в Новгородском Хутынском монастыре [Putsko 2005, 63-65].

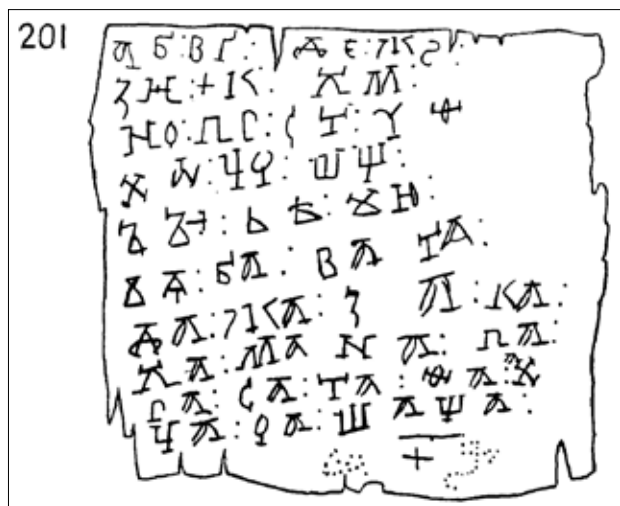

Рис. 1. Прорись грамоты 201 (файл в формате pdf из интернет-публикации монографии А.А. Зализняка «Древненовгородский диалект»).

Fig. 1. A sketch of Manuscript 201 (PDF-file from A.A. Zalizniak, Old Novgorod Dialect [online publication]).

тривать как дату. Соответствующие нижней строке символы, которые ребёнок переносит в упражнение, ему - в основном - неизвестны, поэтому он их просто срисовывает, воспроизводя точками неотожествлённые крайние знаки. Общее впечатление, что последняя строка откуда-то списывается, копируется без понимания смысла.

На Руси, получившей крещение⁶ из Византии, а основную церковную литературу на славянском языке из Болгарии⁷, вследствие длительного существования в древнеславянской среде двух

⁶ Трудно предположить, что до крещения внешние сношения, торговля, обмен, потребности управления и другие области, связанные с грамотностью и счётом, в уже сложившемся Киевском государстве отсутствовали [Medyntseva 1983, 86-95]. Вполне очевидно, что только родственная по языку Болгария с укоренившейся славянской письменностью и богослужением на славянском языке (893 год) могла быть примером для Руси, как до крещения, так и после. По этим соображениям Моравия и Хорватия на роль образца не подходят.

⁷ «Характерной особенностью древнерусской письменной практики XI-XII веков» А.А. Зализняк считает её «несомненно южнославянское происхождение» [Zalizniak 1999, 566]. Древнейшие русские абecedарии (новгородские берестяные грамоты 591 [Нутный раскоп, 30-е годы XI века], 460 [Тихвинский раскоп, посл. четв. XII века], 778 [Троицкий раскоп, 1190-е - 1210 гг.]), в которых зафиксирован кириллический алфавит, по его мнению, отражают особенности некоторого южнославянского диалекта [Zalizniak 1999, 573-574]. Сличение абecedариев с алфавитами, выявленными в Новгородской псалтыри (Троицкий раскоп, первая четверть XI века), подкрепляет это мнение [Zalizniak 2003b, 27-29].

	1	2	3	4	5	6	7	8	9
Единицы	ⱁ	ⱂ	ⱃ	ⱄ	ⱅ	ⱆ	ⱇ	ⱈ	ⱉ
Десятки	ⱊ	ⱋ	ⱌ	ⱍ	ⱎ	ⱏ	ⱐ	ⱑ	ⱒ
Сотни	ⱓ	ⱔ	ⱕ	ⱖ	ⱗ	ⱘ	ⱙ	ⱚ	ⱛ

Таб. 1. Облик древнерусской цифровой системы, сложившейся в XII-XIII вв [Simonov 1977, 34].

Tab. 1. Outlook of Old Slavonic numeral system that emerged in the 12th and 13th centuries [Simonov 1977, 34].

	1	2	3	4	5	6	7	8	9
Единицы	ⱁ	ⱂ	ⱃ	ⱄ	ⱅ	ⱆ	ⱇ	ⱈ	ⱉ
Десятки	ⱊ	ⱋ	ⱌ	ⱍ	ⱎ	ⱏ	ⱐ	ⱑ	ⱒ
Сотни	ⱓ	ⱔ	ⱕ, Оѡ	ⱖ	ⱗ	ⱘ	ⱙ	ⱚ	ⱛ

Таб. 2. Южнославянская (кириллическая) цифровая система конца XII - начала XIII веков [Simonov 1977, 35].

Tab. 2. South Slavonic (Cyrillic) numeral system that emerged in the end of the 12th and the beginning of the 13th centuries [Simonov 1977, 35].

азбук – кириллической и глаголической - присутствовали несколько систем алфавитной записи чисел [Simonov 1977, 30-36; 1993, 52-62]. В таблицах 1, 2 приведены кириллические «цифровые алфавиты»⁸, существовавшие во время создания грамот 199-208. Рассмотрим соотношение с ними знаков из последней строки грамоты 201.

В середине последней строки (разряд «десятки») грамоты 201 под титлом стоит не очень уверенно написанное (горизонтальная черта больше вертикальной) «и» десятиричное. Мальчик его знает (на рисунке 1 во второй сверху строке третий слева знак) и переносит без точек. В обеих системах алфавитной записи чисел (см. таблицы 1, 2) в сочетании с титлом это число 10. Его нереверсивное расположение по отношению к знаку, стоящему справа⁹, является существенным признаком,

сопутствующим использованию южнославянского цифрового алфавита [Kirillitsa 2014, 629].

На знак, стоящий справа от «и» (разряд «единицы»), как будто распространяется титло, т.е. это, скорее всего, число. В передаче мальчика у него есть ветвь, выходящая за нижний обрез и напоминающая букву «зело» (z, ẓ - помещена четвертой справа в первой строке рисунков 1, 2). Верхние точки разбираемого знака можно считать неузнанным титлом, ограниченным справа чёткой вниз (ẓ). «Употребление двойного и даже тройного титла именно при цифрах – не редкость в южнославянских рукописях, начиная с древнейших времён» [Simonov 1993, 70]. Самые правые точки в виде треугольника – это следующий за цифрой текст, не попадающий ни под какое титло.

В обеих цифровых системах указанная буква «зело» имеет числовое значение 6 (см. таблицы 1, 2), в глаголице её значение 8 [Simonov 1993, 52]. Число 6 во всех «цифровых алфавитах» является

⁸ Цифровой алфавит – последовательность цифр и чисел, записанных отдельными буквами.

⁹ В древнерусской письменной практике и в быту (например: грамоты 596, 624, 842 и другие [Zalizniak 2004, 275, 306, 311]), и в датах церковной литературы (например: «Апостольские чтения», 1307 год [Sreznevskii 1866, снимок 36]), и на поминальных памятниках (например:

каменный крест в стене Новгородского кремля, 1234 год [Sreznevskii 1866, 56]) - везде в числах второго десятка (11-19) сначала писалось значение единиц, затем число десять («и» десятиричное).

одной из эписем¹⁰. Написание эписем во времени и пространстве меняется [Simonov 1977, 33-35], поэтому в какой из систем конкретно число 6 обозначено знаком, нарисованном мальчиком и похожим на букву «зело», определить трудно. Однако, обратим внимание, написание этой буквы начинается слева направо (з), а не справа налево, как в византийской цифровой системе [s, S – Simonov 1977, 32], пришедшей на Русь вместе с христианством. По мнению исследователей это свидетельствует о южнославянском влиянии на нумерационные представления в Древней Руси [Simonov 1993, 53-55].

Другой вариант отождествления графики знака, стоящего справа от «и», связан с написанием буквы «з – земля» (з, з) в кириллической и глаголической системах записи славянских букв. В первом случае её значение под титлом 7, а во втором – 9 [Simonov 1993, 52].

Знак, стоящий слева от «и» (позиция «сотни»), титла не имеет¹¹ и по графике напоминает несколько искажённую букву «омега» (ω, Ω). Более угловатая и снабжённая выносным «т» она есть в алфавите грамоты 201 (̄ω, вторая слева в строке 4 на рисунке 1, читается «от»). Мальчик её не атрибутирует. В его транскрипции левый знак (ω) полностью совпадает с обозначением числа 700 в южнославянской (кириллической) цифровой системе (см. в таблице к статье Глаголица [Glagolitsa 2007, 208] обозначение числа 700 в болгарской кириллице). В таблицу 2 вместо ω занесено древнерусское ̄ω, хотя в южнославянских текстах и опубликованных алфавитах такой буквы нет, есть ω. Этому же числу, 700, буква «омега» (ω, Ω) соответствует в глаголическом цифровом алфавите [Tsifry 1978; Glagolitsa 2007].

В сумме все три знака нижней строки грамоты 201 при высказанных выше предположениях являются крайними числами из диапазона 716-719.

Почему отсутствует знак в разряде «тысячи», можно только догадываться. Неизвестный трудный знак с левой подножкой? Или он не нужен? Учитывая, что современный человек при вос-

¹⁰ Эписемы - не имеющие звукового значения дополнительные буквы для обозначения чисел 6, 90, 900 во всех алфавитах, восходящих к греческому письму и записи цифр буквами. Каждая из них известна в нескольких начертаниях в зависимости от времени написания, письменного материала и местных традиций.

¹¹ В древнерусской письменной практике это достаточно частое явление. Например: каменный крест в крепостной стене Новгородского кремля [Рубаков 1964, 38, надпись 39]; надгробие монаха Зиновия из Смядынского монастыря в Смоленске [Рубаков 1964, 41, надпись 44], потир новгородского архиепископа Моисея [Рубаков 1964, 41, надпись 46]; Апостольские чтения [Sreznevskii 1866, снимок 36]. ... И т.д.

производстве дат в устной¹² и письменной¹³ речи достаточно часто отбрасывает значение тысяч и даже сотен лет, можно на основании имеющихся данных в летописях¹⁴ считать этот факт присутствовавшим и в быту наших предков¹⁵.

Принимая во внимание додуманное значение тысяч, получаем - как в южнославянской (кириллической), так и в глаголической цифровых системах, одна из которых, как предполагаем, отражена в нижней строке грамоты 201 - крайние даты из интервала годов 6716-6719, или 1208-1211 по современному календарю¹⁶. Если применять при пересчёте болгарскую эру (от Сотворения до Рождества Христова 5505/5506 лет [Chernov 2013, 388]), - это 1210-1214 годы. Таким образом, при высказанных ранее допущениях и достаточно произвольных интерпретациях графики первого и последнего знаков нижней строчки бересты 201 мы имеем в 15-ом ярусе XVII-го Неревского раскопа независимую абсолютную дату из диапазона 1208-1214 годы, скорее всего 1208-й год.

Результатом работы, проделанной выше, можно считать рабочую гипотезу [Klein 2011, 58] *о присутствии в письменной практике новгородцев одного из цифровых алфавитов, соответствующих южнославянской (кириллической) или глаголи-*

¹² Революция 905-го. Переворот 17-го. Кризис 29-го. Ужасы 37-го. Лихие 90-е. Тучные нулевые. ... И т.д.

¹³ «Гроза двенадцатого года настала – Кто тут нам помог? Остервенение народа, Барклай, зима иль русский Бог?» (А. Пушкин «Евгений Онегин», гл. 10). «Толпою тесною художник поместил Сюда начальников народных наших сил, Покрытых славою чудесного похода И вечной памятью двенадцатого года» (А. Пушкин «Памятник»). «В 41-м, сорок памятном году прокричали репродукторы беду» (Р. Рождественский «Баллада о красках»). «Победный 45-й» (Название книг, сборников, постановок, радиопередач). И т.д.

¹⁴ Например: в Списке Дубровского заглавие киноварью: «О Батыи цари, како приходил на Русскую землю и пленил всю Рускую землю, токмо ублюде Господь Бог ... Великого Новагорода, за 100 верст не доходиша, дета 745» [N4L 2000, 473-474]. Подчёркнуто мною.

¹⁵ Например: в славянской нумерации, употреблявшейся в датировке русских монет до начала XVIII века, цифры тысячелетия, а иногда и столетия, в году выпуска не указывались [Spasskii 1970, 253].

¹⁶ Некоторые сомнения в выводе связаны с тем, что дата создания грамоты 201 (при предположении, что она списывается) может отставать от даты протографа. Они устраняются дальнейшим текстом. Обобщая возникшие в процессе изучения нижней строки грамоты 201 мнения и сомнения, можно также считать, что мальчик не срисовывает дату, а пытается самостоятельно написать текущий год. Но вопрос - почему он пишет его не в древнерусской цифровой системе - остаётся.

ческой азбукам; не исключено, что обеих одновременно¹⁷. Работ, посвящённых следам этих азбук в древнерусском летописании, быту, религиозной и светской литературе огромное количество. Вместе с тем считалось и продолжает считаться, что древнерусский цифровой алфавит до и после крещения употребляет единственную нумерационную систему. Из подспудно присутствующей в наших умах идеи «третьего Рима» вытекает общепринятое убеждение, что её основой была византийская цифровая практика. Расхождение достоверно известных дат с летописными, прочтёнными со сдвигом в 5508 лет, объясняется испорченностью текста, ошибками сводчика, описками переписчика, иногда использованием других эр [Chernov 2013, 291], но только очень изредка¹⁸ разностью цифровых алфавитов. Чтобы превратить высказанную выше гипотезу в достоверное знание, необходимо найти дополнительные примеры использования предполагаемых цифровых алфавитов. Исходных данных, чтобы показать присутствие в Древней Руси нескольких нумерационных систем, достаточно [Letopisi; Sreznevskii 1866, 1882; Orlov 1952; Rybakov 1964], но это задача¹⁹ требует более глубокого погружения в тему и, скорее всего, коллективных усилий.

2. Предложенное толкование нижней строки грамоты 201 со многими допущениями²⁰ дати-

¹⁷ Автор статьи отдаёт себе отчет в сложности поднятых вопросов и весьма заинтересован в критических замечаниях по существу поставленной в части 1 проблемы. Эта критика помогла бы дополнить используемую аргументацию и тем самым, в конечном счёте, способствовать уточнению вопросов, связанных с христианизацией Руси [Priselkov 2016, 26-31, 37-42; Musin 2002, 69-70].

¹⁸ Почти единственный пример - И.И. Срезневский, который исправляет индикт договора князя Игоря с греками, дату грамоты, данной Ярославом Мудрым новгородцам, и т.д., опираясь на глаголический цифровой алфавит, используемый в соответствующих датах [Sreznevskii 1882, stolbcy 4-10]. А.Ю. Чернов, датируя события начального древнерусского летописания, называет этот факт «казусом Срезневского» [Chernov 2013, 299].

¹⁹ Её решение обязательно должно включать идентификацию знаков под титлом в бересте 206, которая обнаружена в том же ярусе и том же квадрате, что и грамота 201. Навязанное археологическому сообществу Б.А. Рыбаковым прочтение даты в бересте 206-6771 (1263) год, не соответствует дендрологической дате 15 яруса, явно подтянутой под домыслы академика.

²⁰ «Даже если последняя строка грамоты 201 является записью года, из чего следует, что она датирует документ? Над нами довлеет представление, что дата на монете есть дата чеканки монеты, а дата на документе – дата составления документа. ... Здесь год (если это год ...) может

рует время её создания и дату 15 яруса, в котором она найдена. С целью проверки этого предположения воспользуемся эмпирическим обобщением А.В. Арциховского о датирующих свойствах археологических распределений²¹ [Stegantsev 2010, 11-14]. Базируется оно на хорошо известной всем археологам общей закономерности: *экстремумы всех распределений причинны и одни и те же причины в одинаковых распределениях на разных памятниках проявляются одинаково*²².

датировать рождение ученика, год достижения им совершеннолетия, год рождения учителя и т.д., то есть не является годом написания грамоты 201» (замечание О.И. Богуславского на один из первых вариантов текста).

²¹ Датирующие свойства экстремальных точек распределений импортных предметов использовала З.А. Львова для подтверждения или опровержения датировок Земляного городища Старой Ладogi [L'vova 1968, 66, таблица I; 83, таблица II]. Ю.Л. Щапова указывала, что «хронологическое совпадение в появлении бус, перстней и посуды не может быть случайностью» [Shchapova 1972, 77]. Е.А. Рыбина констатировала одинаковость путей поступления в Новгород некоторых импортных предметов, ссылаясь на совпадение максимумов их распределений [Rybina 1978, главы 1, 2]. Примеры можно умножить.

Среди последующих исследователей, достаточно часто и эффективно применяющих эмпирическое обобщение А.В. Арциховского, наряду с сотрудниками НАЭ, необходимо назвать И.В. Волкова, который при определении места производства импортной керамики Новгорода Великого связал максимумы её выпадения с определённой совокупностью исторических событий [Volkov 1996, 92, 94-95]. В дальнейшем он так сформулировал этот приём, являющийся расширением обобщения А.В. Арциховского: «Одним из главных оснований для определения происхождения амфор являются закономерности их выпадения в культурном слое» [Volkov 2001, 140].

²² Внедрение в археологическую практику этой закономерности (в начале её применения – синхронизация и датировка различных раскопов по максимумам распределений стеклянных браслетов) в качестве эмпирического обобщения неразрывно связано с именем А.В. Арциховского. Им он систематически проверяет свои раскопки 30-х годов в южной части Славенского конца, раскопки Строкова на Ярославовом дворце, абсолютные даты. В дискуссии 1959-1961 годов при публикации материалов из различных раскопов Неревского конца для доказательства их синхронности А.В. Арциховский приводит совпадающие по его мнению в экстремальных точках распределения различных импортных артефактов [Artsikhovskii 1959, 16-19; Stegantsev 2016b, 130-133].

Его ученики и продолжатели Б.А. Колчин и В.Л. Янин на основе собственного опыта расширили это эмпирическое обобщение путём его распространения на интегральные (накопленные) значения распределений, сформулировав его так: «Хронологические рубежи

Ярусы		1. Универсальные орудия труда [К 1968, 17-23]. 2. Бондарная посуда [К 1968, 24-30]. 3. Точёная посуда [К 1968, 31-43]. 4. Резная посуда и утварь [К 1968, 43-48]. 5. Долблёные и плетёные изделия [К 1968, 48-50]. 6. Транспорт [К 1968, 51-61]. 7. Машины и сложные орудия труда [К 1968, 64-78]. 8. Домашняя утварь [К 1968, 80-88].									
№	Годы	1	2	3	4	5	6	7	8	$x_i (\Sigma)$	К-во значащих величин (>0) в x_i
28	953-971	0	0	0	0	0	0	0	1	1	1
27	972-988	0	0	0	0	0	1	0	0	1	1
26	989-1005	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0
25	1006-1024	0	0	0	2	0	0	0	0	2	1
24	1025-1054	0	0	1	1	0	0	0	0	2	2
23	1055-1075	0	0	0	1	0	0	0	1	2	2
22	1076-1095	1	0	1	3	0	0	0	0	5	3
21	1096-1115	0	0	0	0	0	2	0	0	2	1
20	1116-1133	1	0	0	1	0	0	0	0	2	2
19	1134-1160	0	0	1	1	0	0	0	0	2	2
18	1161-1176	0	1	0	0	0	0	0	0	1	1
17	1177-1196	0	0	4	3	0	0	1	0	8	3
16	1197-1223	0	0	0	0	0	2	1	1	4	3
15	1224-1237	2	0	0	0	0	2	2	0	6	3
14	1238-1267	1	0	0	0	0	0	0	0	1	1
13	1268-1280	1	1	2	2	1	6	1	4	18	8
12	1281-1298	0	1	0	0	0	0	1	2	4	3
11	1299-1312	5	0	1	0	0	1	0	1	8	4
10	1313-1339	3	0	1	0	0	2	1	1	8	5
9	1340-1368	6	0	0	1	0	1	3	2	13	5
8	1369-1381	3	2	0	1	4	0	1	1	12	6
7	1382-1395	2	1	0	0	1	1	2	0	7	5
6	1396-1408	0	0	0	0	0	3	2	0	5	2
5	1409-1421	0	0	0	1	1	1	2	1	6	5
4	1422-1428	1	0	0	0	1	0	1	0	3	3
3	1429-1445	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0
2	1446-1461	0	0	1	0	0	0	0	0	1	1
Σ		26	6	12	17	8	22	18	15	124	

Таб. 3. Количественные распределения деревянных изделий из XXVIII раскопа.

Tab. 3. Numeric distributions of wooden artefact from excavation XXVIII.

На момент первой публикации грамот мальчика Онфима и в течение всей дискуссии ярусу 15 соответствовали «80-е годы XII века – самое начало XIII века» [Artsikhovskii 1958, 6; Rybakov

и конфигурация полигонов распределения массовых вещей на разных раскопах столь однотипны, что мы получаем возможность с помощью гистограмм массовых находок хронологически членить культурный слой с высокой точностью ...» [Janin, Kolchin 1978, 23]. Ограничения в распространении подобным образом сформулированного эмпирического обобщения Арциховского на раскопы разных памятников Ю.М. Лесман выразил следующим образом: «Вывод справедлив: 1) если история поступления импортов идентична, что требует специального обоснования (как и правомерность переноса интервалов дат); 2) если интенсивность жизни и закономерности накопления вещей в слое неизменны» [Stegantsev 2010, 21, ссылка 7].

1961, 143]. По Неревской дендрохронологической шкале, опубликованной уже после дискуссии, 15 ярус соответствует 1224-1237 годам, т.е. дата в грамоте 201 (1208-1214 год) на нынешнем этапе знаний опережает его (раньше появляется на временной шкале) и относится к предыдущему, 16 ярусу (1197-1223 гг.). Подтвердим это положение путём сравнения распределения всех деревянных изделий в ярусе i из раскопа XXVIII²³ и такого же распределения из раскопа XVII. Первое распре-

²³ Распределение деревянных изделий из раскопа XXVIII взято в качестве образцового по тем соображениям, что при создании Неревской дендрохронологической шкалы «основную массу спилов от брёвен и плах дали раскопы XXVIII, XXIX, XXX» [Kolchin 1963, 18]. В частности, спилов плах и лаг мостовых из XXVIII раскопа задействованы при определении дат ярусов 9-24.

Ярусы		1. Универсальные орудия труда [К 1968, 17-23]. 2. Бондарная посуда [К 1968, 24-30]. 3. Точёная посуда [К 1968, 31-43]. 4. Резная посуда и утварь [К 1968, 43-48]. 5. Долблёные и плетёные изделия [К 1968, 48-50]. 6. Транспорт [К 1968, 51-61]. 7. Машины и сложные орудия труда [К 1968, 64-78]. 8. Домашняя утварь [К 1968, 80-88].									
№	Годы	1	2	3	4	5	6	7	8	$y_i(\Sigma)$	К-во значащих величин(>0) y_{ij}
28	953-971	1	0	0	4	0	0	1	0	6	3
27	972-988	0	0	0	1	0	0	1	0	2	2
26	989-1005	0	0	2	2	0	1	0	0	5	3
25	1006-1024	2	0	0	0	0	0	0	0	2	1
24	1025-1054	0	0	1	1	0	0	0	1	3	3
23	1055-1075	0	0	4	0	0	0	0	0	4	1
22	1076-1095	0	0	0	0	0	0	1	0	1	1
21	1096-1115	0	0	0	1	0	1	0	0	2	2
20	1116-1133	1	0	0	0	0	0	0	0	1	1
19	1134-1160	2	1	0	0	0	0	1	1	5	4
18	1161-1176	0	0	1	1	0	2	3	0	7	3
17	1177-1196	3	0	1	0	0	2	0	0	6	3
16	1197-1223	0	1	0	0	0	0	1	0	2	2
15	1224-1237	2	1	1	2	0	1	1	0	8	5
14	1238-1267	1	2	1	0	0	0	2	1	7	5
13	1268-1280	3	0	0	0	0	0	0	2	5	2
12	1281-1298	1	0	2	0	0	0	3	0	6	3
11	1299-1312	2	0	1	2	0	1	4	1	11	6
10	1313-1339	3	0	4	2	1	1	2	1	14	7
9	1340-1368	0	0	1	5	1	2	5	2	16	6
8	1369-1381	2	0	2	2	0	0	6	1	13	5
7	1382-1395	1	5	1	5	0	2	3	1	18	7
6	1396-1408	2	6	3	4	0	5	3	0	23	6
5	1409-1421	4	1	1	8	0	1	7	2	24	7
4	1422-1428	3	1	2	0	0	1	8	0	15	7
3	1429-1445	2	1	2	0	0	1	1	1	8	6
2	1446-1461	0	1	1	0	0	0	0	0	2	2
Σ		35	20	31	40	2	21	53	14	216	

Таб. 4. Количественные распределения деревянных изделий из XVII раскопа.

Tab. 4. Numeric distributions of wooden artefacts from excavation XVII.

деление обозначено $x_i(\Sigma)$ и приведено во втором справа столбце таблицы 3; второе обозначено $y_i(\Sigma)$ и приведено во втором справа столбце таблицы 4. Знак Σ означает, что каждая из величин x_i и y_i рассматриваемых распределений, является суммой восьми парциальных значений (столбцы 1-8) в ярусе i соответствующего раскопа. Сравнимые распределения x_i и y_i вынесены в таблицу 5. Максимумы распределений в таблицах 3,4,5 выделены более тёмным цветом.

Из таблицы 5 следует, что максимумы распределения деревянных изделий из раскопа XVII в ярусах 28-5 появляются на временной шкале на один-два яруса раньше²⁴, чем предписывает ден-

дрохронологическая шкала (в ярусах 28, 26, 23, 21, 18, 15-14, 9,6-5 вместо ярусов 28-27, 24, 22, 20, 17, 15?, 13, 9-8, 5). Этот вывод может быть распространён на все категории артефактов из XVII раскопа, включая берестяные грамоты, т.е. все *ярусно-определения из 28-5 ярусов XVII раскопа на 1 – 2 яруса опережают присвоенный им номер*²⁵. Вместе

Б.А. Колчина сумма однородных распределений из раскопов XII-XX, XXI-XXV опережает на один-два яруса сумму те же однородных распределений из раскопов I-XI [Stegantsev 2010, 40-46; 2016b, 130-135].

²⁵ Подобный же вывод можно сделать, если рассматривать в тех же раскопах экстремумы распределений керамики, железных изделий, украшений и т.д.; лишь бы это были однородные изделия, т.е. из одного материала или одного назначения. Максимальные и минимальные значения разных однородных распределений не совпадают друг с другом, поэтому на основе распреде-

²⁴ Ранее путём применения эмпирического обобщения Арциховского на многочисленных примерах уже было показано, что по дендрохронологической шкале

Границы по Колчину		953	972	989	1006	1025	1055	1076	1096	1116	1134	1161	1177	1197	1224	
№	Раскоп	Ярус [i]														
		28	27	26	25	24	23	22	21	20	19	18	17	16	15	
1	XXVIII (x _i) →	1	1	0	2	2	2	5	2	2	2	1	8	4	6	
2	XVII (y _i) →	6	2	5	2	3	4	1	2	1	5	7	6	2	8	

Границы по Колчину		1238	1268	1281	1299	1313	1340	1369	1382	1396	1409	1422	1429	1446	1461	
№	Раскоп	Ярус [i]														Σ
		14	13	12	11	10	9	8	7	6	5	4	3	2		
1	XXVIII (x _i) →	1	18	4	8	8	13	12	7	5	6	3	0	1	124	
2	XVII (y _i) →	7	5	6	11	14	16	13	18	23	24	15	8	2	216	

Таб. 5. Сравнение расположения экстремальных значений в распределениях деревянных изделий из раскопов XXVIII и XVII [Kolchin 1968].

Tab. 5. Comparison of the position of wooden artefact distribution extremums on the tier scale in Excavation XVII and Excavation XXVIII [Kolchin 1968].

с тем анализ таблицы 5 не исключает и такой вывод: экстремумы распределения всех деревянных изделий из раскопа XVII отстают (позднее появляются на временной оси) на один-два яруса от распределения из раскопов XXVIII.

Несколько необычным для сделанных выводов является использование для синхронизации раскопов изделий своего производства, конкретно – деревянных изделий, которые в силу своей массовости не являются датирующими. Если экстремальные значения распределений артефактов, соответствующих предметам импорта, связаны со значимыми событиями внешнего по отношению к Новгороду мира и, как правило, имеют абсолютную дату²⁶, то для изделий своего производства такими

ления суммы разнородных изделий вышеприведенного вывода сделать нельзя, у них одинаковые экстремумы находятся в разных ярусах и в суммарном распределении маскируют друг друга.

²⁶ Например: часто упоминаемое распределение стеклянных браслетов в Неревском раскопе Великого Новгорода имеет максимум в середине 30-х – середине 40-х годов XIII века. Объясняется он прекращением производства вследствие форс-мажорных обстоятельств и стремлением изготовителей браслетов переместить свои капиталы, товарные запасы и навыки в неподверженные им пункты. Распределение браслетов, произведённых в Византии, имеет максимум в 1204 году (IV Крестовый поход); распределения браслетов, произведённых в Средней Азии, Волжской Булгарии и Северо-Восточной Руси, Южной Руси, Западной Руси и Польше имеют максимумы соответственно в 1219-1221, 1236-1238, 1240, 1242 годах (разгром городов указанных территорий монголами). В зависимости от соотношения распределений браслетов из разных центров в разных раскопах максимум перемещается в указанном выше интервале. Поэтому при сравнении распределений импортных изделий с целью синхронизации различных памятников использовать надо не однородные распределения, а распределения одинаковых артефактов, или

событиями являются пожары, глады, моры, внутренние и внешние конфликты, связанные с территорией памятника. Эти события совпадают для различных раскопов одного памятника, т.е. одинаково влияют на распределения в них однородных артефактов, но к абсолютной дате могут быть привязаны не всегда²⁷. Элементами синхронизации в этом случае являются минимумы и максимумы однородных (повторим: из одного материала, или одного назначения) распределений. В качестве таких распределений могут использоваться выпадения кухонной керамики, изделий из дерева, кожаных изделий, изделий из железа, игрушек, однотипных украшений, костных остатков. Рассмотрим, с чем связаны экстремумы распределений на примере артефактов из дерева и железа.

Минимумы в распределении изделий из дерева определяются в основном всеновгородскими и кончанскими пожарами. Деревянные изделия при этом сгорают, исчезают из процесса археологизации (выпадения в слой), в отложениях ярусов с пожарами их значительно меньше, чем в те периоды, когда течение жизни ими не нарушено. Для распределений изделий из железа пожарам соответствуют максимумы выпадений, ибо металлические изделия пожарами, в основном, не уничтожаются. Замки, сковороды, ухваты, ножи выпадают в слой до срока своего физического износа. Пожар ускорил использование железных вещей, ускорил их археологизацию. Замки на усадьбе после пожара будут уже новые; сковородки, ухваты, ножи тоже. И со старой скоростью археологиза-

– в обоснованном варианте – происходящих из одного центра [Stegantsev 2016a].

²⁷ Великий Новгород, благодаря летописям и сохранившейся системе мостовых, счастливое исключение, которое было использовано Б.А. Колчиным при создании первого варианта абсолютной шкалы Неревского раскопа.

ции, не убыстренной пожаром, они вновь попадут в слой. С той же интенсивностью они будут выпадать в ярусе, где пожары отсутствовали. Изложенное рассуждение относится не только к каким-то конкретным замкам, а ко всем железным изделиям. Максимумы их распределений точно соответствуют датам пожаров, распределение же определённого замка даёт по аналогии какой-то интервал абсолютных дат.

Максимумы распределений деревянных изделий определяются в основном гладами и морами. В голод и эпидемию народ вымирает, частично эмигрирует, быт выживающих упрощается, трудовая деятельность свёртывается, резная и точёная посуда, домашняя утварь, орудия труда заброшены и с большей, чем до глада, интенсивностью выбывают в слой. Для этих же событий количество попадающих в слой железных изделий, более ценных и с большим сроком эксплуатации, уменьшается. Во время голода использование железных изделий значительно сокращается, их возобновление отсутствует, но их не выкидывают, ещё пригодятся. Скорость их археологизации вследствие неиспользования замедляется. В эмиграцию с собой возьмут не коромысла и деревянные бадьи, а топоры, ножи, инструмент (украдут в опустевшем доме тоже их). По прошествии времени условия жизни восстанавливаются, существование и быт приходят в норму, археологизация железных изделий увеличивается (она пропорциональна возобновлённой трудовой деятельности), но выпадение изделий приходится уже на другой ярус.

Социальные потрясения, а они, как и эпидемии, связаны с демографическими процессами и изменениями в интенсивности трудовой деятельности, также отражаются на характеристиках распределений изделий своего производства.

Вышеизложенное объяснение датирующих свойств археологических распределений изделий своего производства очень примитивно, но закономерности существуют, они отражаются в однородных распределениях и статистика позволяет их зафиксировать.

Приведенный выше текст является математическим толкованием эмпирического обобщения Арциховского, распространённым на изделия своего производства.

3. Полученная в разделе 2 оценка сдвига распределений основана на визуальном наблюдении, т.е. субъективна; для одних она доказательна, для иных нет. Поэтому нашей дальнейшей задачей является **проверка и уточнение сдвига распределений из разных групп раскопов Неревского конца**

с помощью объективных методик. Исходить при этом будем из высказанного выше предположения, что однотипные распределения разных раскопов в Неревском конце образовывались под воздействием одних и тех же причин, т.е. по расположению максимумов и минимумов они должны быть подобны между собой. Фактически же при фиксации вследствие различных обстоятельств результаты действия одной и той же причины в однородных распределениях разных раскопов не всегда попадают в один и тот же ярус.

В прикладной математике для различных отраслей знания разработано немало методик совмещения распределений и оценок их совпадения. Суть всех на выбранном нами примере сводится к тому, что распределение из раскопа XVII последовательно сдвигается вдоль принятого за образец распределения из раскопа XXVIII. Одновременно для каждого смещения фиксируется мера схожести (совпадение или несовпадение) между всеми значениями распределений, либо их последовательными участками (локусами). Затем, рассматривая при различных смещениях меру схожести, по её значениям принимается требуемое решение. Методы различаются математическим выражением меры совпадения/несовпадения и вариантами разбивки сравниваемых распределений.

3.1. Самым простым и наглядным способом проверки совпадения/несовпадения однопричинных результатов в разных распределениях является **прямое сравнение распределений корреляционным методом**²⁸. Каждому ярусу в таблицах 3 и 4 соответствует своё распределение восьми видов деревянных изделий (столбцы 1-8) и, если сравнивать между собой распределения, происходящие из одного яруса разных раскопов, то образованные одновременно должны быть подобны. Для математической записи изложенного сохраним прежние обозначения: распределение восьми видов артефактов в ярусе i раскопа XXVIII обозначим x_i , а распределение тех же артефактов в ярусах раскопа XVII обозначим $y_{i+\tau}$ ($\tau = -3, -2, -1, 0, +1, +2, +3$), где i - номер яруса, а τ - сдвиг со своим знаком второго распределения относительно первого в ярусах.

²⁸ Применение корреляционных методов в российской археологии имеет давнюю традицию. Различные его модификации с успехом применяли П.П. Ефименко [Efimenko 1926, 59-84], П.Н. Третьяков [Tret'jakov 1931, 1-36], М.П. Грязнов [Griaznov 1941, 237-271], Г.А. Максименков [Maksimenzov 1960, 148-161], В.Г. Егоров [Egorov 1970, 156-164], В.А. Дергачев [Dergachev 1980, 66-74] и многие другие авторы. Огромную роль в популяризации корреляционных методов сыграли лекции Я.А. Шера в ЛГУ и его статьи и книги о них.

Ярусы		Раскопы				Сдвиг в ярусах - τ . Минусовые значения τ соответствуют отставанию распределения из раскопа XVII (y_i) от распределения из раскопа XXVIII (x_i); плюсовые значения соответствуют опережению.						
		XXVIII		XVII		- 3	- 2	- 1	0	+1	+2	+3
i.	Годы	x_i	A	y_i	Б							
28	953-971	1	1	6	3	-0,14	-0,28	-0,22	-0,22			
27	972-988	1	1	2	2	-0,29	-0,14	0,17	-0,22	-0,22		
26	989-1005	0	0	5	3	Отсутствует один из элементов сравнения						
25	1006-1024	2	1	2	1	-0,14	-0,14	0,49	-0,14	0,61	0,65	0,95
24	1025-1054	2	2	3	3	0,33	-0,22	0,65	0,75	-0,22	0,93	0,33
23	1055-1075	2	2	4	1	-0,22	0,33	-0,22	-0,22	0,75	-0,22	0,25
22	1076-1095	5	3	1	1	-0,20	0,14	0,51	-0,24	0,14	0,55	0,14
21	1096-1115	2	1	2	2	0,40	-0,34	-0,14	0,65	-0,14	-0,14	-0,29
20	1116-1133	2	2	1	1	0,40	-0,21	0,31	0,65	0,33	-0,22	-0,22
19	1134-1160	2	2	5	4	-0,33	-0,13	0,07	-0,52	-0,22	0,33	-0,22
18	1161-1176	1	1	7	3	0,00	0,65	-0,26	-0,31	0,20	-0,14	-0,22
17	1177-1196	8	3	6	3	-0,11	0,35	-0,19	-0,15	0,24	-0,48	-0,25
16	1197-1223	4	3	2	2	-0,08	-0,11	-0,25	0,00	0,16	0,59	-0,13
15	1224-1237	6	3	8	5	0,41	0,26	0,12	0,37	0,15	0,65	0,58
14	1238-1267	1	1	7	5	0,19	0,09	0,81	0,06	0,53	-0,22	0,78
13	1268-1280	18	8	5	2	-0,21	-0,16	-0,37	-0,02	-0,44	-0,21	-0,42
12	1281-1298	4	3	6	3	0,09	-0,44	0,07	0,00	0,24	0,57	-0,50
11	1299-1312	8	4	11	6	0,00	-0,46	0,46	0,13	0,07	0,85	0,00
10	1313-1339	8	5	14	7	-0,42	0,13	-0,27	0,42	0,31	0,23	0,68
9	1340-1368	13	5	16	6	-0,24	-0,19	0,45	0,00	0,34	0,59	0,31
8	1369-1381	12	6	13	5	-0,17	-0,44	-0,26	-0,23	-0,40	-0,24	-0,27
7	1382-1395	7	5	18	7	0,69	0,17	0,07	-0,07	0,40	-0,09	-0,03
6	1396-1408	5	2	23	6	0,00	0,43	0,08	0,37	0,05	0,23	0,36
5	1409-1421	6	5	24	7	-0,65	-0,53	0,43	0,47	-0,21	0,05	0,53
4	1422-1428	3	3	15	7		-0,45	0,00	0,55	0,18	-0,46	-0,40
3	1429-1445	0	0	8	6	Отсутствует один из элементов сравнения						
2	1446-1461	1	1	2	2				0,65	0,53	0,02	-0,27
Сумма значащих величин						-0,68	-1,69	2,51	2,74	3,38	3,84	1,70
Среднее значащих величин						-0,03	-0,07	0,10	0,11	0,14	0,17	0,07
Среднее значение для ярусов 25-5						-0,01	-0,04	0,12	0,09	0,14	0,20	0,11

A – количество значащих величин (больше нуля) в ярусе x_i раскопа XXVIII (таблица 3);

Б – количество значащих величин (больше нуля) в ярусе y_i раскопа XVII (таблица 4).

Таб. 6. Коэффициент корреляции между ярусами, содержащими 8 видов деревянных изделий, в раскопах XXVIII и XVII при различных сдвигах между их распределениями (значение коэффициента корреляции отнесено к ярусу из раскопа XXVIII).

Tab. 6. Correlation ratio of tiers, containing 8 types of wooden artifacts, in excavations XXVIII and XVII, at different shifts between their distributions. Correlation ratio is attributed to tier from excavation XXVIII.

Будем предполагать между распределениями x_i и $y_{i+\tau}$ линейную взаимозависимость и использовать в качестве меры их взаимного совпадения при сдвиге в τ яруса значения нормированной корреляционной функции [КФ], которую обозначим $r_{xy}(\tau)$. Наличие компьютерных программ существенно облегчает вычисление КФ. В программе Excel, присутствующей во всех персональных компьютерах, для конкретного значения τ она выглядит так:

$$r_{xy}(\tau) = \text{КОРРЕЛ}(\text{массив1}; \text{массив2}), \quad (1)$$

где массив1 – представляет собой восемь значений в распределении x_i ;

массив2 – то же количество значений в распределении $y_{i+\tau}$;

$\tau = -3, -2, -1, 0, +1, +2, +3$ – задаваемый сдвиг (в ярусах) между массивом1 и массивом2.

Функция $r_{xy}(\tau)$ изменяется в пределах от -1 до +1. Плюсозначения $r_{xy}(\tau)$ соответствуют однонаправленным изменениям текущих значений распределений x_i и $y_{i+\tau}$, минусозначения $r_{xy}(\tau)$ – разнонаправленным. При $|r_{xy}(\tau)| = 1$ между распределениями в ярусах существует линейная зависимость; при $r_{xy}(\tau) = 0$ вопрос о характере зависимости между распределениями требует дополнительного исследования (они некоррелированы). Нас интересуют степень схожести функций x_i и $y_{i+\tau}$, т.е. положительные значения КФ. По теории [Merkov, Poliakov 1974, 116; Radililovskii 1985, 19; Masson 1996, 26] значения $r_{xy}(\tau) = \pm|0 - 0,29|$ соответствуют малой корреляции, значения $r_{xy}(\tau) = \pm|0,3 - 0,69|$ – средней (умеренной) корреляции, значения $r_{xy}(\tau) = \pm|0,7 - 1,00|$ – большой (сильной) корреляции. В общем случае КФ несимметрична, т.е. $r_{xy}(\tau) \neq r_{xy}(-\tau)$, поэтому вычисление $r_{xy}(\tau)$ осуществляется как для положительных, так и для отрицательных значений аргумента τ . Для нас существенным является то, что чем ближе к единице величина $r_{xy}(\tau)$, тем больше функциональная связь между ярусными распределениями; в нашем толковании – тем больше они похожи (подобны).

В процессе вычисления τ будем менять от -3 до +3. Минус соответствует отставанию распределения из раскопа XVII от распределения из раскопов XXVIII, плюс – опережению. Иначе: отставание (-) – это когда большие номера ярусов из раскопа XXVIII (распределение из них принято за образцовое) соотносятся на временной оси с меньшими номерами ярусов из раскопа XVII, опережение (+) – наоборот, меньшие номера ярусов из раскопа XXVIII соотносятся с большими номерами ярусов из раскопа XVII. Результаты вы-

числений по формуле (1) при указанном способе формирования массива1 и массива2 приведены в таблице 6.

В таблице 6 умеренные и сильные положительные значения корреляции выделены тёмным цветом. Наилучшие для ярусов раскопа XXVIII соответствия с ярусами раскопа XVII оконтурены пунктирными прямоугольниками. Анализ показывает, что большинство из них (8 из 21) имеют максимальный коэффициент корреляции при сдвиге ярусов из раскопа XVII на два яруса назад по шкале времени относительно ярусов раскопа XXVIII. То же следует из сравнения сумм коэффициентов корреляции и их средних значений при различных сдвигах (см. три последние строки таблицы 6). С небольшой вероятностью можно предполагать, что сдвиг между распределениями из раскопов XXVIII и XVII ближе всего к двум ярусам.

Однако не будем обольщаться полученным результатом. Два яруса образцового распределения (3-ий и 26-ой) вообще не имеют отложений изделий из дерева, сравнивать не с чем. 10 из 21-го максимального значения получено при наличии в сравниваемых ярусах одной-двух величин больше нуля (см. столбцы А, Б таблицы 6). Поэтому достоверность полученных результатов, вследствие разного количества значащих величин в сравниваемых локусах, разная и небольшая. Конечно, число элементов в поярусных распределениях можно было бы повысить, включив в них однородные изделия из железа. Совмещать в одном ярусе цифровые данные однородных изделий из дерева и железа можно и нужно для повышения надёжности выводов, но для Неревского раскопа это нежелательно, ибо соответствующие распределения составлены, хотя и одним автором, но по разным изводам перевода пластов в ярусы [Stegantsev 2016b, 135-139, 150]. Это ведёт к дополнительным неучтённым ошибкам, искажающим искомые результаты.

3.2. Для повышения надёжности выводов увеличим количество значащих величин в сравниваемых распределениях. Осуществить это можно путём оперирования с последовательностями суммарных значений отложений в ярусах сравниваемых раскопов. Проще: если выше в таблице 6 мы сравнивали корреляционным методом горизонтальные выборки из таблиц 3 и 4 (значения в столбцах 1-8), то теперь тем же методом сравним выборки из двух вертикальных столбцов, отмеченных в таблицах знаком Σ (сумма частных распределений 1-8).

Будем использовать в образцовом распре-

деления из раскопа XXVIII (строка 2 таблицы 7), вдоль которого сдвигается испытуемое распределение из раскопа XVII (строка 3 таблицы 7), максимально возможное количество значащих цифр. Этот массив будет состоять из последовательных значений x_i в ярусах 25-5. Границы его определяются необходимостью иметь в испытуемом распределении (строка 3 таблицы 7) то же количество значащих цифр, но не выходящих при сдвиге на ± 3 яруса за пределы своего существования (ярусы 28-2). В этом случае значения коэффици-

Для проверки предположения из образцового и испытуемого распределений исключены крайние значения; в образцовом остались величины в ярусах 20-10 (11 чисел), в испытуемом - величины из ярусов 23-7 (17 чисел, из них при смещении вдоль образцового задействованы лишь 11 последовательных значений). Результаты сравнения укороченных распределений представлены в таблице 8.

Сравним результирующие данные таблиц 7 и 8. Средние величины $r_{xy}(\tau)$ в таблице 8 при всех

1	τ	-3	-2	-1	0	+1	+2	+3
2	Массив1: ярусы раскопа XXVIII	25 - 5	25 - 5	25 - 5	25 - 5	25 - 5	25 - 5	25 - 5
3	Массив2: ярусы раскопа XVII	22 - 2	23 - 3	24 - 4	25 - 5	26 - 6	27 - 7	28 - 8
4	$r_{xy}(\tau)$	0,67	0,61	0,37	0,35	0,43	0,52	0,14

Таб. 7. Коэффициент корреляции при различных сдвигах между 21-мя значениями распределений артефактов из дерева в раскопах XXVIII и XVII.

Tab. 7. Correlation ratio at different shifts between 21 values of wooden artifact distribution in excavations XXVIII and XVII.

1	τ	-3	-2	-1	0	+1	+2	+3
2	Массив1: ярусы раскопа XXVIII	20 - 10	20 - 10	20 - 10	20 - 10	20 - 10	20 - 10	20 - 10
3	Массив2: ярусы раскопа XVII	17 - 7	18 - 8	19 - 9	20 - 10	21 - 11	22 - 12	23 - 13
4	$r_{xy}(\tau)$	0,45	0,50	0,13	0,21	0,38	0,71	-0,15

Таб. 8. Коэффициент корреляции при различных сдвигах между 11-ю значениями распределений артефактов из дерева в раскопах XXVIII и XVII.

Tab. 8. Correlation ratio at different shifts between 11 values of wooden artifact distribution in excavations XXVIII and XVII.

циента корреляции, вычисленные по формуле (1) между массивом1 (21 значение) и массивом2 (27 значений, в вычислениях задействуются 21) представлены в строке 4 таблицы 7.

Полученные сведения никак не стыкуются с наёмками предыдущей таблицы. Нормированная умеренная корреляция сопутствует всем сдвигам при $-3 \leq \tau < 3$. Максимальные её значения 0,67, 0,61, 0,52 имеют место при сдвиге в -3, -2, +2 яруса, какой принять за преобладающий не ясно. Таким образом, увеличение количества значащих цифр до 21-й не ведёт к уменьшению неопределённости в сравниваемых распределениях. По-видимому, связано это с объёмом сравниваемых массивов и уровнем их однородности²⁹.

²⁹ Уровень однородности статистической совокупности (Яндекс) определяется значением коэффициента вариации (Яндекс), который представляет собой отношение среднеквадратического отклонения к среднему арифметическому и характеризует обобщённое отклонение значений членов статистической совокупности от её среднего значения.

сдвигах, кроме $\tau = +2$, значительно уменьшились по сравнению с данными таблицы 7. Увеличение корреляции в таблице 8 при $\tau = +2$ до сильной (**0,71**) позволяет утверждать, что значения исследуемого распределения из раскопа XVII в ярусах 22 - 12 подобны значениям принятого за образец распределения из раскопа XXVIII в ярусах 20 - 10. Исключение из процесса сравнения значений испытуемого распределения в ярусах 28-24, 6-2 повысило степень его коррелированности (похожести) с образцовым распределением до сильной. Поэтому зафиксированный сдвиг между рассматриваемыми распределениями можно трактовать, пока предположительно, как систематическую ошибку в опережении на 2 яруса ярусологии раскопа XVII по отношению к принятой за образец ярусологии раскопа XXVIII. Повышение определённости во временном соотношении между распределениями массив1 и массив2 при уменьшении количества элементов сравнения требует подтверждения.

Ярусы		Раскопы		Сдвиг в ярусах - τ . Минусовые значения τ соответствуют отставанию распределения из раскопа XVII (y_i) от распределения из раскопа XXVIII (x_i); плюсовые значения соответствуют опережению.						
		XXVIII	XVII	- 3	- 2	- 1	0	+1	+2	+3
i.	Годы	x_i	y_i							
28	953-971	1	6							
27	972-988	1	2							
26	989-1005	0	5	-0,89	-0,19	0,41	-0,59			
25	1006-1024	2	2	-0,94	-0,20	0,00	-0,51	0,12		
24	1025-1054	2	3	0,34	-0,56	-0,05	-0,88	0,51	-0,51	
23	1055-1075	2	4	0,38	-0,49	-0,09	-0,69	0,35	-0,09	-0,49
22	1076-1095	5	1	0,17	-0,46	-0,18	-0,51	0,78	0,00	-0,51
21	1096-1115	2	2	0,17	-0,69	-0,25	-0,49	0,77	0,29	-0,35
20	1116-1133	2	1	-0,30	-0,47	-0,53	-0,64	0,16	0,46	-0,12
19	1134-1160	2	5	0,15	0,69	-0,51	0,27	0,69	0,78	-0,47
18	1161-1176	1	7	0,19	0,69	-0,67	0,12	0,68	0,69	-0,21
17	1177-1196	8	6	0,24	0,70	-0,60	0,13	0,36	0,70	0,22
16	1197-1223	4	2	-0,60	0,63	-0,39	-0,07	-0,25	0,72	-0,19
15	1224-1237	6	8	0,58	0,88	-0,07	-0,10	0,07	0,72	-0,65
14	1238-1267	1	7	0,31	0,34	-0,22	-0,13	0,09	0,64	-0,80
13	1268-1280	18	5	0,23	0,27	-0,07	-0,28	0,11	0,72	-0,82
12	1281-1298	4	6	0,19	0,25	-0,07	-0,15	0,02	0,74	-0,82
11	1299-1312	8	11	0,07	-0,25	-0,62	-0,08	0,31	0,51	-0,88
10	1313-1339	8	14	0,79	0,73	0,54	0,87	0,89	0,73	0,15
9	1340-1368	13	16	0,90	0,15	-0,48	-0,04	0,61	0,23	-0,22
8	1369-1381	12	13	0,95	0,31	-0,82	-0,73	-0,14	-0,08	-0,61
7	1382-1395	7	18	0,90	0,47	-0,62	-0,87	-0,51	-0,59	-0,90
6	1396-1408	5	23		0,77	0,35	-0,43	-0,60	-0,61	-0,91
5	1409-1421	6	24			0,88	0,84	0,01	-0,79	-0,97
4	1422-1428	3	15				0,93	0,66	-0,45	-0,97
3	1429-1445	0	8							
2	1446-1461	1	2							
Среднее значащих величин				0,19	0,17	-0,18	-0,18	0,26	0,23	-0,53
Среднее значение в ярусах 20-10				0,17	0,41	-0,29	0,00	0,29	0,67	-0,42

Таб. 9. Коэффициент корреляции при различных сдвигах между пятью последовательными значениями суммы распределений артефактов из дерева в раскопах XXVIII и XVII (значение коэффициента корреляции отнесено к середине пятиярусной последовательности из раскопа XXVIII).

Tab. 9. Correlation ratio between different shifts within the range of five consecutive values of wooden artifact distribution in Excavation XXVIII and Excavation XVII (the value of the correlation ratio relative of the median of a five-tier sequence taken from Excavation XXVIII).

3.3. С этой целью будем последовательно уменьшать в сравниваемых распределениях (Σ) число находящихся в сопоставлении ярусов³⁰. Начнём с пяти ярусов в локусе. Как и ранее, значение распределения в ярусе раскопа XXVIII обозначим x_i , а в ярусе раскопа XVII - $y_{i+\tau}$, где i - номер яруса, а τ - сдвиг со своим знаком второго распределения относительно первого в ярусах. Значение

³⁰ При сопоставлении временных отрезков, состоящих из пяти и более ярусов, погрешностью, связанной с разной длиной входящих в локусы ярусов, можно пренебречь.

коэффициента корреляции отнесём к среднему из последовательности в 5 ярусов ($i + 2$). Вычисления будем осуществлять по тому же выражению (1), по той же программе Excel, при тех же τ , с той лишь разницей, что

Массив1 представляет собой пять последовательных значений x_i из распределения суммы деревянных изделий (Σ) в раскопе XXVIII;

массив2 - то же количество значений $y_{i+\tau}$ из распределения суммы деревянных изделий (Σ) в раскопе XVII.

Результаты вычисления приведены в таблице 9³¹. Наилучшие для большинства ярусов таблицы 9 соответствия пятиярусных локусов в сравниваемых распределениях, как и ранее, оконтурены пунктирными прямоугольниками.

Сопоставление результирующих данных таблиц 8 и 9 (последняя строка в них), вычисленных по разным способам организации одного и того же массива данных, демонстрирует их несомненное сходство. Средние величины коэффициента корреляции при различных сдвигах, за исключением значения при $\tau = +2$, вновь уменьшились, определённость повысилась. При сравнении 20-10 ярусов образцового распределения и 22-12 испытуемого обе таблицы дают почти одинаковые результаты. Разница в том, что таблица 9 по сравнению с таблицей 8 имеет большее количество значащих величин и позволяет доказательно называть границы участков со схожими коэффициентами корреляции. Сплошное существование в диапазоне 24-10 ярусов испытуемого распределения отрезков в 5 ярусов, перекрывающих друг друга и коррелированных с образцовым распределением, позволяет рассматривать испытуемое распределение на участке 20-10 ярусов как функцию, сходную с аппроксимирующей образцовое распределение.

Весомым доводом о приоритете сдвига именно в 2 яруса является среднее значение коэффициента корреляции в ярусах 20 – 10 по всем значениям i при $\tau = +2$ (0,67; см. нижнюю строку таблицы 9). Оно максимально среди других значений сдвига в диапазоне $-3 \leq \tau \leq +3$. Поэтому, опираясь на вытекающие из таблиц 8 и 9 сведения, можно считать доказанным, что распределение деревянных изделий из раскопа XVII в ярусах 22-12 опережает на два яруса (раньше появляется на временной оси) существующую на данный момент дендрохронологическую шкалу Неревского раскопа (считаем, что ей соответствует распределение деревянных изделий из раскопа XXVIII). Этот сдвиг будем трактовать как систематическую ошибку в относительной хронологии сравниваемых распределений. Вывод существенен для 22-12 ярусов испытуемого распределения. Значения распределения из раскопа XVII в ярусах 28-25 и 5-2 при выбранном размере локусов и сдвиге $\tau = +2$ не влияют на ре-

³¹ Вследствие того, что коэффициент корреляции $r_{xy}(\tau)$ высчитывается для локусов из пяти значений и его величина отнесена к ярусу $i+2$, результаты вычисления обрезаны сверху и снизу на два яруса. Сдвиг между сравниваемыми локусами в τ ярусов также ведёт к дополнительному отсутствию значений коэффициента корреляции в ярусах $26-\tau$ (для всех положительных значений τ) и $3-\tau$ (для всех отрицательных значений τ).

зультаты его сопоставления с раскопом XXVIII в ярусах 20-10.

Таблица 9 по отношению к таблице 8 представляет значительно больше данных о сравниваемых распределениях. Помимо определённости сдвига в ярусах 24-21, из неё следует, что отнесение пластов из раскопа XVII к ярусам 25 и 9-5 (раскоп XXVIII принят за образец) должно быть перепроверено.

Последовательное сличение результатов, отражённых в таблицах 7, 8, 9 приводит к выводу, что уменьшение числа цифр в локусе сравнения, ведёт к большей определённости в выявлении сдвига между распределениями.

3.4. Продолжим снижение числа ярусов в локусе сравнения. В таблице 10 приведены **коэффициенты корреляции при различных сдвигах между тремя последовательными значениями суммарных распределений**, вычисленные при тех же входных данных, по той же формуле (1), но при условии, что

Массив1 представляет собой три последовательных значения x_i из распределения суммы деревянных изделий (Σ) в раскопе XXVIII,

Массив2 – то же количество значений $y_{i+\tau}$ из распределения суммы деревянных изделий (Σ) в раскопе XVII.

В значении коэффициента корреляции отражается как систематический сдвиг между массивами, так и случайные ошибки каждого из значений в нём. Основное свойство случайной ошибки – стремление к нулю её среднего при увеличении числа членов. Однако наличие только трёх значений случайной ошибки мало для выявления этой закономерности.

Трёхярусный локус при заданном τ связан со смежными центральным и одним из крайних ярусов. Следовательно, при сдвиге локуса на ярус вклад новой пары сравнения (её содержание: другое значение одного элемента образцового распределения и другое значение одного элемента испытуемого распределения) будет весьма существенным. Одно из трёх слагаемых будет новым и его влияние на результат, при предположении, что систематическая ошибка от локуса к локусу меняется медленно, будет определяться случайной ошибкой. Именно поэтому *сличение трёхярусных локусов не позволяет с большой надёжностью выявить систематическую ошибку, ибо случайная ошибка искажает её.*

Смежные пятиярусные локусы связаны между собой четырьмя общими величинами, поэтому при добавлении пятой пары значений набор случайных ошибок меняется менее резко. Изучение

Ярусы		Раскопы		Сдвиг в ярусах - τ . Минусовые значения τ соответствуют отставанию распределения из раскопа XVII $[y(i)]$ от распределения из раскопа XXVIII $[x(i)]$; плюсовые значения соответствуют опережению.						
		XXVIII	XVII	- 3	- 2	- 1	0	+1	+2	+3
i.	Годы	x_i	y_i							
28	953-971	1	6							
27	972-988	1	2	-0,87	0,19	0,50	-0,28			
26	989-1005	0	5	-0,98	0,50	0,33	-0,87	0,72		
25	1006-1024	2	2	-0,94	-0,19	0,87	-0,94	0,50	-0,69	
24	1025-1054	2	3	Деление на 0 невозможно						
23	1055-1075	2	4	0,97	-0,50	-0,19	-0,94	0,87	-0,19	-0,50
22	1076-1095	5	1	0,19	-0,69	1,00	-0,76	0,76	0,00	-0,76
21	1096-1115	2	2	-0,87	-0,94	-0,28	-0,50	0,94	0,19	-0,87
20	1116-1133	2	1	Деление на 0 невозможно						
19	1134-1160	2	5	-0,76	0,98	0,00	-0,76	-0,97	0,50	0,19
18	1161-1176	1	7	0,23	0,84	-0,95	-0,13	0,66	0,99	-0,61
17	1177-1196	8	6	-0,25	0,90	-0,71	-0,11	1,00	0,59	-0,32
16	1197-1223	4	2	1,00	0,33	-0,93	0,65	0,19	-1,00	-0,65
15	1224-1237	6	8	-0,84	-0,40	0,74	0,04	-0,95	0,83	0,40
14	1238-1267	1	7	0,58	0,90	0,29	-0,81	0,08	0,91	-0,89
13	1268-1280	18	5	0,28	0,30	-0,20	-0,94	0,02	0,75	-0,88
12	1281-1298	4	6	-0,45	-0,77	-0,79	-0,39	0,97	0,54	-0,99
11	1299-1312	8	11	-0,11	0,19	0,92	0,93	0,63	-0,87	-0,76
10	1313-1339	8	14	0,87	0,80	-0,76	0,80	0,79	0,99	0,00
9	1340-1368	13	16	0,94	0,76	-0,30	0,37	0,83	0,84	0,47
8	1369-1381	12	13	0,97	-0,74	-0,93	-0,70	0,64	-0,89	-0,87
7	1382-1395	7	18	0,99	0,65	-0,99	-0,97	-0,17	0,09	-0,99
6	1396-1408	5	23	0,54	0,56	-0,10	-0,78	-0,50	0,60	-0,65
5	1409-1421	6	24		0,62	0,60	0,97	-0,34	-0,65	-0,95
4	1422-1428	3	15			1,00	1,00	0,81	-0,93	-1,00
3	1429-1445	0	8				0,69	0,71	0,09	-0,88
2	1446-1461	1	2							
Среднее значащих величин				0,07	0,21	-0,04	-0,19	0,37	0,13	-0,58
Среднее значений в ярусах 20-10				0,13	0,44	-0,25	-0,03	0,29	0,46	-0,37

Таб.10. Коэффициенты корреляции при различных сдвигах между тремя последовательными значениями суммарных распределений артефактов из дерева в раскопах XXVIII и XVII (значение коэффициента корреляции отнесено к середине трёхярусной последовательности из раскопа XXVIII).

Tab. 10. Correlation ratios at different shifts between 3 consecutive values of combined distributions of wooden artifacts in tiers XXVIII and XVII (correlation ratio value relates to the median of a three-tier sequence from Excavation XXVIII).

перепадов коэффициента корреляции в таблицах 9 и 10 при скольжении от яруса к ярусу при одном и том же τ или в одном и том ярусе, но разных τ , подтверждает это. Систематическая ошибка (сдвиг) при пяти элементах сравнения выявляется более отчётливо.

3.5. Возникает вопрос: не промахнулись ли мы, взяв ранее в качестве локуса сравнения 5 ярусов?! Может при локусе в 7 ярусов результаты будут более существенны? Проверка этого пред-

положения произведена путём расчёта таблицы 11 при тех же исходных данных, что и ранее, по той же формуле (1), но при условии, что

Массив1 представляет собой семь последовательных значения x_i из распределения суммы деревянных изделий (Σ) в раскопе XXVIII,

Массив2 – то же количество значений $y_{i+\tau}$ из распределения суммы деревянных изделий (Σ) в раскопе XVII.

Сопоставление таблиц 9 и 11 показывает, что

Ярусы		Раскопы		Сдвиг в ярусах - τ . Минусовые значения τ соответствуют отставанию распределения из раскопа XVII (y_i) от распределения из раскопа XXVIII (x_i); плюсовые значения соответствуют опережению.						
		XXVIII	XVII	- 3	- 2	- 1	0	+1	+2	+3
i.	Годы	x_i	y_i							
28	953-971	1	6							
27	972-988	1	2							
26	989-1005	0	5							
25	1006-1024	2	2	0,32	-0,52	-0,18	-0,18			
24	1025-1054	2	3	0,20	-0,36	-0,22	-0,71	0,12		
23	1055-1075	2	4	0,15	-0,32	-0,04	-0,72	0,44	-0,40	
22	1076-1095	5	1	0,28	-0,49	-0,26	-0,46	0,42	0,09	-0,32
21	1096-1115	2	2	-0,09	-0,31	-0,41	-0,63	0,16	0,25	-0,14
20	1116-1133	2	1	0,20	0,33	-0,41	0,06	0,69	0,78	-0,47
19	1134-1160	2	5	0,06	0,30	-0,40	0,05	0,67	0,59	-0,26
18	1161-1176	1	7	0,12	0,56	-0,16	0,38	0,50	0,70	0,17
17	1177-1196	8	6	-0,16	0,49	-0,38	0,15	0,11	0,76	-0,03
16	1197-1223	4	2	0,59	0,83	-0,16	-0,15	0,28	0,78	-0,23
15	1224-1237	6	8	0,30	0,48	-0,18	-0,20	0,16	0,67	-0,41
14	1238-1267	1	7	0,28	0,30	-0,09	-0,02	0,11	0,59	-0,60
13	1268-1280	18	5	0,31	0,33	0,01	0,05	0,12	0,61	-0,74
12	1281-1298	4	6	0,40	0,41	0,08	0,15	0,33	0,72	-0,75
11	1299-1312	8	11	0,43	0,42	0,14	0,18	0,36	0,65	-0,33
10	1313-1339	8	14	0,21	-0,19	-0,48	-0,19	0,22	0,11	-0,53
9	1340-1368	13	16	0,82	0,45	-0,19	0,06	0,36	0,21	-0,35
8	1369-1381	12	13	0,87	0,47	-0,52	-0,61	-0,23	-0,18	-0,58
7	1382-1395	7	18		0,67	0,04	-0,45	-0,60	-0,56	-0,75
6	1396-1408	5	23			0,47	0,16	-0,36	-0,84	-0,96
5	1409-1421	6	24				0,46	0,17	-0,57	-0,93
4	1422-1428	3	15							
3	1429-1445	0	8							
2	1446-1461	1	2							
Среднее значащих величин				0,29	0,20	-0,17	-0,12	0,20	0,26	-0,46
Среднее значений в ярусах 20-10				0,25	0,39	-0,18	0,04	0,32	0,63	-0,38

Таб. 11. Коэффициент корреляции при различных сдвигах между семью последовательными значениями суммы распределений артефактов из дерева в раскопах XXVIII и XVII (значение коэффициента корреляции отнесено к середине семиярусной последовательности из раскопа XXVIII).

Tab. 11. Correlation ratio at different shifts between 7 consecutive values of wooden artifact distribution sums in Excavation XXVIII and Excavation XVII (the value of the correlation ratio relates to the median of a seven-tier sequence taken from Excavation XXVIII).

основные тенденции в них совпадают. Вместе с тем в таблице 11 теряются сведения не только об ещё двух крайних ярусах (25, 4), но и о некоторых ярусах внутри основного массива (24, 21, 10). Уровень обобщения исходных данных (7 ярусов в локусе, а не 5) в таблице 11 повысился, но индивидуальность сведений об отдельных ярусах понизилась. Средние значения значащих величин в таблицах 9 и 11 (предпоследняя строка) почти совпадают, однако разброс величин при одном и том же τ в

таблице 11 значительно меньше. Средние значения коэффициента корреляции в основных ярусах обеих таблиц (последняя строка) одинаково выделяет сдвиг в +2 яруса, но таблица 9 демонстрирует это при большем отрыве от соседних значений. Суммируя рассмотренное, можно считать, что при сравнении распределений предпочтительнее использовать локус в 5, а не 7 ярусов.

Объединяя сведения изложенные в разделе 3, можно сделать вывод, что при *корреляционных*

Ярусы		Раскопы		Значения функции $[(x_i - y_{i+\tau}) : (x_i + y_{i+\tau})]^2$ в ярусе i при различных τ (τ - сдвиг в ярусах).						
		XXVIII	XVII	- 3	- 2	- 1	0	+1	+2	+3
i.	Годы	x_i	y_i							
28	953-971	1	6	0,111	0,444	0,111	0,510			
27	972-988	1	2	0,250	0,111	0,444	0,111	0,510		
26	989-1005	0	5	1 (сравнение недостоверно)						
25	1006-1024	2	2	0,111	0,111	0,040	0,000	0,184	0,000	0,250
24	1025-1054	2	3	0,000	0,111	0,111	0,040	0,000	0,184	0,000
23	1055-1075	2	4	0,111	0,000	0,111	0,111	0,040	0,000	0,184
22	1076-1095	5	1	0,000	0,444	0,184	0,444	0,012	0,063	0,184
21	1096-1115	2	2	0,309	0,184	0,111	0,000	0,111	0,111	0,040
20	1116-1133	2	1	0,250	0,309	0,184	0,111	0,000	0,111	0,111
19	1134-1160	2	5	0,000	0,250	0,309	0,184	0,111	0,000	0,111
18	1161-1176	1	7	0,605	0,111	0,510	0,563	0,444	0,000	0,111
17	1177-1196	8	6	0,004	0,000	0,360	0,020	0,004	0,053	0,605
16	1197-1223	4	2	0,012	0,074	0,111	0,111	0,040	0,074	0,012
15	1224-1237	6	8	0,000	0,008	0,006	0,020	0,250	0,000	0,006
14	1238-1267	1	7	0,694	0,510	0,444	0,563	0,605	0,111	0,510
13	1268-1280	18	5	0,016	0,058	0,250	0,319	0,194	0,148	0,640
12	1281-1298	4	6	0,360	0,309	0,218	0,040	0,012	0,074	0,111
11	1299-1312	8	11	0,057	0,111	0,074	0,025	0,020	0,053	0,004
10	1313-1339	8	14	0,148	0,057	0,111	0,074	0,025	0,020	0,053
9	1340-1368	13	16	0,077	0,026	0,000	0,011	0,001	0,007	0,136
8	1369-1381	12	13	0,111	0,099	0,040	0,002	0,020	0,006	0,002
7	1382-1395	7	18	0,132	0,301	0,284	0,194	0,090	0,153	0,111
6	1396-1408	5	23	0,053	0,250	0,429	0,413	0,319	0,198	0,274
5	1409-1421	6	24	0,250	0,020	0,184	0,360	0,344	0,250	0,136
4	1422-1428	3	15		0,040	0,207	0,444	0,605	0,592	0,510
3	1429-1445	0	8	1 (сравнение недостоверно)						
2	1446-1461	1	2				0,111	0,605	0,766	0,846
Среднее значение значащих величин				0,159	0,164	0,201	0,191	0,190	0,129	0,215
Среднее значение в ярусах 25-5				0,157	0,159	0,194	0,172	0,135	0,077	0,171

Таб. 12. Значения квадратов относительной разности отложений в одинаковых ярусах распределений деревянных изделий из раскопов XXVIII и XVII.

Tab. 12. Squared relative difference values of the deposition of wooden artifacts in the same distribution tiers from Excavation XXVIII and Excavation XVII.

методах сравнения распределений, локус в пять ярусов является оптимальным.

4. Рассмотрим ещё один класс методов сравнения распределений, несколько громоздкий, но достаточно наглядный, метод **относительных разностей**. Суть его в том, что при сдвиге испытуемого распределения вдоль образцового в каждой точке сравнения находится относительная разность между ними. Один метод от другого отличается математическим описанием этой относительной разности. Чем она меньше, тем распределения

более схожи. Физический смысл этой функции – относительное отклонение от средней величины двух распределений. Но равенство в точке ещё не означает похожести на всём интервале существования распределений, поэтому полученные значения аппроксимируются и по схожести полученной функции с образцовой судят о подобии сравниваемых распределений.

В качестве примера изучим случай, когда относительная разность $d_{xy}(\tau)$ образцового распределения и испытуемого описывается выражением (2):

Ярусы		Раскопы		Сумма функции $[(x_i - y_{i+\tau}) : (x_i + y_{i+\tau})]^2$ от $i = -2$ до $i = +2$ при различных τ (τ - сдвиг в ярусах).						
		XXVIII	XVII							
i.	Годы	x_i	y_i	- 3	- 2	- 1	0	+1	+2	+3
28	953-971	1	6							
27	972-988	1	2							
26	989-1005	0	5	0,472	0,778	0,707	0,661			
25	1006-1024	2	2	0,472	0,333	0,707	0,262	0,734		
24	1025-1054	2	3	0,222	0,667	0,446	0,596	0,236	0,246	
23	1055-1075	2	4	0,531	0,850	0,557	0,596	0,347	0,357	0,657
22	1076-1095	5	1	0,670	1,048	0,701	0,707	0,163	0,468	0,518
21	1096-1115	2	2	0,670	1,187	0,898	0,850	0,275	0,285	0,630
20	1116-1133	2	1	1,164	1,298	1,297	1,302	0,679	0,285	0,557
19	1134-1160	2	5	1,168	0,853	1,474	0,878	0,671	0,275	0,978
18	1161-1176	1	7	0,872	0,744	1,474	0,989	0,600	0,239	0,951
17	1177-1196	8	6	0,622	0,444	1,296	0,898	0,850	0,128	0,845
16	1197-1223	4	2	1,316	0,704	1,432	1,277	1,344	0,239	1,245
15	1224-1237	6	8	0,727	0,651	1,171	1,034	1,093	0,387	1,773
14	1238-1267	1	7	1,082	0,960	1,029	1,053	1,101	0,408	1,280
13	1268-1280	18	5	1,127	0,996	0,993	0,967	1,081	0,387	1,272
12	1281-1298	4	6	1,275	1,045	1,098	1,021	0,856	0,407	1,319
11	1299-1312	8	11	0,657	0,561	0,653	0,469	0,253	0,303	0,945
10	1313-1339	8	14	0,753	0,601	0,443	0,152	0,079	0,161	0,306
9	1340-1368	13	16	0,525	0,593	0,510	0,305	0,157	0,240	0,306
8	1369-1381	12	13	0,522	0,732	0,865	0,694	0,456	0,384	0,576
7	1382-1395	7	18	0,624	0,696	0,937	0,979	0,775	0,614	0,659
6	1396-1408	5	23		0,710	1,144	1,413	1,378	1,198	1,033
5	1409-1421	6	24			1,104	1,411	1,358	1,192	1,031
4	1422-1428	3	15				1,329	1,873	1,805	1,767
3	1429-1445	0	8							
2	1446-1461	1	2							
Среднее суммы значащих величин				0,773	0,783	0,952	0,863	0,744	0,477	0,932
Среднее значение в ярусах 25-5				0,841	0,821	0,990	0,834	0,634	0,327	0,872

Таб. 13. Сумма пяти последовательных значений в ярусах таблицы 12. Полученная величина отнесена к среднему из пяти ярусов.

Tab. 13. Five consecutive values from table 12 summarized by tier. The value obtained relates to the median from all five tiers.

$$d_{xy}(\tau) = [(x_i - y_{i+\tau}) : (x_i + y_{i+\tau})]^2, \quad (2)$$

где x_i - значение образцового распределения в ярусе i ;

$y_{i+\tau}$ - значение сравниваемого распределения в ярусе $i+\tau$;

$\tau = -3, -2, -1, 0, +1, +2, +3$ - сдвиг в ярусах между x_i и y_i .

Величина $d_{xy}(\tau)$ изменяется от нуля до единицы и, повторим, чем она меньше, тем «похожесть» сравниваемых распределений выше. Вполне очевидно, что $d_{xy}(\tau) = 0$ соответствует равенству рас-

пределений из раскопов XXVIII и XVII в ярусе i при сдвиге τ , а $d_{xy}(\tau) = 1$ отсутствию какой-либо связи между ними, полное отсутствие схожести. Примем, что значения $d_{xy}(\tau) = (0 - 0,09)$ соответствуют большой (сильной) схожести, значения $d_{xy}(\tau) = (0,1 - 0,25)$ - средней (умеренной) схожести, значения $d_{xy}(\tau) = (0,26 - 0,49)$ - малой (слабой) схожести, $d_{xy}(\tau) \geq 0,5$ - отсутствию схожести. В таблице 12 приведены значения относительной разности, вычисленные для исследуемых распределений при различных τ по выражению (2).

Ярусы р-па XXVIII	28	27	26	25	24	23	22	21	20	19	18	17	16
Ярусы р-па XVII				25	26-25	25-24	23	23-22	22	21	20	19	18

Ярусы р-па XXVIII	15	14	13	12	11	10	9	8	7	6	5	4	3
Ярусы р-па XVII	17	16	15	14	13-12	11	11-10	10					

Таб. 14. Соответствие между ярусами раскопов XXVIII и XVII.

Tab. 14. Correspondence between the tiers of excavation XXVIII and excavation XVII.

Ярусы р-па XVII	28	27	26	25	24	23	22	21	20	19	18	17	16
Ярусы р-па XXVIII			24	25-23	23	22	21-20	19	18	17	16	15	14

Ярусы р-па XVII	15	14	13	12	11	10	9	8	7	6	5	4	3
Ярусы р-па XXVIII	13	12	11-10	10	10	10-9	9						

Таб. 15. Соответствие между ярусами раскопов XVII и XXVIII.

Tab. 15. Correspondence between the tiers of excavation XVII and excavation XXVIII.

В каждом ярусе таблицы цветом выделены минимальные значения, соответствующие максимальной схожести образцового распределения с испытуемым. Наибольшее их количество приходится на отставание в два яруса распределения из раскопа XVII по отношению к распределению из раскопа XXVIII. Об этом же свидетельствуют минимальные средние значения значащих цифр в различных наборах ярусов (две последние строки таблицы 12). Вместе с тем достаточной определенности о сдвиге в каждом ярусе нет. Поэтому произведём операцию усреднения, просуммировав последовательно для каждого сдвига пять последовательных значений таблицы 12 (фактически это усреднение флюктуаций, эквивалентных случайным ошибкам). Полученную величину будем относить к среднему ярусу локуса в пять ярусов. Результаты отражены в таблице 13.

В таблице 13 значения величин, не превышающих 0,45 ($5 \times 0,09$ – сильная схожесть), выделены тёмным цветом, а наиболее предпочтительные соответствия между ярусами распределений оконтурены пунктирными прямоугольниками. Полученные сведения о соотношении распределений из раскопов XXVIII и XVII полностью совпадают с приведенными выше в таблицах 9, 11. На основании данных таблицы 13 составлены таблицы 14 (ей соответствуют оконтуренные значения в таблице 13) и 15.

Для проверки справедливости сделанных выше выводов в ярусах 26-8 распределения деревянных изделий из раскопа XVII был произведен сдвиг отложений согласно таблице 14 и рассчитаны по формуле (1) коэффициенты корреляции

при локусе в 5 ярусов. Все полученные значения для ярусов 21-9 положительны и соответствуют сильной корреляции. Таким образом, полученные разными методами результаты свидетельствуют об одном и том же: *ярусология раскопа XVII отстает от ярусологии раскопа XXVIII на один-два яруса.*

Вывод не распространяется на крайние ярусы распределений, в данном случае на 28, 27,8-2 ярусы, и не только из-за ограничений, накладываемых методами (см. сноску 31). По большому счёту нам неизвестно одновременно ли начинаются отложения в раскопах XXVIII и XVII и одновременно ли заканчивается в них жизнедеятельность. При наличии в раскопах одинаковых однородных распределений проверка этих предположений не составляет трудности, но это уже другой опус.

5. Подведём итоги исследования. Его первая часть (1) изобилует многими предположениями и допущениями, вторая часть (2) опирается на субъективное наблюдение, а третья часть (3), являющаяся на выбранном примере исследованием о возможностях и ограничениях корреляционного метода в применении к однородным распределениям, подтверждает вторую. Четвёртая часть (4) работы дублирует цели третьей и вводит в употребление ещё один метод синхронизации распределений. В сумме третья и четвёртая части делают предположения и допущения первой части более весомыми. Из этого следует, что - при соответствии отложений в раскопах XXVIII и XVII одной и той же дендрохронологической шкале - дата в грамоте 201 (1208-1214 год) с большой вероят-

ностью записана южнославянским (кириллическим) или глаголическим цифровым алфавитом, а местонахождение её пребывает в диапазоне лет 17 яруса (1177-1196 гг.)³². Это свидетельствует об истинности хронологических доводов А.В. Арциховского в дискуссии 1959-1961 годов.

Однако главная задача работы - ей посвящены части 2 - 4 текста – продемонстрировать методы синхронизации относительных шкал, упростившиеся в связи с внедрением в обработку данных персональных компьютеров. С этим связана некоторая «размытость» части 3 текста и ввод в него части 4. И если первая часть заметки - повод для применения метода, вторая - ввод в смысл метода, то третья и четвёртая - методики. Идеальная основа методик – распространение на изделия своего производства эмпирического обобщения А.В. Арциховского (см. ссылки 21, 22) - оказалась действенной и полностью подтвердилась в применении.

Узкое место методик – необходимость членения временных диапазонов сравниваемых распределений на одинаковые интервалы. Для различных раскопов Новгорода вопрос об одинаковости временных интервалов решается просто: необходимо воспользоваться ещё одним эмпирическим обобщением А.В. Арциховского, защищавшимся им в дискуссии с Б.А. Рыбаковым, – о примерном постоянстве скорости нарастания культурного слоя во времени³³. Из него следует, что пласты Великого Новгорода образовывались за примерно одинаковое время и могут служить основой для разбиения оси абсцисс распределений на равные

отрезки. Наличие нескольких разных однородных распределений в сравниваемых раскопах существенно упрощает задачу их синхронизации.

При синхронизации временных шкал однородных распределений разных памятников необходимо использовать то обстоятельство, что некоторые события отражаются как на распределениях импорта (амфорная тара, стекло, ткани первого сорта, украшения из янтаря, сердолика, хрусталя и т. д.), так и на распределениях своего производства (железные изделия, кухонная керамика, детские игрушки, кожаные изделия, костные остатки, изделия из дерева и т.д.). Последние в значительно большем объёме представлены среди артефактов. Событиями, общими на различных памятниках и для импорта, и для изделий своего производства, являются пандемии, извержения вулканов, метеокатаклизмы (засуха, наводнение), некоторые масштабные военные действия. На образцовом распределении должна быть известна оцифровка оси абсцисс (в пластах, ярусах, годах) и выделено одно из этих незаурядных событий. Совместив с ним такой же предполагаемый экстремум испытуемого распределения и меняя его временной масштаб, с помощью предложенных методов необходимо добиться наибольшего совпадения образцового и исследуемого распределений. Это является основанием для переноса временной шкалы образцового распределения на сравниваемое. Не получилось совпадение – берётся другой экстремум. Конечно, здесь много тонкостей, но дорогу усилит идущий.

.....

Благодарю за замечания и критику первоначального текста заметки рецензента, привлечённого Н.В. Хвоцинской, а также археологов О.И. Богуславского и С.В. Белецкого. Замечания учтены в предлагаемом для обсуждения тексте, а критика привела к смещению содержания статьи к вопросу о методиках определения сдвига между разновременными выборками из одного массива данных.

Библиография

- Artsikhovskii 1957:** A.V. Artsikhovskii, Berestiane gramoty mal'chika Onfima. SA 3, 1957, 215-223 // А.В. Арциховский, Берестяные грамоты мальчика Онфима. СА 3, 1957, 215-223.
- Artsikhovskii 1958:** A.V. Artsikhovskii, Novgorodskie gramoty na bereste. Iz raskopok 1955 g. (Moskva 1958) // А.В. Арциховский, Новгородские грамоты на бересте. Из раскопок 1955 г. (Москва 1958).
- Artsikhovskii 1959:** A.V. Artsikhovskii, O novgorodskoi khronologii. SA 4, 1959, 107-127 // А.В. Арциховский, О новгородской хронологии. СА 4, 1959, 107-127.
- Artsikhovskii 1961:** A.V. Artsikhovskii, Otvet B.A. Rybakovu. SA 3, 1961, 122-136 // А.В. Арциховский, Ответ Б.А. Рыбакову. СА 3, 1961, 122-136.

³² «Особо подчеркну, что я никогда не относил Онфима к XII в. Речь с самого начала шла о рубеже XII-XIII вв.» [Artsikhovskii 1962, 133]. Это замечание выдающегося археолога следует положить в основу пересмотра дендрохронологической шкалы Неревского раскопа.

³³ Это ещё одно эмпирическое обобщение выдающегося археолога, но сформированное в дискуссии не очень чётко. Б.А. Рыбаков его не понял и все археологические доводы против относительной хронологии НАЭ построил на его отрицании.

- Artsikhovskii, Borkovskii 1963:** A.V. Artsikhovskii, V.I. Borkovskii, Novgorodskie gramoty na bereste (iz raskopok 1956-1957 g.) (Moskva 1963) // А.В. Арциховский, В.И. Борковский, Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1956-1957 г.) (Москва 1963).
- Chernov 2013:** A.Iu. Chernov, Vvedenie v problemu 6430. Rudimenty starovizantiiskoi khronologii v russkom letopisanii. In: (sostavitel' B.G. Vasil'ev) Staroladozhskii sbornik. Vypusk 10 (Sankt-Petersburg 2013), 288-303 // А.Ю. Чернов, Введение в проблему 6430. Рудименты старовизантийской хронологии в русском летописании. In: (составитель Б.Г. Васильев) Староладожский сборник. Выпуск 10 (Санкт-Петербург 2013), 288-303.
- Dergachev 1980:** V.A. Dergachev, Pamiatniki pozdnego Tripol'ia (opyt sistematzatsii) (Kishinev 1980) // В.А. Дергачев, Памятники позднего Триполья (опыт систематизации) (Кишинев 1980).
- Efimenko 1926:** P.P. Efimenko, Riazanskie mogil'niki. Opyt kul'turno-stratigraficheskogo analiza mogil'nikov massovogo tipa. In: Materialy po etnografii, III, vyp. 1 (Leningrad 1926), 59-84 // П.П. Ефименко, Рязанские могильники. Опыт культурно-стратиграфического анализа могильников массового типа. In: Материалы по этнографии, III, вып. 1 (Ленинград 1926), 59-74.
- Egorov 1970:** V.G. Egorov, Klassifikatsiia kuril'nits katakombnoi kul'tury. In: (red. V.A. Kolchin, Ia.A. Sher) Statistiko-kombinatornye metody v arkheologii (Moskva 1970), 156-164 // В.Г. Егоров, Классификация курильниц катакомбной культуры. In: (ред. В.А. Колчин, Я.А. Шер) Статистико-комбинаторные методы в археологии (Москва 1970), 156-164.
- Glagolitsa 2007:** Glagolitsa. Rossiiskaia entsiklopediia 7, 2007, 207 // Глаголица. Российская энциклопедия 7, 2007, 207.
- Griaznov 1941:** M.P. Griaznov, Drevniaia bronz Minusinskikh stepei. In: (red. A.A. Iessen) Trudy Otdela istorii pervobytnoi kul'tury GE, 1 (Leningrad 1941), 237-271 // М.П. Грязнов, Древняя бронза Минусинских степей. In: (ред. А.А. Иессен) Труды Отдела истории первобытной культуры ГЭ, 1 (Ленинград 1941), 237-271.
- Ianin, Kolchin 1978:** V.L. Ianin, V.A. Kolchin, Itogi i perspektivy novgorodskoi arkheologii. In: (red. V.A. Kolchin, V.L. Ianin) Arkheologicheskoe izuchenie Novgoroda (Moskva 1978), 5-57 // В.Л. Янин, В.А. Колчин, Итоги и перспективы новгородской археологии. In: (ред. В.А. Колчин, В.Л. Янин) Археологическое изучение Новгорода (Москва 1978), 5-57.
- Kirillitsa 2014:** Kirillitsa. Pravoslavnaia entsiklopediia, XXXIV, 2014, 627-632 // Кириллица. Православная энциклопедия, XXXIV, 2014, 627-632.
- Klein 2011:** L.S. Klein, Gipoteza v arkheologii. RAE 1, 2011, 56-69 // Л.С. Клейн, Гипотеза в археологии. RAE 1, 2011, 56-69.
- Kolchin 1963:** V.A. Kolchin, Dendrokronologiya Novgoroda. MIA 117, 1963, 7-103 // В.А. Колчин, Дендрохронология Новгорода. МИА 117, 1963, 7-103.
- Kolchin 1968:** V.A. Kolchin, Novgorodskie drevnosti. Dereviannye izdeliia. SAI, E1-55, 1968 // В.А. Колчин, Новгородские древности. Деревянные изделия. САИ, E1-55, 1968.
- L'vova 1968:** Z.A. L'vova, Stekliannye braslety Staroi Ladogi. ASGE 10, 1968, 64-94 // З.А. Львова, Стекланные браслеты Старой Ладogi. АСГЭ 10, 1968, 64-94.
- Maksimov 1960:** G.A. Maksimov, Bronzovye kel'ty krasnoiarско-angarskikh tipov. SA 1, 1960, 148-162 // Г.А. Максимов, Бронзовые кельты красноярско-ангарских типов. СА 1, 1960, 148-162.
- Masson 1996:** V.M. Masson, Istoricheskie rekonstruktsii v arkheologii (Samara 1996) // В.М. Масон, Исторические реконструкции в археологии (Самара 1996).
- Medyntseva 1983:** A.A. Medyntseva, Nachalo pis'mennosti na Rusi po arkheologicheskim dannym. In: Istorii, kul'tura, etnografiia i fol'klor slavianskikh narodov. IX Mezhdunarodnyi s'ezd slavistov. Doklady sovet'skoi delegatsii (Moskva 1983), 86-97 // А.А. Мединцева, Начало письменности на Руси по археологическим данным. In: История, культура, этнография и фольклор славянских народов. IX Международный съезд славистов. Доклады советской делегации (Москва 1983), 86-97.
- Merkov, Poliakov 1974:** A.M. Merkov, L.E. Poliakov, Sanitarnaia statistika (posobie dlia vrachei) (Leningrad 1974) // А.М. Мерков, Л.Е. Поляков, Санитарная статистика (пособие для врачей) (Ленинград 1974).
- Musin 2002:** A.E. Musin, Khristianizatsiia Novgorodskoi zemli v IX-XIV vekakh. Pogrebal'nyi obriad i khristianskie drevnosti (Sankt-Petersburg 2002) // А.Е. Мусин, Христианизация Новгородской земли в IX-XIV веках. Погребальный обряд и христианские древности (Санкт-Петербург 2002).
- Novoselov 2004:** N.V. Novoselov, Konstantinopol'skie priobreneniia arkhiepiskopa Antonii i novgorodskoe stroitel'stvo nachala XIII v. In: (red. D.A. Machinskii) Ladoga i Gleb Lebedev. Vos'mye chteniia pamiati Anny Machinskoi (Sankt-Petersburg 2004), 333-339 // Н.В. Новосёлов, Константинопольские приобретения архиепископа Антония и новгородское строительство начала XIII в. In: (ред. Д.А. Мачинский) Ладога и Глеб Лебедев. Восьмые чтения памяти Анны Мачинской (Санкт-Петербург 2004), 333-339.
- N4L 2000:** N4L. Novgorodskaiia chetvertaia letopis' (Moskva 2000) // Н4Л. Новгородская четвёртая летопись (Москва 2000).
- Orlov 1952:** A.S. Orlov, Bibliografiia russkikh nadpisei XI-XV vv. (s dop. M.P. Sotnikovoi) (Moskva-Leningrad 1952) //

- А.С. Орлов, Библиография русских надписей XI-XV вв. (с доп. М.П. Сотниковой) (Москва-Ленинград 1952).
- Prisel'kov 2016:** M.D. Prisel'kov. Ocherki po Tserkovno-politicheskoj istorii Kievskoj Rusi X-XII vv. (Sankt-Petersburg 2016) // М.Д. Приселков. Очерки по Церковно-политической истории Киевской Руси X-XII вв. (Санкт-Петербург 2016).
- Putsko 2005:** V.G. Putsko, Khutynskie proizvedeniia relikvii pervoi chetverti XIII v. NIS 10 (20), 2005, 45-65 // В.Г. Пуцко, Хутынские произведения реликвии первой четверти XIII в. НИС 10 (20), 2005, 45-65.
- Radililovskii 1985:** V.V. Radililovskii, K voprosu o postroenii nauchnoi teorii v arkheologicheskom issledovanii. In: (red. R.S. Vasil'evskii) Problemy rekonstruktsii v arkheologii (Novosibirsk 1985), 16-23 // В.В. Радилиловский. К вопросу о построении научной теории в археологическом исследовании. In: (ред. Р.С. Васильевский) Проблемы реконструкции в археологии (Новосибирск 1985), 16-23.
- Rybakov 1959:** B.A. Rybakov, K voprosu o metodike opredeleniia khronologii novgorodskikh drevnostei. SA 4, 1959, 82-106 // Б.А. Рыбаков, К вопросу о методике определения хронологии новгородских древностей. СА 4, 1959, 82-106.
- Rybakov 1961:** B.A. Rybakov, Chto novogo vnosit v nauku stat'ia A.V. Artsikhovskogo «O novgorodskoi arkheologii». SA 2, 1961, 140-163 // Б.А. Рыбаков, Что нового вносит в науку статья А.В. Арциховского «О новгородской археологии». СА 2, 1961, 140-163.
- Rybakov 1964:** B.A. Rybakov, Russkie datirovannye nadpisi XI-XIV vekov. SAI E1-44, 1964 // Б.А. Рыбаков, Русские датированные надписи XI-XIV веков. САИ E1-44, 1964.
- Rybina 1978:** E.A. Rybina, Arkheologicheskie ocherki istorii Novgorodskoi trgovli X-XIV vekov (Moskva 1978) // Е.А. Рыбина, Археологические очерки истории Новгородской торговли X-XIV веков (Москва 1978).
- Sedova 1981:** M.V. Sedova, Iuvelirnye izdeliia drevnego Novgoroda (X-XV vv.) (Moskva 1981) // М.В. Седова, Ювелирные изделия древнего Новгорода (X-XV вв.) (Москва 1981).
- Shchapova 1972:** Iu.L. Shchapova, Steklo Kievskoj Rusi (Moskva 1972) // Ю.Л. Щапова, Стекло Киевской Руси (Москва 1972).
- Simonov 1977:** R.A. Simonov, Matematicheskaia mysl' Drevnei Rusi (Moskva 1977) // Р.А. Симонов, Математическая мысль Древней Руси (Москва 1977).
- Simonov 1993:** R.A. Simonov, Drevnerusskaia knizhnost' (Moskva 1993) // Р.А. Симонов, Древнерусская книжность (Москва 1993).
- Spasskii 1970:** I.G. Spasskii, Russkaia monetnai asistema (Leningrad 1970) // И.Г. Спасский, Русская монетная система (Ленинград 1970).
- Sreznevskii 1866:** I.I. Sreznevskii, Drevnie pamiatniki russkogo pis'ma i iazyka (X-XIV vekov). Prilozhenie. Snimki s pamiatnikov (Sankt-Petersburg 1866) // И.И. Срезневский, Древние памятники русского письма и языка (X-XIV веков). Приложение. Снимки с памятников (Санкт-Петербург 1866).
- Sreznevskii 1882:** I.I. Sreznevskii, Drevnie pamiatniki russkogo pis'ma i iazyka (X-XIV vekov). Obshchee povremennoe obozrenie (Sankt-Petersburg 1882). // И.И. Срезневский, Древние памятники русского письма и языка (X-XIV веков). Общее повременное обозрение (Санкт-Петербург 1882).
- Stegantsev 2010:** M.A. Stegantsev, Arkheologicheskaia diskussiiia 1959-1961 godov po novgorodskoi khronologii i nekotorye empiricheskie obobshcheniia. In: (red. F.Sh. Huzin). Problemy arkheologii i istorii Tatarstana 2 (Kazan' 2010), 5-58 // М.А. Стёганцев, Археологическая дискуссия 1959-1961 годов по новгородской хронологии и некоторые эмпирические обобщения. In: (ред. Ф.Ш. Хузин) Проблемы археологии и истории Татарстана 2 (Казань 2010), 5-58.
- Stegantsev 2016a:** M.A. Stegantsev, Analiz datirovaniia po vremeni bytovaniia i istoricheskaia interpretatsiia ekstremumov raspredelenii importnykh artefaktov iz Nerevskikh raskopov Velikogo Novgoroda. In: (red. A.N. Gei, I.A. Sorokina) Arkheologicheskaia nauka: Praktika, teoriia, istoriia (Moskva 2016), 308-325 // М.А. Стёганцев, Анализ датирования по времени бытования и историческая интерпретация экстремумов распределений импортных артефактов из Неревских раскопов Великого Новгорода. In: (ред. А.Н. Гей, И.А. Сорокина) Археологическая наука: Практика, теория, история (Москва 2016), с. 308-325.
- Stegantsev 2016b:** M.A. Stegantsev, Arkheologicheskii detektiv: kuda ischez doiarusnyi sloi Novgoroda Velikogo? (Razyskaniia v pechatnykh itogakh raskopok Nerevskogo kontsa). RAE 5-6, 2016, 116-156 // М.А. Стёганцев, Археологический детектив: куда исчез доярусный слой Новгорода Великого? (Разыскания в печатных итогах раскопок Неревского конца). РАЕ 5-6, 2016, 116-156.
- Tret'iakov 1931:** P.N. Tret'iakov, Kostromskie kurgany. In: (red. N.Ia. Marr) Izvestiia GAIMK X, 6/7, 1931, 1-36 // П.Н. Третьяков, Костромские курганы. In: (ред. Н.Я. Марр) Известия ГАИМК X, 6/7, 1931, 1-36.
- Tsifry 1978:** Tsifry. BSE-3 (tret'eizdanie), 28, 1978, 601 // Цифры. БСЭ-3 (третье издание), 28, 1978, 601.
- Velikii Novgorod 2009:** Velikii Novgorod. Entsiklopedicheskii slovar' (Sankt-Petersburg 2009) // Великий Новгород. Энциклопедический словарь (Санкт-Петербург 2009).

Volkov 1996: I.V. Volkov, Amfory Novgoroda Velikogo I nekotorye zametki o vizantiisko-russkoi torgovle vinom. NNZ 10, 1996, 90-103 // И.В. Волков, Амфоры Новгорода Великого и некоторые заметки о византийско-русской торговле вином. ННЗ 10, 1996, 90-103.

Volkov 2001: I.V. Volkov, O proiskhozhdenii dvukh grupp srednevekovykh kleimennykh amfor. In: Mors'ka torgivlia v Pivnichnomu Prichornomorii (Kiev 2001), 130-147 // И.В. Волков, О происхождении двух групп средневековых клейменных амфор. In: Морська торгівля в Північному Причорномор'ї (Київ 2001), 130-147.

Zalizniak 1999: A.A. Zalizniak, O drevneishikh kirillicheskich abetsedariiakh. In: (red. A.A. Vigasin) Poehtika. Istoriia literatury. Lingvistika: Sbornikk 70-letiiu Viach. V. Ivanova (Moskva 1999), 543-576 // А.А. Зализняк, О древнейших кириллических алфавитах. In: (ред. А.А. Вигасин) Поэтика. История литературы. Лингвистика: Сборник к 70-летию Вяч. В. Иванова (Москва 1999), 543-576.

Zalizniak 2003a: A.A. Zalizniak, Znachenie berestianykh gramot dlia istorii russkogo iazyka. In: (otv. red. V.L. Ianin) Berestiane gramoty. 50 let otkrytiia i izucheniia (Moskva 2002), 218-223 // А.А. Зализняк, Значение берестяных грамот для истории русского языка. In: (отв. ред. В.Л. Янин) Берестяные грамоты. 50 лет открытия и изучения (Москва 2002), 218-223.

Zalizniak 2003b: A.A. Zalizniak, Drevneishaia kirillicheskaia azbuka. VIa 2, 2003, 3-31 // А.А. Зализняк, Древнейшая кириллическая азбука. ВЯ 2, 2003, 3-31.

Zalizniak 2004: A.A. Zalizniak, Drevnenovgorodskii dialekt (Moskva 2004) // А.А. Зализняк. Древненовгородский диалект (Москва 2004).

Zasurtsev 1959: P.I. Zasurtsev, Postroiki drevnego Novgoroda. MIA 65, 1959, 262-298 // П.И. Засурцев, Постройки древнего Новгорода. МИА 65, 1959, 262-298.

Марк Стёганцев, 197198, Санкт Петербург, Большой проспект 7/4, кв. 18, e-mail: mark.stegantsev@gmail.com

RECENZII ȘI PREZENTĂRI DE CARTE – РЕЦЕНЗИИ И КНИЖНОЕ ОБОЗРЕНИЕ –
PARER AND BOOK REVIEW

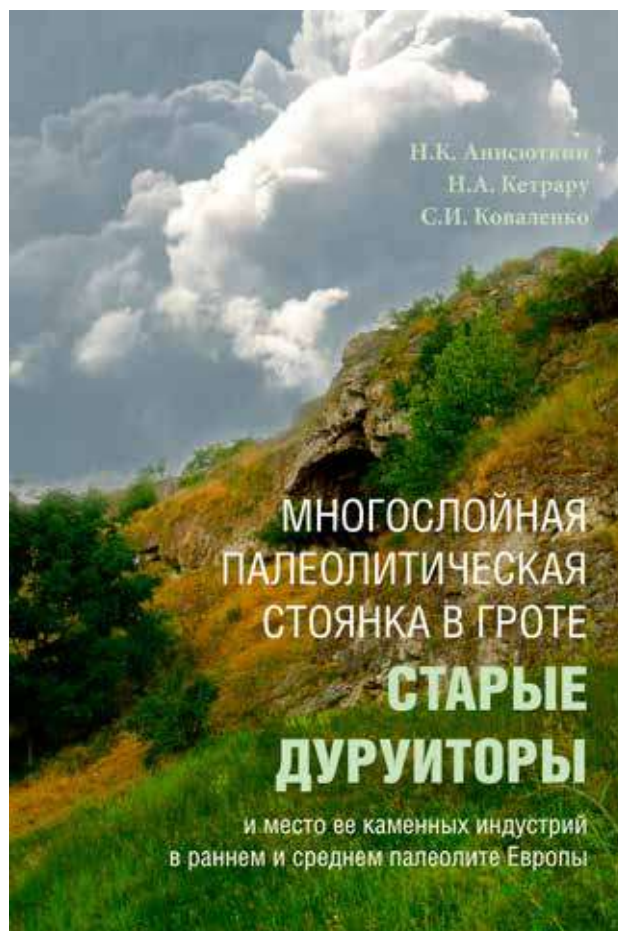
Н. А. Анисюткин, **Н. А. Кетрару**, С. И. Коваленко, Многослойная палеолитическая стоянка в гроте Старые Дуруиторы и место её каменных индустрий в раннем и среднем палеолите Европы (Stațiunea paleolitică pluristratificată din grota Duruitoarea Veche și locul industriilor litice ale grotei în paleoliticul inferior și mijlociu din Europa). Нестор-История, Санкт-Петербург, 2017, 196 p. ISBN 978-5-4469-1153-0

Volumul de față este consacrat rezultatelor cercetărilor din cadrul grotei Duruitoarea Veche, care este situată în marginea vestică a satului Duruitoarea Veche (raionul Rîșcani, Republica Moldova). Straturile culturale care aparțin paleoliticului au fost identificate de N.A. Chetraru în anul 1958 și au fost studiate cu întrepreri între anul 1958 și sfârșitul anilor 1970.

Lucrarea cuprinde opt capitole, care, pornind de la istoricul cercetării, prezintă colecția litică și materialul osteologic din straturile culturale, precum și atribuția culturală a materialului litic. Totodată, studiul este însoțit de o introducere, încheiere, bibliografie, 54 de planșe și 24 tabele.

În *Introducere* autorii menționează faptul că această lucrare este realizată pe baza manuscrisului lui N.A. Chetraru, care a fost elaborat în anul 1976, dar, din anumite motive, n-a fost publicat. Inițial, complexele din grotă au fost atribuite de N.A. Chetraru paleoliticului inferior, bazându-se pe formele arhaice ale uneltelor litice, dar această părere n-a fost susținută de alți cercetători. Astfel, V. Gladilin a inclus industria dată în varianta „micromusterian denticulat”, evidențiindu-l drept „tipul Duruitoarea Veche”. Piesele litice din straturile culturale inferioare sunt masive și rulante, rezultate din procesele naturale de eroziune. De aceea, atribuirea culturală a colecției litice a provocat multe întrebări controversate în rândurile specialiștilor din domeniu.

În *primul capitol*, autorii menționează faptul că grota a fost descoperită în anul 1958 de către N.A. Chetraru, ca urmare a periegezei din zona de nord-vest a Moldovei. Scopul acesteia era identificarea urmelor noi de locuire a comunităților din paleolitic. În octombrie 1958 au și fost efectuate primele cercetări arheologice sub conducerea lui N.A. Chetraru. În cadrul acestora, suprafața cercetată a fost nivelată și împărțită în carouri de 1x1 m, inclusiv, fiind realizat și planul general al grotei. Cercetările au continuat și în anii următori: 1958-1960, 1965, 1973-1975, soldându-se cu identificarea a trei straturi culturale, atribuite paleoliticului.

În *Capitolul 2* este prezentată descrierea paleogeografică a zonei. Grota se află în marginea estică a satului Duruitoarea Veche, în stâncile calcaroase, la circa 100 m înălțime, pe malul stâng al r. Ciuhur (afluent de stânga al r. Prut, pe a V-a terasă a văii acestuia). Această terasă s-a format în pleistocenul inferior, iar terasa pe care actualmente este amplasată grota s-a format în pleistocenul mijlociu. Menționăm, că pleistocenul mijlociu poate fi atribuit glaciului Nipru sau Riss-Würm, perioadei de care aparțin și urmele de locuire din straturile inferioare ale grotei.

În *Capitolul 3*, autorii au subliniat faptul, că grota reprezintă o stațiune cu mai multe nivele de locuire, cu straturile arheologice parțial păstrate. Dintre acestea,

stratul II¹ era cel mai bine conservat, conținând material litic și osteologic din paleoliticul superior. Stratul III era distrus de eroziune și conținea material litic (masiv și rulat) și osteologic. Stratul IV era păstrat mai bine decât stratul III, deși a fost și el predispus proceselor de eroziune. Totuși, a fost posibil de stabilit, că stratul IV conținea minimum trei suborizonturi, ceea ce ne indică o locuire îndelungată.

În *Capitolul 4* al lucrării au fost relatate date despre fauna și flora grotei. Compartimentul conține informații importante despre mediul înconjurător din perioada locuirii comunităților paleolitice din grotă. În apropierea grotei se întindeau peisaje de silvostepă, pădurile răspândindu-se doar în valea râului. Resturile faunistice demonstrează că speciile de animale mari (urs de peșteră, hienă de peșteră, cal, ren polar, mamut etc.) erau predominante. Autorii au menționat că în nivelul II au fost identificate fragmente de oase de mamut de tip târziu, iar în straturile III și IV – oase de mamut de tip arhaic. Totodată, în toate straturile culturale a fost depistat un număr mare de fragmente de oase de ren polar.

Capitolul 5 a fost dedicat definiției de „autenticitate a stratului cultural”, reprezentat prin următoarele caracteristici de bază: prezența elementelor culturale și a obiectelor stratului cultural etc. Ca urmare, autorii au ajuns la concluzia că straturile inferioare conțin doar câteva elemente culturale (unelte litice și fragmente de oase) și sunt deranjate de procesele de eroziune. Drept strat cultural cert poate fi considerat doar stratul II, care se atribuie paleoliticului superior.

Capitolul 6 este consacrat descrierii materialului litic din straturile culturale inferioare. În acest sens, pentru descrierea industriilor musteriene, precum și *Tayac*, autorii au utilizat metoda lui Fr. Bordes. Bazându-se pe particularitățile inventarului litic din stratul IV (790 piese), s-a constatat că prelucrarea materiei prime, precum și confecționarea uneltelor au fost realizate în interiorul grotei. Tehnologia prelucrării primare este caracterizată prin nuclee primitive cu talonul neprelucrat și resturi de debitaj: așchii, lame, fragmente – aspect specific pentru industria *Tayacului* și caracteristic pentru paleoliticul inferior. De asemenea, s-a stabilit că industria litică din stratul IV nu are tangențe cu *Levallois* cu indexul foarte mic de lame. În colecția dată predomină așchiile mici și masive de tipul clectonian.

Stratul cultural III conține 1373 de piese litice, iar prezența așchiilor de dimensiuni foarte mici demonstrează faptul că atât cioplirea silexului cât și modelarea uneltelor a avut loc în grotă. Merită de menționat, că industria litică a din stratul III practic este identică celei din stratul IV. Doar în stratul III a fost depistată o piesă bifacială caracteristică pentru *Szeletianul* de tipul Stinca, iar în stratul IV a fost identificată o serie de

choppers. Grupele de unelte sunt descrise în tabele și sunt prezentate pentru fiecare nivel cultural.

În *Capitolul 7* au fost abordate probleme legate de atribuirea culturală a complexelor din straturile inferioare. Astfel, autorii au menționat faptul, că în procesul de cercetare, a fost demonstrată omogenitatea tipului Duruitoarea Veche-Stinca I, legată de descendența, care, totuși, n-a fost continuă. Complexul inferior – Duruitoarea Veche – poate fi atribuit tipului *Tayac*, iar cel târziu, Stinca – reprezintă paleoliticul mijlociu cu bifaciale lanceolate și cu elemente păstrate de tip *Tayac*. Tipul Duruitoarea Veche-Stinca I poate fi considerat drept un exemplu de transformare, când paleoliticul inferior/mijlociu glaciular Riss cu un singur exemplar de piesă bifacială se transformă în variantă fără forme *Levallois* și forme lamelare din perioada pleistocenului târziu, dar, foarte asemănător cu musterianul denticulat cu numărul mare de piese bifaciale lanceolate. Acest proces poate fi legat de influența industriei tehnocomplexului *Micoque*, care, ulterior, participă la formarea paleoliticului superior local.

În *Capitolul 8* au fost descrise resturile nivelului cultural II. Autorii au menționat că colecția litică, compusă din 116 piese, poate fi atribuită faciesului gravettian timpuriu din zona pruto-nistreană (straturile 8-9 ale stațiunii Molodova V, Voronovița, Ciutulești), fapt care este demonstrat de prezența în colecția litică a așchiilor lamelare de dimensiuni mari și medii, vârfuluri cu marginile retușate abrupt, burine diedre și resturi osteologice de ren polar și de prădători de peșteră. Aici a mai fost identificată și o mandibulă de om.

În *Încheiere* autorii au subliniat că grotă Duruitoarea Veche reprezintă o stațiune paleolitică pluristratificată, deranjată de procesele de eroziune. Are straturile culturale inferioare atribuite faciesului *Tayac*, iar straturile culturale superioare – fazei timpurii a paleoliticului superior.

Partea grafică a lucrării este completă și realizată la un nivel înalt, respectând toate cerințele tehnice ale unui studiu arheologic. Autorii prezintă o hartă generală, cu amplasarea geografică a grotei și a stațiunilor paleoliticului inferior și mijlociu din Republica Moldova. Ilustrațiile conțin toate grupele de piese litice din straturile culturale din grotă, precum și materialul osteologic.

Ca urmare a celor expuse, susținem că lucrarea dată reprezintă un studiu exhaustiv, care conține o descriere detaliată a materialului arheologic, încadrarea și atribuirea culturală a complexelor din straturile culturale cercetate în grotă Duruitoarea Veche. Importanța acestui studiu rezidă în faptul că grotă Duruitoarea Veche poate reprezenta o *stațiune etalon* pentru studierea paleoliticului din zona Prutului Mijlociu, în special, și a spațiului pruto-nistrean, în general.

¹ În lucrare, straturile arheologice sunt numerotate cu cifre romane, iar straturile litologice – cu cifre arabe.

A.E. Малюкевич, С.М. Агульников, С.С. Попович, Курганы правобережья Днестровского лимана у с. Молога, ОАМ НАН Украины. Одесса-Кишинев 2017. 188 с.; 64 табл. илл. ISBN 978-9975-139-40-3

Apariția respectivei monografii s-a lăsat așteptată de mult timp: din momentul finalizării cercetărilor tumulilor de la Sadovoe și Mologa au trecut decenii. Lucrarea va fi utilă nu doar specialiștilor, preocupările cărora vizează istoria și arheologia zonei de la nord-vest de Marea Neagră – materialele introduse în circuitul științific cuprind un areal geografic mai mare. Faptul dat se datorează unei răspândiri spațiale mai largi a culturilor arheologice, mormintele atribuite cărora au fost semnalate în tumulii de la Mologa. Inventarul complexelor funerare denotă un spectru larg al contactelor cu comunitățile învecinate și permite, în baza lor, efectuarea unor reconstrucții istorice. În lucrarea de față sunt publicate materialele obținute grație investigațiilor a trei tumuli din apropierea localităților Sadovoe și Mologa (reg. Odesa, Ucraina). În circuitul științific sunt introduse 226 de complexe funerare, din diferite perioade istorice, începând cu perioada târzie a epocii eneolitice până în perioada medievală târzie. Tabloul respectiv, pe de o parte, este specific pentru întreg spațiul nord-vest pontic, însă tumulii de la Mologa sunt cu totul speciali datorită inventarului reprezentativ, semnalat practic pentru fiecare orizont cultural-cronologic.

În tumulul nr. 1 de la Mologa a fost descoperit un grup de morminte care preced apariția în spațiul respectiv a siturilor Usatovo, acestea fiind atribuite culturii Cernavoda I (Khadzhider). Vasele ceramice Cernavoda I sunt rar documentate în complexele funerare din regiune. Astfel, ulciorul din mormântul nr. 16 prezintă un interes deosebit, la fel ca și descoperirea unei stele antropomorfe, situată în apropierea mormântului primar. Autorii cercetărilor admit instalarea inițială a acesteia în poziție verticală. Tradițional, teza amplasării stelelor antropomorfe în poziție verticală în partea superioară a tumulilor și refolosirea lor în calitate de acoperământ al camerelor funerare, este unanim acceptată de majoritatea cercetătorilor. Astfel, amplasarea stratigrafică a stelei din acest tumul se prezintă drept una neordinară.

Următorul orizont cronologic al tumulilor ține de mormintele grupului Usatovo. Menționăm că, de obicei, cele mai timpurii complexe funerare din tumulii din zona Nistrului de Jos sunt atribuite grupului Usatovo, aici, însă, ele succed complexele de tip Cerna-

voda I. Mormintele Usatovo au oferit cercetătorilor un variat inventar arheologic – 42 de vase ceramice de diferite forme și dimensiuni, plastică antropomorfă, un topor din piatră, un fragment de măciucă, un străpunător de bronz și diverse obiecte din os. Autorii admit existența în zonă a unui centru regional al grupului Usatovo, în jurul căruia erau concentrate descoperirile de la Nistrul de Jos.

Un interes deosebit prezintă descoperirea în mormântul 33 de la Sadovoe a unor mărgele crestate din os. Acest tip de piese sunt specifice complexelor funerare de tip post-Mariupol/Kvitianaia. Descoperirea dată a permis sincronizarea cronologică a grupurilor Usatovo și post-Mariupol. Menționăm că până a fi documentat acest complex, vestigiile post-Mariupol se încadrau cronologic în eneoliticul timpuriu sau mijlociu, și datorită acestei descoperiri s-a putut stabili cu exactitate locul complexelor post-Mariupol în sistemul culturilor tumulare timpurii din regiunile de la nord și nord-vest de Marea Neagră.

În vederea reconstituirii tradițiilor funerare timpurii, atragem atenția și asupra stratigrafiei surprinse în tumulul de la Sadovoe. Mantaua primară a tumulului a fost ridicată deasupra unui spațiu special amenajat, care (judecând după gropile de cult nr. 12-13), o perioadă de timp a rămas deschisă. Ridicarea mantalei, însă, s-a produs mai târziu. Astfel de observații, cu regret, nu au suscitât atenția cuvenită a cercetătorilor altor tumuli.

Epocii bronzului îi revin complexe funerare atribuite culturilor Iamnaia, Katakombnaia, Mno-govalikovaia și o serie de morminte din perioada de trecere de la cultura Sabatinovka spre cultura Belozerka.

Mormintele culturii Iamnaia sunt caracterizate printr-o varietate a pozițiilor în care au fost depuși defuncții, prin descoperirea unui inventar relativ bogat (ceramică, cercei de tâmplă din argint) și unele aspecte întâlnite mai rar ale ritualului funerar (prezența stelelor antropomorfe, oase umane în poziții neanatomice). Însă, în general, ele se încadrează perfect în tabloul cunoscut, completând și concretizând cunoștințele noastre cu referire la cultura Iamnaia din regiune. Cultura Katakombnaia (de tip Ingul) este reprezentată de două morminte, într-unul din ele (Mologa 1/3) fiind documentat un topor de piatră. Mormântul culturii Mno-govalikovaia a permis autorilor lansarea unor concluzii cu referire la geneza respectivelor ves-

tigii în microzona analizată. Mormintele cu inventar atribuite perioadei târzii a epocii bronzului au permis evidențierea unor legături cu culturile hallstattiene timpurii de la Dunărea de Jos, complexe Noua-Sabatinovka, Coslogeni și Monteoru.

Perioadei antice îi sunt atribuite, cu o anumită doză de incertitudine, trei complexe, iar perioadei medievale timpurii – un mormânt al culturii Dridu (Balcano-Dunăreană). Acesta din urmă reprezintă o descoperire rară pentru regiunea de la nord-vest de Marea Neagră. Cea mai numeroasă grupă de înmormântări aparține turanicilor medievali târzii (nogai). În total au fost descoperite 138 morminte, dintre care 134 erau amplasate în mantaua tumulului nr. 2 de la Mologa. După părăsirea teritoriului respectiv de către populația nogailor, în tumulul nr. 1 de la Mologa a fost îngropat defunctul din mormântul nr. 21, având atribute funerare tipice unei înmormântări creștine.

Importanța apariției monografiei respective rezidă nu doar în publicarea propriu-zisă a materialelor, dar și în argumentarea cu lux de amănunte a interpretării lor. Totodată, în monografie este prezentată o analiză istoriografică a cercetărilor arheologice din zona Nistrului de Jos, iar ilustrația constă din planșe executate calitativ.

Svetlana Ivanova

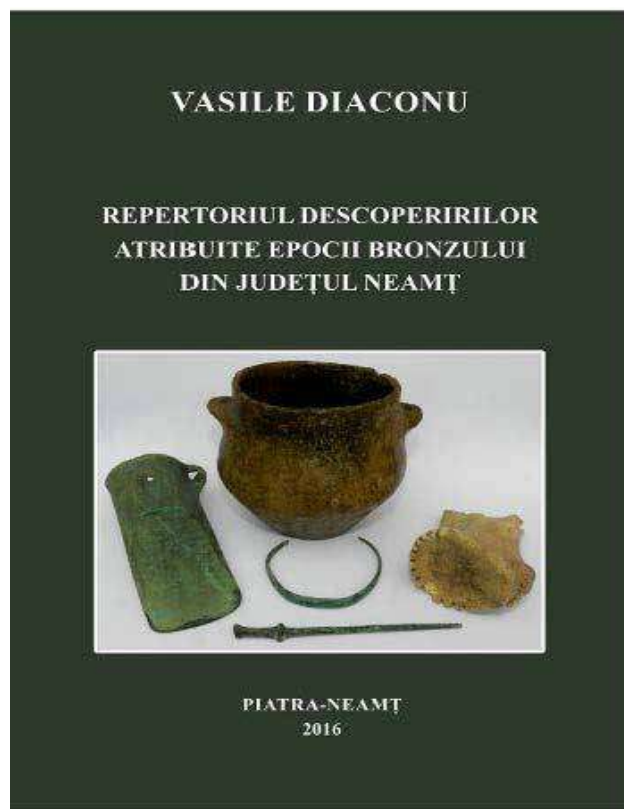
Vasile Diaconu, Repertoriul descoperirilor atribuite epocii bronzului din județul Neamț, Editura „Constantin Matasă”, Bibliotheca Memoriae Antiquitatis, XXXVI, Piatra-Neamț. 2016, 126 p., 86 fig., 3 anexe, ISBN: 978-973-7777-34-8

Volumul de față, publicat în anul 2016 de către cercetătorul Vasile Diaconu, constituie o lucrare esențială pentru cunoașterea și înțelegerea epocii bronzului de pe teritoriul județului Neamț și nu numai. Pentru această perioadă a fost scris un număr însemnat de lucrări, și avem în vedere inclusiv repertoriile arheologice județene generale, însă un demers de acest tip, un repertoriu dedicat unei singure epoci, nu a fost realizat până acum. Acest volum poate deveni, cu ușurință, un instrument de lucru indispensabil oricărui student, tânăr cercetător sau erudit, care are ca sferă de preocupări preistoria, în general, sau epoca bronzului în județul Neamț, în zona subcarpatică sau în Moldova per ansamblu.

Prefața, *Gânduri arheologice despre județul Neamț*, a fost realizată de către dr. Tiberiu Bader și ilustrează un scurt istoric al cercetărilor arheologice din județ, prezentând și o descriere succintă a autorului și volumului de față. *Introducerea* are rolul de a clarifica unele aspecte metodologice.

Lucrarea cuprinde patru capitole: cadrul geografic, istoricul cercetărilor, repertoriul descoperirilor atribuite epocii bronzului din județul Neamț, considerațiile finale și o serie de trei anexe: descoperirile atribuite Culturii Amforelor Sferice din județ, datări C_{14} pentru unele situri ale epocii bronzului, precum și un set de analize metalografice. La acestea se adaugă rezumatul și lista figurilor, realizate în limba engleză, lucru care facilitează înțelegerea lucrării de către publicul străin. Ilustrația volumului (86 planșe cu desene, fotografii și hărți) este ordonată în conformitate cu structura catalogului descoperirilor și este de un real ajutor cititorilor.

Primul capitol, *Cadrul natural* (p. 15-20), prezintă caracteristicile geografice ale zonei aflate în studiu. Autorul începe prin a descrie cele trei sectoare geo-morfologice ale județului, și anume: zona montană, cea subcarpatică și cea de podiș, împreună cu unitățile și subunitățile geografice ale acestora. Factorii de habitat reprezintă următorul segment al expunerii din acest capitol, fiind discutate aspecte precum rețeaua hidrografică, climatul, flora (completată de unele date arheobotanice specifice epocii bronzului din județul Neamț și nu numai, dar și de unele analize antracologice), fauna, resursele naturale. Acest capitol

se încheie cu o serie de concluzii privind condițiile de habitat oferite de această zonă, trasate pe baza factorilor discutați.

Cel de-al doilea capitol, *Istoricul cercetărilor* (p. 21-26), prezintă, din punct de vedere cronologic, cele mai importante cercetări arheologice întreprinse în zona de studiu, începând cu sfârșitul anilor '50 și până în prezent. Astfel, sunt menționate situri reprezentative precum: Costișa – *Cetățuia*, Piatra-Neamț – *Ciritei*, Piatra-Neamț – *Steagul Roșu*, Doina, Săbăoani – *La Izlaz*, Târpești, Siliștea – *Pe Cetățuia* etc. Urmând același fir, sunt enumerate contribuțiile importante pentru studierea epocii bronzului în spațiul est-carpatic, regăsindu-se sintezele lui A.C. Florescu, Gh. Dumitroaia, Fl. Burtănescu, E. Sava, A. Popescu sau R. Munteanu, catalogul de expoziție al culturii Costișa etc. În continuare, atenția ne este dirijată către izvoarele de slatină din județ și cercetarea lor. Nu în ultimul rând, subcapitolul *Abordarea pluridisciplinară a epocii bronzului din județul Neamț* evidențiază stadiul și rezultatele cercetărilor din domeniile: arheozoologie, antropologie, sedimentologie, petrografie, mineralogie și metalografie, realizate în zona de in-

teres. În finalul acestui subcapitol sunt prezentate și datele radiocarbon existente pentru câteva situri ale epocii bronzului din județ.

Capitolul al treilea și cel mai consistent segment al lucrării, *Repertoriul descoperirilor* (p. 27-84), ilustrează alfabetic, în funcție de localitatea de care aparțin, siturile specifice epocii bronzului. Pentru fiecare element al bazei de date ne sunt prezentate aspecte esențiale pentru o mai bună înțelegere și cunoaștere: istoricul cercetărilor întreprinse în acel sit, amplasarea din punct de vedere geografic, însoțită de coordonatele GPS ale punctului, un scurt rezumat al descoperirilor, încadrarea cronologică a sitului și reperate bibliografice. Astfel, *corpus*-ul descoperirilor însumează 200 de situri specifice epocii bronzului. Au fost incluse așezările, descoperirile funerare, depozitele, dar și descoperirile izolate. La această listă a fost adăugat și tabelul bazei de date.

Ultimul capitol, *Considerații finale* (p. 85-92), reprezintă rezultatul unei analize profunde asupra sub-perioadelor și culturilor arheologice specifice epocii bronzului din arealul studiat. Pentru fiecare segment și sub-segment de cercetare sunt extrase concluzii care ajută la creionarea unui tablou general, în ceea ce privește perioadele epocii bronzului pe teritoriul județului Neamț sau siturile exponenente ale celor mai bine cercetate culturi din aceste perioade. Trebuie menționat faptul că autorul a

preferat să nu includă Cultura Amforelor Sferice în repertoriu din cauza faptului că nu există o părere unanim acceptată în ceea ce privește începutul epocii bronzului în zona est-carpatică. În număr de zece, descoperirile care aparțin acestei manifestări culturale reprezintă prima, dintr-un șir de trei anexe amplasate în continuarea lucrării. Cea de-a doua constă în *Lista datărilor C₁₄ din situri ale epocii bronzului*, regăsindu-se 20 de astfel de date, din situri precum: Costișa, Siliștea și Lunca. Următoarea anexă reprezintă rezultatele unor *Analize metalografice pentru obiecte din bronz din județul Neamț* descoperite la Bicăz, Borlești, Costișa și Țibucani. Lucrarea mai conține și un rezumat, o *Listă a ilustrațiilor*, realizate în limba engleză, o serie de *Abrevieri* și o foarte bine organizată *Bibliografie*.

Volumul de față îmbină informațiile sistematizate din literatura de specialitate cu rezultatele cercetărilor personale, putând fi regăsite numeroase informații inedite. Importanța lucrării *Repertoriul descoperirilor atribuite epocii bronzului din județul Neamț* poate fi demonstrată, în primul rând, prin accesibilitatea sa: atât în ceea ce privește limbajul, potrivit pentru toate categoriile de public, cât și în ceea ce privește informațiile științifice prezentate, acești doi factori transformând lucrarea într-una esențială studierii epocii bronzului.

Casandra Brașoveanu

**Masa Rotundă de omagiere a unor înaintași notorii:
Nicolae Moroșan, Gheorghii Sergheev și Vsevolod Marchevici**

Într-o zi de marți, la 31 octombrie 2017, a avut loc Masa Rotundă cu genericul *Arheologia Moldovei: trecut, prezent și viitor*, consacrată celor **115 ani de la nașterea paleontologului, geologului și arheologului Nicolae Moroșan, 110 ani de la nașterea muzeografului Gheorghii Sergheev și 100 de ani de la nașterea arheologului Vsevolod Marchevici**. Manifestarea a fost organizată de Centrul de Arheologie al Institutului Patrimoniului Cultural al AȘM și moderată de directorul acestui centru, domnul dr. habilitat **Oleg Levițki**. În sală au fost prezenți, în afară de colegii-cercetători științifici de la IPC, Muzeul Național de Istorie a Moldovei, Agenția Națională Arheologică, Universitatea „A.I. Cuza” din Iași și Universitatea de Stat din Moldova, și un grup de tineri, studenți ai Facultății de Istorie și Filosofie a acesteia din urmă universități.

Un amplu mesaj de salut a adresat celor prezenți domnul dr.hab., prof. **Victor Țvirunc**, coordonator al Secției Științe Umanistice și Arte a AȘM, care a menționat faptul ca dintre cele trei personalități omagiate, l-a cunoscut doar pe Vsevolod Marchevich. Elev fiind, domnia sa a frecventat un cerc/cenaclu al tinerilor arheologi din Chișinău, organizat de regretatul V. Marchevici în incinta Muzeului de Arheologie al Academiei de Științe din fosta sinagogă de pe strada Ismal la începutul anilor 1970. A frecventat lecțiile teoretice, apoi a participat și la investigațiile de teren organizate de acest arheolog și muzeograf la Duruitoarea Veche în vara anului 1973. Cu toate că descoperiri importante n-a realizat atunci, impresiile, atmosfera din tabără și experiența acumulată în expediție i-au rămas în amintire pentru întreaga viață. A felicitat organizatorii și a urat mult succes participanților la Masa Rotundă. „Dacă nu

ne vom omagia înaintașii noștri, nimeni nu-și va aduce aminte nici de noi”, a subliniat vorbitorul.

Domnul director al IPC, dr.hab. **Victor Ghilaș** a felicitat Centrul de Arheologie pentru organizarea acestui eveniment științific, care relevă un act de continuitate în activitatea centrului, ce are deja tradiția, timp de câțiva ani, să omagieze savanții-înaintași cu o contribuție majoră în domeniul arheologiei și muzeografiei. Domnia sa a remarcat, că de această dată sunt omagiați trei distinși savanți-arheologi, primul dintre ei fiind Nicolae Moroșan, de la nașterea căruia s-au împlinit 115 ani. El este considerat în istoriografia românească drept întemeietor al studierii paleoliticului în spațiul dintre Carpați, Nistru și Marea Neagră. În scurta sa viață, de nici 42 de ani (a avut o moarte învăluită de mister, în timpuri de răstriașe), a reușit să descopere zeci de situri din epoca pietrei, să publice 85 de lucrări științifice, inclusiv o monografie scrisă în limba franceză și un repertoriu arheologic al stațiunilor paleolitice din zona de nord-est a României. Cunoscută mai mult celor prezenți în această sală este personalitatea lui Vsevolod Marchevici, născut în urmă cu 100 de ani, care, printre altele, pe linie maternă provine din aceeași familie a Moroșenilor de la Cuconeștii Vechi, raionul Edineț – el era nepot (de la soră) al lui Nicolae Moroșan. Vsevolod Marchevici s-a preocupat de studiul neoliticului și eneoliticului, a publicat zeci de lucrări, a popularizat patrimoniul nostru arheologic nu numai prin publicații, dar și prin comunicări susținute la manifestări științifice în țară și în străinătate, prin organizarea diferitor expoziții. A treia figură omagiată astăzi de breasla arheologică din spațiul pruto-nistean este Gheorghii Sergheev, de la nașterea căruia marcăm împlinirea a 110 ani. Dânsul s-a stabilit la Chișinău în 1945, a activat la Muzeul de Studiere a Ținutului și are merite deosebite atât în

domeniul muzeografiei, cât și cel al arheologiei. A prezentat comunicări despre descoperirile arheologice din Moldova la întruniri din mai multe orașe-centre științifice importante din fosta URSS – Sankt-Petersburg, Moscova, Kiev, Riga, Odesa ș.a. Asemenea întruniri sunt bun prilej (la inițiativa Centrului de Arheologie), o soluție științifică, ca o barieră în calea uitării meritelor remarcabile a celor omagiați.

Colegul **Vitalie Burlacu** a prezentat comunicarea **Nicolae Moroșan – savant, arheolog și geolog**, menționând de la bun început faptul că omagiatul a fost o personalitate științifică de vază pentru acea perioadă istorică, fiind cunoscut nu numai în România, ci și în Franța, apoi, în vâltoarea evenimentelor de tristă faimă, și în URSS. Vorbitorul a identificat cinci etape în viața și activitatea lui Nicolae Moroșan, care a ajuns profesor la Universitatea din Iași, profesor la Institutul Pedagogic „Ion Creangă” din Chișinău, director al Liceului „Mihai Eminescu” din Chișinău și director al Muzeului de Studiere a Ținutului din Chișinău (acum Muzeul Național de Etnografie și Istorie Naturală).

Nicolae Moroșan s-a născut la 1 iulie 1902 în familia preotului Nicolae Moroșan din Cuconeștii Vechi, județul Bălți, fiind al șaptelea copil și al patrulea băiat. Părinții sperau ca el să continue tradiția și să se facă preot, însă n-a fost așa. După absolvirea Liceului de băieți „B.P. Hașdeu” din Chișinău, a studiat la Facultatea de Științe Naturale de la Universitatea din Iași (1922-1927), unde l-a cunoscut pe talentatul profesor Ion Simionescu, care a avut o influență benefică hotărâtoare asupra tânărului basarabean rămas între timp orfan de tată. Datorită cunostințelor și deprinderilor acumulate de la profesorul său, în anul 1925 face prima descoperire științifică – situl Stânca Ripiceni din valea Prutului de Mijloc. A urmat un stagiu la Paris (1929-1931), la Institutul de Paleontologie Umană. În 1931 el devine membru al Societății de Preistorie a Franței și al Institutului Internațional de Antropologie. Nicolae Moroșan a fost cel care a pus bazele cercetării paleoliticului în nord-estul României, făcând cercetări de teren în zona Prutului și a Nistrului de Mijloc. A întreprins săpături în stațiunea Stânca Ripiceni (1926), câteva sondaje la stațiunea Ripiceni Izvor (1928). În total, a reușit să publice circa 85 de lucrări, inclusiv o monografie intitulată „Le Pléistocène et le Roumanie du Nord-Est”. A elaborat primul repertoriu arheologic al stațiunilor paleolitice din zona de nord-est a României, care va sta la baza cercetărilor ulterioare a epocii vechi a pietrei din zona Prutului de Mijloc. Ultima publicație științifică a lui Nicolae Moroșan a apărut în anul 1939.

O importantă completare despre contribuția științifică a lui Nicolae Moroșan a făcut domnul dr.hab. **Valentin Dergaciov**, care a vorbit despre participarea omagiatului în echipa din Basarabia a proiectului renumitului savant român Dimitrie Gusti, realizat în pe-

rioadă interbelică – se știe că el a săpat un tumul sau doi lângă satul Copanca, descoperind câteva morminte sarmatice. De asemenea, depozitul de bronzuri de la Tețcani din epoca bronzului târziu și toporul de cupru de la Cimișlia au fost incluse în circuit științific datorită lui Nicolae Moroșan.

Domnul dr. **Sergiu Matveev** a susținut comunicarea **Gheorghii Sergheev – promotor al istoriei locale în RSSM**. Gheorghii Pavlovici Sergheev s-a născut la 20 mai 1907 în orașul Omsk, în familia unui muncitor lemnar rus. Ulterior familia s-a mutat cu traiul la Cita, unde el a început studiile la Școala Comunală de 3 clase, pe care a absolvit-o în anul 1916. În 1929 a absolvit Școala de treapta a doua și s-a mutat la Leningrad (Sankt-Petersburg) pentru a obține studii superioare. În anul 1929 a fost înmatriculat la Universitatea de Stat din Leningrad, Secția Muzeu și Istorie a Ținutului. În 1932 a absolvit Institutul Istórico-Lingvistic din Leningrad, obținând specializarea de muzeolog-arheolog. Corpul profesoral al instituției respective includea așa personalități, cum ar fi membrii corespondenți ai AȘ a URSS S.G. Tominskii, O.A. Dobiash-Rozhdestvenskaia, B.D. Grekov, profesorii V.V. Struve, S.I. Kovalev, E.V. Tarle etc.

Cercetătorul Gh. Sergheev vine în RSSM, depunând la 25 aprilie 1945 cerere de angajare în calitate de cercetător științific la Muzeul de Studiere al Ținutului din Chișinău și șef al secției de istorie. Din mai 1945 este angajat în funcția de director-adjunct interimar pentru activitatea științifică. La 1 septembrie 1947 revine în funcția de șef al secției de istorie. Muzeul îi asigură și domiciliu într-un edificiu din curtea muzeului de pe strada Pirogov (azi Kogălniceanu), 82. În anul 1946 efectuează cercetări arheologice în grotă de la Ofatinți. Vestigiile arheologice au fost atribuite unei etape tardive a culturii acheuleane din paleolitic și publicate. Dar metodologia cercetării a fost aspru criticată de A. Chernysh, Gh. Sergheev fiind exclus din rândul arheologilor responsabili de cercetări de teren. În anii următori el își va concentra activitățile pe segmentul muzeografic: refacerea Muzeului din Chișinău, a unor muzee locale, organizarea muzeelor școlare și publicarea anumitor vestigii

de importanță deosebită din fondurile muzeului în care activa. În arhiva MNEIN se păstrează un raport al lui Gh. Sergheev despre participarea cu două comunicări – despre tezaurul de la Chetroșica și tezaurul de la Olănești – la o conferință științifică. Raportul este însoțit de rezumatul comunicării lui Sergheev privind tezaurul de la Cărbuna, pe care a prezentat-o la Odesa. Și deplasările din martie 1963 la Kiev și aprilie 1964 la Sankt-Petersburg sunt prezentate în rapoarte aparte, la ultima urmând să fie expuse și piesele originale ale tezaurului de la Lărguța. La 14 ianuarie 1969 Gh. Sergheev depune cerere de eliberare din funcție pe motivul pensionării și a stării de sănătate, de la 1 februarie 1969, solicitând însă prelungirea activităților în lunile martie-aprilie pentru a preda viitorului șef de secție toate activitățile curente. Dar Nicolae Răileanu scrie că Gh. Sergheev își va continua activitatea la muzeu până la plecarea din rândul celor vii pe 12 februarie 1974.

În cadrul discuțiilor, domnul **V. Dergaci** a subliniat că Gh. Sergheev, ca și N. Moroșan, au fost printre puținii arheologi și muzeografi care au activat la Chișinău, cu solide studii universitare obținute în perioada interbelică. Domnul dr. **Nicolai Telnov** a remarcat faptul că Gh. Sergheev avea un talent deosebit – el picta foarte bine, în stilul pictorilor ruși Kuindzhi și Nikolai Rerikh, și ar trebui să ne interesăm la MNEIN, dacă s-au mai păstrat tablourile pictate de el.

Ultima comunicare la întrunirea de marți a fost susținută de colegul **Sergiu Bodean** și a fost intitulată **Vsevolod Marchevici. 100 de ani de la naștere**. Vsevolod Marchevici, specialist în arheologia epocilor neolitice și eneolitice din spațiul pruto-nistean, s-a născut la 10 noiembrie 1917 în satul Cuconeștii Vechi, jud. Bălți. Era copilul Verei Moroșanu și al lui Ivan Marchevici, student la Universitatea Imperială Novorosiisk din Odesa. Mama sa, Vera Moroșanu, era fiica preotului paroh din Cuconeștii Vechi, Nicolae Moroșanu, și sora arheologului și geologului Nicolae Moroșan. Vsevolod Marchevici își face studiile primare la școala din satul natal, apoi este admis la Colegiul Național „Sf. Sava” din București. În anul 1938 obține diploma de bacalaureat, în 1938-1939 a frecventat cursurile anului preparator la Școala Politehnică „Regele Carol II” din București, iar în 1939 este înscris la Facultatea de Silvicultură a aceleiași școli. În iulie 1940 se întoarce în Basarabia, iar în 1941 este mobilizat în Armata Roșie. În anii 1942 și 1945 a fost decorat cu medaliile „Pentru apărarea Stalingradului” și „Meritul de luptă”. Revine la baștină în 1948 și lucrează în calitate de pădurar.

În vara anului 1953 participă la o expediție arheologică a Institutului de Istorie, Limbă și Literatură a Filialei Moldovenești a AȘ a URSS. Pasiunea pentru arheologie îl face să abandoneze definitiv cariera de

silvicultor în anul 1954, angajându-se în calitate de conducător al Cercului de turism și studiere a ținutului natal de pe lângă Casa de pionieri din or. Florești, unde activează timp de 6 ani. În această perioadă descoperă un șir de monumente arheologice (preponderent în zona de nord a Moldovei), unele dintre ele de importanță majoră pentru epocile neolitică și eneolitică. Din anii 1950, participă la cercetările arheologice efectuate de expediția condusă de Tatiana Passek, de a cărei susținere a beneficiat, ea contribuind esențial la formarea lui ca arheolog profesionist. În anul 1956 este admis la Facultatea de Istorie (secția cu frecvență redusă) a Universității de Stat din Cernăuți (Ucraina), pe care o absolvă în anul 1962. Din februarie 1960 Vsevolod Marchevici este angajat în Secția de Arheologie a Institutului de Istorie al Filialei Moldovenești a AȘ a URSS în calitate de cercetător științific inferior interimar, apoi de laborant superior, iar din decembrie 1961 devine cercetător științific inferior. Teza de candidat în științe istorice cu titlul „Neoliticul Moldovei (monumentele culturii bugo-nistrene)” a fost susținută în anul 1968, sub îndrumarea Tatiane Passek. Vsevolod Marchevici a contribuit esențial la organizarea expoziției Muzeului de Arheologie și Etnografie al AȘM, care a fost deschis pentru vizitatori în iunie 1986. La 31 decembrie 1988 este pensionat din funcția de șef al Sectorului de Cultură Populară a Moldovei, deținută din septembrie 1979. Continuă însă să mai lucreze la AȘM și la Muzeul Național de Istorie a Moldovei până la trecerea sa în neființă la 16 februarie 1997. Este înmormântat la Cimitirul Sf. Lazăr din or. Chișinău.

Realizările științifice ale lui Vsevolod Marchevici sunt remarcabile, cu toate că doar o parte din vestigiile recuperate au văzut lumina tiparului. Valorificarea integrală a acestor colecții ține de noile generații de arheologi. Grație încadrării în colectivul de cercetare condus de Vsevolod Marchevici a specialiștilor arheozoologi, arheobotaniști, precum și realizarea ulterioară a determinărilor traseologice, metalografice a materialelor recuperate, a datărilor radiocarbon și arheomagnetice, utilizarea aerofotometriei și a prospectărilor geomagnetice, s-a reușit trecerea la un nivel calitativ nou a investigațiilor arheologice.

În cadrul discuțiilor au luat cuvântul domnul **Valentin Dergaci** și domnul **Veaceslav Bicbaev**, care au colaborat mulți ani cu omagiatul, au învățat de la el multe lucruri, însă ambii au constatat cu regret că Vsevolod Marchevici n-a reușit să creeze o școală arheologică la Chișinău, să educe continuatori din tânăra generație pentru cercetarea culturilor din neolitic și eneolitic.

Larisa Ciobanu

IN HONOREM

К 70-летию Николая Петровича Тельнова

1 февраля 2018 года молдавская археологическая наука отметила знаменательное событие: исполнилось 70 лет исследователю, известному далеко за пределами Молдовы Николаю Петровичу Тельнову.

Конечно, того, кто лично знает юбиляра, эта цифра удивляет: уж очень этот зафиксированный в официальных документах и в общем то солидный возраст не вяжется с молодостью, задором и энергией, исходящими от Николая Петровича, с той колоссальной по объему и разноплановой работой, которую он выполняет.

Николай Петрович принадлежит к первому послевоенному поколению, он родился 1 февраля 1948 года в селе Дмитриевка Ракитинского района Белгородской области, в самом центре России. Слившаяся в его сердце любовь и к тихим белгородским полям, и многоцветным холмистым пейзажам Молдовы, как будто отражает двойственность его характера: трудно, наверное, найти такое сочетание, с одной стороны, очень спокойного и уравновешенного человека, с другой – такого яркого и эмоционального. Но надо сказать, что по юношески эмоциональным Тельнов становится в тех случаях, когда затронуты профессиональные научные ценности или что-то важное для жизни других людей.

Научная биография Николая Петровича, как у многих археологов его поколения, поначалу складывалась непросто. По окончании средней школы в родной Дмитриевке он работал слесарем на электромоторном заводе в г. Владимир. Затем отслужил в Советской Армии. После демобилизации Николай последовательно получил два высших образования: сначала закончил филологический факультет Белгородского государственного педагогического института, а затем и исторический факультет Одесского государственного университета.

С 1973 г. по 1979 г. Тельнов работал учителем истории в средней школе. Именно в эти годы он и стал выезжать в различные археологические экспедиции, в том числе и особенно часто в Молдавию. В эти годы Николай Петрович очень серьезно увлекся исследованием древностей палеолита

и трипольской культуры. Но в 1979 году ему выпал шанс реализовывать профессиональную научную карьеру, но совсем в другой тематической области. Оказалось вакантным, что бывало в советское время крайне редко, штатное место в секторе средневековой археологии Академии наук Молдовы, и Тельнову предложили занять его, но с условием специализации по славянской средневековой тематике. И вот уже почти 40 лет изучение славянских древностей является смыслом и делом всей жизни этого исследователя.

После первых исследований Г.Б. Федорова в 1950-60 гг. и И.А. Рафаловича в 1970-е гг., Николай Петрович сумел значительно продвинуть изучение славянских средневековых памятников в Молдове и то, что сегодня мы знаем о местных славянских древностях VI-IX веков, это, в основном, результаты деятельности Тельнова. Археологические исследования проводились им на комплексе памятников у села Ханска, на памятниках

Рудь XX, Гординешть, Корпач, Алчедар и многих других. Но, конечно же, базовым для его исследований стало поселение VI-X вв. Скок в районе Старого Орхея. Раскопки на поселении Скок проводились Тельновым в 1982-1988 гг. большой площадью (ок. 10 000 кв. м) и в их результате были выявлены сотни жилых, хозяйственных и производственных сооружений, в том числе несколько десятков сыродутных горнов-домниц. И в настоящее время поселение Скок остается одним из самых исследованных раннесредневековых памятников Молдовы и сопредельных территорий.

Результаты исследования поселения Скок стали основой диссертационной работы Н.П. Тельнова на тему «Восточнославянские древности Днестровско-Прутского междуречья VIII-X вв.», которую он в 1990 г. защитил в Ленинградском отделении института археологии АН СССР (ныне Институт истории материальной культуры РАН).

Если предшественник Тельнова И.А. Рафалович сосредоточился в основном на проблемах изучения древностей периода VI-VII вв., то в своей диссертации Николай Петрович впервые монографически исследовал материальную культуру Пруто-Днестровского междуречья VIII - начала X веков. Собственно, что такое культура Лука-Райковецкая в Пруто-Днестровье и ее различные основные аспекты, особенно домостроительство, производственные объекты, керамика, сегодня известно в основном благодаря разработкам Тельнова.

Исследователь выделил типы расселения носителей Лука-Райковецкой культуры — речной, различные виды мысового и водораздельный, разработал классификацию пруро-днестровских городищ на основе их плановой структуры укреплений и местоположения. Тельнов пришел к выводу, что местные славяне «обживали» только те мысовые городища, сооруженные еще в эпоху раннего железного века, которые по плановой структуре, местоположению, характеру укреплений и размерам походили на собственно славянские городища.

На основе изучения около 200 полуземлянок Николай Петрович разработал типологию жилых сооружений. Тельнов выявил преобладание в регионе земляночных жилищ не срубной (что характерно для основного ареала Лука-Райковецкой культуры), а каркасно-столбовой конструкции. Важное значение приобрела четкая классификация железоделательных сооружений в Пруто-Днестровском междуречье, в исследованиях которых до работ этого автора царил полнейшая путаница. Много внимания уделил Тельнов изучению керамических комплексов, в частности их типо-

логии, периодизации и хронологии. На основе керамической коллекции с поселения Скок Николай Петрович выявил непосредственный переход от форм сосудов пражско-корчакского типа к посуде типа Лука-Райковецкой и от нее к древнерусской уже гончарной керамике.

Значителен вклад Тельнова и в исследования более ранних славянских древностей. Он выделил относительно «чистые» пеньковские и корчакские древности и именно последние, по его мнению, были местной основой для развития в регионе культуры Лука-Райковецкой.

При огромном внимании к славянской проблематике Тельнов никогда на ней не замыкался. Наоборот, его всегда отличала широта научных интересов. Он раскапывал курганы в Буджакской степи и Нижнем Поднестровье, участвовал в исследованиях золотоордынского города у с. Костешты, молдавских городских средневековых поселений в Старом Орхее и у с. Тарасово, раскопал грунтовое погребение гординештского типа в зоне трипольского Гординештского поселения. Тельнов впервые на территории Молдовы открыл памятники культуры Поянешты-Вырешешты конца II - III в. н. э., которые связываются со свободными даками. В частности под его руководством было проведено исследование уникального гончарного центра этой культуры у с. Прутену.

С 2003 года научная биография Тельнова существенно дополнилась исследованиями и на территории Приднестровья в связи с тем, что он параллельно со своей деятельностью в Академии наук Молдовы занял должность заведующего научно-исследовательской лабораторией «Археология» Приднестровского государственного университета. Особой заслугой Николая Петровича была инициированная им и проведенная работа по ревизии всех археологических памятников на территории Приднестровья. Под его руководством были изучены все доступные для исследования курганы скифского могильника III-II вв. до

н. э. у с. Глиное Слободзейского района, проводилось исследование и такого важного в научном отношении многослойного памятника, как поселение у с. Чобручи.

К слову сказать, за плечами юбиляра участие в работе более 70 археологических экспедиций в Молдове, России, Украине, Румынии и руководство более 40 из них. Результаты полевых изысканий и аналитических исследований стали основой более 200 опубликованных работ Николая Петровича. Среди них монографии «Курганы Буджакской степи» (1989 г.), «Алчедарское древнерусское поселение» (1997 г.), «История Республики Молдова» (1997 г.), «Восточно-славянские древности Днестровско-Прутского междуречья» (2001 г.), «И... разошлись славяне по земле» (2002 г.), «Кочевнические древности Нижнего Поднестровья (по материалам раскопок кургана у г. Слободзея)» (2008 г.), «Pruteni un centru de olarie dacică din epoca romană» (2007 г.), «Курганы у села Буторы» (2013 г.), «Дубоссарские курганы» (2014 г.), «Скифский могильник III-II вв. до н. э. у с. Глиное» (2016 г.), «Археологическое наследие Приднестровья» (2016 г.) и другие. Николай Петрович – авторитетный член редколлегий многих научных периодических изданий – «Stratum plus», «Revista arheologica», «Русин», «Ежегодный исторический альманах Приднестровья», состоит во многих Учёных и специализированных советах различных научных учреждений. Говоря о юбиляре, нельзя не сказать, какой Н.П. Тельнов начальник. Николай Петрович неоднократно «проверялся» властью. Когда в 1999 г. он возглавил Отдел античной и средневековой ар-

хеологии Института Археологии Академии наук Молдовы, то взял на себя большую ответственность за дружный творческий коллектив, который ему оставил прежний начальник и его близкий друг Павел Петрович Бырня. Николай Петрович сохранил и сплотил отдел, всегда поддерживал в нем дух взаимопомощи и уважения, сумел выявить и помочь развить в коллегах и учениках их лучшие качества.

Тельнов как Учитель это, пожалуй, не менее важная вещь, чем собственно его научная деятельность. Николай Петрович щедро делится своими знаниями, опытом с другими. Пишу об этом с полным основанием, так как и сам прошел под его руководством замечательную школу совместной работы на поселении Скок и на других памятниках. Тельнов всегда окружен молодыми коллегами, учениками. Под его руководством молодыми учеными ведется подготовка диссертационных исследований. Уже несколько его учеников успешно защитили диссертации в Москве, Петербурге, Яссах и Кишиневе.

В личной жизни Тельнов известен как глава прекрасной очень дружной семьи. Он породнился с Молдовой, обзаведясь здесь преданной женой и любящими детьми и внуками. Николай Петрович относится к тому типу людей, которых искренно называют надежными товарищами. Никто не может назвать случая, когда Тельнов не пришел бы на помощь. Даже если для него это сопряжено с личными трудностями. С ним можно пойти в разведку и далеко не только в археологическую, потому что он самоотверженно предан людям и науке, потому что он – Человек Добра, Достоинства и Чести.

В аннотации сборника статей, изданного в честь Тельнова, было сказано, что он «посвящен 70-летнему юбилею веселого и никогда не унывающего археолога, настырного и везучего ученого, очень светлого и доброго человека, а еще прекрасного товарища и верного друга всех хороших людей – Николая Петровича Тельнова».

Как это верно! Как верно и то, что многочисленные друзья, ученики, коллеги от всей души желают Николаю Петровичу Тельнову здоровья и много-много новых свершений на его научном творческом жизненном пути. С Юбилеем, Николай Петрович!

Роман Рабинович

IN MEMORIAM

Ilie Borzic, ctitor al cercetărilor paleolitice din spațiul carpato-nistean

Arheologia epocii paleolitice dintre Prut și Nistru trebuie să-i fie recunoscătoare lui Ilie Borzic: datorită perseverenței sale munci de teren au fost reorganizate „din mers” cercetările arheologice de teren și săpăturile sistematice, iar materialele paleolitice recoltate au rămas „acasă”. Din câte mi-a povestit colegul nostru, până prin 1968, aceste investigații, de certă valoare științifică, erau dirijate de specialiștii moscoviți și leningrădeni, iar materialele litice paleolitice luau drumul celor două mari centre de cercetare paleolitică.

Primul mentor i-a fost dr. Nicolae Chetraru, între 1968 și 1972, trecut și el la cele veșnice. În acel an, cunoscând valențele intelectuale și de viitor mare arheolog preistorician, N. Chetraru a făcut posibilă încadrarea tânărului absolvent la Sectorul de Arheologie al Institutului de Istorie al Academiei de Științe a RSSM. Trebuie să precizăm și faptul că în timpul studenției a lucrat în cadrul unor mari expediții paleolitice, în colaborare cu specialiști de marcă: N. Anisiutkin, G. Grigorieva, N. Anikovics, sub îndrumarea lui P. Boriskovski, cel mai mare specialist paleolitician pe care l-a avut URSS. Sub îndrumarea aceluiși Boriskovski, *patriarhul cercetărilor paleolitice din URSS*, cum l-am numit în 1982, Ilie Borzic a făcut studiile doctorale la Sankt Petersburg și și-a susținut Teza de doctorat în 1978, cu tema *Paleoliticul superior din nord-vestul Republicii Moldova*.

În cursul prestigioasei sale cariere arheologice, Ilie Borzic a descoperit peste 200 de stațiuni paleolitice între Prut și Nistru (printre care le putem aminti pe acelea de la Buzdugeni I și II, Trinca III, Trinca-Izvorul lui Luca, Cosăuți, Ciuntu, Sărături, Podgori, Corpaci, Corpaci-Mîs, Climăuți, Gordinești etc.), iar rezultatele acestor descoperiri științifice le-a valorificat prin numeroase studii, tipărite în prestigioase volume colective de specialitate, dar și în volumele pe care am avut cinstea să le coordonăm și să le tipărim, în limba franceză, în Seria academică *Bibliotheca Archaeologica Iassiensis*: Vasile Chirica, Ilie Borzic, Nicolae Chetraru, *Gisements du Paléolithique supérieur ancien entre le Dniestr et la Tissa*, BAI, V, Iași, 1996, 335 p.; Vasile Chirica, Ilie Borzic, *Gisements du Paléolithique inférieur et moyen entre le Dniestr et la Tissa*, BAI, XIV, Iași, 2005, 385 p.; Vasile Chirica, Ilie

Borzic, *Gisements du Paléolithique supérieur récent entre le Dniestr et la Tissa*, BAI, XXII, Ed. PIM, Iași, 2009, 323 p., dar am realizat și tipărit în colaborare și alte volume: Ilie Borzic, Vasile Chirica, Anatol David, *L'Aurignacien moyen et tardif de l'espace carpatique-dniestréen. Le Gisement Climauti II*, BAI, XIX, Ed. PIM, Iași, 2007, 225 p.; Ilie Borzic, Vasile Chirica, Mădălin Văleanu, *Culture et sociétés pendant le Paléolithique supérieur de la zone carpato-dniestréenne*, BAM, VI, Ed. PIM, Iași, 2006, 442 p., precum și un număr apreciabil de studii de autor, în volume din România și din mai multe țări europene, cu ocazia unor congrese internaționale de științe preistorice și protoistorice, pe care nu le mai enumerăm aici. Dorim doar să precizăm că această bogată activitate științifică a fost apreciată de Comitetul Executiv al UISPP, dr. Ilie Borzic fiind acceptat ca membru în Comisia 8 a UISPP (Paleoliticul superior în spațiul euroasiatic), și în Comitetul Executiv al UISPP.

Este de apreciat faptul că în 2008, în Colecția *Universitaria*, Fascicula XXXII, s-a publicat volumul dedicat colegului și prietenului nostru, la aniversarea vârstei de 60 de ani: *Ilie Borzic, Biobibliografie la 60 de ani*, prin care s-au adus cuvenitele elogii unei munci de o viață, consacrate cercetării Paleoliticului dintre Prut și Nistru.

Prin neobosita sa activitate de teren, putem aprecia că cercetarea Paleoliticului din spațiul geografic pruto-nistrean nu mai constituie o *pată albă* pe harta arheologică a Europei, iar când reputați specialiști europeni și din SUA au venit la Chișinău, Ilie Borzic i-a primit cu căldura specifică bunului român, i-a condus la Cosăuți și la Molodova (pe Nistru), la Costești și Brînzeni, pe Prut, sau la alte stațiuni descoperite și cercetate personal prin săpături sistematice.

În cadrul unor mari proiecte internaționale, noi am avut cinstea de a fi invitați la cercetările pluridisciplinare de la Cosăuți și Molodova, noi doi fiind primii români care, după 75 de ani de la primele investigații ale lui N.N. Moroșan, am reinițiat cercetările pluridisciplinare de la Molodova, în cadrul unei echipe cu specialiști din Republica Moldova, România, Belgia, Ucraina, Franța. Prin participarea noastră la cercetările interdisciplinare de la Cosăuți și Molodova, și ale sale, la Mitoc, am reușit să demonstrăm existența unor pendulări și continuități de locuire ale comunităților umane care și-au instalat campamentele la Molodova, Mitoc și Cosăuți, în timpul Paleoliticului superior.

În cadrul multiplelor colaborări bilaterale sau internaționale pe care le-am avut cu vrednicul nostru coleg și prieten am avut ocazia să apreciem și deplina sa onestitate, fie față de colegii de specialitate, fie față de studenți, cărora le-a oferit, cu generozitate, posibilitatea colaborării, în Republica Moldova sau în România. În sensul acestei depline onestități, Ilie Borzic a pus la dispoziția colegilor din Belgia materialele și întreaga documentație științifică din stațiunile pe care le-a cercetat prin săpături sistematice (Cosăuți, Costești), dar și din alte stațiuni, pe care Pierre Noiret le-a valorificat pe deplin în teza sa de doctorat [Noiret 2005; 2009].

Ilie Borzic era permanent o fire optimistă, binevoitor față de colegi și prieteni, indiferent de vârsta acestora, dar mai ales față de cei mai tineri, fiind observator al vieții cotidiene din țara sa sau din alte țări, dar nu l-am văzut să treacă cu vederea incompetențele pe care le întâlnea destul de des și le trata cu mult umor; era chibzuit, chiar pedant în ceea ce privea organizarea șantierelor arheologice și înregistrarea materialelor descoperite, uneori dădea dovadă de un umor contagios, mai ales atunci când povestea episoade din copilărie, găsea mereu câte o glumă bună, fără răutate, la adresa unor colegi, prin afirmațiile sale dovedindu-se un adevărat filosof.

Considerăm că este necesar să precizăm contribuțiile lui Ilie Borzic la cercetarea Paleoliticului dintre Prut și Nistru, ca și valorificarea acestor cercetări. O primă sinteză a descoperirilor paleolitice efectuate de dr. Ilie Borzic a fost tipărită în România, în publicația academică *Thraco-Dacica* [Borzic 1994]. Autorul a realizat o interesantă prezentare a descoperirilor paleolitice din spațiul geografic precizat, pe care le-a analizat în contextul celor de pe teritoriul României și din spațiul geografic european.

Cele mai importante contribuții la cunoașterea descoperirilor paleolitice, în contextul celor de pe spații mai largi, europene, le-a adus dr. Ilie Borzic în cele trei volume de sinteză, de care vorbeam mai sus. Astfel, în lucrarea cu privire la Paleoliticul superior vechi dintre Nistru și Tisa, colegul nostru a prezentat stațiunile și nivelele de locuire aparținând Paleoliticului superior vechi (Aurignacian) dintre Nistru și Prut: Gordinești, Brînzeni, Corpaci, Corpaci-Mis, Bobulești VI, Ciutulești, Climăuți și Scoc [Chirica, Borzic, Chetaru 1996], cu o foarte interesantă evaluare cronologică și culturală a monumentelor și tehnocomplexelor litice din stațiunile și nivelele de locuire luate în evidență. Este pentru prima dată când, în literatura de specialitate din spațiul geografic precizat, s-a introdus sintagma *Paleolitic superior vechi*, deoarece noi am observat că nu întotdeauna tehnocomplexele aparținând Paleoliticului superior îndeplinesc trăsăturile tehnologice și tipologice de factură aurignaciană, în sensul european al termenului. În literatura noastră de profil se aprecia că orice nivel de locuire aflat între Musterian și Gravettian, trebuie să fie considerat aurignacian, chiar dacă lipseau elementele tipologice aurignaciene: gratoarele și burinele crenate, gratoarele de tip à museau etc. Foarte atent tipolog, foarte bun cunoscător al tehnologiei litice din Paleoliticul carpato-nistrean, Ilie Borzic a oferit specialiștilor europeni detaliile cu privire la caracteristicile tehnico-tipologice ale tehnocomplexelor litice din spațiul geografic dintre Prut și Nistru. În acest prim volum de sinteză, specialiștii

căroră le-am trimis volumul au putut găsi mici tabele cuprinzând tipurile de materii prime folosite la cioplirea uneltelor, grupele de suporturi, pe categorii și cantități, grupele de unelte tipice pe aceleași principii, la toate stațiunile luate în considerație [Chirica, Borziac, Chetru 1996, 6-77]. Trebuie să precizăm faptul că datele folosite de colegul nostru, înscrise în volum, sunt superioare celor inserate de noi, pentru că Ilie Borziac știa mult mai multe despre Paleoliticul superior din spațiul de referință, decât știam noi, iar valorificarea acestor informații era obligatorie, pentru ca și specialiștii europeni să aibă acces deplin la aceste informații. Mai adăugăm faptul că, atunci când l-am invitat la săpăturile de la Mitoc, Ilie Borziac a venit cu întreaga documentație de la Cosăuți, iar acribia cu care el a inserat pe planșe de mari dimensiuni absolut toate descoperirile din această mare stațiune pluristratificată, i-a impresionat pe colegii noștri de la Liège, care au decis pe loc asupra faptului că, alături de stațiunea noastră (Mitoc-*Malu Galben*), cea de la Cosăuți trebuie luată în considerație, în vederea unor studii speciale. Din nefericire, aceștia nu au avut disponibilitatea de a valorifica descoperirile de la Cosăuți în maniera celor de la Mitoc, astfel că descoperirile de pe Nistru au rămas încă nevalorificate într-un volum de referință. De asemenea, nici noi nu ne-am asumat responsabilitatea redactării *Monogrofiei Cosăuți* și publicării acesteia; dar încă nu este prea târziu.

Revenind la contribuția, uneori esențială, a cercetării și valorificării Paleoliticului dintre Tisa și Nistru, trebuie să recunoaștem că, în colaborare cu Ilie Borziac, noi am reușit să elaborăm o schemă a evoluției Paleoliticului superior vechi dintre Nistru și Prut, unde contribuția sa a fost esențială, iar cunoștințele sale, determinante, privind comunitățile umane dintre Nistru și Prut. Dr. Ilie Borziac s-a bazat pe componentele tehnico-tipologice ale celor 8 stațiuni, cele mai reprezentative: Gordinești, Brînzeni, Corpaci, Corpaci-*Mîs*, Bobulești VI, Ciutulești, Climăuți și Scoc, ale Paleoliticului superior vechi, căci noi am introdus aceasta sintagmă, înlocuind termenul Aurignacian, deoarece

și între Prut și Nistru sunt tehnocomplexe care nu au piesele-fosile directe aurignaciene: gratoare și burine carenate, gratoare à museau, vârfuri de lance de tip Mladeč, dar pe care paleoliticienii care au lucrat înainte de Ilie Borziac le-au numit „aurignaciene”. Prin analiza atentă a tehnocomplexelor litice, Ilie Borziac a apreciat faptul că substratul musterian este reprezentat de vârfuri musteriene și Levallois, piese denticulate și racloare de diferite tipuri, iar tipul de cioplire este specific musterian. Ilie Borziac a introdus și un paragraf cu privire la ceea ce el a numit substratul szeletian, reprezentat de forme bifaciale, „plus au moins caractéristiques pour cette culture” [Chirica, Borziac, Chetru 1996, 167]. Tot Ilie Borziac a dat o caracterizare specifică „grupului aurignacian”, reprezentat prin gratoare de formă înaltă (carenate, à museau), burine de unghi, masive (dièdre, poliedre), lame retușate abrupt. Cu această ocazie, Ilie Borziac a introdus, pentru prima dată, sintagma „Cultura Brînzeni” (Brînzeni, nivelul III), pe care noi am detaliat-o sub numele de „Cultura Ripiceni-Brînzeni” [Chirica 1999 164-167], pe baza similitudinilor pe care le-am putut identifica printre componentele tehnico-tipologice de la Ripiceni-Izvor, Mitoc-Valea Izvorului și Brînzeni I/3. Analiza lui Ilie Borziac s-a bazat pe faptul că cel mai reprezentativ grup de piese musteriene și szeletiene a fost identificat la Brînzeni I/3, dar a criticat inițiativa unor

colegi de la St. Petersburg de a susține existența unei „voie szeletienne” de dezvoltare tehnică și tipologică a complexului arheologic [Anikovitch 1991], precizând că nivelul inferior din grota Brânzeni reprezintă o simbioză a tradițiilor musteriene, szeletiene și aurignaciene, deci o reprezentare culturală tipică perioadei de trecere de la Musterian la Paleoliticul superior în zona geografică luată în considerație. Prin analiza și luarea în considerație a tehnocomplexelor litice din stațiunile Paleoliticului superior din spațiul geografic amintit, împreună cu Ilie Borziac, noi am emis ideea existenței unor „căi” de evoluție a comunităților umane aurignaciene, cu posibile elemente alogene în componentele lor tehnico-tipologice, de fapt o etapizare a evoluției acestor comunități și a creației lor materiale, pornind de la Brânzeni I/3 (cu posibila contribuție a Musterianului final de la Ripiceni-*Izvor*, dar și a primului nivel de locuire de la Mitoc-*Malu Galben*), continuând cu elementele tehnico-tipologice de la Corpaci-*Mîs* și finalizând această posibilă evoluție cu cele două nivele de locuire de la Climăuți II.

Referitor la descoperirile din stațiunile musteriene dintre Carpați și Nistru, Ilie Borziac a propus o catalogare a acestora pe mai multe etape de evoluție tehnico-tipologică: **a.** Musterianul-Levalloisian, de tip Molodova I și V (nivelele inferioare), Cormani IV, Chetrosu, Ripiceni-*Izvor*, Cheia-Dobrogea; **b.** micro-musterianul cu denticulate și bifaciale, de tip Stâncă I, Șipot, Buzdugeni; **c.** varianta musteriană Duruitoarea-*Mersîna*; **d.** Musterianul de tip Levalloisian, cu bifaciale, din zona Prutului Mijlociu – nivelele musteriene de la Ripiceni-*Izvor* [Chirica, Borziac, Chetaru 1996, 183-186]. Dar aceste elemente tehnologice și tipologice au fost detaliate de Ilie Borziac, cu colaborarea noastră, în cadrul celui de al doilea volum, cu privire la Paleoliticul inferior și mijlociu dintre Tisa și Nistru [Chirica, Borziac 2005]. Ne referim la stațiunile Duruitoarea Veche, Grota Ofatinți, Mersâna, Bobulești V, Grota Butești, Chetrosu, Molodova I, Molodova V, Cormani IV, Iarova, Grota Buzdugeni, Grota Trinca I, Grota Trinca II, Grota Trinca III, Volodeni, înregistrate pe criteriile cronologice (Paleoliticul inferior, apoi Paleoliticul mijlociu) și geografice (între Nistru și Prut, în zona Nistrului, în zona Prutului Mijlociu), pe care colegul nostru le-a prezentat cu aceeași acribie, cu intenția de a prezenta colegilor europeni, interesați, descoperirile paleolitice dintr-un spațiu geografic aproape necunoscut.

Un alt volum realizat și publicat în colaborare cu distinsul nostru coleg de la Chișinău tratează stațiunile paleolitice încadrate în Paleoliticul superior recent dintre Nistru și Tisa: Molodova V, nivelul 10; Molodova V, nivelul 9; Molodova V, nivelul 8; Ciutulești I; Babin I, nivelul inferior; Voronovița I; Rașcov VII; Cosăuți I; Costești I [Chirica, Borziac 2009]. Pentru

cei care nu au acces la volumul publicat de noi, considerăm necesare unele precizări:

1. Dr. Ilie Borziac a considerat că fiecare dintre cele trei nivele de locuire, de la Molodova V cu tehnocomplexele specifice, poate fi apreciat ca o adevărată stațiune, prin bogăția inventarului litic, prin numeroasele categorii de materiale arheologice descoperite, datările de cronologie absolută, luând în considerare inclusiv absența locuirilor aparținând Paleoliticului superior vechi, alte elemente specifice fiecărui nivel de locuire (10, 9, 8).

2. La Ciutulești I au fost mai multe tentative de încadrare culturală: echivalent cu Molodova V, nivelul 7, apoi a fost atribuită Gravettianului inferior sau chiar Paleoliticului superior vechi, chiar dacă a fost sincronizată cu Molodova V, nivelele 10 și 9 [Borziac 1994; Chirica, Borziac, Chetaru 1996; Borziac, Chetaru 1995; Borziac, Chirica, Văleanu 2006]. Stațiunea este importantă și pentru faptul că se constituia ca prima stațiune stratificată cu nivel cert de locuire, din bazinul Răutului. În final, tehnocomplexele litice de aici au fost încadrate în Gravettianul inferior de tip Molodova-Mitoc [Chirica, Borziac 2009, 34].

3. Nivelul inferior de la Babin I a fost atribuit, mai întâi Aurignacianului, inclusiv cu influențe solu-treene, M. Otte fiind printre primii care au considerat că tehnocomplexul litic de aici are trăsături de tip Gravettien oriental, dar au fost și tentative de încadrare a acestui nivel în ceea ce s-a numit „momentul Babin” în taxonomia Paleoliticului superior vechi de pe valea Nistrului. În final, pe baza prezenței vârfurilor de tip à cran, I. Borziac a constatat că descoperirile de aici pot fi atribuite unor industrii gravettiene, specifice (cu vârfuri à cran), datate estimată la aproximativ 27000 ani B.P. [Boriskovski 1953, 74; Otte 1981; Chirica, Borziac 2009, 37].

4. Rașcov VII este o stațiune intens cercetată de specialiștii din Republica Moldova și nu numai, considerându-se că industria de tip Rașcov VII reprezintă o variantă locală a unor comunități umane pe teritorii vaste, formată la est de Carpați, ca urmare a interferențelor de diverse tipuri, între comunitățile cu tehnocomplexe aurignacian și gravettian [Chirica, Borziac 2009, 47; Haesaerts et al. 2003; Haesaerts et al. 2004; Otte et al. 1996; Otte et al. 1996, 45-80; Otte et al. 1999; etc.].

5. Stațiunea Cosăuți I a fost descoperită în 1978, de Ilie Borziac, care a și primit conducerea cercetărilor arheologice, în cadrul Expediției Paleolitice Nistrene a Academiei de Științe a Moldovei, în asociere cu Serghei Covalenko și N. Chetaru, iar între anii 1994-1998 - în colaborare cu colegii belgieni, echipă coordonată de M. Otte și P. Haesaerts, la care a participat și V. Chirica [Chirica, Borziac 2009, 48].

6. Un capitol de esență a fost realizat cu privire la descoperirile de la Cosăuți, în contextul celor din întregul spațiu carpato-nistrean: **a.** nomenclatorul pieselor tipice este relativ redus la 4 tipuri principale: burine, cele pe trunchiere retușată fiind preponderente; **b.** gratoarele simple, pe lame sau pe așchii plate, dar fără retușe pe laturile lungi; **c.** lamele și lamelele cu retușe abrupte se întâlnesc sub forma mai multor variante, dar sunt diferite de acelea de la Molodova V, nivelul 7, sau de la Costești I; **d.** printre lamele și lamelele retușate abrupt se găsesc unele modificări mai des întâlnite sub aspect tipologic: vârfuri de tip La Gravette alungite, vârfurile de tip "Cosăuți" (nerecunoscute de specialiștii occidentali – dacă aceștia au citit lucrarea noastră - lame și lamele cu vârful retușat transversal, drept sau oblic; **e.** buri-nele au o mare răspândire în toate stațiunile luate în considerație, în proporție dominantă, de peste 70 %; **f.** piesele realizate din materii dure animale sunt reprezentate prin vârfuri de lance fusiforme, rotunde și ușor aplatizate, cu vârful plat, rotund sau triunghiular (Cosăuți), cu caneluri longitudinale, ascuțite, pentru cusut (Cosăuți, Duruitoarea Veche, nivelul superior), mânere pentru prinderea uneltelor din silex (Molodova V, Podgori I), "bastoane perforate" (Molodova V, Cotu Miculinți, Cosăuți), ciocane-târâncop din corn de ren, străpungătoare, cuțite pentru curățarea pieilor de animale vâdate [Borziac, Chirica, Văleanu 2006], la care se adaugă piesele din marnă [Borziac, Chirica 1999] etc.

Obiectele de podoabă sunt reprezentate prin perle-pandantive (deci pentru suspendat), cum ar fi acelea de la Mitoc-Malu Galben, Duruitoarea Veche, Cosăuți, brățări din ivoriu de mamut (Cosăuți), vârfuri ornamentate (Cosăuți), pandantive din os, ivoriu, marnă (Mitoc, Cosăuți, Molodova), figurine feminine antropomorfe (Cosăuți, Molodova), figurine zoomorfe (Cosăuți) [Borziac, Otte, Noiret 1998; Borziac 2005]. etc. Au fost descoperite și posibile resturi de locuințe special amenajate (Molodova V, Cosăuți, Mitoc, Cotu Miculinți, Lespezi (?), de formă ovală sau circulară, cu

amenajări de structuri de combustie în interior [Chirica, Borziac 2009, 46-49].

Volumul realizat tot în colaborare cu distinsul nostru coleg - I. Borziac, V. Chirica, A. David, *L'Aurignacien moyen et tardif de l'espace carpatique-dniestréen. Le Gisement Climăuți II*, BAI, XIX, Ed. PIM, Iași, 2007 - introduce, pentru prima dată în literatura noastră de specialitate, noțiunea de *locuință din oase și pământ*, pentru a exemplifica existența unei locuințe special amenajate, dar cu elemente constitutive proprii, unice în spațiul geografic european. Tot primul autor al volumului a introdus și un capitol special, consacrat materiilor prime, locale și din zone geografice apropiate (silex de Prut, de Nistru) sau mai îndepărtate (de pe Siret, din Dobrogea), cu exemplificări ale categoriilor de silex, utilizate de comunitățile umane în cioplirea și retușarea uneltelor. Tot Ilie Borziac a exemplificat prezența unor tipuri de materie primă, din Volynia sau din alte zone geografice, utilizate de comunitățile umane din stațiunile Paleoliticului superior din spațiul pruto-nistrean.

Un volum de mare valoare științifică, al cărui prim autor este dr. Ilie Borziac, se referă la întregul Paleolitic superior din spațiul carpato-nistrean [Borziac, Chirica, Văleanu 2006]. Este o lucrare de mare anvergură, în care colegul nostru a demonstrat vastele sale cunoștințe cu privire la toate componentele științifice ale Paleoliticului superior dintr-un spațiu geografic larg, cu multiple conotații de cronologie relativă și absolută, de crono-geologie, pornind de la etapele Pleniglaciului inferior și până în Tardiglaciul, pe trei mari paliere: Pre-Aurignacianul, Aurignacianul și Gravettianul, cu un capitol special (3) referitor la Schema stratigrafică interregională și a tranziției (cap. 4) de la Musterian la formarea culturilor Paleoliticului Superior din Europa Centrală și până în spațiul carpato-nistrean. Aici, el a introdus noi elemente culturale: *cultura Brînzeni*, *cultura Prut* (Aurignacian mijlociu cu forme bifaciale), la finalul prezentării sale incluzând și *Episodul swiderian* în Epipaleoliticul spațiului carpato-nistrean.

Acestea sunt doar unele dintre volumele speciale, al cărui autor sau coautor a fost colegul și prietenul nostru, Ilie Borziac. Nu ne-am propus aici să realizăm o listă completă a tuturor studiilor sale, ci să evidențiem contribuțiile sale, fundamentale, la cercetarea, valorificarea și diseminarea principalelor rezultate ale cercetărilor sale, cu privire la Paleoliticul din întregul spațiu carpato-nistrean, în contextul celui european. Ilie Borziac a fost un spirit enciclopedic, iar lucrările sale au un caracter enciclopedic. De aceea, credem că se impune o analiză detaliată a descoperirilor sale de la Cosăuți și adunarea acestor informații științifice într-un volum special, dedicat valorosului om de știință, care a fost dr. Ilie Borziac.

Bibliografie

- Anikovitch 1991:** M.V. Anikovitch, Ranniaia pora verchnego paleolita Vostochnoi Evropy, Avtoref. Doktorskoj diss. (Sankt Petersburg 1991) // М.В. Аникович, Ранняя пора верхнего палеолита Восточной Европы. Автореф. докторской дисс. (Санкт-Петербург 1991).
- Boriskovski 1953:** P.I. Boriskovski, Paleolit Ukrainy. MIA 40, 1953, 5 - 403// П.И. Борисовски, Палеолит Украины. МИА, 40, 1953, 5 - 403.
- Borziac 1994:** I. Borziac, Paleoliticul și Mezoliticul în spațiul dintre Nistru și Prut. Thraco-Dacica XV 1-2, 19-40.
- Borziac 2005:** I. Borziac, Omul la etapa finală a paleoliticului în spațiul carpato-nistean. Revista de etnografie, Științe Naturale și Muzeologie 2, 2005, 153-157.
- Borziac, Chetradu 1995:** I. Borziac, N. Chetradu, Stațiunea din Paleoliticul superior de la Ciutulești, AM XVIII, 95-113.
- Borziac, Otte, Noiret 1998:** I. Borziac, M. Otte, P. Noiret, Piese de artă paleolitică și de podoabă din stațiunea paleolitică cu mai multe niveluri de locuire Cosăuți din zona Nistrului Mijlociu. RA 2, 1998, 5-28.
- Borziac 1996:** I. Borziac, Pièces de marne du Paléolithique supérieur de la Vallée de Dniestr. Préhistoire Européenne, 9 (Liège 1996), 393-404.
- Borziac, Chirica, Văleanu 2006:** I. Borziac, V. Chirica, M. Văleanu, Culture et sociétés pendant le Paléolithique supérieur de la zone carpato-dniestréenne (Iași 2006), 442 p.
- Borziac, Chirica, David 2007:** I. Borziac, V. Chirica, A. David, L'Aurignacien moyen et tardif de l'espace carpatique-dniestréen. Le Gisement Climauti II. Bibliotheca Archaeologica Iassensis, XIX (Iași 2007), 225 p.
- Chirica 1998:** V. Chirica, Le Paléolithique supérieur sur le territoire de la Roumanie, in Préhistoire d'Anatolie. Genèse de deux mondes. In: Actes du coll. int. Liège, 1997, ERAUL, 1985, 255.
- Chirica 1999:** V. Chirica, Cultura Ripiceni-Brânzeni. Stratum Plus 1, 1999, 164-167.
- Chirica, Borziac 2005:** V. Chirica, I. Borziac, Gisements du Paléolithique inférieur et moyen entre le Dniestr et la Tissa, BAI XIV (Iași 2005), 385 p.
- Chirica, Borziac 2009:** V. Chirica, I. Borziac, Gisements du Paléolithique supérieur récent entre le Dniestr et la Tissa. BAI, XXII (Iași 2009), 323 p.
- Chirica, Borziac, Chetradu 1996:** V. Chirica, I. Borziac, N. Chetradu, Gisements du Paléolithique supérieur ancien entre le Dniestr et la Tissa, BAI V (Iași 1996), 335 p.
- Haesaerts et al. 2003:** P. Haesaerts, I. Borziac, V. Chirica, Fr. Damblon, L. Koulakovska, J. van der Plicht, The East Capathians Loess Record: A reference for the Middle and Late Pleniglacial Stratigraphy in Central Europe, in Quaternaire. Revue de l'Association Française pour l'Etude du Quaternaire, 14, 3, (Paris 2003), 163-188.
- Haesaerts et al. 2004:** P. Haesaerts, I. Borziac, V. Chirica, Fr. Damblon, L. Koulakovska, Cadre stratigraphique et chronologique du Gravettien en Europe Centrale. In: (eds. J.A. Svoboda, L. Sedlackova). The Gravetti analog the Danube. Proceedings of the Mikulov Conference, Nov. 2002. The Dolni Vestonice Studies (Brno 2004), 33-56.
- Noiret 2009:** P. Noiret, Le Paléolithique supérieur de Moldavie. ERAUL, 121 (Liège 2009).
- Otte 1981:** M. Otte, Le Gravettien en Europe Centrale. Dissertationes Archaeologicae Gandenses, vol. I-II (Bruges 1981).
- Otte et al. 1996:** M. Otte, P. Noiret, V. Chirica, I. Borziac, Rythme évolutif du Gravettien Oriental. In: XIII-ème Congrès UISPP, Forli, vol. VI, 1996, 213-226.
- Otte et al. 1996:** M. Otte, P. Noiret, I. Lopez-Bayon, I. Borziac, V. Chirica, Recherches sur le Paléolithique supérieur de la Moldavie. In: Archéologie et Préhistoire, Bull. Soc. Royale Anthropologie et Préhistoire, 107 (Bruxelles 1996), 45-80.
- Otte 1999:** M. Otte, P. Noiret, I. Lopez-Bayon, I. Borziac, V. Chirica, Région-clef de la Préhistoire orientale. La Moldavie. In: Archeologia, 353, 1999, 58-66.

Vasile Chirica,
Elena-Cristina Cordoș,
Valentin-Codrin Chirica

Александр Панкратьевич Черныш – выдающийся исследователь палеолита

К столетию со дня рождения

Значительные успехи в изучении древнейшей истории Поднестровья во многом связаны с активной деятельностью А.П. Черныша, который на протяжении почти полувека проводил раскопки, получившие широкую известность многослойных палеолитических стоянок Молодова I и V, Кормань IV, Бабин I и Вороновица I. Комплексные исследования этих памятников, совместно с геологами, палинологами и археозоологами, обеспечили всестороннее и предельно полное восстановление условий жизни первобытного человека на берегах Днестра в последний ледниковый период. Тысячи каменных изделий с палеолитических памятников Поднестровья, собранные А.П. Чернышом, позволили ему реконструировать производственную и хозяйственную жизнь обитателей стоянок, а многочисленные обломки костей животных - воссоздать животный мир прошлого.

Биография А.П. Черныша остается во многом не полной. Известно, что он родился 25 декабря 1918 г. в украинском селе Холмы на Черниговщине, в семье учителей. Его юность пришлось на полуголодные годы первых советских пятилеток и коллективизации. Однако это не повлияло на хорошую учебу в школе, что позволило ему успешно поступить на исторический факультет Киевского университета в 1936 году. В студенческие годы он почти сразу же увлекся археологией, участвовал в раскопках трипольских поселений в окрестностях Киева и был приглашен, будучи еще студентом, на работу в отдел первобытной истории Центрального исторического музея.

В июле 1941 г. он был мобилизован и попал на Юго-Западный фронт старшим телеграфистом 822-го артполка гаубичной батареи. Затем было окружение и плен, после чего он снова воевал, как поговаривали, в штрафбате, куда отправляли почти всех побывавших в плену. Ему удалось чудом выжить и не получить больших ранений. В конце 1945 г. он был демобилизован и приступает к работе в Институте археологии АН УССР, а в следующем году проводит раскопки на верхнепалеолитической стоянке Владимирова на Южном Буге. В это же время он принимает участие в работе Молдавской археологической экспедиции и отве-

чает за исследования выхватинского отряда. В 1947 г. Черныш проводит уже самостоятельные разведки на Днестре и подготавливает кандидатскую диссертацию на тему «Владимировская палеолитическая стоянка». Особую роль в становлении молодого ученого сыграла Т.С.Пасек, проводившая ежегодные раскопки на Днестре, в экспедиции которой он познакомился со своей первой женой Екатериной, в будущем известным археологом - триполеведом.

Большую помощь А.П. Чернышу в поиске ранее открытых И. Ботезом, Ч. Амброжевичем и Н. Морошаном днестровских памятников оказали местные краеведы, указав местоположение молодых стоянок. С 1949 г. А.П. Черныш приступает к стационарным исследованиям своего первого палеолитического памятника на Днестре - Бабина I. В следующем году, с созданием Института общественных наук АН УССР, он переезжает на постоянное место жительства во Львов, после чего получает возможность ежегодно проводить широкомасштабные раскопки многослойной стоянки Молодова V. В 1953-1958 гг. были вскрыты 12 культурных слоев на площади до 750 кв. м. Именно на этом памятнике была

изучена наиболее полная стратиграфическая колонка позднеплейстоценовых отложений, включающих остатки стоянок среднего, верхнего и финального палеолита, охватывающих интервал времени в несколько десятков тысяч лет. Благодаря хорошей сохранности каменных, костяных и роговых находок, изобилию остатков фауны, залегающих вблизи очагов и кострищ, в составе жилых и хозяйственно-бытовых комплексов, удалось разобраться в сложной структуре этих древнейших поселений. Более того, выразительный набор изделий с вторичной обработкой обеспечил надежные основания для выделения молодовской археологической культуры граветтоидного облика, датируемой от 30 до 24 тыс. лет назад, и днестровской эпиграветтской культуры, широко распространившейся в Карпато-Днестровском регионе в позднеледниковье. Нельзя не упомянуть, что на стоянке Молодова V были обнаружены такие редкие находки, как «жезлы начальников» и флейта из рога северного оленя, гарпун из рога благородного оленя, статуэтка женщины из мергеля.

Другим уникальным палеолитическим памятником Поднестровья, исследованным А.П. Чернышом, заслуженно считается многослойная стоянка Молодова I. Наиболее ценными оказались результаты раскопок 1959 г. четвертого культурного слоя с богатым набором кремневых изделий, относимых к леваллуа-мустье, и остатками округлого жилого сооружения диаметром до 9 метров, оконтуренного по периметру выкладкой из крупных трубчатых костей, черепов, лопаток и бивней мамонта, и следами от 15 кострищ внутри него. Остатки этой постройки были обнаружены на глубине 14 метров, а их радиоуглеродный возраст составил около 44 тыс. лет. Принадлежность этого комплекса к наземному жилищу каркасного типа сомнений не вызывает, также как и связь его обитателей с неандертальцами. Это открытие достаточно быстро стало достоянием европейской науки, благодаря содействию геолога И.К. Ивановой, секретаря Комиссии по изучению четвертичного периода АН СССР, которая обеспечила оперативную публикацию полученных результатов в престижных европейских изданиях. Работы на Молодова I были продолжены до 1984 года, вплоть до затопления стоянки днестровским водохранилищем.

К концу 50-х годов Александром Панкратьевичем была подготовлена монография «Поздний палеолит Среднего Поднестровья» и успешно защищена докторская диссертация. В последующие годы с завидной регулярностью

выходят его книги по раннему и среднему палеолиту (1965), по палеолиту и мезолиту (1973) и отдельным палеолитическим памятникам – Молодова V (1961, 1987), Молодова I (1982), Кормань IV (1977). В ходе подготовки этих работ была установлена хронология и разработана периодизация древнекаменного века Поднестровья, основанная на идее стадиялизма. Кроме того, А.П. Черныш представил развернутую концепцию поэтапного культурно-исторического развития первобытного общества в нашем регионе на основе изучения многочисленных коллекций каменных и костяных артефактов, продолжая лучшие традиции французской школы палеолитоведения.

Большая работа была проведена А.П. Чернышом по выявлению и изучению эпилеолитических и мезолитических памятников Среднего Днестра и Реута, подробно изложенным в монографии «Стародавнее население Поднестровья в добу мезоліту», вышедшей в 1975 г. В этой работе была рассмотрена оригинальная схема последовательного развития микролитовидных индустрий от финальнопалеолитических комплексов вплоть до появления памятников бескерамического неолита. В основе этих разработок лежат многочисленные коллекции с местонахождений, открытых лично А.П. Чернышом на Днестре, таких как Кормань VII, Бабин III и VI, Оселивка I-III, Атаки VI, Подойма IV, Вермитка I-II, Белочи I-II, Сенатовка I, Рашков VI, Сокол I-II, так и вторично обследованных стоянок, обнаруженных В.И. Маркевичем на Реуте и его притоках, в частности, Гура-Каменка VI, Варваровка IX, Фрумушика. Последний из названных памятников, раскопанный в 1957 г., при участии Н.А. Кетрару, оказался особенно показательным своей неординарной микролитовидной индустрией, включающей как кукрекские, так и гребениковские типы кремневых изделий позднего мезолита.

Все это убеждает нас не только в высоком профессионализме А.П. Черныша как «каменщика», но и демонстрирует его огромные организаторские способности, характеризует его как успешного поисковика и «раскопщика», плодотворного ученого, издавшего массу книг и научных статей, прекрасного «переговорщика», сумевшего привлечь к комплексным исследованиям специалистов смежных научных дисциплин. Александр Панкратьевич щедро делился своими знаниями, в его экспедициях работали известные археологи-палеолитчики Н.А. Кетрару и А.С. Сытник, через фонды отдела археологии прошли В.П. Любин, Г.П. Григорьев, Н.Д. Праслов, Н.К. Анисюткин, И.Г. Шовкопляс, В.Н. Станко, Януш Козловский, И.А. Борзьяк, Д.Ю. Нужный.

Сергей Коваленко

Виктор Стефанович Бейлекчи – археолог, кандидат исторических наук

Виктор Стефанович Бейлекчи (15.10.1936-10.11.2017, уроженец пос. Тарутино Одесской области, Республика Украина). По женской линии потомок переселенцев из г. Твърдица, Болгария (Дилижовы, Забуновы, 1830 г.).

В 1953 г. окончил среднюю школу №34 г. Кишинева. В 1958 г. окончил исторический факультет Кишиневского государственного университета. С 1960 по 1991 гг. с небольшими перерывами работал археологом в Академии наук Молдовы. В 1974 г. окончил аспирантуру Института археологии АН СССР (Российская Федерация, г. Москва), степень кандидата исторических наук. В 1980-1984 гг. преподавал на историко-педагогическом факультете Кишиневского государственного педагогического университета. В 1991-1994 гг. работал в Одесском охранном археологическом центре (г. Одесса, Республика Украина). В 1994-2009 гг. возглавлял археологический отдел Государственного музея-заповедника «Ростовский Кремль» (РФ, Ярославская обл., г. Ростов).

Начиная с 1950 г. работал в экспедициях Института археологии АН СССР под руководством д.и.н. Г.Б. Федорова. В 1960-1970-е гг. впервые исследовал памятники и разработал тематику культуры Гумельница на территории Республики Молдова. В 1978 г. опубликовал монографию «Ранний энеолит Низовьев Прута и Дуная (Гумельницкие поселения Вулканешты II и Лопацика в южной части Молдавской ССР). Поселение Вулканешты-II относилось к периоду энеолита и датировалось IV-III тыс. до н.э. Поселение было открыто в 1961 году знаменитой советской исследовательницей культур энеолитической эпохи Причерноморья Татьяной Сергеевной Пассек, которая проводила раскопки на этом памятнике в 1961-1965 гг. В 1969 г. поселение Вулканешты-II продолжил молдавский археолог Виктор Стефанович Бейлекчи. В 1969 г. на поселении проводились археологические раскопки. В процессе раскопок было выявлено и исследовано пять наземных глинобитных жилищ, сохранившихся в виде платформ из обожженной глины, а также два углубленных жилища в виде землянок. Кроме того, раскопано множество хозяйственных ям, служивших в древности для хранения провизии. На поселении Вулканешты-

II им было прослежено два строительных горизонта, самый древний из которых был представлен именно этими 2 углубленными жилищами и окружавшими их хозяйственными ямами. Там же были выявлены наземные и углубленные очаги, служившие в древности для приготовления пищи и обогрева. Наиболее поздними на поселении являлись наземные глинобитные жилища. Памятники культуры Гумельница на территории Днестровско-Дунайского междуречья синхронны раннетрипольским поселениям периодов A и B-1, что в абсолютном летоисчислении относится к IV-началу III тыс. до н.э. На основании раскопок у Вулканешты и Лопацики В.С. Бейлекчи сделал вывод, что первоначальное заселение гумельницкими племенами Пруто-Днестровского междуречья началось с южной части региона. В 1981 году под его руководством был раскопан ряд археологических объектов на территории Верхне-Пугаченского массива у с. Балабанешты, Чимишень, Балцата, включая древние курганы, поселения и грунтовые могильники.

В 1985 году В.С. Бейлекчи руководил раскопками Буджакской Новостроечной археологической экспедицией в зоне строительства Тараклийского водохранилища в Чадыр-Лунгском и Тараклийском р-нах Молдовы. Под его руководством был исследован ряд курганов, различных культурно-исторических периодов, от позднего энеолита до скифо-сарматского времени. А также были проведены раскопки на поселении культуры Гумельница у г. Тараклия, где выявлен ряд жилых сооружений и захоронений.

В 1985 году под руководством В.С. Бейлекчи был раскопан энеолитический курган у с. Копчак Чадыр-Лунгского р-на Молдовы, со сложной и неоднозначной стратиграфией, где было исследовано 12 захоронений. Курган у с. Копчак был возведен и использовался в период раннего энеолита. Ряд основных захоронений датировался серединой IV тыс. до н.э. Материалы раскопок кургана № 3 у с. Копчак свидетельствовали о проникновении самых ранних кочевых племен степи в Пруто-Днестровское междуречье, а также фиксируются контакты с местными земледельческими культурами эпохи раннего энеолита.

В 1998 г. В.С. Бейлекчи опубликовал монографию («Фалары с. Твардица», Ростов Великий 1998 г.), посвященную скифскому походу Дария I. Основной базой для данной работы послужили фалары, бронзовые детали конской сбруи, украшенные серебром, найденные в окрестностях села Твардица.

В 1990 г. им было обследовано место находки фаларов, где было обнаружено грунтовое культовое захоронение с археологическим материалом III-II вв. до н.э. – позднескифского-раннесарматского времени, подтверждающее найденными в нем материалами датировку данных конских украшений. Здесь стоит привести такой

Фалары из Твардицы

эпизод. Когда возникли финансовые проблемы с раскопками у Твардицы, Виктор Стефанович заявил: „Я продам свой дом в Кишиневе и на эти деньги продолжу раскопки Твардицкого могильника!“. К счастью, вопрос с финансированием все же решился положительно. Находки из его раскопок у родного села можно и сейчас видеть в Твардицком краеведческом музее.

В.С. Бейлекчи были опубликованы более пятидесяти научных работ на темы археологии эпох энеолита и бронзы, раннего средневековья Молдовы, исследований в крепости Измаил, археологии Ростова Великого. В 1991-1994 гг. В.С. Бейлекчи, работая в составе Одесского областного Археологического центра, проводил спасательные археологические исследования на территории Измаильской крепости, где были исследованы жилые сооружения и захоронения периода позднего средневековья, связанные с ногайским населением Нижнего Подунавья. Им лично был проверен ряд проектов строящихся объектов народного хозяйства Одесской области Украины.

В 1994-2009 гг. В.С. Бейлекчи возглавлял археологический отдел Государственного музея-заповедника «Ростовский Кремль» (РФ, Ярославская обл., г. Ростов). В процессе исследований на территории Ростовского Кремля сделал ряд важных находок, связанных с данным историческим объектом. Выйдя на пенсию, В.С. Бейлекчи продолжал работать в качестве консультанта музея вплоть до самой кончины.

В повседневной жизни и в науке Виктора Стефановича отличала необыкновенная честность и прямолинейность в отношениях с родными, коллегами, а не в последнюю очередь к научным материалам, которые он лично обрабатывал и публиковал. Что касается семейных отношений, то он до самой ее кончины ухаживал за своей престарелой матерью, беспокоился о сыне Володе, стараясь поддержать его научную деятельность и семейную жизнь. Может даже чересчур прямолинейно. Беспокоился о внуках и их продвижении в жизни. Работая в Отделе Археологии АН РМ, он вникал в личные проблемы сотрудников, зачастую совершенно бескорыстно стремился им помочь, помогая дружеским советом. В его экспедициях утро начиналось со звонкого клича «Заавтрик! Не вижу ликующие толпы, бегущие к столу!». А о питании и содержании своих сотрудников беспокоился больше, чем о самом себе. Во время раскопок стремился все сделать сам. Его чаще можно было видеть с

лопатой в руках, чем с блокнотом и карандашом. Мечтал найти что-нибудь драгоценное, золотое, но жизнь распорядилась по своему. И вместо сенсационных находок получался кропотливый труд в описании и интерпретации исследуемых им археологических объектов, неважно будь то культура Гумельница, курганные захоронения или же

славянские древности раннего средневековья. На самом деле его повседневный труд был также необходим для Археологии и не менее значим для науки, чем любая сенсационная находка. Коллеги всегда будут помнить Виктора Стефановича и его неоценимый вклад в молдавскую археологию.

**Список основных работ, опубликованных
В.С. Бейлекчи**

- В.С. Бейлекчи**, Ранний энеолит низовьев Прута и Дуная (Кишинэу 1978), 153 с.
- В.С. Бейлекчи**, Фалары из с. Твардица (Ростов Великий 1998), 225 с.
- В.С. Бейлекчи**, Раскопки гумельницких поселений в Молдавии в 1968-1969 гг. АИМ в 1968-1969 гг., 1972, 29-48.
- В.С. Бейлекчи**, Раскопки гумельницкого поселения Вулканешты-II в 1970 г. АИМ в 1970-1971 гг., 1973, 34-52.
- В.С. Бейлекчи**, Исследования гумельницкого поселения у с. Кокора. АИМ в 1972 г., 1974, 51-67.
- В.С. Бейлекчи**, К вопросу о начале проникновения древнеямных племен в Днестровско-Прутское междуречье (в порядке дискуссии). АИМ в 1981 г., 1985, 23-41.
- В.С. Бейлекчи**, Курган у с. Рудь. АИМ в 1981 г., 1985, 152-168.
- В.С. Бейлекчи**, Раскопки славянского поселения Рудь в 1981-1982 гг., АИМ в 1982 г., 1986, 96-115.
- В.С. Бейлекчи**, Раскопки кургана у с. Копчак. АИМ в 1985 г., 1990, 34-49.
- В.С. Бейлекчи**, Раскопки кургана 3 у с. Мэркулешть. АИМ в 1986 г., 1992, 72-87.
- В.С. Бейлекчи**, Н.П. Тельнов, И.Г. Власенко, Раскопки славянского поселения Рудь-XX в 1980 г. АИМ в 1979-1980 г., 1983, 171-183.
- С.М. Агульников, **В.С. Бейлекчи**, Археологические исследования на Верхне-Пугаченском массиве. Молдавское Поднестровье в первобытную эпоху (Кишинэу 1987), 64-67.

Сергей Агульников